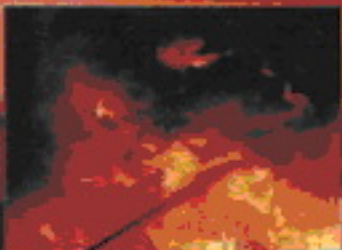

Ф. Сергеев

**ТАЙНЫЕ
ОПЕРАЦИИ
НАЦИСТСКОЙ
РАЗВЕДКИ**

**1933
1945**

Ф. М. Сергеев
Тайные операции нацистской разведки 1933-1945 гг.

«Тайные операции нацистской разведки 1933-1945 гг.»: Политиздат; Москва; 1991
ISBN 5—250—00797—X

Аннотация

Эта книга на базе обширного документального материала рассказывает о наиболее крупных подрывных операциях нацистской разведки в 1933-1945 гг., прежде всего против Советского Союза.

Рассчитана на широкий круг читателей

Ф. М. Сергеев
Тайные операции нацистской разведки 1933-1945 гг.

Посвящается светлой памяти М. И. Журавлева

**ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОДЛОГА:
«ДЕЛО» ТУХАЧЕВСКОГО**

«Дело военных», так назвала мировая печать судебный процесс над военачальниками Красной Армии, проходивший в Москве летом 1937 года, имело далеко идущие и трагические последствия. Развязанные Сталиным и его ближайшим окружением массовые репрессии в армии накануне второй мировой войны нанесли, как известно, огромный ущерб Вооруженным Силам, всей обороноспособности Советского государства.

В послевоенные годы на Западе появилось немало книг, статей, мемуаров, в том числе принадлежащих перу таких видных деятелей нацистской службы безопасности, как бывший руководитель внешнеполитической разведки Вальтер Шелленберг и Вильгельм Хеттль (он же Вальтер Хаген), в прошлом адъютант одного из нацистских главарей — Эрнста Кальтенбруннера. В этих публикациях с разной степенью детализации говорится о том, как

были сфабрикованы документы, призванные скомпрометировать представителей высшего советского военного командования¹. О «деле» Тухачевского упоминают в своих мемуарах бывший президент Чехословакии Эдуард Бенеш, а также Уинстон Черчилль. Серьезные исследования в этой области были предприняты известным западногерманским историком Иваном Пфаффом, выдвинувшим наиболее убедительную версию о том, как и кем было сфабриковано «дело» Тухачевского. Эта тема освещалась в последние годы в ряде публикаций и в нашей стране².

Сопоставление исследований историков, публикаций журналистов, признаний лиц, непосредственно причастных к этой операции, наконец, свидетельств немецких, чехословацких и советских дипломатов, относящихся к 1936 и 1937 годам, позволяет воссоздать примерно следующую картину, дающую представление о тайных нитях этого грандиозного политического подлога.

Фабрикация документов, призванных скомпрометировать группу видных военачальников Красной Армии, была одной из крупных антисоветских акций, подготовленных и осуществленных нацистской разведкой в 1936—1937 годах.

Комиссия Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х годов и начала 50-х годов, сообщила в 1989 году, что в архивах И. В. Сталина обнаружены документы, подтверждающие стремление германских разведывательных кругов довести до сведения Кремля дезинформацию по поводу Маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского. «Материалы зарубежных разведок, — говорится в сообщении Комиссии, — в значительной степени были рассчитаны на такие черты характера И. В. Сталина, как болезненная мнительность и крайняя подозрительность, и, по всей вероятности, в этом они свою роль сыграли»³.

ПОДОПЛЕКА ПРОВОКАЦИИ

В один из декабрьских дней 1936 года шеф службы безопасности (СД) Рейнгард Гейдрих был вызван к Гитлеру для доклада очередной разведывательной сводки по Советскому Союзу. В ответ на раздраженные упреки фюрера, что германская разведка работает все еще вяло, недостаточно способствует ускорению развития политических событий в мире к выгоде третьего рейха, Гейдрих (по некоторым данным, этот разговор происходил в присутствии Гесса, Бормана и Гимmlера) выдвинул идею «обезглавить Красную Армию», дискредитировав группу ее высших офицеров, и прежде всего маршала Тухачевского. Гитлер тотчас же ухватился за идею Гейдриха. В прошлом тот уже не раз оправдывал доверие фюрера и стал для него практически незаменимым в ситуациях, когда требовалось «провернуть» какое-либо грязное дело. В преддверии нападения на Советский Союз нанесение удара по высшему руководству Красной Армии, заключил разговор Гитлер, было бы как нельзя более кстати. Трагическая судьба маршала Тухачевского и его

¹ По свидетельству Шелленберга, публикация в предвоенные годы материалов, связанных с этим политическим подлогом, была крайне осложнена. «И в Советской России, и в национал-социалистской Германии, — пишет он, — прилагалось немало усилий, чтобы опутать „дело“ Тухачевского тайной». И далее продолжал: «Я пытаюсь, опираясь на прошедшие через мои руки документы и на новые события, очевидцем и участником которых я был сам, внести свой вклад в выяснение этого дела» // Schellenberg W. Memoiren. Verlag für Politik und Wirtschaft. Кцлн, 1956. S. 44.

² Назовем основные из них: материалы Комиссии Политбюро ЦК КПСС по делу «антисоветской троцкистской военной организации в Красной Армии» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4; Викторов Б. А. Без грифа «секретно». М., 1990; Щетинов Ю. А., Старков Б. А. Красный маршал. М., 1990; Иванов В. М. Маршал Тухачевский. М., 1990; Карпов В. В. Маршал Жуков, его сторонники и противники в годы войны и мира // Знамя. 1989. № 10.

³ Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 61.

товарищей по сфабрикованному судебному процессу остается одним из драматических эпизодов того времени, когда сталинская машина террора безжалостно перемалывала тысячи ни в чем не повинных советских людей.

То, что в качестве жертвы провокации был избран нацистами маршал М. Н. Тухачевский, не являлось случайным. В то время это был один из крупнейших советских военачальников и видных военных теоретиков. Еще по гражданской войне его знал и высоко ценил как талантливую и удачливую полководца В. И. Ленин. М. Н. Тухачевский и у нас и за рубежом был признан как выдающийся стратег, знаток оперативного искусства и тактики⁴. Как никто другой он видел слабые стороны и уязвимые места организации и системы вооружения германской армии. Знал он и ее высший командный состав.

Был и еще один аспект, побудивший правителей фашистской Германии прибегнуть к провокации именно против Тухачевского, и ему Гитлер придавал важное значение: советский маршал, к мнению которого прислушивались в Европе, быстро распознал цель тщательно скрывавшихся агрессивных приготовлений нацистской военной машины. М. Н. Тухачевский предупреждал, что для СССР враг номер один — это Германия, что она усиленно готовится к большой войне и конечно же в первую очередь против Советского Союза. Он внимательно следил за развитием теории военного дела на Западе, изучал состояние и вооружение армий вероятных противников, особенно Германии и Японии, соотносил, сравнивал с нашими вооруженными силами и промышленным потенциалом. В статье «Военные планы нынешней Германии», опубликованной 31 марта 1935 года в «Правде», М. Н. Тухачевский с присущей ему обстоятельностью раскрыл преступные намерения нацистских главарей и тот факт, что Германия ускоренными темпами создает гигантские вооруженные силы, в первую очередь те, которые могут составить мощную армию вторжения. Он предупреждал мировую общественность, что «империалистические замыслы Гитлера имеют не только антисоветскую направленность. Последняя служит также удобной ширмой для прикрытия реваншистских планов на западе (Бельгия, Франция) и на юге (Польша, Чехословакия, аншлюс Австрии)». Более того, еще за несколько лет до начала второй мировой войны М. Н. Тухачевский пытался внушить французам и англичанам, что гитлеровским планам вооруженной агрессии необходимо противопоставить коллективные превентивные действия, чтобы помешать зарождению очагов агрессии, иначе будет поздно. Естественно, нацистскую верхушку пугали такие призывы и, в частности, начавшееся тогда франко-советское сближение.

Наконец, было известно, что по инициативе М. Н. Тухачевского в 1936 году Наркоматом обороны СССР была проведена стратегическая военная игра крупного масштаба, в ходе которой отрабатывались методы и способы активного отражения возможного вооруженного нападения фашистской Германии. При подведении итогов игры маршал выразил полное несогласие с заниженными оценками сил гитлеровской армии, утверждая, что в скором времени немцы в состоянии будут выставить до 200 дивизий. (Этот прогноз, как известно, оправдался: к маю 1941 года в немецких вооруженных силах, согласно данным вермахта, насчитывалось 214 дивизий, в том числе 37 танковых и моторизованных.) М. Н. Тухачевский был убежден и в другом: чтобы воспользоваться преимуществами внезапного удара, враг непременно нападет первым. О том, что Советскому Союзу надо быть готовым именно к внезапному нападению германской армии, он предупреждал в своем выступлении на 2-й сессии высшего органа государственной власти страны — ЦИК СССР в 1936 году.

«Германия превращена сейчас фактически в военный лагерь, — подчеркивал М. Н. Тухачевский. — Эта грандиозная подготовка германского милитаризма к войне на суше, в

⁴ Г. К. Жуков писал о М. Н. Тухачевском: «При встречах с ним меня пленяла его разносторонняя осведомленность в вопросах военной науки. Умный, широкообразованный профессиональный военный, он великолепно разбирался как в области тактики, так и в стратегических вопросах. М. Н. Тухачевский хорошо понимал роль различных видов наших вооруженных сил в современных войнах и умел творчески подойти к любой проблеме...» // Советские полководцы и военачальники. М., 1988. С. 110.

воздухе и на море не может не заставить нас по-серьезному взглянуть на положение наших западных границ и создать ту степень обороны, которую от нас требует обстановка»⁵.

Внимательно следя за развитием военного дела в Германии, маршал Тухачевский как первый заместитель наркома обороны и начальник вновь созданного управления боевой подготовки войск, член Военного совета при наркомате обороны СССР решительно настаивал на модернизации оснащения Красной Армии. В те годы при его активной поддержке налаживалось серийное производство современных самолетов-истребителей, бомбардировщиков, новых видов зенитной артиллерии, танков, пулеметов, которые сразу же поступали на вооружение Красной Армии. Вопреки позиции, занятой при поддержке К. Е. Ворошилова рядом тогдашних «военных авторитетов», он решительно добивался ускоренного формирования и развертывания танковых корпусов за счет сокращения численности и затрат на кавалерию, упорно отстаивал идею ракетной огневой поддержки.

Линию на перевооружение Красной Армии и развитие современной авиации и бронетанковых войск М. Н. Тухачевский начал проводить еще в конце 20-х годов. В декабре 1927 года К. Е. Ворошилов в своем докладе на XV съезде ВКИ(б) остановился на недостатках в развитии оборонных отраслей промышленности, особенно танкостроении, на нехватке в стране металла. Однако в целом его выступление было выдержано в радужном свете. Военная промышленность, заявил он, с осени 1926 года «быстрыми шагами идет вперед», в настоящем ее виде уже представляет собой «достаточно мощную базу», и «в случае нападения на нас империалистов мы можем построить оборону государства на своей собственной отечественной промышленной базе» и т. д.

Резкой противоположностью докладу наркома К. Е. Ворошилова стала записка М. Н. Тухачевского, отправленная тогда же — в декабре 1927 года — непосредственно на имя И. В. Сталина. В ней он прямо указывал: наша армия в техническом отношении отстает от европейских армий. Настоятельно необходимо приступить к ее полному перевооружению, создать мощную авиацию с большим радиусом действия и бронетанковые силы из быстроходных танков, оснащенных пушкой; обеспечить пехоту и артиллерию современной техникой и дать армии новые средства связи (главным образом радиосредства). Для этого, подчеркивал М. Н. Тухачевский, нужно развивать оборонную промышленность, построить ряд новых заводов. Далее с соответствующими обоснованиями приводился детальный расчет требуемого количества вооружений всех видов. Записка эта вызвала резкую реакцию не только со стороны К. Е. Ворошилова, но и И. В. Сталина, который назвал изложенные в ней предложения нереальными, «прожектерскими».

5 мая 1928 года М. Н. Тухачевский освобожден от должности начальника штаба РККА и назначен командующим войсками Ленинградского военного округа.

Три года пребывания М. Н. Тухачевского в Ленинграде были насыщены неустанным трудом, поиском и внедрением всего нового, что могло повысить боеспособность войск и укрепить оборону города, находившегося практически на границе⁶.

В 1929 году в Красной Армии был сформирован первый механизированный полк, а М. Н. Тухачевский говорил уже о механизированных корпусах. По его заданию начальник бронетанковых курсов округа разработал план примерной организации механизированного корпуса. На штабных учениях прорабатывались операции по введению его в прорыв. М. Н. Тухачевский пришел к выводу, что крупные бронетанковые соединения должны стать основной ударной силой Красной Армии. Свою идею он обосновал в 1931 году в письме к К.

⁵ Цит. по: Щетинов Ю. А., Старков Б. А. Красный маршал. С. 238.

⁶ «Его творческая мысль, — пишет об этом периоде деятельности М. Н. Тухачевского бывший в то время начальник оперативного штаба округа генерал-майор Д. Н. Никишев, — работала без устали, фантазия была поистине безграничной. На зимних учениях 1930 года по инициативе Михаила Николаевича целые дивизии были поставлены на лыжи, а крупнокалиберные пушки и гаубицы — на полозья. На морских учениях того же года в качестве высадочных средств для пехоты с танками использовались понтоны...» // Красная звезда. 1988. 4 июня.

Е. Ворошилову. С 1932 года эти корпуса стали создаваться.

Занимаясь совершенствованием войск Ленинградского военного округа, М. Н. Тухачевский не оставлял мысли о техническом перевооружении всех Вооруженных Сил страны. Зная позицию И. В. Сталина и К. Е. Ворошилова на этот счет, он тем не менее настойчиво отправлял в Москву одну за другой докладные записки с обоснованиями выдвигаемых им конкретных предложений по реконструкции боевой технической базы армии. Лишь в мае 1932 года И. В. Сталин прислал письмо М. Н. Тухачевскому, в котором, очевидно, под влиянием обострившейся международной обстановки, приносил извинения за то, что он без сколько-нибудь достаточных оснований отклонил его предложения о реконструкции Красной Армии и с большим опозданием исправляет свою ошибку. В июне 1934 года М. Н. Тухачевского назначают заместителем наркома обороны.

Словом, еще до того как гитлеровцы стали на путь осуществления своих агрессивных планов молниеносных войн в Европе, Маршал Советского Союза М. Н. Тухачевский предвидел и характер действий в будущей войне, и то, как им следовало бы противодействовать. Прозорливо готовивший Красную Армию к будущим испытаниям, он представлял серьезную опасность для фашистской Германии.

НАЧАЛО РЕАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНОГО ЗАМЫСЛА

Вернувшись после разговора с Гитлером в штаб-квартиру СД на Принц-Альбрехтштрассе, 8, Гейдрих сразу же принялся за дело. Прежде всего, по словам Шелленберга, он вызвал к себе Альфреда Науйока, руководителя подразделения, занимавшегося выполнением специальных заданий и, в частности, фабрикацией различного рода фальшивых документов. Как и обычно, в особо ответственных ситуациях разговор протекал в присутствии ближайшего помощника Гейдриха штандартенфюрера СС Германа Беренса, слывшего в СД крупным экспертом по русским делам. «Науйокс, сказал Гейдрих, — вверяю вам тайну чрезвычайной важности: есть поручение фюрера, которое надо выполнить безотлагательно. Искусство подделки документов, о которых пойдет речь, должно быть как никогда безукоризненным. Надо привлечь для этого лучшего гравера Германии»⁷. Отвечая на немой вопрос Науйока, Гейдрих вымолвил лишь одно слово: «Тухачевский».

Затем он в общих чертах раскрыл суть своего зловещего замысла. Письмо, текст которого, как заявил Гейдрих, будет предложен позже, а гравер выведет под ним подпись Тухачевского, должно со всей очевидностью указывать на то, что сам маршал и кое-кто из его коллег в Красной Армии состоят в тайной связи с попавшей в поле зрения гестапо некоей группой немецких генералов — противников нацистского режима— и что те и другие стремились к захвату власти в своих странах. Досье с фотокопиями документов, похищенное якобы из архивов службы безопасности, будет передано русским, у которых должно сложиться впечатление, что в отношении замешанных в этом деле немецких генералов ведется расследование.

Так началась работа по подготовке политического подлога, цель которого состояла в том, чтобы «доказать», будто группа видных советских полководцев во главе с маршалом М. Н. Тухачевским замышляет военный переворот и ради этого вступила в преступный сговор с генералами рейха, рассчитывая на их поддержку.

Все держалось в строжайшей тайне. О готовящейся акции не знали даже высшие чины Германии, поскольку Гитлер опасался провала затеваемой авантюры из-за случайной утечки информации. Поэтому Гейдрих привлек к участию в операции лишь самых надежных своих подчиненных, сообщив каждому только то, что он должен был знать для выполнения своей конкретной задачи. В службе безопасности образовали специальную оперативную группу, которая и должна была заняться «делом» Тухачевского. Возглавить ее Гейдрих, полностью

⁷ PeisC Naujocks, L'homme, qui declencha la guerre. Paris, 1961. P. 92.

державший в своих руках все приготовления к операции, поручил Беренсу⁸. Для обеспечения секретности работы оперативной группе была предоставлена специальная лаборатория, оснащенная всем необходимым оборудованием и помещавшаяся в подвале здания там же, на Принц-Альбрехтштрассе. Отрезанная от основного здания и строго изолированная, она круглосуточно охранялась двумя эсэсовцами. Допускались в нее лишь непосредственные участники операции.

ОХОТА ЗА ПОДЛИННИКАМИ

Для изготовления фальшивки необходимо было заполучить хранившиеся в Берлине в секретных архивах верховного командования вермахта подлинные документы, связанные с пребыванием М. Н. Тухачевского и некоторых других советских военачальников в веймарской Германии в 20-х и начале 30-х годов. Интерес представляли бумаги, касавшиеся их официальных и личных контактов в то время с представителями командования германских вооруженных сил, и прежде всего написанные рукой самого маршала и им подписанные. Дело в том, что, как известно, в 20-е годы между рейхсвером и Красной Армией существовало довольно тесное сотрудничество. В СССР проходили обучение немецкие летчики, артиллеристы и танкисты, а в Германии, в свою очередь, — офицеры Генерального штаба РККА. Видные военные деятели СССР систематически посещали Германию, по приглашению рейхсвера участвовали в учениях и маневрах, а представители немецкого генералитета нередко наведывались в нашу страну. Позднее сотрудничество распространилось и на сферу вооружений, в результате чего немцы в обмен на патенты, которые они предоставляли Красной Армии, получили разрешение на строительство авиационных и прочих оборонных заводов на территории СССР. Взаимные хозяйственные дела включали в себя среди прочего и заказы на военную технику со стороны Германии советским предприятиям, ибо по Версальскому договору она не имела права как на формирование армии сверх установленной ей численности, так и на собственное производство вооружения. Советский Союз, в свою очередь, заказывал немецкой промышленности нужные ему стратегические материалы и оборудование. Руководство работой, касающейся военных заказов, осуществлял М. Н. Тухачевский. Как начальник штаба РККА, он в 20-е годы встречался с немецкими офицерами и генералами, подписывал соответствующие бумаги, обменивался деловыми письмами (в частности, с фирмой «Юнкерс», которая в соответствии с секретным соглашением 1926 года между германским и советским командованием оказывала СССР техническую помощь в создании авиации). Сотрудничество с рейхсвером в тот период являлось, как подчеркивалось в зарубежной прессе, официальной политикой руководства Красной Армии и страны в целом.

Однако для подготовки фальшивки необходимы были в первую очередь документы так называемого Спецотдела R — закамуфлированной организации рейхсвера, которая существовала в 1923—1933 годах под названием «Ассоциация содействия торговому предпринимательству» и имела деловые отношения с Советским Союзом. Она входила в состав управления вооружений и в нарушение положений Версальского договора занималась вопросами производства оружия, военных материалов и подготовкой военных кадров (летчиков, танкистов) на территории СССР.

В январе 1937 года, вскоре после встречи с Гитлером, Гейдрих, воспользовавшись незначительным поводом, пригласил на завтрак главу военной разведки Канариса. Когда трапеза подходила к концу, как-то незаметно разговор соскользнул на тему о Советском Союзе. Подчеркнув свою якобы полную неосведомленность в вопросах советской военной структуры, Гейдрих заявил, что хотел бы ознакомиться с имеющимися в абвере материалами

⁸ В 1946 году Беренс был казнен за чудовищные зверства, совершенные им во время войны в Белграде, где он занимал пост начальника СС и полиции безопасности. Там Беренс рассказал одному из руководящих сотрудников СД, Вильгельму Хеттлю (он же Вальтер Хаген), что по поручению Гейдриха он обеспечивал техническую сторону этой операции и играл в ней важную роль // Hagen W. Le Front Secret. Paris, 1950. P. 51.

на эту тему, чтобы ликвидировать пробелы в своих познаниях. Особенно его интересовала информация о высшем командном составе Красной Армии. И поскольку Канарис имел свободный доступ к секретным архивам вермахта, Гейдрих обратился к нему с просьбой предоставить в его распоряжение на несколько дней досье на советских военачальников, посещавших Германию до прихода к власти Гитлера. Больше всего, подчеркивал он, его внимание привлекал самый молодой из них — маршал Тухачевский, который не однажды бывал в Берлине между 1925 и 1932 годами.

Однако Канариса насторожило обращение Гейдриха и его повышенный интерес к секретным архивам вермахта. Усмотрев в этом обращении шефа службы безопасности намерение скомпрометировать кого-то из немецких генералов, не разделявших взгляды нацистов и настроенных оппозиционно к фашистскому режиму, Канарис ответил довольно уклончиво⁹. Гейдрих продолжал настаивать, утверждая, что его просьба имеет крайне важное значение, но Канарис, не терпевший какого-либо давления, явно не хотел идти ему навстречу. «Я знаю, — заявил на это Гейдрих, — что военная разведка и контрразведка — это дело исключительно вашей компетенции. Но ведь речь не идет о военной сфере. Для успешного претворения в жизнь своего внешнеполитического курса фюрер нуждается в точных сведениях о советских военачальниках, и он поручил мне срочно представить ему такую информацию»¹⁰.

«Очень сожалею, — ответил Канарис, — но без надлежащего письменного подтверждения фюрера никто не имеет права допуска к секретным архивам генерального штаба». — «Что ж, — отрезал Гейдрих, — я так и доложу фюреру»¹¹. Однако, поскольку Гитлер приказал действовать в обход военных, к Канарису больше не обращались.

Тогда же, в начале 1937 года, Гейдрих, по утверждению Шелленберга, поручил ему подготовить справку об истории отношений между рейхсвером и Красной Армией в 20-е, начале 30-х годов. Такая справка была составлена, и на основе ее и других материалов, которые к тому времени удалось собрать Гейдриху, началась лихорадочная работа по подготовке к решающему этапу операции. Перебрав все возможные способы, к которым можно было бы прибегнуть, чтобы завладеть необходимыми оригиналами, пришли к выводу, что лучше всего похитить их, что и было санкционировано лично Гитлером.

Заручившись санкцией фюрера, Гейдрих срочно созвал совещание для обсуждения вопроса об операции, которую надлежало провести незамедлительно: той же ночью совершить налет на военное министерство. Созданный для этой цели отряд разбили на три «группы захвата», куда были включены опытные специалисты по взлому сейфов — «медвежатники». При содействии службы безопасности «группы захвата» проникли в секретные архивы вермахта и извлекли оттуда большое количество материалов, в том числе с грифом «совершенно секретно, особой важности». Помимо прочих документов, удалось заполучить записи бесед между немецкими офицерами и представителями советского командования, оригиналы писем Тухачевского с его подписью.

Любопытен финал истории охоты за архивными документами. Ночью сразу же после того, как нужные материалы были обнаружены и извлечены, в здании архива вспыхнул пожар — так организаторы операции пытались замести следы. Прибыв на следующий день на место происшествия, Канарис обнаружил, что сгорели именно те шкафы архива, в которых хранились материалы о Советском Союзе, так интересовавшие Гейдриха. Но организаторы ночного вторжения перестарались: пожар, рассказывали очевидцы, быстро

⁹ Канарису было хорошо известно, что Гейдрих после своего позорного изгнания из военно-морских сил питал буквально патологическую ненависть к представителям высшего военного командования и никогда не упускал возможности в отместку нанести удар по кому-либо из них.

¹⁰ Bressaud A. Canaris. Le «petit amiral», prince de l'espionnage allemand (1887—1945). Paris, 1970. P. 128.

¹¹ Ibid. P. 129.

распространившись, перекинулся на другие помещения и причинил значительный ущерб.

И. Пфафф, вопреки утверждениям В. Хеттля и В. Шелленберга, считает версию о ночном налете на архивы «фантастической», «в ковбойском духе» историей. Однако многие западные исследователи признают ее вполне реальной. Сведения об этом пожаре дошли тогда и до Советского Союза. Недавно Д. Волкогонов, автор книги «Триумф и трагедия», в ходе работы с архивными документами обнаружил и предал огласке докладную записку наркома внутренних дел СССР Н. И. Ежова на имя И. В. Сталина и К. Е. Ворошилова, в которой говорилось: «В дополнение к нашему сообщению о пожаре в германском военном министерстве направляю подробный материал о происшедшем пожаре и копию рапорта начальника комиссии по диверсиям при гестапо...»¹²

ФАЛЬСИФИКАТОРЫ ЗА РАБОТОЙ

Полученный материал предстояло должным образом обработать: подобрать и связать воедино отдельные документы, в записи бесед и переписку включить дополнительные фразы, компрометирующие М. Н. Тухачевского и других советских военачальников, поддерживавших официальные связи с немецким генералитетом, разбросать по тексту для большей убедительности необходимые пометки и, самое главное, подделать подписи.

Предполагалось, что сфабрикованное досье будет включать в себя около 15 листов писем, донесений, а также рапортов и служебных записок сотрудника, занимавшегося якобы расследованием связей представителей немецкого штаба верховного главнокомандования и Красной Армии, записи тайно подслушанных телефонных разговоров офицеров генерального штаба, вермахта, копии перехваченных посланий. Основным в наборе фальшивок должно было стать, как объяснил Гейдрих, «личное письмо Тухачевского», содержащее ссылки на предшествующую переписку. В документах, относящихся к различным периодам времени, намечалось упомянуть фамилии сторонников маршала среди видных советских военачальников, а также связанных с ними немецких генералов, которых Гитлер не желал больше терпеть из-за их оппозиционности. Это, по выражению шефа СД, должно было стать «изюминкой всего плана», придать ему большую правдоподобность¹³.

На обложке папки с материалами по «делу» Тухачевского должны были быть проставлены штампы управления разведки и контрразведки вермахта, а внутри нее, помимо прочего, находиться исполненная будто бы рукой самого Канариса служебная записка, адресованная Гитлеру и свидетельствующая о том, что тот намеревается лично вступить в контакт с некоторыми из подозреваемых немецких офицеров, чтобы попытаться выудить какие-либо подробности их заговорщической деятельности. В «записке Канариса» (в действительности он, конечно, никогда ее не писал) должны были упоминаться имена лишь немецких генералов-предателей, но вместе с тем содержаться намек на то, что «в Красной Армии появились свои отступники». Предполагалось, что в досье будут фигурировать распоряжение Гитлера, который якобы одобрил идею Канариса в целом и возложил общее руководство по ее осуществлению на Бормана, а также адресованная Гейдриху памятная записка Бормана, интересующегося, установлена ли слежка за всеми немецкими офицерами, названными Канарисом. Все должно указывать на то, заключил свой инструктаж Гейдрих, что досье хранилось в архиве СД, куда имеют доступ многие ее сотрудники. Один из них, испытывая материальные затруднения (такой мотив казался наиболее правдоподобным), решил якобы воспользоваться этим, чтобы похитить досье, снять фотокопии находящихся в

¹² Октябрь. 1988. № 12. С. 139.

¹³ Делалось это не только для того, чтобы придать провокационной затее «большую правдоподобность». Еще при возникновении самой идеи Гитлер и Гейдрих решили, что одновременно «дело» Тухачевского явится идеальной возможностью покончить и с не внушающими доверия генералами вермахта, прежде всего с теми из них, кто «чересчур дружен с русскими». Правда, Гитлер не был сторонником того, чтобы слишком раздувалась тема заговора непосредственно против него.

нем документов и попытаться предложить русским купить их.

«ТРЕБУЕТСЯ МАСТЕР ЭКСТРА-КЛАССА»

Найти гравера «высочайшего мастерства», как выразился Гейдрих, оказалось не так-то просто. Науйокс начал с изучения досье всех граверов, работавших на СД. Подходящей кандидатуры выявить среди них не удалось. Пришлось обратиться за содействием к заведующему архивом канцелярии национал-социалистской партии в Берлине, предложившему список из пяти фамилий. В тот же день Науйокс побывал по трем адресам, но вернулся ни с чем. Визит по четвертому адресу также не оправдал ожиданий. После разговора с пятым (и последним в списке) мастером по имени Франц Путциг Науйокс решил, что его квалификация и благонадежность вполне отвечают необходимым требованиям.

Тот, узнав, в чем дело, прежде чем дать согласие, выдвинул условие: возьмется за выполнение заказа при наличии письменного официального подтверждения, что сделал это, во-первых, по заданию и, во-вторых, не получил никакого вознаграждения. Лишь в этом случае он «готов поставить свои скромные таланты на службу партии»¹⁴. Условие было принято.

Поскольку большая часть документов, включая письма, должна была быть напечатана, Науйокс распорядился доставить ему пишущие машинки разных марок, причем две из них — с такой же клавиатурой, как у машинок, используемых в штабе верховного главнокомандования. Русскую машинку, «такую, какой могли бы пользоваться сейчас в Кремле», удалось раздобыть с помощью белоэмигранта князя Авалова, сотрудничавшего с СД.

Тем временем Беренс тщательно отработывал тексты будущих «подлинных» документов. Путциг и другие поднаторевшие на изготовлении фальшивок профессиональные фальсификаторы взялись за подделку документов. Сработанное в лаборатории Науйокса досье включало письма, которыми в течение нескольких лет якобы обменивались маршал Тухачевский и его единомышленники в СССР, с одной стороны, и ряд немецких генералов — с другой. Содержание писем должно было наталкивать на вывод о политическом брожении, охватившем будто бы верхушку Красной Армии и грозившем вылиться в заговор, который готовы были поддержать высшие представители вермахта.

Исполненная Путцигом в порядке пробы работа превзошла по качеству все ожидания. Гейдрих пришел в неопишуемый восторг. «Вот имена и подписи офицеров, — сказал шеф СД, передавая список, — которые должны упоминаться в документах»¹⁵.

Через несколько дней Науйокс доставил подготовленные Беренсом тексты документов в мастерскую Путцига, и тот в его присутствии приступил к выполнению основной части задания. Через четыре часа работа была закончена. Сличив подделку с оригиналом, Науйокс не поверил собственным глазам: фальшивка была выполнена безупречно. Придирчиво изучая текст доставленного Науйоксом «письма Тухачевского», Гейдрих наконец произнес: «Превосходно, замечательно. Теперь проставьте на материалах досье все необходимые штампы и сделайте фотокопии. Позаботьтесь, чтобы были признаки того, что похититель спешил»¹⁶.

Как и было задумано, удалось подделать все необходимые подписи, штампы и пометки на полях документов, принадлежавшие будто бы руководителям рейхсвера, в разное время

¹⁴ Peis G. Naujocks. L'homme qui declencha la guerre. P. 104.

¹⁵ Ibid. P. 106. Чтобы иметь образцы почерков фигурирующих в этом деле немецких генералов, Науйокс воспользовался банковскими чеками и другими документами, где имелись их подписи, а также поднял из архива служебные записки, написанные их рукой.

¹⁶ Peis G. Naujocks, L'homme qui declencha la guerre. P. 109.

(до 1933 года) якобы знакомившихся с этими «донесениями»: генерал-полковника фон Секта, его преемника на посту главнокомандующего рейхсвером с октября 1926 года генерала Хайе, бывшего начальника штаба, а с 1930 года главнокомандующего рейхсвером генерала Хаммерштейна и других. Гейдрих, вновь взяв в руки письмо, отметил, что оно, судя по содержанию, составлено в стиле, как ему кажется, очень характерном для маршала, и выполнено на соответствующей бумаге — с русскими водяными знаками. Слева на полях имелись карандашные пометки, которые, по мнению Гейдриха, «еще более явно свидетельствовали о вине Тухачевского, нежели сам текст письма». В «документах» содержались упоминания об имевших место ранее беседах и переписке и «ясные намеки на то, что Красная Армия и вермахт были бы несравненно сильнее, если бы им удалось освободиться от довлеющей над ними тяжелой партийной бюрократии»¹⁷. Сфабрикованная записка Кана-риса, адресованная Гитлеру, получилась довольно пространной. Ответ же Гитлера соответствовал его манере — был лаконичен и походил на приказ. Это был единственный документ, оставшийся пока не подписанным (даже всемогущая СД не смела подделать подпись фюрера; Гейдрих собирался подписать документ во время очередной встречи с Гитлером). Распоряжение Бормана, предписывавшее Гейдриху установить слежку за подозреваемыми немецкими генералами, было написано от руки.

Объемистое досье «подлинных» документов со штампами и печатями, «вполне убедительное», как считал Гейдрих, подготовленное в течение всего нескольких дней, было наконец представлено Гитлеру.

Перелистав набор фальшивых документов, среди которых, кроме указанных выше писем, были расписки ряда советских военачальников в получении крупных денежных сумм за якобы сообщенные ими немецкой разведке секретные сведения, Гитлер нашел план операции «в целом логичным, хотя и абсолютно фантастическим». Он с большой похвалой отозвался об изготовителях документов и приказал немедленно приступить к практическому осуществлению операции, направленной на то, чтобы, как он подчеркнул, «поколебать устои авангарда Красной Армии в расчете не только на данный момент, но и на многие годы вперед»¹⁸.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛУХОВ О МНИМОМ ЗАГОВОРЕ

После того как подготовленные в лаборатории СД фальшивые документы выдержали проверку и Гитлер распорядился как можно скорее приступить к проведению операции, перед организаторами политического подлога встала еще более сложная задача. Надо было определить, каким воспользоваться каналом, чтобы попытаться довести фальшивку до сведения советского руководства, не вызвав при этом подозрений.

Известно, что подделать тот или иной документ и придать ему достоверный вид не особенно трудное дело для специалистов любой разведки. Неизмеримо сложнее сделать так, чтобы такой документ-фальшивка мог попасть в соответствующие руки, особенно если учесть, что в рассматриваемом случае адресатом выступал Сталин, для которого была характерна недоступность. Гейдрих был уверен, что советский руководитель скорее поверит в подлинность документов, если они поступят к нему не от немцев, а, например, от чехов, учитывая добрые отношения, существовавшие в то время между Москвой и Прагой, и очевидную зависимость внешнеполитических интересов Чехословакии от поддержки СССР.

На Западе существует несколько версий того, каким образом сфальсифицированные документы попали к И. В. Сталину. Наиболее распространенными из них являются версии И. Пфаффа и В. Шелленберга.

В них много общего (и та и другая исходит из того, что в передаче фальшивки

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Heinz K. Abschagen Canaris. Patriot und Weltbürger. Stuttgart. 1950. P. 168.

определенную роль сыграл президент Чехословацкой Республики Эдуард Бенеш)¹⁹.

Военный атташе Чехословакии в Москве генерал Дастьны вспомнил, что в 1937 году Бенеш сообщил ему о полученных из Берлина «неопровержимых доказательствах заговора, подготовленного Тухачевским и германским генеральным штабом»²⁰.

Как следует из рассекреченных в 1989 году документов МИД СССР, нацисты действительно подбрасывали Бенешу информацию о так называемых «тайных» связях командования рейхсвера с руководством Красной Армии. Так, сохранилась памятная записка советского полпреда в Праге С. С. Александровского, направленная на имя наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова 15 июля 1937 года, в которой говорится: «Не оставляет сомнений, что чехи действительно имели косвенную сигнализацию из Берлина о том, что между рейхсвером и Красной Армией существует какая-то особая интимная связь и тесное сотрудничество».

Однако из имеющихся документов пока не ясно, каким путем довел Бенеш эту информацию до сведения советского руководства. Во всяком случае, через дипломатическое представительство СССР в Праге эти документы в Москву не поступали. Очевидно, был использован какой-то другой канал.

Трагичным считает И. Пфафф тот факт, что именно Бенеш, который лишь за два года до того заключил с Советским Союзом договор о взаимной помощи и последовательно стремился осуществлять на практике во внешней политике Чехословакии положения договора, парадоксальным образом в значительной мере содействовал афере с «заговором» Тухачевского и последующей ликвидации большей части офицерского корпуса Красной Армии. Важную роль в развертывании нацистской интриги сыграл, по утверждению И. Пфаффа, граф Траутмансдорф, бывший одним из двух эмиссаров на германо-чехословацких секретных переговорах, которые проходили в Берлине и Праге в конце 1936 года²¹. В строгом смысле слова это были не переговоры, а полуофициальное зондирование президентом Бенешем представителей гитлеровской Германии Альбрехта Гаусгофера и графа Траутмансдорфа. Гаусгофер (впоследствии казненный за участие в антигитлеровском заговоре), являясь неофициальным посредником между Германией и Чехословакией, действовал по указаниям, исходившим от Гитлера и Гимmlера. Цель этого зондирования состояла в том, чтобы найти приемлемую форму удовлетворения экстремистских претензий нацистской верхушки к Чехословакии и определить пути улучшения германо-чехословацких отношений. Однако к концу января 1937 года немцы внезапно без каких-либо объяснений прекратили переговоры. Это встревожило чехословацкое руководство, и посланнику в Берлине Войтеху Мастны было дано указание встретиться с графом Траутмансдорфом и попытаться выяснить мотивы изменений в поведении немцев.

¹⁹ Имеются свидетельства на этот счет и У. Черчилля. Вспоминая о встрече с Бенешем в 1944 году в Марракеше, он писал: «Осенью 1936 года Бенешу из высокопоставленного военного источника в Германии передали сообщение, что если он хочет воспользоваться предложением Гитлера (речь шла о том, что фюрер готов уважать целостность Чехословакии в обмен на гарантию, что она останется нейтральной в случае германо-французской войны), то должен спешить, потому что в скором времени в России произойдут события, которые сделают несущественной его возможную помощь Германии. Пока Бенеш размышлял над этим тревожным предупреждением, до него дошли сведения, что через советское полпредство в Праге ведется обмен сообщениями между важными лицами в России и германским правительством. Это была часть так называемого „заговора“ военных с целью свергнуть Сталина и создать новое правительство, которое будет проводить прогерманскую политику. Бенеш немедленно сообщил все, что ему удалось узнать, Сталину» // Churchill W. The Second World War. V. 1. New York, 1961. P. 248—249.

²⁰ Вопросы истории. 1989. № 6. С. 54.

²¹ Переговоры, начатые по инициативе Берлина, были, по мнению Пфаффа, ловушкой, которая преследовала, по его словам, исключительно две цели: с одной стороны, подбросить Бенешу «доказательства» против Тухачевского и таким образом ослабить Красную Армию и, с другой стороны — искусственно вызвать недоверие к Москве со стороны Праги и Парижа.

Встреча эта состоялась в Берлине 9 февраля 1937 года, на ней Траутмансдорф якобы сообщил Маэтни, что «действительной причиной решения канцлера (Гитлера. — *Прим. авт.*) о переносе переговоров является его предположение, основывающееся на определенных сведениях, которые он получил из России, что там в скором времени возможен неожиданный переворот, который должен привести к устранению Сталина и Литвинова и установлению военной диктатуры»²². В. Маэтни хотя и подверг сомнению достоверность сообщения Траутмансдорфа, тем не менее срочно выехал в Прагу, чтобы подробнее проинформировать президента Э. Бенеша и Камиля Крофту (тогдашнего министра иностранных дел Чехословакии) о состоявшейся беседе.

Сам Бенеш в своих послевоенных мемуарах подтверждает, что узнал о «конспиративных планах» Тухачевского из беседы чехословацкого посланника в Берлине Маэтни с Траутмансдорфом. Сообщение Маэтни всерьез обеспокоило президента Бенеша в связи с угрозой, как он заключил, утраты Чехословакией поддержки Советского Союза против Германии. Дело в том, что Чехословакия с ее взрывоопасной проблемой судетских немцев была продуктом Версальского договора, пересмотр которого Гитлер провозгласил в качестве своей главной цели. Лозунг «освобождение от оков Версаля» нацисты, как известно, использовали для подготовки Германии к войне. Если бы Россия оказалась на стороне Германии, считал президент Бенеш, ничто не смогло бы помешать этому. Сообщение Маэтни Бенеш принял, не усомнившись в его подлинности, пишет И. Пфафф. По мнению последнего, это можно было объяснить рядом обстоятельств. Прежде всего тем, что еще осенью 1935 года чехословацкое руководство получило от своей разведки данные, свидетельствующие о якобы «прогерманских настроениях» маршала Тухачевского. В апреле 1936 года из пражских белоэмигрантских кругов в Чехословакии поступило сообщение о том, что советские военачальники вынашивают будто бы планы, направленные против руководства собственной страны. После свержения И. В. Сталина мнимые заговорщики намереваются якобы установить дружественные отношения с Берлином и отказаться от обязательств СССР по договору с Чехословакией о взаимной помощи.

В конце октября 1936 года были получены сведения от чехословацких миссий в Варшаве и Берлине о том, что нацисты будто бы прилагают усилия договориться с Москвой и о просоветских настроениях среди представителей старого рейхсвера. Об этом же в конце 1936 года информировал Прагу белоэмигрант Роман Смал-Штокий. «Главная задача Германии, — доносил он, — состоит в настоящее время в том, чтобы разложить СССР, вызвать там внутренний переворот, устранить коммунистическое правительство и поставить у власти национальное правительство, которое бы заключило союз с Германией... Сам переворот должна осуществить Красная Армия...»

Дело представлялось таким образом, что смена руководства в СССР неизбежно повлечет за собой изменение в расстановке сил в Европе в пользу нацистской Германии. Эта информация в силу «странного стечения обстоятельств» попала в руки чехословацкого внешнеполитического ведомства именно в тот момент, когда Бенеш во второй раз принимал графа Траутмансдорфа, что, по мнению И. Пфаффа, является слишком подозрительным временным совпадением. Неудивительно, что правительственные круги Праги проявляли все большую тревогу в связи с возможностью установления военной диктатуры в Москве. Этим страхом были охвачены также и аккредитованные при чехословацком правительстве представители дружественных Германии стран.

В большинстве исследований западных авторов, посвященных «делу» Тухачевского, подчеркивается, что поток подобного рода дезинформации, устремившийся в европейские государства, не был случайным, а, несомненно, явился результатом работы, планомерно проводившейся немецкой разведкой по созданию условий, при которых подброшенная нацистами фальшивка могла легче достигнуть адресата. Как теперь известно, Гейдрих — этот старый, опытный волк, искушенный в делах фальсификации, в целях создания большей

²² См.: Новое время. 1989. № 13. С. 37.

гарантии успеха преступной аферы, решил продублировать свой маневр, связанный с распространением ложных слухов о якобы зреющем заговоре в Красной Армии, а также и в Париже. Произошло это, судя по всему, через несколько дней после получения Бенешем сообщения от своего посланника в Берлине. Используя имевшиеся у СД среди русской эмиграции агентурные подходы к правительственным кругам Франции, Гейдрих добился того, что аналогичная информация «дошла до ушей» министра национальной обороны Эдуарда Даладье²³. Даладье, всерьез обеспокоенный возможностью крутого поворота в политическом курсе Москвы, на одном из дипломатических приемов любезно взял под руку советского полпреда В. П. Потемкина и отвел его к нише у окна. Быстро оглянувшись, чтобы убедиться, не подслушивает ли их кто-нибудь, Даладье с тревогой в голосе сказал ему, что Францию приводят в волнение сведения о возможной перемене во внешнеполитической ориентации СССР, слухи о подозрительных связях между немецким вермахтом и командованием Красной Армии, и просил разъяснить, в какой мере можно верить этому. Отделавшись несколькими ничего не значащими фразами, В. П. Потемкин через десять минут покинул прием, вернулся в посольство и направил срочную шифрованную телеграмму в Москву с изложением в ней содержания своей беседы с Даладье.

Рассекреченные МИД СССР в 1989 году архивные документы, относящиеся к «делу» Тухачевского, подтверждают приведенные выше сведения о том, каким образом распространялась в Париже эта дезинформация. В частности, об этом свидетельствует телеграмма В. П. Потемкина, направленная им 16 марта 1937 года в Москву Сталину, Молотову, Литвинову, на которую мы уже ссылались. «Из якобы серьезного французского источника, — сообщалось в ней, — он (Даладье. — *Прим. авт.*) недавно узнал о расчетах германских кругов подготовить в СССР государственный переворот при содействии враждебных нынешнему советскому строю элементов из командного состава Красной Армии... Даладье добавил, что те же сведения о замыслах Германии получены военным министерством из русских эмигрантских кругов... Даладье пояснил, что более конкретными сведениями он пока не располагает, но что он считал «долгом дружбы» передать нам свою информацию, которая может быть для нас бесполезна».

Далее советский полпред продолжал: «Я, конечно, поблагодарил Даладье, но выразил решительное сомнение в серьезности его источника, сообщающего сведения об участии представителей командования Красной Армии в германском заговоре против СССР и в дальнейшем против Франции. При этом я отметил, что недостаточная конкретность полученных сообщений лишь подтверждает мои сомнения. Даладье ответил, что, если получит более точные данные, он немедленно мне их сообщит». Из текста телеграммы следует, что полпред очень сдержанно оценил информацию французских источников²⁴. Повидимому, в Москве были согласны с оценкой информации Даладье, данной В. П. Потемкиным, и не придали ей значение, во всяком случае на том этапе.

Но не только представители правительственных кругов Франции явились объектом рассчитанной дезинформации со стороны нацистской разведки. Как стало недавно известно, в архивах И. В. Сталина обнаружено письмо тогдашнего корреспондента «Правды» в Берлине А. Климова, направленное им в середине января 1937 года редактору «Правды» Л. З. Мехлису и пересланное последним И. В. Сталину. В письме А. Климова содержалось, как якобы достоверное сообщение о том, что в Германии «среди высших офицерских кругов упорно говорят о связи и работе германских фашистов в верхушке командного состава Красной Армии в Москве. В этой связи называется имя Тухачевского»²⁵.

²³ Как именно Гейдриху удалось подсунуть эту информацию Даладье, неизвестно. Высказывается предположение, что, вероятнее всего, у немцев был контакт с агентом Второго бюро (французской разведывательной службы) в посольстве Франции в Москве.

²⁴ Новое время. 1989. № 13. С. 37—38.

²⁵ Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 61.

В это же время, как и предусматривалось планом операции, была организована «утечка» секретных сведений, исходивших якобы из источников, близких к высшим военным кругам СССР, не подтвержденных, впрочем, никакими документами, о том, что в Красной Армии будто бы «зреет заговор», участники которого рассчитывают на поддержку немецкого генерального штаба. Авторы дезинформации преследовали ту же цель, надеясь, что, достигнув Кремля, слухи усилят подозрительность И. В. Сталина, подорвут его доверие к руководящим военным кадрам и могут явиться поводом для проведения чистки в офицерском корпусе.

Д. Волкогонов отмечает, что в апреле 1937 года начальник Главного разведывательного управления РККА комкор С. Урицкий докладывал И. В. Сталину и К. Е. Ворошилову о том, что в Берлине муссируют слухи о существовании среди генералитета оппозиции советскому руководству. Правда, успокаивал начальник ГРУ, этому там мало верят.

Слухи о предстоящем советско-германском сближении, не имевшие под собой никаких оснований, активно распространялись весной 1937 года немецкой разведкой в европейских столицах. Очевидно, следует считать, что именно этим была вызвана телеграмма наркома иностранных дел М. М. Литвинова, направленная 17 апреля в Париж временному поверенному в делах СССР во Франции Е. В. Гиршфельду и в Прагу полпреду С. С. Александровскому, с получением опровергнуть указанные слухи. В ней, в частности, говорилось: «Заверьте МИД, что циркулирующие за границей слухи о нашем сближении с Германией лишены каких бы то ни было оснований. Мы не вели и не ведем на эту тему никаких переговоров с немцами, что должно быть ясно хотя бы из одновременного отозвания нами полпреда и торгпреда»²⁶.

МЕХАНИЗМ ДЕЗИНФОРМАЦИИ НАРАЩИВАЕТ ОБОРОТЫ

Однако Э. Бенеш не поверил опровержению, поскольку имел иную «информацию» из Берлина. Тем не менее он явно не торопился с сообщением в Москву и Париж сведений, полученных им от Траутмансдорфа. Как считал И. Пфафф, вполне очевидная медлительность Бенеша объяснялась осмотрительностью государственного деятеля, который, прежде чем дать ход этим сведениям, хотел перепроверить их, подкрепить дополнительными фактами. Кроме того, в силу своего характера Бенеш не был склонен действовать импульсивно. Задержка с передачей в Москву информации Траутмансдорфа, сообщенной Маэтни, не осталась, судя по всему, незамеченной и для СД.

Дополнительные факты представил Маэтни рейхсмаршал Геринг при встрече с ним 7 апреля. Содержание их беседы никому не известно, но Маэтни немедленно выехал в Прагу. Вероятно, полагает И. Пфафф, эта информация была куда более выразительной и конкретной, чем та, которую он получил за два месяца до этого от Траутмансдорфа. Пфафф объясняет это следующим образом: в Берлине, несомненно, поняли, что в феврале Э. Бенеш не поставил в известность И. В. Сталина о содержании бесед Маэтни с Траутмансдорфом. Поэтому, безусловно, необходимо, во-первых, задействовать более убедительные «аргументы» с конкретными данными и, во-вторых, для передачи информации использовать личность более авторитетную, чем Траутмансдорф, например кого-либо из членов национал-социалистской верхушки. После беседы, состоявшейся между Маэтни и Герингом, события развивались так: рано утром 12 апреля 1937 года Маэтни попросил встречи с президентом Бенешем, которая состоялась 17 апреля в Праге. Сразу же после беседы Бенеш принимает решение пригласить к себе на 22 апреля советского полпреда С. Александровского. А накануне, 21 апреля, два высокопоставленных чиновника министерства внутренних дел Чехословакии (одним из них был глава чехословацкой тайной полиции К. Новак) по поручению президента страны, министра иностранных дел и министра внутренних дел

²⁶ Новое время. 1989. № 13. С. 38.

выехали в Берлин, где пробыли несколько дней и имели беседу с ведущей фигурой в СД — начальником гестапо Миллером. Их поездка, считает И. Пфафф, вполне однозначно предназначалась для проверки и получения каких-либо дополнительных сведений, которые к тому времени уже были переданы разведывательной службе министерства иностранных дел Чехословакии (после разговора между Маэтно и Герингом). Сразу же по возвращении обоих эмиссаров президент Бенеш и министр иностранных дел К. Крофта в течение короткого промежутка времени принимали С. Александровского трижды. Таким образом, замечает И. Пфафф, советский посланник был в общей сложности четыре раза принят президентом республики и министром иностранных дел, что в общении между Э. Бенешем и С. Александровским за период 1934 — 1938 годов было случаем исключительным²⁷.

10 мая 1937 года президент Бенеш в частном письме предупредил главу правительства Народного фронта Франции Леона Блюма о необходимости проявлять предельную осторожность в отношениях с советским Генеральным штабом из-за подозрительных контактов между ним и генеральным штабом Германии.

ФАЛЬШИВКА ДОСТИГАЕТ АДРЕСАТА

Что касается самой техники передачи сфабрикованных документов, то здесь западные авторы в определенной степени расходятся, особенно в деталях. Большинство склоняется к тому, что вскоре после встречи Маэтно и Геринга, состоявшейся, как уже упоминалось, 7 апреля, Гейдрих направил в Прагу сотрудника СД, который имел задание войти в контакт с представителями военных кругов Чехословакии и через них довести до Бенеша информацию о существовании документов, обличающих Тухачевского в причастности к заговору. (Вслед за ним, по словам Хеттля, отправился под вымышленным именем особо доверенный представитель Гейдриха штандартенфюрер Беренс, чтобы провести необходимую подготовку.)

По описанию Шелленберга выходило, что, после того как указанная информация была доведена до Бенеша, последний через своего посредника предложил представителю Гейдриха связаться с сотрудником советского полпредства в Берлине. «Так мы и сделали, — писал позднее в своих мемуарах В. Шелленберг. — Сотрудник полпредства (ему были предъявлены два подлинных письма из фальсифицированного досье) тотчас же вылетел в СССР» и возвратился со специальным курьером, имевшим полномочия на ведение переговоров о выкупе фотокопий материалов досье. Им оказался эмиссар тогдашнего наркома внутренних дел СССР Ежова. Он спросил, сколько стоит досье. Чтобы у русских не возникло подозрений, Гейдрих приказал для начала назвать «фантастически большую сумму» — 500 тысяч марок, предупредив, что, если русские будут настаивать, она может быть пересмотрена в сторону снижения. Однако торговаться не пришлось. Эмиссар Ежова после беглого выборочного ознакомления с документами молча кивнул головой, когда Беренс назвал сумму. (История секретных служб мира, подчеркивают западные исследователи, не знает случая, когда бы за выкраденный план военных операций или измену и предательство платили такую высокую цену.) Названная сумма вознаграждения была немедленно уплачена²⁸. Фотокопии документов, якобы хранящихся в сейфе гитлеровской службы безопасности, перекочевали в Москву.

Тот факт, что передача фальшивки состоялась в Берлине, подтверждается, как полагает английский историк Дональд Камерон Уотт, тем, что начальник немецкого отдела

²⁷ Военно-исторический журнал. 1988. № 11. С. 48. Следует отметить, однако, что в архивных материалах, имеющихся в распоряжении советских исследователей, нет указаний на то, что Бенеш сообщил С. Александровскому «информацию», касающуюся связей маршала Тухачевского с немецкими генералами до его ареста.

²⁸ Как потом будут утверждать руководители нацистской разведки, банкноты, полученные от курьера, оказались такими же фальшивыми, как и выкупленные на них документы.

чехословацкой военной разведки генерал Ф. Моравец, координировавший в соответствии с чехословацко-советским соглашением 1935 года разведывательную деятельность против Германии с советской военной миссией в Праге, отрицал, что получил от президента Бенеша какую-либо информацию о германо-советском заговоре против Сталина.

По мнению же И. Пфаффа, нельзя считать состоятельным утверждение Шелленберга и некоторых других авторов о том, что люди Гейдриха вошли в контакт с советским полпредством в Берлине, чтобы прямым путем предложить «материал» против Тухачевского, и что затем из Москвы в Берлин был послан уполномоченный И. В. Сталина, чтобы выкупить у немцев эти документы. Как в чехословацких, так и советских публикациях одинаково полностью доказано, считает Пфафф, что именно Бенеш направил И. В. Сталину подброшенные фальшивки, получив их непосредственно из рейха, причем посредником в этой операции выступал немецкий журналист Карл Виттиг²⁹.

Предположение о том, что «доверенным лицом» нацистской службы безопасности, через которого информация о сфабрикованных документах была продвинута в чехословацкую разведку, мог оказаться Виттиг, так как его контакты с президентом Бенешем были достаточно интенсивными, возникло сравнительно недавно. Обнаружено личное письмо президента Бенеша Виттигу, в котором выражается благодарность за оказанные «услуги». Стало известно также, что Виттиг, агент СД, был в свое время внедрен в разведывательную службу министерства иностранных дел Чехословакии и специализировался на дезинформации. Именно на этом основании большинство западных исследователей, и в частности И. Пфафф, склоняются к выводу, что Виттиг и послужил передаточным звеном.

СЕМЯ ЗЛА В УГОТОВАННУЮ ПОЧВУ

Как же развивались события в Москве? Уже через четыре дня после последней беседы между С. Александровским и президентом Бенешем (7 мая) М. Н. Тухачевский был смещен с постов заместителя народного комиссара обороны и начальника Генерального штаба. Непосредственная связь между посещениями С. Александровским президента Бенеша и снятием Тухачевского более чем очевидна, полагает И. Пфафф. Наличие причинной связи, по его мнению, еще более доказывают события, которые произошли в Москве в конце апреля — первых числах мая (то есть между последним и предпоследним посещениями С. Александровским Э. Бенеша). В эти дни Кремль направил в английское посольство в Москве заграничный паспорт Тухачевского и запросил соответствующие визы на него — маршал должен был возглавить советскую делегацию на торжествах в Лондоне по случаю коронации английского короля Георга VI. Менее чем через 24 часа после поступления документов в посольство консульская служба НКВД СССР затребовала назад свое ходатайство о выдаче визы, мотивировав тем, что Тухачевский «внезапно заболел»³⁰. Смещение Тухачевского с

²⁹ Карл Виттиг (1901—1980) в 1961 году был арестован в ГДР как агент-двойник и приговорен к 15 годам тюремного заключения. В 1970 году правительство ФРГ выкупило его за 80 тысяч западногерманских марок // Советская Россия. 1988. 18 сент.

³⁰ Решение об отмене поездки М. Н. Тухачевского было принято Политбюро ЦК ВКП(б) в апреле 1937 года. Формально оно основывалось на спецсообщении руководителя НКВД Н. И. Ежова, направленном накануне И. В. Сталину, В. М. Молотову и К. Е. Ворошилову, достоверность которого вызывает серьезные сомнения. «Нами сегодня, — говорилось в этом сообщении, — получены данные от зарубежного источника, заслуживающего полного доверия, о том, что во время поездки товарища Тухачевского на коронационные торжества в Лондон над ним по заданию германских разведывательных органов предполагается совершить террористический акт. Для подготовки террористического акта создана группа из четырех человек (грех немцев и одного поляка). Источник не исключает, что террористический акт готовится с намерением вызвать международные осложнения. Ввиду того что мы лишены возможности обеспечить в пути следования и в Лондоне охрану товарища Тухачевского, гарантирующую полную его безопасность, считаю целесообразным поездку товарища Тухачевского в Лондон отменить. Прошу обсудить». Никаких материалов о подготовке подобного террористического акта над М. Н. Тухачевским в архивах КГБ СССР не обнаружено, что дает основание, как

занимаемых постов 11 мая и последующий арест оказались, по-видимому, заключает И. Пфафф, следствием последней встречи С. Александровского и Э. Бенеша, на которой присутствовал также и Маэтни, и прежде всего прямым результатом личного послания президента Бенеша И. В. Сталину 8 мая, которое окончательно и бесповоротно решило судьбу маршала вследствие выдвижения против него самых тяжелых обвинений.

Следует заметить, что на Западе получила известное распространение и версия об участии советской стороны в создании фальшивки о Тухачевском, о том, что это «дело» было инспирировано НКВД, а Гейдриху и его аппарату будто бы принадлежала в нем всего лишь посредническая и вспомогательная роль.

И. Пфафф в своем исследовании, возражая против тезиса о «советском происхождении» фальшивки, отмечает, что эта заманчивая для некоторых версия противоречит политической логике. Если бы Сталин, пишет он, действительно сам хотел устранить Тухачевского, то ему не потребовалось бы выбирать такой сложный и рискованный путь. В условиях нарастания репрессий можно было бы найти материалы для обвинения маршала значительно проще, прямым путем в Советском Союзе, непосредственно с помощью НКВД. При этом И. В. Сталин весь ход дела держал бы под своим исключительным контролем. С другой стороны, считает И. Пфафф, вряд ли можно приписывать Гейдриху и нацистской службе безопасности подчиненную роль простых пособников, ибо «невозможно допустить, чтобы они удовлетворились унижительным статусом простых помощников соперничающей державы»³¹.

В то же время И. Пфафф указывает, что «национал-социалистские клеветнические обвинения против Тухачевского распространялись, по берлинским источникам, еще с осени 1935 года, и тогда ничего не случилось. Но тогда еще не начались московские процессы. А именно процессы (в августе 1936 и январе 1937 года) дали повод для надежд, что И. В. Сталин поверит в интригу против Тухачевского и советского генералитета или (как это и случилось в действительности) воспримет эту интригу даже как благоприятное обстоятельство».

«С психологической точки зрения национал-социалистская интрига, — пишет далее И. Пфафф, — очень точно была нацелена на то, чтобы субъективное стремление Бенеша укрепить Советскую Армию или соответственно не допустить ее ослабления объективно должно было привести как раз к снижению ее боевой мощи за счет массовых чисток, которые в атмосфере сталинского массового террора в Советском Союзе неизбежно должны были последовать»³². Немецкие авторы задним числом однозначно доказывают, что заговор национал-социалистских кругов во главе с Гейдрихом в первую очередь преследовал именно эту цель.

ТРАГИЧЕСКАЯ РАЗВЯЗКА

Несомненно, не политический подлог и грязная махинация нацистов вызвали чистку и кровавый круговорот репрессий в отношении командных кадров Красной Армии. Не это явилось решающей причиной ареста и осуждения Тухачевского и его соратников. Дело в том, что к тому времени аресты в нашей стране среди военных приняли уже широкие размеры. Корни трагедии, уничтожившей цвет советского офицерского корпуса, уходят глубже. Сфабрикованные материалы послужили лишь удобным «основанием» для обвинений высших военачальников СССР в «сговоре» и «измене», когда в Кремле задалась целью провести чистку. Авантюра гитлеровской разведки только ускорила наступление заключила Комиссия Политбюро ЦК КПСС, считать это спецсообщение фальсифицированным // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 45.

³¹ Военно-исторический журнал. 1988. № 11. С. 48.

³² Военно-исторический журнал. 1988. № 11. С. 53.

роковой развязки в трагической судьбе М. Н. Тухачевского и других видных советских военачальников. Иными словами, семя фальшивки пало на благодатную почву — это понимали нацисты и из этого они исходили, предпринимая свой политический подлог.

«Особенно серьезно осложнилось положение, — писал маршал Г. К. Жуков в своих опубликованных в 1988 году в „Правде“ воспоминаниях, — когда иностранная разведка... через свою агентуру поставляла сфабрикованные версии о якобы антисоветской деятельности наших людей, чем был нанесен непоправимый ущерб нашей Родине, обороне страны»³³.

11 мая 1937 года в советской прессе появилось официальное сообщение о перемещениях, произведенных в Наркомате обороны СССР: первым заместителем народного комиссара назначался маршал А. И. Егоров, ранее занимавший пост начальника Генерального штаба. М. Н. Тухачевский переводился в Приволжский военный округ в качестве командующего войсками.

Спустя несколько дней М. Н. Тухачевский и четыре его «сообщника»: командарм 1-го ранга И. Э. Якир, командующий войсками Киевского военного округа; командарм 1-го ранга И. П. Уборевич, командующий войсками Белорусского военного округа; командарм 2-го ранга А. И. Корк, начальник Военной академии имени М. В. Фрунзе (до этого командовавший в разные годы войсками Белорусского, Ленинградского и Московского военных округов), комкор Р. П. Эй-деман — председатель Центрального совета Осоавиахима СССР, были арестованы.

Что касается проходивших по этому же делу комкора В. К. Путны, военного атташе при полпредстве СССР в Великобритании (по 1936 год), комкора Б. М. Фельдмана, начальника Главного управления кадров РККА³⁴, то они, как и комкор В. М. Примаков, заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа, к этому времени уже находились в заключении, будучи арестованы еще в августе 1936 года.

Широко известно, что все эти люди имели большие заслуги перед Советской страной и Коммунистической партией. Многие из них являлись участниками Великой Октябрьской социалистической революции, активными борцами за Советскую власть, беззаветно защищали ее в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны, сражались в рядах Красной гвардии и Красной Армии с момента ее создания. Большинство из них прошло путь от организаторов и командиров отдельных частей и соединений до командующих армиями и фронтами, выросли в крупных политических и штабных работников, стали гордостью Советских Вооруженных Сил.

Очевидно, отдавая себе отчет в том, насколько велика популярность этих людей, как трудно будет убедить народ в измене прославленных командармов и тем более подготовить широкую общественность к оправданию кровавой расправы над ними, И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов решили вопрос о «раскрытой» так называемой «антисоветской троцкистской военной организации» в Красной Армии вынести на обсуждение Военного совета при наркомате обороны СССР³⁵, заседания которого проходили в Кремле с 1 по 4 июня 1937 года. Вероятно, теми же опасениями мотивировалась необходимость того, чтобы, вопреки сложившейся практике, Военный совет заседал в расширенном составе: кроме постоянных членов совета, в нем приняли участие члены Политбюро ЦК ВКП(б) и 116 военных работников, приглашенных с мест и из центрального аппарата Наркомата обороны. (Следует заметить, что ряды Военного совета к этому времени заметно поредели — на 1 июня 1937

³³ Правда. 1988. 29 янв.

³⁴ С 15 апреля 1937 года Б. М. Фельдман находился на должности заместителя командующего войсками Московского военного округа.

³⁵ Военный совет действовал в качестве совещательного органа, решения которого утверждались наркомом и проводились в жизнь его приказом.

года уже были арестованы как «враги народа» 20 его членов.)

С первых минут доклада К. Е. Ворошилова «О раскрытом органами НКВД контрреволюционном заговоре в РККА» в зале воцарилась гнетущая атмосфера — люди с трудом приходили в себя от того, что им пришлось услышать. Опираясь на сфабрикованные в ходе скоропалительно проведенного следствия показания М. Н. Тухачевского, И. Э. Якира и других «заговорщиков», К. Е. Ворошилов, в частности, заявил: «Органами Наркомвнудела раскрыта в армии долго существовавшая и безнаказанно орудовавшая строго законспирированная контрреволюционная фашистская организация, возглавлявшаяся людьми, которые стояли во главе армии...»³⁶. В заключительной части своего доклада К. Е. Ворошилов призывал «проверить и очистить армию буквально до самых последних щелочек...», не останавливаясь перед тем, что в результате этой чистки «может быть, в количественном выражении мы понесем большой урон»³⁷.

2 июня на Военном совете выступил И. В. Сталин, который, несомненно, был информирован о том, какой резонанс в стране и за рубежом вызвал факт ареста и предания суду признанных народом еще со времен гражданской войны видных полководцев. Очевидно, принимая во внимание это, желая, судя по всему, подготовить широкую общественность к пониманию и оправданию сурового приговора, вынесение которого было уже предрешиено, И. В. Сталин особенно упирал на обоснование сделанного им вывода о существовании в стране «военно-политического заговора против Советской власти, стимулировавшегося и финансировавшегося германскими фашистами». Стремясь подчеркнуть опасность и масштабность «вскрытого заговора», он утверждал, что его руководителями были Л. Д. Троцкий, А. И. Рыков, Н. И. Бухарин, Я. Э. Рудзутак, Л. М. Карахан, А. С. Енукидзе, Г. Г. Ягода, а по военной линии — М. Н. Тухачевский, И. Э. Якир, И. П. Уборевич, А. И. Корк, Р. П. Эйдеман и Я. Б. Гамарник. «Это ядро военно-политического заговора, — сказал И. В. Сталин, — ядро, которое имело систематические сношения с германскими фашистами, особенно с германским рейхсвером, и которое приспособляло всю свою работу к вкусам и заказам со стороны германских фашистов»³⁸. Он уверял, что из 13 названных им руководителей заговора десять человек являются шпионами. Так, говоря о М. Н. Тухачевском и других арестованных из числа военных, И. В. Сталин заявил: «Он (Тухачевский. — *Прим. авт.*) оперативный план наш, оперативный план наше святое святых передал немецкому рейхсверу. Имел свидание с представителями немецкого рейхсвера. Шпион? Шпион... Якир систематически информировал немецкий штаб. Уборевич — не только с друзьями, с товарищами, но он отдельно сам лично информировал... Эйдеман — немецкий шпион. Корк... информировал немецкий штаб начиная с того времени, когда он был у них военным атташе в Германии»³⁹.

Утверждения И. В. Сталина, как показало изучение архивных материалов, проведенное Комиссией Политбюро ЦК КПСС, основывались на ложных показаниях, полученных с применением недозволённых методов, не заслуживающих поэтому никакого доверия, причем в отношении М. Н. Тухачевского не было даже и таких показаний. В своем выступлении И. В. Сталин оклеветал многих советских военных деятелей, назвав их участниками мнимого военного заговора, созданного якобы немецким рейхсвером. Обвиняя их в причастности к шпионской деятельности, он заявил: «Это военно-политический заговор. Это собственноручное сочинение германского рейхсвера. Я думаю, что эти люди являются марионетками и куклами в руках рейхсвера. Рейхсвер хочет, чтобы у нас был заговор, и эти

³⁶ Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 52.

³⁷ Там же. С. 53.

³⁸ Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 53.

³⁹ Там же.

господа взялись за заговор. Рейхсвер хочет, чтобы эти господа систематически доставляли им военные секреты, и эти господа сообщали им военные секреты. Рейхсвер хочет, чтобы существующее правительство было снято, перебито, и они взялись за это дело, но не удалось»⁴⁰.

Нельзя не обратить внимание на то, как перекликаются утверждения И. В. Сталина с содержанием подброшенной ему нацистской разведкой фальшивки.

Участники Военного совета поверили утверждениям И. В. Сталина и К. Е. Ворошилова о существовании в Красной Армии контрреволюционного заговора, организованного в 1932—1933 годах по прямым указаниям германского генерального штаба. При этом, приняв за достоверные приведенные им весьма противоречивые и не внушающие доверия, полученные под пытками показания арестованных, они резко осуждали «заговорщиков» как злейших врагов народа и Советской власти, заверяли в своей безграничной преданности партии и правительству (это не помешало тому, что из 42 выступавших в прениях по докладу К. Е. Ворошилова 34 были вскоре арестованы как «враги народа»).

Основные положения доклада К. Е. Ворошилова и выступления И. В. Сталина на Военном совете были изложены в опубликованном в те дни приказе № 96 наркома обороны. Этот приказ, как оценила его тогда мировая общественность, послужил фактически призывом к широкому насаждению подозрительности и шпиономании, приведших к тому, что в течение года офицерский корпус Красной Армии сократился наполовину.

11 июня 1937 года в Специальном судебном присутствии Верховного суда Союза ССР состоялось слушание этого дела⁴¹. За судейским столом в качестве членов Присутствия сидели: Маршал Советского Союза С. М. Буденный; Маршал Советского Союза В. К. Блюхер; заместитель наркома обороны, начальник Воздушных Сил РККА командарм 2-го ранга Я. И. Алкенис; начальник Генерального штаба командарм 1-го ранга Б. М. Шапошников; командующий войсками Белорусского военного округа командарм 1-го ранга И. П. Белов; командующий войсками Ленинградского военного округа командарм 2-го ранга П. Е. Дыбенко; командующий войсками Северо-Кавказского военного округа командарм 2-го ранга Н. Д. Каширин; командир 6-го кавалерийского казачьего корпуса имени Сталина комдив Е. И. Горячев. (Вскоре все члены Присутствия, за исключением Буденного и Шапошникова, сами окажутся под арестом и будут уничтожены.) Председательствовал армвоенюрист В. В. Ульрих.

Подсудимым разъяснили: дело слушается в порядке, установленном законом от 1 декабря 1934 года. Это означало, что участие защитников в судебном процессе исключается, приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Тем не менее глаза подсудимых вспыхнули надеждой, когда, оказавшись в зале Военной коллегии, они увидели состав суда. Перед ними были до боли знакомые лица близких им людей, с которыми они плечом к плечу прошли дорогами гражданской войны, деля не только радость военных удач и побед, но и горечь отступлений и поражений. Весь их вмиг просветлевший лик как бы говорил сидящим в зале — вот люди, которые знают их лучше, чем кто-либо, которым прекрасно известна их беззаветная преданность Родине и делу революции, и они конечно же не допустят того, чтобы черные наветы лжи и клевета могли взять верх, опорочить их честные имена.

Однако отрезвление не заставило себя долго ждать, и наступило оно достаточно быстро. Уже первые вопросы их вчерашних боевых товарищей, вершащих сегодня суд над ними, убеждали, что веры подсудимым нет и от них ждут только одного — признания своей измены. Уже одно это позволяет с уверенностью сделать предположение, что до начала заседания Специального судебного присутствия судьбы были ознакомлены с изготовленной в

⁴⁰ Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 54.

⁴¹ Гейдрих распорядился об установлении на время процесса прямой радиотелеграфной связи между канцелярией СД и германским посольством в Москве.

недрах СД фальшивкой и не могли не считаться с тем, что она безоговорочно была принята руководством страны и органами НКВД как обличающий преступные деяния «отступников» документ. Видимо, в этом кроется причина того, что судьи и не помышляли о том, чтобы в чем-то облегчить участь людей, еще только вчера хорошо известных им, но сегодня лишенных какой-либо поддержки в высшем эшелоне власти. Более того, судьи были беспощадны в своем отношении к подсудимым. Каждое их обращение, любое замечание и попросту реплика, брошенные в адрес подсудимых, сквозили откровенной неприязнью и неприкрытой враждебностью. Многие указывают на то, что, получив возможность увидеть до слушания дела сфабрикованные «письма Тухачевского», которые и были предназначены для того, чтобы убедить в том, что маршал и впрямь является главой военного заговора, ставившего своей целью свержение существующего строя, судьи ни на секунду не усомнились в их подлинности и лишь тщетно пытались постичь «гнусную природу оборотней», людей, представших перед Военным трибуналом как злейшие враги народа и Советской власти, предатели Родины, агенты иностранных разведок. Их приговор, вынесенный без колебаний своим совсем еще недавно верным товарищам по борьбе, был однозначен — смертная казнь.

Все подсудимые обвинялись в особо опасных преступлениях: находясь на службе у военной разведки одного из иностранных государств, ведущего недружелюбную политику в отношении СССР, они систематически доставляли военным кругам этого государства шпионские сведения о Красной Армии, совершали вредительские акты с целью подрыва обороноспособности нашей страны, готовили на случай военного нападения на СССР поражение Красной Армии, имели намерение содействовать расчленению Советского Союза и восстановлению в нем власти помещиков и капиталистов. Как отметила в своем сообщении Комиссия Политбюро ЦК КПСС, ни в следственном деле, ни в материалах судебного процесса дезинформационные сведения зарубежных разведок о Тухачевском и других военных деятелях не фигурируют. Согласно существовавшему порядку, имевшиеся в распоряжении органов НКВД агентурные сведения нельзя было предавать огласке — рассекречивать. Похоже, что этим и объясняется их отсутствие в материалах следственного дела. Но в то же время в протоколе и нет никаких конкретных фактов, подтверждающих вину Тухачевского и его «однодельцев», согласно предъявленным обвинениям.

Какие именно сведения, составляющие государственную тайну, были сообщены иностранным разведкам? Какие факты вредительства были раскрыты и в чем они выразились? Ничего конкретного, лишь простое перечисление преступлений, предусмотренных статьями Уголовного кодекса, и ничего больше.

Специальное судебное присутствие признало всех подсудимых виновными в нарушении своего воинского долга, воинской присяги и в измене Родине в интересах иностранного государства. Категорически отвергая эти тяжкие обвинения, Тухачевский на процессе решительно заявил: «У меня была горячая любовь к Красной Армии, горячая любовь к Отечеству, которое с гражданской войны защищал... Что касается встреч, бесед с представителями немецкого генерального штаба, их военного атташе в СССР, то они были, носили официальный характер, происходили на маневрах, приемах. Немцам показывалась наша военная техника, они имели возможность наблюдать за изменениями, происходящими в организации войск, их оснащении. Но все это имело место до прихода Гитлера к власти, когда наши отношения с Германией резко изменились»⁴². Аналогичные показания об отношении к Родине дали Уборевич, Корк, Якир, Фельдман, Путна, решительно отвергнув какую-либо шпионскую связь с германским генеральным штабом и причастность к подготовке контрреволюционного переворота.

Тем не менее все подсудимые были лишены воинских званий и приговорены к расстрелу. В ту же ночь приговор был приведен в исполнение. После расправы над

⁴² Правда. 1988. 29 апр.

Тухачевским начались гонения на его родных, друзей, сослуживцев⁴³.

Так, в самом расцвете творческих сил трагически оборвалась жизнь талантливого 44-летнего полководца М. Н. Тухачевского, которого маршал Г. К. Жуков характеризовал следующим образом: «Гигант военной мысли, звезда первой величины в плеяде выдающихся военачальников Красной Армии»⁴⁴. Как единодушно подтверждают потом советские полководцы времен Великой Отечественной войны, предложенные М. Н. Тухачевским и его соратниками и отработывавшиеся уже в 30-е годы на маневрах основы ведения крупных боевых операций в условиях «машинной войны» были успешно применены на практике. Совершенно очевидно, что с осуждением маршала процесс укрепления боевой мощи Красной Армии в канун фашистской агрессии был непростительно замедлен. Последствия этого тяжело сказались и в вооруженных силах, и в оборонной промышленности.

Сталинским террором был уничтожен цвет Красной Армии. Д. Волкогонов приводит такие ужасающие цифры. Если за всю Великую Отечественную войну мы потеряли убитыми, умершими от ран, пропавшими без вести около 600 генералов, то Сталин в 1937—1939 годах уничтожил в три раза больше военных из высшего командного состава. В 1938—1939 годах погибло до 55 процентов командного и политического состава армии и флота от командира полка и выше. В ноябре 1938 года в докладе на Военном совете при наркомате обороны Ворошилов хвастливо заявил: «В 1937—1938 годах мы „вычистили“ из Красной Армии около четырех десятков тысяч человек. Только в 1938 году выдвинуто и перемещено в должностях более 100 тысяч человек!»

ИСТОРИЯ ФАЛЬСИФИКАЦИИ «ДЕЛА» ТУХАЧЕВСКОГО

Изучение документальных материалов, хранящихся в партийных и государственных архивах, а также опрос лиц, причастных к событиям тех лет, позволили установить, указывается в материалах Комиссии Политбюро ЦК КПСС, что дело по обвинению М. Н. Тухачевского и других военачальников фальсифицировано, а признания обвиняемых на следствии получены в результате применения недозволенных методов. Начало этой фальсификации положено в мае 1937 года. Первые показания о существовании военного заговора в Красной Армии, руководимого якобы Тухачевским, Якиром и другими, были получены 8 и 10 мая от бывшего (до 1934 года) начальника ПВО Медведева М. Е., исключенного из партии за разбазаривание государственных средств и арестованного к тому времени органами НКВД СССР. На допросе 8 мая Медведев показал, что о существовании заговора ему стало известно со слов одного сослуживца в августе — сентябре 1931 года. Позднее он якобы узнал, что в руководящее ядро заговора входят Тухачевский, Якир, Путна, Примаков, Корк и другие. Каким путем эти показания получены, бывший заместитель начальника управления НКВД по Московской области Радзивилловский А. П. еще в 1939 году признал: «Поручение, данное мне Ежовым, сводилось к тому, чтобы немедленно приступить к допросу арестованного Медведева М. Е., бывшего начальника ПВО РККА, и добиться от него показаний о существовании военного заговора в РККА с самым широким кругом участников. При этом Ежов дал мне прямое указание применить к Медведеву методы физического воздействия, не стесняясь в их выборе»⁴⁵. К моменту ареста Медведев уже более трех лет как был уволен из РККА и работал заместителем начальника строительства

⁴³ Были расстреляны жена маршала Тухачевского Нина Евгеньевна, братья Александр и Николай, комбриги, преподаватели военных учебных заведений. Три сестры высланы в лагеря. Дочь-подросток, когда достигла совершеннолетия, тоже была арестована. До реабилитации находилась в лагере. Умерла в Москве в 1982 году. Мать и сестра Софья умерли в ссылке.

⁴⁴ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. 1. С. 126.

⁴⁵ Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 65.

одной из больниц, утратив всякие связи с военными. Несмотря на это, Ежов и его заместитель Фриновский, когда Радзивиловский доложил им о первых результатах допроса Медведева, предложили «выжать из него его „заговорщические связи“, снова повторив, чтобы с ним не церемониться. «Для меня было очевидно, — показал далее Радзивиловский, — что Медведев — человек давно оторванный от военной среды и правдивость его заявлений (об утрате связи с военными. — *Прим. авт.*) не вызывает сомнений. Однако, выполняя указание Ежова и Фриновского, я добился от него показаний о существовании военного заговора, о его активном участии в нем, и в ходе последующих допросов, в особенности после избияния его Фриновским в присутствии Ежова, Медведев назвал значительное количество крупных руководящих военных работников».

Дальнейшие события, согласно показаниям Радзивиловского, развивались так: «По ходу дела я видел и знал, что связи, которые называл Медведев, были им вымышлены и он все время заявлял мне, а затем Ежову и Фриновскому о том, что его показания ложны и не соответствуют действительности. Однако, несмотря на это, Ежов этот протокол доложил в ЦК».

Словом, все указывало на то, что к моменту ареста Медведева органы НКВД не располагали в отношении его никакими компрометирующими материалами, что арестован он был по личному распоряжению Ежова в расчете получить от него показания, отталкиваясь от которых можно было бы раздуть дело о военном заговоре в РККА.

Этот преступный расчет оправдался: от Медведева, показания которого были фальсифицированы, цепочка потянулась к Путне и Примакову⁴⁶, «признания» которых в существовании заговора среди военных послужили поводом для ареста М. Н. Тухачевского, Б. М. Фельдмана, А. И. Корка, Р. П. Эйдемана, И. Э. Якира и И. П. Уборевича⁴⁷. На первых допросах все они категорически отрицали свою причастность к какой-либо контрреволюционной деятельности. Лишь впоследствии от них были получены показания о принадлежности к военному заговору. Однако, как было неопровержимо доказано, этого удалось добиться работникам НКВД благодаря применению незаконных методов следствия: шантажа и мер физического воздействия⁴⁸. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что на листах 165—166 дела № 967581 от 1 июня 1937 года, где зафиксировано признание М. Н. Тухачевским своей «вины», обнаружены пятна, которые, по заключению экспертизы, являются каплями и мазками человеческой крови.

Весь судебный процесс по делу о «военном заговоре» стенографировался, однако правкой и корректировкой стенограммы занимались те же работники НКВД, которые вели следствие. Они же сопровождали заключенных в здание Военной коллегии и продолжали находиться при них до конца судебного процесса «в целях оказания психологического давления».

Как вытекает из сказанного, никаких законных оснований для ареста М. Н. Тухачевского, И. Э. Якира, И. П. Уборевича, А. И. Корка и других военачальников не было. Они были арестованы в нарушение Конституции СССР, вопреки требованиям уголовных и уголовно-процессуальных законов, по прямому указанию И. В. Сталина и Н. И. Ежова. В деле отсутствуют объективные доказательства, подтверждающие совершение кем-либо из подсудимых государственных преступлений. Выдвинутые против них обвинения являются

⁴⁶ Бывший работник НКВД СССР В. И. Бударев сообщил, что как Путна, так и Примаков дали показания об участии в военном заговоре после избияния их в Лефортовской тюрьме.

⁴⁷ При слушании дела 16 июня 1937 года в судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР Медведев виновным себя не признал и заявил, что его показания о существовании в РККА военно-фашистского заговора являются ложными. Тем не менее он был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян.

⁴⁸ О широком применении незаконных методов следствия к арестованным дал показания еще в 1938 году бывший помощник начальника отдела НКВД СССР З. М. Ушаков, принимавший непосредственное участие в допросах Тухачевского, Якира и Фельдмана.

от начала до конца ложными и базируются лишь на противоречивых «признательных» показаниях арестованных, навязанных им работниками НКВД преступными методами ведения следствия.

Интересно, что главным аргументом в обосновании версии «вредительства» М. Н. Тухачевского была его концепция о необходимости ускоренного формирования танковых и механизированных соединений за счет сокращения численности кавалерии и расходов на нее. Здесь председательствующему на процессе Ульриху активно помогал Буденный. Был и еще один пункт обвинения: подсудимые якобы «для успеха заговора намеревались устранить К. Е. Ворошилова. Тухачевский, Корк, Путна, Уборевич не отрицали того, что готовы были поставить в правительстве вопрос о смещении К. Е. Ворошилова с поста наркома обороны как человека некомпетентного, не справлявшегося со своими обязанностями. При угрозе надвигающейся войны, необходимости серьезной подготовки армии к предстоящим боевым действиям в новых условиях К. Е. Ворошилов в качестве наркома обороны казался им неспособным выполнить такую ответственную задачу. При этом подсудимые утверждали, что никакого тайного сговора относительно К. Е. Ворошилова они между собой не имели, а намеревались прямо и открыто заявить об этом Политбюро и правительству. Тем не менее их откровенное высказывание было расценено судом как свидетельство „заговорщицкой деятельности“.

По заключению западных исследователей, слишком поздно и лишь в ограниченной степени чехословацкая дипломатия тех лет выяснила национал-социалистское происхождение слухов о советско-германских переговорах, распространившихся в конце апреля 1937 года, не поняв, однако, всей изощренности обвинений против М. Н. Тухачевского. Это видно из того, пишет И. Пфафф, что чехословацкая миссия в Москве самоуверенно объясняла смещение маршала имевшимися якобы у него связями с троцкистами и его «бонапартистским комплексом», что создавало будто бы опасность захвата им власти. Однако уже в июне того же года в позиции чехословацкой миссии в Москве наметился принципиальный поворот. Представительство категорически отвергло официальную советскую версию, согласно которой восемь ведущих военачальников Красной Армии поддерживали тайные связи с германской секретной службой, и квалифицировало весь процесс как извращение правосудия.

В декабре 1937 года на встрече представителей чехословацкой и советской военных разведывательных служб, состоявшейся в Праге, произошло бурное столкновение делегаций по вопросу о вине маршала Тухачевского. При этом представители Чехословакии настойчиво указывали на то, в какой сильной степени чистки ослабили боеспособность и мощь Красной Армии, причем вследствие выдвижения обвинений, которые весь мир считает ошибочными. Советская сторона уклонилась от продолжения дискуссии по данному вопросу, обратив при этом внимание на то, что «документы», обвиняющие Тухачевского, поступили ведь из Праги.

РОКОВЫЕ ПРОСЧЕТЫ

В свете того, что теперь известно, вряд ли нуждается в дополнительных доказательствах все значение урона, который был нанесен Красной Армии. Тем не менее уместно привести один весьма выразительный в этом отношении документ, датированный 9 ноября 1937 года. Речь идет о совершенно секретном докладе заместителя начальника генерального штаба Чехословакии генерала Богумила Фиала, направленном им главе военной разведки. Если сперва Верховное командование чехословацкой армии, говорилось в этом докладе, отказалось воспринять ликвидацию Тухачевского и высшего советского командного звена как тяжелый урон для Красной Армии и на первых этапах чистки было убеждено, что «русская армия переживает мрачный этап, но все еще остается силой большого значения, то наша военная делегация, посланная для знакомства с состоянием обороноспособности Красной Армии, возвратилась с крайне тревожными вестями,

превзошедшими самые мрачные ожидания»⁴⁹.

«Поток массовых репрессий, — подчеркивалось далее в докладе, — вызывает опасения относительно возможности внутреннего разложения Красной Армии, ослабления ее оперативной ударной силы, ее неспособности вести наступательные действия и в будущем из-за неимения тактического и стратегического опыта у новых молодых командиров, когда в течение одной ночи лейтенанты тысячами становились командирами полков, а майоры — командирами дивизий...»⁵⁰

В то же время если предположить, указывала французская печать, что в руководстве Красной Армии возможны такие преступления, то она может обладать лишь ограниченной боеспособностью. Кроме того, в ней выражались серьезные опасения относительно того, что жизненно важные для Франции военные тайны могли быть выданы Германии, если обвинения в шпионаже правдоподобны. Высказывалось единое мнение, что чистка в армии нанесла тяжелый урон международному авторитету СССР и дала повод для обоснованных сомнений в ценности франко-советского договора.

Спустя два дня после казни восьми выдающихся советских военачальников посол Кулондр посетил наркома иностранных дел М. М. Литвинова, чтобы сообщить ему о том, сколь «плачевное впечатление» произвели на дружественные Советскому Союзу страны «жестокие расправы», и выяснить, как «следует расценивать выдвинутые против осужденных обвинения в шпионаже». Умелый и уклончивый ответ наркома не мог поколебать сомнений Кулондра. Тем более что все аккредитованные в Москве послы были твердо убеждены в том, что чудовищное обвинение в шпионаже не соответствует истине. Они были непоколебимы в мнении, что это обвинение является всего лишь предлогом, с помощью которого Сталин устранил Тухачевского, Якира, Уборевича и других советских военачальников, поскольку из-за своей подозрительности они «показались ему сомнительными», и что «непосредственной или конкретной конспирации никогда не существовало».

Через две недели после этого в беседе с В. П. Потемкиным Кулондр подчеркнул, что Франция, естественно, глубоко озабочена этим делом, и настойчиво добивался получения точной информации, «в какой степени казненные офицеры замешаны в заговоре с Германией»⁵¹.

Такой же точки зрения придерживается и известный американский публицист Дэвид Кан. Обобщая материалы того времени, он пишет, в частности, что в результате массовых репрессий Красная Армия лишилась в среднем одного из четырех офицеров, включая талантливого командира маршала М. Н. Тухачевского и многих других, кто сражался на фронтах первой мировой войны. В итоге, подчеркивает он, Вооруженные Силы СССР оказались обезглавленными, что, видимо, и дало тогда основание Гитлеру заявить: «Русская армия — это не более чем шутка»⁵².

«Дело» Тухачевского имело также и международные последствия: оно привело, как пишет Д. Уотт, к тяжелому кризису в отношениях СССР с Францией, к замораживанию франко-советского сотрудничества. Французская общественность не находила никакого оправдания происходившим в Москве кровавым расправам и совершенно не верила обоснованиям приговоров.

Отрицательным образом сказались чистка в армии и на отношениях с Чехословакией. В конце 1937 — начале 1938 года германский посланник в Праге характеризовал

⁴⁹ Военно-исторический журнал. 1988. № 11. С. 55.

⁵⁰ Там же. С. 55—56.

⁵¹ Военно-исторический журнал. 1988. № 12. С. 64.

⁵² Kahn D. Hitler's Spies. German Military Intelligence in World War II. New York. 1978. P. 447.

чехословацко-советские отношения после судебных процессов в Москве в целом и в связи с «делом» Тухачевского в особенности ни в коей мере не более интенсивными, а скорее несколько потускневшими. Таким образом, весной 1938 года президент Бенеш оказался перед развалинами «оси» Париж — Москва — Прага, которая продолжала существовать лишь на бумаге, не поняв, в какой значительной мере сам в результате недопустимо не критического отношения к германской фальшивке содействовал подрыву базы для антигитлеровской коалиции, в создании которой сам участвовал. «Вплоть до своего смертного часа он (Бенеш. — *Прим. авт.*) верил в подлинность подsunутых ему документов, несмотря на все более обидные аргументы его собственных дипломатов и военных, пишет Д. Уотт. — Послать свою полицию за подтверждением от гестапо достоверности материала, там же и сработанного, было актом умопомрачительной наивности»⁵³.

В результате своих действий в период с февраля по май 1937 года президент Бенеш, как считает И. Пфафф, совершил самую тяжелую ошибку за все время своей политической деятельности. Однако это вовсе не говорит о том, что без его участия не состоялась бы афера, связанная с «делом» Тухачевского.

В доверительных беседах, происходивших в окружении Гитлера, в главном управлении имперской безопасности афера с фальшивкой против маршала Тухачевского расценивалась как одна из самых выдающихся в истории немецкой разведки, и правители третьего рейха не раз похвалялись этим. Руководители ведомства тайной войны, которые стояли во главе этого политического подлога, были уверены, что им удалось нанести тяжелейший удар по боеспособности Красной Армии, вывести из строя наиболее талантливые командные кадры и таким образом обескровить ее.

То, в какой степени была ослаблена Красная Армия, обнаружилось уже в конце 1939 года, когда началась советско-финская война. 30 ноября войска Ленинградского военного округа перешли к боевым действиям. Однако прорвать с ходу хорошо укрепленную «линию Маннергейма» не удалось. Начались кровопролитные изматывающие бои. Эта краткосрочная локальная война стоила нашей стране многих тысяч жизней. Она убедила в низком уровне боеспособности Красной Армии, обескровленной репрессиями и дезорганизованной некомпетентностью наркома обороны, занимавшего этот пост полтора десятка лет. Слабость Красной Армии увидел и Гитлер. В узком кругу высших руководителей рейха фюрер заявил, что Красная Армия обезглавлена. 80 процентов командных кадров уничтожено, она ослаблена как никогда, и нужно воевать, пока кадры не выросли вновь.

Позже гитлеровцы не без оснований усматривали в этом одну из причин тактических и стратегических неудач Красной Армии в первый и особенно начальный период войны, считая, что предпринятая СД акция, позволившая разрушить систему командования за три года до нападения на СССР, была их «первой крупной выигранной битвой против Советского Союза»⁵⁴.

* * *

31 января 1957 года Военная коллегия Верховного суда СССР по заключению Генерального прокурора отменила приговор Специального судебного присутствия Верховного суда СССР от 11 июня 1937 года в отношении участников так называемой «антисоветской троцкистской военной организации» во главе с М. Н. Тухачевским за отсутствием в их действиях состава преступления. Все проходившие по этому делу были полностью реабилитированы. 27 февраля 1957 года Комитет партийного контроля при ЦК КПСС восстановил их в партии.

Как отмечалось в материалах XXII съезда КПСС, ни один из них не был врагом народа

⁵³ Вопросы истории. 1989. № 6. С. 63.

⁵⁴ Fest J. The Face of the Third Reich. New York, 1970. P. 494.

и партии, не состоял на службе у немецкой разведки, как утверждалось в обвинении. Правомерность названных документов 27 марта 1988 года подтвердила Комиссия Политбюро ЦК КПСС, созданная по решению октябрьского (1987 г.) Пленума ЦК для дополнительного изучения материалов, связанных со сталинскими репрессиями, в целях завершения процесса восстановления справедливости, приостановленного в середине 60-х годов после избрания Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежнева.

И только теперь стала известна правда об одной из самых гнусных антисоветских акций гитлеровской разведки.

* * *

Прежде чем перейти к описанию других операций нацистской разведки предвоенного и военного периода, необходимо хотя бы в общих чертах раскрыть содержание основных этапов, через которые проходила она в своем становлении и развитии, превращении в орудие, самое восприимчивое к политическим интересам Гитлера, наиболее чувствительное к его экспансионистским устремлениям.

НЕМНОГО ИСТОРИИ: СТАНОВЛЕНИЕ ТАЙНОЕ ОРУДИЕ АГРЕССИИ

Исторически в странах Запада сложились два основных типа разведывательных организаций. При всей общности целей и задач они значительно отличаются один от другого.

К первому типу относятся разведки старейших колониальных держав. Это, прежде всего, имеющая четырехсотлетнюю историю английская Интеллидженс сервис⁵⁵. О секретной службе Великобритании до недавнего времени американские «теоретики шпионажа» рассуждали с явной завистью: она, мол, испокон веков действует с развязанными руками, абсолютно скрытно и бесконтрольно, независимо от парламента, прессы, настроений общественности, при щедрой финансовой и иной поддержке правительства. Принято считать, что Интеллидженс сервис работает фундаментально, с дальним прицелом, в обстановке «наибольшего благоприятствования», которую ей обеспечивает многовековое и, казалось, непоколебимое империалистическое господство в мире. У нее давние традиции, большой опыт участия в покорении целых континентов, исторически сложившиеся экономические и религиозные связи, тщательно отобранные, практически несменяемые кадры профессионалов и, как правило, динамическая преемственность, мало подверженная воздействию внутривнутриполитических перемен. Структура этого типа разведывательной службы остается более или менее стабильной на протяжении длительного времени и мало известна широкой общественности. Деятельность ее не обсуждают и не рекламируют. В Англии, например, существует строгий запрет на разглашение любой информации, касающейся секретных служб страны⁵⁶. Даже руководитель разведки остается фигурой как бы без конкретного лица, упоминание его имени в прессе не разрешено. С 1938 по 1953 год главой Интеллидженс сервис являлся генерал Стюарт Грем Мензис, но английская общественность

⁵⁵ Собираетелное наименование разведывательных и контрразведывательных служб Великобритании, главными среди которых являются: Интеллидженс сервис центральный орган разведки и Сикьюрити сервис — центральный орган контрразведки.

⁵⁶ В конце 1986 года между правительством Великобритании и австралийскими властями возник конфликт, вызванный предстоящей публикацией мемуаров высокопоставленного офицера английской контрразведки Питера Райта, хорошо осведомленного о многих ее тайных операциях. Выйдя в отставку и поселившись в Канберре, он доверил бумаге любопытные подробности, касающиеся этой службы. Официальный Лондон привел в движение все рычаги, чтобы попытаться не допустить публикации мемуаров Райта, ссылаясь на тог ущерб, который-де в результате этого будет нанесен деятельности спецслужб короны Ее величества.

узнала об этом лишь после того, как он вышел в отставку. Многие из тех, кто с ним сталкивался, и совсем не знали о том, с кем они имеют дело. Сотрудникам этого разведывательного ведомства даже в своем кругу было категорически запрещено произносить фамилию Мензиса — его называли просто «бригадир»; этого правила придерживались даже высшие должностные лица при общении друг с другом.

Второй тип разведывательных организаций — разведки относительно молодых империалистических государств, появившихся на международной арене в период борьбы за передел уже поделенного мира. Эти державы за какое-нибудь десятилетие планировали осуществить захват чужих территорий, чего их соперники добивались веками. Это неизбежно вело к военному конфликту, одержать победу в котором можно было лишь при наличии не только мощных вооруженных сил, оснащенных новейшей техникой, но и хорошо отлаженного механизма разведки. Таким образом, стремление к экспансии и завоеванию мирового господства толкало молодых империалистических хищников, у которых пока еще не было достаточного опыта ведения разведки в столь широких масштабах, на путь быстрого создания «всепроникающих» и «всеобъемлющих» секретных служб, которые, несмотря на их малую опытность, способны были бы взять верх над многовековым разведывательным искусством.

Германский империализм, как известно, появился на международной арене в то время, когда все кресла за «столом яств» были заняты. Германия, «которая развивалась экономически в XX веке быстрее остальных европейских стран и которая особенно „обижена“ при разделе колоний»⁵⁷, выступила с воинственным требованием передела мира. На таких же воинственных позициях стояла и Япония, откровенно декларирующая необходимость завоевания «жизненного пространства».

Все это предопределило характер, методы, «почерк» деятельности разведывательных организаций стран — молодых и сильных хищников (в частности, Германии), выбор структуры организационного построения службы разведки и руководящей доктрины. Так в недрах японского, а потом и германского империализма зародилась доктрина массового, всеохватывающего, или «тотального шпионажа», который рассматривался правящими кругами этих стран как одно из важнейших орудий установления мирового господства.

ТРИ ЗАПОВЕДИ «ТОТАЛЬНОГО ШПИОНАЖА»

К формированию разведки нового типа, приспособленной к условиям агрессии и открытой диктатуры, нацисты приступили заблаговременно. По сведениям, просочившимся в западную печать, в июне 1932 года в Мюнхене, в доме начальника мюнхенской контрразведки капитана Эрнста Рема⁵⁸, одного из первых офицеров рейхсвера, примкнувших к фашизму (занимая пост начальника штаба штурмовиков, он стал ближайшим помощником Гитлера), состоялось тайное совещание нацистских главарей. В нем приняли участие Гесс, Геббельс, Гиммлер и несколько менее известных тогда единомышленников фюрера, в том числе полковник в отставке Вальтер Николаи, руководитель военной разведки Германии в первую мировую войну. Первым трем предстояло сыграть ключевую роль в готовившемся фашистском путче. В преддверии установления открытой террористической диктатуры в стране они собрались для того, чтобы решить вопрос о месте карательного и разведывательного аппарата в государственном механизме будущей Германии, основным содержанием деятельности которого должно было стать подавление демократических и революционных сил. Он призван был обеспечить решение главной задачи — уничтожение марксизма, который, как твердил Гитлер, надо «выкорчевать, безжалостно раздробить

⁵⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 20.

⁵⁸ 30 июня 1933 года Рем был убит эсэсовцами при проведении акции, вошедшей в историю под названием «Ночь длинных ножей», которой руководил лично Гитлер, борясь за власть и решительно устраняя соперников.

противнику череп». Без этого, убеждал фюрер, нельзя ни развернуть приготовление к войне, ни начать настоящей войны.

Предполагалось, что основу новой системы карательных органов как главной опоры фашистского режима составят созданные национал-социалистами и уже опробованные в схватках с политическими противниками военизированные террористические силы, отличавшиеся крайней жестокостью и построенные на принципе безоговорочного подчинения. Это — СА (штурмовые отряды, превращенные в главную силу контрреволюции, возглавляемые людьми, набившими руку на массовых экзекуциях в ходе подавления Ноябрьской революции 1918 года и последующих революционных выступлений рабочего класса), СС (служба внутренней безопасности — вооруженная гвардия национал-социалистской партии)⁵⁹ и, наконец, СД (служба внешней безопасности) — безотказное орудие насаждения гитлеризма, как ее оценивала сама нацистская верхушка.

В развернувшейся острой и бурной дискуссии участники собрания откровенно оспаривали друг у друга право на руководство репрессивно-террористическим аппаратом будущей Германии, каждый доказывал, что именно он более всего подходит для подобной роли. Первым заявил о себе Рем. Похоже, что главенство было обещано ему самим Гитлером. Однако в ходе обсуждения шансы Рема неожиданно свелись к нулю, так как всем стало ясно, что он совершенно не компетентен в данном вопросе и не сможет осуществить поставленную задачу. Геббельс же произвел на присутствующих сильное впечатление: всех поразила масштабность его проектов, которые шли гораздо дальше и глубже того, что замышлялось первоначально, и были изложены им с присущей ему склонностью к театральным эффектам. Гиммлер ограничился несколькими общими замечаниями, но полковник Николаи, по его словам, сразу «раскусил» значение этой личности в руководстве национал-социалистской партии.

Несмотря на выявившиеся тактические расхождения, в частности относительно структуры и функциональных обязанностей службы безопасности и ее места в государственной карательной системе, было достигнуто единство взглядов участников собрания по главным вопросам — применения крайних мер насилия для подавления любых выступлений рабочего класса и всех трудящихся, борьбы с коммунистическим и демократическим движением в стране. Расправы, чинимые над коммунистами, антифашистами, демократами, считались в среде «коричневых» делом естественным и всячески поощрялись. Фанатичный антикоммунизм стал и идеологией, на основе которой совершались чудовищные преступления.

Согласно более поздним сведениям, только один из присутствовавших на данном собрании — Гесс, участвовавший в нем в качестве доверенного лица Гитлера, не проявлял заметной активности в бурной дискуссии. Этот «ярый националист», прочно связавший свою судьбу с Гитлером, был известен как «тень коричневого фюрера» — он обеспечивал его охрану во время уличных стычек, которыми обычно заканчивались собрания и манифестации фашистов; вместе с ним за организацию «пивного путча» в 1923 — 1924 годах отбывал срок заключения в Ландсбергской крепости. Первый том книги «Майн кампф» («Моя борьба») — этой библии нацизма и его программы — написан Гитлером с участием его тогдашнего секретаря Гесса.

По-видимому, не желая выпускать инициативу из своих рук, Гесс вмешался в разговор лишь на заключительной стадии обсуждения, в тот момент, когда в общем виде определились структура и компетенция карательных органов будущей Германии, характер

⁵⁹ СС — созданные Гитлером в 1925 году отряды безопасности для охраны его собственной персоны и расправы с его противниками. С января 1929 по апрель 1932 года количество эсэсовцев возросло более чем в 107 раз (с 280 человек до 30 тысяч). Верность войск СС — этой отборной гвардии фюрера — нацистскому режиму никогда не вызывала у Гитлера сомнений. В наиболее критический момент, в январе 1944 года, Гитлер, дав нелестную оценку профессиональным военным, возложил оборону важнейшего сектора фронта на войска СС, поставив во главе их рейхсфюрера СС Гиммлера // Manvell R., Fraenkel H. Heinrich Himmler. London, 1965. P. 24—29.

их взаимоотношений с другими государственными учреждениями и когда кто-то спросил Геббельса, откуда предполагается черпать для них кадры. Смысл оброненной Гессом в этой связи фразы, обратившей на себя внимание присутствовавших, сводился, во-первых, к тому, что, «если мы не сможем найти эти кадры, мы их непременно создадим». Во-вторых, основой создаваемой организации, как твердо считал Гесс, должна была стать опора на «массовую базу». Иными словами, курс был взят на практическое развертывание системы «тотального шпионажа» и внедрение ее во все сферы общественной жизни страны. Было ясно, что именно на репрессивно-террористический аппарат, как главную ударную силу подавления политических противников будущего режима, ограждения своей власти от всяких покушений, возлагают свои надежды Гитлер и его ближайшее окружение.

Очевидно, чтобы придать больший вес своим словам, Гесс заговорил вдруг о своем учителе и друге генерале Карле Гаусгофере, профессоре Мюнхенского университета, основателе института «геополитики», снабжавшем нацистских главарей, и прежде всего Гитлера, всякого рода «теоретическими наставлениями»⁶⁰. Проповедуемые «учеными» этого института человеконенавистнические идеи нацизма, пропагандируемая ими лженаука в соединении с «расовой теорией» небезызвестного Розенберга⁶¹ послужили «идеологическим» обоснованием гитлеровской захватнической программы и политики империалистической экспансии и государственного терроризма. В институте «геополитики» Гесс провел ряд лет, изучая нравы и обычаи японцев. Затем он сузил рамки своего исследования и подготовил трактат на тему: «Система и методы японского шпионажа». Некоторое время спустя Гесс разработал и представил Гитлеру проект создания разведывательной системы будущей Германии, как нельзя лучше отвечавшей идеологическим и политическим установкам фашизма. Отличительной чертой этой системы, заимствованной Гессом у японцев, должна была стать ее «массовая база». Гесс сформулировал три заповеди, которые легли в основу нацистской доктрины «тотального шпионажа»: «Каждый может быть шпионом», «Каждый должен быть шпионом», «Нет такой тайны, которую нельзя было бы узнать». Высказывания Гесса произвели большое впечатление на собравшихся, и за ним прочно укрепилась репутация выдающегося специалиста в данной области.

Военная экспансия, развязывание агрессии против других народов, о которой помышляли нацисты, возможно было, по их мнению, лишь при условии подавления демократических сил внутри страны. А для этого необходимо, чтобы действиям службы безопасности и разведки был придан всеохватывающий характер и они не были бы связаны законом. Таков общий вывод, к которому пришли сподвижники Гитлера в результате обсуждения проекта организации карательного аппарата фашистского режима. Иначе говоря, уже тогда закладывались основы того, что со временем поставило этот аппарат, и прежде всего службу безопасности, над самыми высшими органами государства и нацистской партии.

В декабре 1932 года Гитлер назначил Гесса своим заместителем по руководству нацистской партией⁶². Став вторым человеком в рейхе, Гесс вплотную принялся за

⁶⁰ Именно от Гаусгофера была воспринята Гитлером идея завоевания Германией «жизненного пространства», ставшая одной из первооснов национал-социалистского мировоззрения и сыгравшая зловещую роль в идеологической подготовке фашистской агрессии // Dorpalen A. The World of General Haushofer Geopolitics in Action. New York, 1942. P. 17.

⁶¹ Альфред Розенберг, «специальный уполномоченный фюрера по централизованной разработке вопросов, связанных с восточными районами», в июле 1941 года был назначен на пост имперского министра по делам оккупированных восточных территорий.

⁶² В 1940 году Р. Гесс с ведома Гитлера один перелетел в Англию на истребителе «Мессершмитт», надеясь при содействии герцога Гамильтона, с которым завязал тесное знакомство в 1936 году во время Олимпийских игр в Берлине, добиться заключения мирного договора между Германией и Великобританией. Таким образом нацисты хотели избежать войны на два фронта, а также попытаться организовать совместный «крестовый

внедрение системы «тотального шпионажа», характерными чертами которой были непомерно большой территориальный размах подрывных действий, стремление опутать будущие жертвы агрессии густой шпионской сетью и обеспечить слежку «всех за всеми» внутри страны с целью выявления и преследования противников нацистского режима.

НАЧАЛО КАРЬЕРЫ «РЕЙХСФЮРЕРА СС»

После прихода к власти нацистское руководство наметило меры, связанные с перестройкой государственного аппарата страны. Практическое их осуществление заняло период с конца марта 1933 до начала 1935 года. Штурмовые отряды (СА) были официально возведены в ранг вспомогательной полиции, которой отводилась исключительная роль в защите интересов фашистского государства. Газета «Дер СА манн» писала в январе 1934 года: «Новая Германия не могла бы существовать без бойцов СА... То, что сделано до сих пор, а именно захват власти в государстве и уничтожение... последователей марксизма, либерализма, уничтожение этих людей, — это только предварительная задача...»⁶³ СА были превращены в важнейшее орудие борьбы с ширившимся антифашистским движением. Полиции было запрещено вмешиваться в действия штурмовых отрядов, которым предоставлялась полная свобода. Выступая 3 марта 1933 года, Геринг взял под защиту отряды СА, учинившие расправу с коммунистами, заявив: «Я не собираюсь осуществлять правосудие. Моей задачей является только разрушение и уничтожение... Борьбу не на жизнь, а на смерть... я поведу... с помощью коричневорубашечников»⁶⁴.

В том же духе высказывался и Геббельс, который, дав высокую оценку насильственным действиям штурмовых отрядов, подчеркивал: «Внутренние политические оппоненты исчезли не по каким-то никому не известным тайным причинам. Нет, они исчезли потому, что движение наше располагало самым сильным оружием в стране и этим самым сильным оружием являлись отряды СА»⁶⁵.

Особая роль отводилась службе внутренней безопасности (СС), в рядах которой насчитывалось в середине 30-х годов 52 тысячи человек. Они использовались для проведения открытого и неограниченного террора и, так же как СА, в своих действиях могли не принимать во внимание никакие законы. Охранные отряды СС имели опознавательный знак черную форму с изображением черепа на фуражке как символа «безоговорочной готовности к смерти», абсолютного повиновения — мгновенного и без размышлений.

В начале 1929 года рейхсфюрером СС был назначен Генрих Гиммлер, секретарь могущественного в то время Грегора Штрассера, одного из нацистских главарей Баварии. Даже среди сподвижников Гитлера он выделялся своим фанатизмом, и именно ему выпала в дальнейшем роль обер-палача немецкого народа. Под его руководством охранные отряды (СС) превратились через некоторое время в личную охрану Гитлера и орудие расправы с его противниками. С приходом фашистов к власти Гиммлер был назначен начальником полиции Мюнхена, однако уже в конце 1933 года на него было возложено руководство всей полицейской системой Германии, за исключением Пруссии⁶⁶. Спустя некоторое время поход» против СССР. Миссия потерпела неудачу. Гесс был интернирован как военнопленный. После окончания войны он был предан суду как военный преступник и приговорен к пожизненному заключению. Умер в 1987 году.

⁶³ Нюрнбергский процесс. М., 1960. Т. 6. С. 85.

⁶⁴ Там же. С. 593.

⁶⁵ Там же. С. 712.

⁶⁶ Единоличным хозяином в Пруссии был Геринг. К тому времени он уже создал здесь политическую полицию, широко используя ее для расправы с противниками нацизма.

прусская полиция также перешла в ведение Гиммлера.

Рассказывают, что по первому впечатлению могло показаться, что Гиммлер, бывший коммерсант и школьный учитель, совершенно не подходил для подобной роли. Однако те, кто наблюдал его «в деле», утверждали, что этот внешне невозмутимый человек, отличавшийся безукоризненной исполнительностью, мог действовать с самой ужасающей жестокостью. Он обладал способностью молниеносно принимать чудовищные решения и тотчас же приводить их в исполнение, нисколько не задумываясь о последствиях, не соотнося их ни с какими моральными нормами.

Численность карательного аппарата с установлением фашистской диктатуры непрерывно увеличивалась, был санкционирован широкий простор для произвольного толкования его компетенции. Если к моменту захвата власти Гитлером в Германии насчитывалось 138 тысяч полицейских, то в конце 1934 года их было уже 437 тысяч (включая 250 тысяч ээсовцев). В канун второй мировой войны только отряды СС имели в своем составе 372 тысячи человек.

Положение, которого достигла служба СС в государстве и в самой нацистской партии, позволило Гиммлеру высоко вознестись над своими политическими коллегами и, располагая самыми полными сведениями об их образе мыслей, честолюбивых замыслах, он имел возможность контролировать их так же, как разветвленную сеть полиции безопасности и службы безопасности третьего рейха, подобно паутине, опутавшей все слои населения государства. Даже ближайшие сподвижники Гитлера, такие, как Геббельс и Геринг, считавшие себя всемогущими, вынуждены были, и не без оснований, остерегаться Гиммлера.

Тем не менее Гиммлер, как рейхсфюрер СС и начальник полиции империи, сосредоточивший в своих руках огромную власть, распространяющуюся на все области общественной жизни и управления, не был спокоен за тыл фашистской Германии. Незадолго до начала второй мировой войны в своем выступлении перед группой высших руководителей офицерского корпуса фашистского вермахта Гиммлер заявил: «В будущем нас ждет война не только на суше, на море и в воздухе. Перед нами будет также еще и четвертый театр войны — внутри Германии. Это та основа, из которой мы должны исходить»⁶⁷. И руководимый им карательный аппарат делал все для того, чтобы не допустить возможности появления этого фронта, а если «превентивные» меры окажутся недостаточными, с помощью системы «тотального шпионажа» своевременно обезвредить и уничтожить его. Словом, начав свой путь в службе телохранителей фюрера, «верный Генрих», как называл Гиммлера Гитлер, закончил его созданием организации «телохранителей для всей Третьей империи».

Таким образом, если антикоммунизм являлся для Гитлера своего рода теоретической платформой для оправдания совершаемых нацистами преступлений, то практика судопроизводства, следственные органы и, особенно, секретные службы нацистской Германии были тем механизмом, с помощью которого эти преступления против человечности совершались.

ИНСТРУМЕНТ ПОДГОТОВКИ ВОИНЫ

С установлением фашистского режима исключительно возросла роль разведывательных и контрразведывательных органов не только в развертывании террора против демократических сил внутри страны, но и в осуществлении преступных внешнеполитических акций германского империализма. Среди других звеньев государственного механизма, претерпевших коренные изменения, службы «тотального шпионажа» выдвинулись на первый план, их деятельность приобрела такие огромные масштабы, каких вообще не знала история Германии до прихода к власти нацистов. Это объяснялось прежде всего тем, что главарям третьего рейха для претворения в жизнь своей

⁶⁷ Archiv des Deutschen Instituts für Militärgeschichte. Bd. 77. S. 852.

захватнической программы требовалось хорошо знать состояние противостоящих сил, нащупать наиболее подходящий момент для начала агрессии, выбрать для нее лучшие стратегические условия, заблаговременно отработать возможные способы нападения и варианты оправдания агрессии в глазах мирового общественного мнения.

Словом, создание новой всеобъемлющей системы разведки, которая должна была служить «инструментом подготовки войны в наиболее выгодных условиях», стало важнейшей практической задачей национал-социалистского правительства. Можно с полным основанием утверждать, что без активного содействия служб «тотального шпионажа» гитлеровская Германия не смогла бы осуществлять свои агрессивные планы. Эти службы были неразрывно связаны с каждым отдельным актом фашистской агрессии, они имели самое непосредственное отношение к их разведывательному обеспечению, планированию и практическому осуществлению. Таким образом, «тотальный шпионаж», как и «тотальная война», органической частью которой он являлся, наиболее полно отвечал интересам монополистической буржуазии и самому существованию фашистской диктатуры, предельно реакционной и агрессивной по своей природе.

Важное место в разведывательном обеспечении планов агрессии отводилось появившемуся на свет в 1921. году абверу⁶⁸, становление и развитие которого протекали в особых условиях. Дело в том, что формирование и предполагавшееся в ближайшем будущем расширение рейхсвера, естественно, противоречили требованиям Версальского договора. Скрыть это можно было, по мнению немецкого генералитета, лишь всесторонне и надежно защитив рейхсвер и все, что с ним связано, от глаз иностранных разведок. А это возможно было лишь при наличии реорганизованной на новых началах и хорошо поставленной службы контрразведки.

По свидетельству западных исследователей, ускорению решения этой задачи способствовал такой любопытный факт. В те годы в качестве советника в шифровальном отделе имперского правительства подвизался некий Виникер, доцент высшей технической школы в Берлине, имевший репутацию крупного специалиста в области радиосвязи. В силу своего служебного положения Виникер имел прямой доступ к тому, что составляло святая святых военной шифровальной службы и службы связи Германии. В один прекрасный день при содействии Виникера сведения об этих тайнах оказались достоянием польской разведки, сам же Виникер исчез. С этого момента заметно улучшилась работа шифровальной службы и радиосвязи польской армии. Под влиянием этого факта и других случаев утечки информации немецкое военное командование пришло к выводу о необходимости наряду с формированием 100-тысячной армии иметь при министерстве рейхсвера службу контрразведки⁶⁹.

В первые годы существования Веймарской республики абвер представлял собой небольшую контрразведывательную организацию, разделенную на две группы: «Ост» и «Вест». Одновременно было создано так называемое розыскное бюро, в обязанности которого входил сбор материалов о революционерах и прогрессивно настроенных немцах Веймарской республики. Для работы на периферии имелись «абверштеллен», созданные при шести армейских военных округах и построенные по географическому принципу. Постепенно деятельность абвера в Германии и за границей стала охватывать также область

⁶⁸ «Абвер» в переводе с немецкого — «отражение нападения», «оборона», «защита». Однако, как мы будем иметь возможность убедиться в этом, агрессивный характер, преступные захватнические цели, которым служил абвер, а также используемые им для этого средства и методы в действительности не имели ничего общего с изначальным смыслом его названия, рассчитанным на то, чтобы ввести в заблуждение общественность внутри страны и за ее пределами.

⁶⁹ Подобным же приблизительно путем протекало и воссоздание генерального штаба, который также вопреки условиям Версальского договора возобновил свою деятельность под замаскированным названием «Управление войск» рейхсвера и в духе прежних традиций начал свою деятельность с подготовки молодых офицеров.

активной разведки и борьбу с секретными службами противника. Название «абвер» так и закрепилось за обеими группами — разведывательной и контрразведывательной. Первым руководителем абвера до 1927 года был майор Гемпп, работавший в немецкой военной разведке под руководством Вальтера Николаи еще с 1914 года⁷⁰. Как признает потом Гемпп, немецкая военная разведка создавалась в нарушение Версальского мирного договора, причем, с одной стороны, это делалось под видом усиления защиты рейхсвера, а с другой — существование разведывательной службы носило замаскированный характер. Гемпп имел указание генерала Ганса Секта обеспечить прикрытие части подразделений абвера в промышленности (работа в этом направлении была начата еще до заключения Версальского мирного договора). Гемпп вел переговоры с директором фирмы «Сименс и Гальске» и выяснил, что немецкие иностранные концерны к тому времени уже имели собственные разведывательные службы, занимавшиеся промышленным шпионажем за границей. Первую — «Немецкая заморская служба» — финансировал крупный промышленник Гутенберг, вторую — «Нунция» — два крупных металлургических предприятия. Министерство финансов ежегодно выделяло на нужды разведки несколько миллионов марок, но это обстоятельство в связи с пребыванием в Берлине союзной комиссии держалось в строгом секрете. Планы активизации шпионажа против Востока, в частности Советской России, обусловили необходимость расширения филиала абвера в Кенигсберге путем создания вспомогательных отделений в Алленштайне, Мариенбурге и Гумбинене. Главным их назначением был подбор, подготовка и засылка агентуры на территорию Польши и Советского Союза. По свидетельству Гемппа, к 1927 году была завершена перестройка и службы контрразведки: расширился ее численный состав, пополнившийся за счет молодых офицеров различных родов войск. Руководство всей разведывательной и контрразведывательной работой, проводившейся как в армии, так и военно-морском флоте, было сосредоточено в едином органе, что позволило устранить параллелизм в действиях отдельных подразделений и их независимость друг от друга, характерные для раннего периода германской военной разведки.

Новое в деятельности военной разведки на данном этапе состояло в том, что ее щупальца стали протягиваться к десяткам политических организаций и офицерам абвера вменили в обязанность информировать генералов рейхсвера о пестром конгломерате партий и политических групп Германии. Особую активность в этом проявлял капитан Эрнст Рем, располагавший широкой сетью тайных информаторов⁷¹.

Поскольку в то время материальные средства абвера все же были ограничены, насаждение агентурной сети в странах, расположенных далеко от Германии, равно как и расширение разведывательного аппарата в самом центре, наталкивалось на определенные трудности. Этим объясняют то, что обе группы абвера сосредоточили свое внимание на ближайших соседях Германии и ее потенциальных противниках в первый период

⁷⁰ Гемппа сменил в 1928 году полковник Швантес, а его в 1929 году — полковник Бредов. В 1933 году этот пост занял капитан корабельной службы Патциг, который из-за конфликта с гестапо через год был смещен.

⁷¹ В качестве негласного осведомителя разведывательного подразделения баварской группы рейхсвера начал свою политическую карьеру в мае 1919 года и будущий фюрер Адольф Гитлер, которого агентура Рема характеризовала как «потасканного и озлобленного юношу». Любопытно то, что именно Николаи по поручению генерал-фельдмаршала Э. Людендорфа, не занимавшего в ту пору официального поста в рейхсвере, но пользовавшегося огромным влиянием в стране, специально встречался с Гитлером в Мюнхене незадолго до так называемого «пивного путча», преследовавшего цель захвата власти в Баварии, а затем и в Германии. Встреча происходила на квартире доктора Шойбнер-Рихтера, доверенного лица Людендорфа. Николаи должен был беседовать с Гитлером как руководителем национал-социалистского движения и доложить свое мнение о нем и его возможностях. Общий итог своих впечатлений Николаи дал в следующих словах: «Гитлер по своим убеждениям является крайним националистом, человеком хотя и с ограниченными способностями, но в то же время с весьма большими замыслами, способными увлечь толпу». Эта оценка, как считал Николаи, сыграла определенную роль в том, что генерал-фельдмаршал согласился участвовать в нацистском путче 9 ноября 1923 года. В связи с его провалом Людендорф, Гитлер и Гесс были судимы и оказались в тюрьме.

планируемой войны.

Профессиональная подготовка сотрудников абвера, за редким исключением, превосходила средний уровень подготовки тогдашнего немецкого офицерства. Основу его личного состава образовали офицеры рейхсвера, вынужденные после окончания первой мировой войны уйти в отставку или отправиться работать за границу, где они поступили на службу преимущественно в коммерческие фирмы. Там они, используя свое положение, имели возможность хорошо изучить обстановку и приобрести определенные знания, пригодившиеся им затем в абвере. Многие из них, пройдя основательную специальную подготовку, перед тем как получить назначение на оперативные должности в абвере, были вновь направлены в знакомые им страны, чтобы собрать сведения, в которых нуждалось военное командование, и в то же время заложить там базу для развертывания разведывательной работы в будущем.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НИКОЛАИ НА ПОПРИЩЕ ТАЙНОЙ ВОЙНЫ

Исключительно важную роль в становлении абвера в середине 20-х и начале 30-х годов сыграл полковник в отставке Николаи.

Во время первой мировой войны он возглавлял знаменитое Третье бюро, представлявшее собой руководящий центр разведывательной службы германских вооруженных сил⁷². Возвращение Николаи на поприще международного шпионажа было вполне естественным. По ряду соображений его кандидатура считалась наиболее подходящей для руководства этой работой. Во-первых, он обладал огромным опытом разведывательной работы в условиях войны и всей своей предыдущей карьерой был как бы предназначен для той роли, которую ему отводили нацистские главари, видевшие в нем незаурядного профессионала. Во-вторых, он вполне разделял идеи национал-социалистов, стремившихся к расширению «жизненного пространства» Германии. Сближению Николаи с нацистами способствовало то обстоятельство, что в последние годы перед приходом к власти Гитлера, особенно в период 1928-1932 годов, он близко сошелся с генералом Э. Людендорфом, который был фактическим главнокомандующим германской армии во время первой мировой войны. Это был один из главных идеологов и ярый проповедник «тотальной войны», с которым Гитлер еще в 1923 году заключил союз для совместных действий.

Следует отметить, однако, что после заключения Версальского мирного договора полковнику Николаи пришлось пережить грудные дни. Военное министерство, не желавшее, очевидно, возбуждать общественное мнение, внезапно прекратило всякие отношения с этим когда-то весьма могущественным человеком, хорошо известным за кулисами официальной германской политики. Оказавшись не у дел, Николаи обратился к властям за разъяснением, как поступить с архивами Третьего бюро (военная разведка), содержащими множество важных секретных документов. Однако никто в Берлине не захотел тогда связывать себя с этими «взрывоопасными» архивами, и Николаи было предложено уничтожить их. Но чутьем профессионала угадав, куда идет дело, и предвидя, что архивы могут еще сослужить неоценимую службу в будущем, он решил скрыть их от победителей и сохранить до «лучших времен», поместив в надежном месте. В итоге более 48 тысяч досье и картотека агентуры перекочевали в Восточную Пруссию, в имение крупного помещика, знакомого Николаи. Здесь они оставались всего несколько месяцев. Затем Альфред Гугенберг, бывший председатель совета директоров крупновского концерна и владелец издательства «Шарль», согласился предоставить под архивы одно из принадлежащих ему помещений⁷³.

⁷² В составе этой организации еще накануне первой мировой войны было учреждено «Центральное бюро по высшему руководству разведкой в России», возглавляемое германским генеральным штабом. В своих действиях оно использовало различные акционерные компании, торговые фирмы и предприятия.

⁷³ Во время перевозки документов в Берлин бесследно исчезло более 3 тысяч досье. Позднее выяснилось, что некий бельгийский профессор Бюллюс, работавший на бельгийскую разведку, выкрал их и переправил в Брюссель.

Ждать «своего часа» Николаи пришлось не долго: вскоре бывший глава службы военного шпионажа в кайзеровской Германии, знавший механизм работы разведки до тонкостей, получил приглашение принять участие в нелегальном формировании «Черного рейхсвера»⁷⁴, ставшего прямым наследником прусско-германской армии и ее милитаристских традиций. Воспользовавшись отведенной ему ролью посредника между военным министром Геслером и влиятельным в правящих кругах генералом Куртом фон Шлейхером и их доверенного лица, Николаи вплотную занялся давно обдуманым им делом — возрождением в составе имперского военного министерства (правда, пока еще в завуалированной форме и в миниатюре) специальной службы, получившей название «Отдел охраны» (контрразведка)⁷⁵.

Будучи последовательным сторонником взглядов генерала Э. Людендорфа, Николаи упорно отстаивал идею, согласно которой «тотальная война», не делавшая различия между армией и мирным населением страны, подвергшейся нападению, требует создания разведки нового типа. Она должна была представлять собой органическое соединение разведывательной службы старого образца, основанной на использовании профессионалов шпионажа и диверсии, с новой широко разветвленной системой («тотальным шпионажем»), направленной на подрыв военно-экономического потенциала и ослабление внутренних сил будущего противника. Такое соединение позволяло, по словам Николаи, сделать новую систему непохожей ни на одну из прежних и придать разведке «огромное, ни с чем не сравнимое могущество». Главным назначением, краеугольным камнем системы «тотального шпионажа» Николаи считал разведывательное обеспечение планирования, подготовки и ведения «тотальной войны».

Итак, «прославленный» организатор шпионажа, тяжело переживший поражение германского империализма в первой мировой войне и формально, казалось бы, отошедший от дел разведки (имя его уже не фигурировало ни в военных справочниках, ни в военной литературе), вновь появился на авансцене тайной войны. Рвавшиеся к власти нацистские главари решили предоставить ему полную свободу рук в создании совершенной разведывательной машины. И он охотно пошел на службу к новым хозяевам, считая, что за ними реальная власть. В мае 1932 года Николаи был приглашен в Мюнхен, чтобы в качестве представителя верховного командования (хотя юридически он больше не принадлежал к офицерскому корпусу) выступить перед небольшой группой военных деятелей, сторонников возрождения военного могущества страны, с лекцией на тему: «Германия в будущей войне». По свидетельству очевидцев, заявление Николаи о том, что Германия должна без объявления войны, в результате одного лишь колоссального по масштабам воздушного наступления раздавить своего противника, вызвало шумное ликование аудитории.

Три недели спустя было объявлено о предстоящем выступлении Николаи в «Коричневом доме», где размещалось тогда центральное правление национал-социалистской партии. В действительности он был вызван в Мюнхен для участия в уже упоминавшемся сборище на берлинской квартире Рема ближайших приспешников фюрера. Вовлечение Николаи в обсуждение вопроса о разведывательном и карательном аппарате будущей Германии свидетельствовало о том, что нацистская верхушка рассматривает его как своего единомышленника и даже делает на него в делах разведки определенную ставку как на своего тайного советника.

Придя к власти, Гитлер тотчас же по настоянию военного министра издал

⁷⁴ Речь идет о неофициально существовавших вооруженных отрядах, готовых в любой момент сделать все, что им прикажут. Скрытая подготовка к возрождению рейхсвера началась в 1926 году.

В 1930 году был принят план довести численность «Черного рейхсвера» к 1938 году до 300 тысяч человек. В действительности же к тому времени он насчитывал в своих рядах около 4 миллионов человек.

⁷⁵ Вначале основные функции этого отдела заключались в защите рейхсвера от проникновения вражеских разведок.

распоряжение, признающее за последним исключительные полномочия во всем, что было связано с защитой вермахта, государства и экономики от шпионажа и диверсий. Полномочия распространялись на все области разведывательной и контрразведывательной деятельности.

К этому времени, в первую очередь благодаря усилиям Николаи, абвер был реорганизован, а его штат значительно расширен; за ним сохранялись старые привилегии и даровались новые. Он наделялся исключительными правами в части ведения разведывательной и контрразведывательной работы за пределами страны. Абвер не был придан какому-нибудь одному виду вооруженных сил, а должен был обслуживать вермахт в целом, включая армию, военно-морские и военно-воздушные силы. В последующие годы он превратился в мощную, широко разветвленную организацию, сыгравшую важную роль в планировании, подготовке и развязывании захватнических войн. Набиравший силу абвер ускорял бег к подготавливаемому главарями фашистской Германии военному конфликту. Кроме того, ему надлежало обеспечить охрану тайны, в которой рождались преступные агрессивные планы Гитлера.

Что касается самого Николаи, которому абвер в значительной степени был обязан своим возрождением, то после установления фашистской диктатуры он внешне отошел на второй план, как того требовала политическая осторожность. Гитлер, чтобы отвлечь внимание иностранных наблюдателей от широко известной личности Николаи, громогласно объявил о назначении его главой Института истории новой Германии, поручив ему заняться исследованием истории первой мировой войны⁷⁶. Это был тщательно продуманный прием дезинформации мировой общественности. В действительности у Николаи и в мыслях не было менять профессию. Такое не входило в планы самих нацистов, прибегавших ради сокрытия своих преступных целей к любым формам камуфляжа. Николаи упорно, как опытный профессионал, оказывал различные услуги лично Гитлеру, обеспечивая его соответствующей информацией, и методично работал над укреплением военной разведки, расширением ее возможностей и повышением престижа. Обладая огромной творческой фантазией, Николаи как координатор действий органов военной разведки был, по оценке руководящих деятелей абвера, занят поиском более эффективных форм работы для получения достоверной информации о противнике и «внес много нового в организацию, методы и приемы» этого шпионского ведомства, занявшего главенствующее положение в осуществлении разведки за границей и контрразведки внутри страны. Все эти нововведения, повышавшие популярность Николаи, в полной мере отвечали требованиям нацистских главарей. Однако его имя предусмотрительно не упоминалось в прессе и даже не попадало в армейские справочники до тех пор, пока Гитлер и его сообщники не отбросили всякую маскировку проводившейся ими подготовки к войне. Лишь после этого полковник Николаи, устремления которого вполне совпадали с планами нацистских главарей, «всплыл на поверхность» и был официально объявлен координатором военной разведки, на выработку стратегии которой он все это время оказывал большое влияние.

Как потом вспоминал сам Николаи, среди множества забот, появившихся у него на этом посту, на первом месте стояли реорганизация абвера и создание в составе генерального штаба вермахта отдела «Иностранные армии Востока». Одновременно он обеспечивал координацию действий разведывательных служб видов вооруженных сил и разведки министерства иностранных дел, стремясь придать шпионажу всеобъемлющий характер. Определяя направление разведывательной стратегии, Николаи упорно насаждал мнение, что область интересов этого комплекса секретных служб должна иметь неограниченный, тотальный характер, широко охватывать и сферу экономики будущего противника⁷⁷. Это

⁷⁶ Известно, что в идеологической подготовке империализмом новых войн большое место занимала фальсификация истории, в частности истории первой мировой войны. В эпицентре идеологической борьбы находился прежде всего вопрос о виновниках войны.

⁷⁷ Объяснение этому мы находим в мемуарах В. Николаи, который, анализируя главный урок из опыта германской разведывательной службы периода первой мировой войны, признавал допущенную им ошибку: не сумел подготовить свое ведомство к ведению экономической разведки. В результате, подчеркивал он, было

должно обеспечиваться активным использованием хорошо подготовленных, опытных разведчиков за рубежом и широким вовлечением в шпионскую деятельность в пользу Германии иностранцев. Девизом Николаи служило часто повторяемое им изречение: «Врага надо ненавидеть. Но не менее важно еще и знать его».

В 1939 году полковник Николаи предложил Канарису вновь официально использовать его по линии управления разведки и контрразведки вермахта, но тот, не желая, очевидно, иметь в качестве подчиненного своего столь знаменитого предшественника, отклонил его просьбу, сославшись на преклонный возраст полковника. Хотя наставления Николаи и были исходными в формировании профессиональных воззрений самого Канариса, он, как мы увидим, пошел значительно дальше его.

Такова история становления нацистской системы «тотального шпионажа», острие которого было направлено прежде всего против Советского Союза.

НАЧАЛО ВОИНЫ

Можно со всей определенностью сказать, что система нацистского «тотального шпионажа» внешне казалась очень внушительной. И на этом строился определенный расчет.

Это был сложный, разветвленный комплекс разведывательных организаций — огромный невидимый механизм, взаимодействие всех частей которого обеспечивал «Штаб связи» во главе с Гессом, поставленным на вершину пирамиды. Каждая из этих тайных организаций создавала за границей свои опорные пункты и выстраивала звенья общей шпионской цепи, которой гитлеровская Германия опутывала многие страны мира. Словом, за небольшой срок с 1935 года до начала второй мировой войны была создана достаточно мощная система разведывательных организаций, полностью ориентированная на подготовку «большой войны». Правители третьего рейха считали, что еще до того, как будут развязаны военные действия, должен быть ослаблен оборонный потенциал будущего противника. Война, по их представлениям, должна была явиться завершающим открытым ударом, нанесенным по жертве после того, как силы ее будут предварительно подорваны изнутри.

В данном изложении речь не идет о всех компонентах разведывательной системы гитлеровской Германии, общее количество которых исчислялось десятками, а лишь о ее главных составных частях, которым принадлежала основная роль в подрывной деятельности, направленной против Советского Союза.

АБВЕР ГОТОВИТ ОПЕРАЦИЮ «ВАЙС»

Среди организаций «тотального шпионажа» третьего рейха на первый план, по понятным причинам, выдвинулся абвер — управление разведки и контрразведки при верховном главнокомандовании вооруженных сил Германии. Его штаб-квартира размещалась в блоке фешенебельных зданий на Тирпещуфер, где со времени коронации кайзера Вильгельма II располагалось военное министерство⁷⁸.

Общее назначение абвера состояло в том, чтобы тайными средствами проложить дорогу вооруженной агрессии. Прежде всего за несколько лет он должен был обеспечить немецко-фашистский генералитет разведывательной информацией, на базе которой предполагалось развернуть планирование агрессии против Австрии, Чехословакии, Польши, Дании и Норвегии, Франции, Бельгии, Голландии и Люксембурга, Англии, Югославии и Греции, Крита, Советского Союза, Швейцарии, Португалии. Тогда же при содействии абвера проигнорировано превосходство экономики противной стороны, особенно после вступления в войну Соединенных Штатов Америки, что в значительной мере предопределило поражение Германии.

⁷⁸ Интенсивные бомбардировки Берлина авиацией союзников заставили абвер, как и другие ведомства рейха, покинуть столицу. 19 апреля 1943 года он переехал в Цоссен, в 20 километрах южнее Берлина.

верховное командование вермахта приступило к разработке военных операций против Соединенных Штатов Америки, стран Ближнего и Среднего Востока и Африки.

«Восхищаясь английскими традициями и институтами британской мировой империи, — пишет Г. Буххейт, Гитлер вынашивал планы создания всеобъемлющей секретной службы наподобие Интеллидженс сервис. Это намерение должно было рано или поздно вылиться в создание службы безопасности СС — СД»⁷⁹.

Так оно, собственно, и случилось. Однако в первые годы существования фашистской диктатуры (1933—1934) практически никто не был в состоянии серьезно оспаривать приоритет абвера в делах разведки и контрразведки. Частично это объяснялось тем, что Гитлер тогда еще не мог сбросить со счетов рейхсвер, представлявший собой важный фактор в государстве. Но только частично. Главной же причиной служило другое: абверу к началу войны удалось опередить другие секретные службы и создать хорошо функционирующий и вполне подготовленный для работы в военных условиях разведывательный аппарат. К этому времени уже четко обозначалась отличительная черта нацистской системы военного шпионажа — полное подчинение задаче обслуживания агрессивной программы правителей третьего рейха. Информация о противнике рассматривалась как одно из важнейших средств ведения войны.

Достигший к 1938 году, к моменту открытой подготовки агрессивной войны, своего наибольшего расцвета, абвер, задавшись целью прощупать стратегические возможности будущего противника, активно включился в работу по сбору данных о состоянии его вооруженных сил и оборонной промышленности. Для этого он планомерно опутывал агентурной сетью страны, на которые намеревалась напасть фашистская Германия.

В общем абвер, который из внутривластного органа рейхсвера, каким он в первую очередь являлся до сих пор, в условиях восстановления вооруженных сил превращался в военную и поэтому в основном во внешнеполитическую разведывательную службу. Взяв на себя роль оперативного штаба по руководству деятельностью разветвленных органов военной разведки, он становился орудием самых милитаристских и реакционных сил военщины, в союзе с которой германский фашизм готовил страну и народ к захватнической войне. К такому выводу приходит большинство западных и советских авторов, исследующих историю абвера, хотя, как известно, доступный материал — документы, протоколы, оперативные сводки, служебные дневники абвера — отсутствует. Многие принимавшиеся руководством абвера решения в интересах сокрытия их преступной сути излагались в устной форме или же если и находили выражение в письменном виде, то в силу тайного характера выполняемых военной разведкой функций носили кодированный характер. В ходе отступления немецких войск и накануне окончательного поражения фашистской Германии отдельные службы абвера уничтожили почти все скопившиеся оперативные материалы. И наконец, большое количество документов было уничтожено гестапо, когда нацистский режим агонизировал, дабы они не могли быть использованы в качестве вещественных улик. Тем не менее и попавшие в поле зрения исследователей материалы позволяют составить достаточно полное представление о месте абвера в механизме агрессии и, в частности, его роли в планировании, подготовке и развязывании второй мировой войны.

... Это произошло 25 августа 1939 года. В тот день Гитлер отдал вермахту приказ: 26 августа в 4 часа 15 минут утра совершить внезапное нападение на соседнюю Польшу. Сформированный абвером особый отряд, возглавляемый лейтенантом А. Херцнером, отправился на выполнение важного задания высшего командования. Ему предстояло захватить горный проход через Бланковский перевал, имевший особое стратегическое значение: он представлял собой как бы ворота для вторжения гитлеровских войск с севера Чехословакии в южные районы Польши. Отряд должен был «снять» местную пограничную охрану, подменив ее переодетыми в польское обмундирование своими солдатами, сорвать возможную попытку поляков заминировать железнодорожный туннель и очистить участок

⁷⁹ Buchheit J. Der deutsche Geheimdienst. Geschichte der Militärischen. Abwehr. S. 42—43.

железной дороги от искусственных заграждений.

Но случилось так, что рации, которыми был оснащен отряд, не смогли принимать сигналы в условиях сильно пересеченной и лесистой местности. В результате Херцнер не смог узнать, что дата нападения на Польшу переносится с 25 августа на 1 сентября⁸⁰.

Отряд, имевший в своем составе говоривших по-польски «фольксдойче» (то есть немцев, проживавших вне территории рейха), справился с поставленной перед ним задачей. Рано утром 26 августа лейтенант Херцнер объявил более чем двум тысячам ничего не подозревавших польских горняков, офицеров и солдат, что они взяты в плен, запер их в складских помещениях, взорвал телефонную станцию и, как ему предписывалось приказом, «без боя» захватил горный проход. Вечером того же дня отряд Херцнера отступил. Первые жертвы второй мировой войны остались лежать на перевале...

СВИДЕТЕЛЬСТВА ГЕНЕРАЛА ЛАХУЗЕНА: ПРАВДА О ГЛИВИЦЕ

Общеизвестно, что перед началом второй мировой войны произошел один эпизод немецкие граждане в польской униформе напали на немецкую радиостанцию в Глейвице (Гливице), расположенную на границе с Польшей. Нацисты хотели представить свои агрессивные действия, с помощью которых и была развязана война, в виде оборонительных мер. Этот трюк нацистской верхушки долгое время оставался в полной тайне. Впервые об этом рассказал бывший заместитель начальника абвера генерал Лахузен Международному военному трибуналу в Нюрнберге⁸¹.

«Дело, о котором я буду давать показания, — заявил тогда Лахузен, — относится к числу наиболее таинственных, осуществленных разведкой. За несколько дней, за какое-то время до этого — мне кажется, это было в середине августа, точную дату можно установить в журнале отдела — I отдел и мой отдел, то есть II, получили указание раздобыть польские мундиры и экипировку, а также солдатские книжки и другие армейские польские вещи для акции под кодовым названием „Гиммлер“. Указание это... Канарис получил из штаба вермахта или же из отдела обороны рейха... Канарис сообщил нам, что узники концентрационных лагерей, переодетые в эту форму, должны были совершить нападение на радиостанцию в Гливице... Даже люди из СД, которые принимали в этом участие, были убраны, то есть убиты»⁸².

Об операции в Гливице говорит в своих мемуарах и Вальтер Шелленберг, ссылаясь на информацию, полученную им в доверительной беседе с тогдашним сотрудником СД Мельхорном. По словам Мельхорна, в последних числах августа 1939 года его вызвал к себе шеф имперской службы безопасности Гейдрих и передал приказ Гитлера: к 1 сентября

⁸⁰ Дело в том, что, получив 25 августа сведения о подписании в Лондоне англо-польского союзного договора, а также сообщение Муссолини о том, что в случае возникновения вооруженного конфликта с западными державами Италия из-за состояния ее военной подготовки не сможет немедленно выступить на стороне Германии, Гитлер неожиданно перенес дату вторжения. Срочно вызванному к нему Кейтелю он отдал приказ немедленно приостановить наступление войск. Поскольку произошло это буквально в последнюю минуту, связанные офицеры были вынуждены догонять на военных машинах войска, находящиеся на марше. В некоторых случаях приказ не успел дойти вовремя, и на отдельных участках германо-польской границы немецкие войска начали предусмотренные планом вторжения «специальные операции» // История дипломатии. М., 1965. Т. III. С. 799.

⁸¹ Во время выступления в суде свидетеля Лахузена, который, опираясь на документы, восстановил в подробностях картину вооруженной провокации в Гливице, а также рассказал о причастности Геринга, Кейтеля и Йодля к принятию решений о бомбардировке Варшавы и уничтожении польской интеллигенции, возбужденный, потерявший самообладание Геринг обозвал его изменником, о ком забыли 20 июля 1944 года. При этом он ссылаясь на Гитлера, пришедшего якобы к концу войны к выводу, что германская военная разведка оказалась гнездом изменников // Полторак А. И. Нюрнбергский эпилог. М., 1969. С. 124.

⁸² Цит. по: Малцужинский К. Преступники не хотят признать своей вины. М., 1979. С. 286-287.

любой ценой создать конкретный повод для нападения на Польшу, благодаря которому она предстала бы в глазах всего мира инициатором агрессии. Запланировано, продолжал Мельхорн, произвести нападение на радиостанцию в Гливице. Фюрер поручил Гейдриху и Канарису взять на себя руководство этой операцией. Польская униформа уже доставлена со складов вермахта по распоряжению генерал-полковника Кейтеля⁸³.

На вопрос Шелленберга, откуда же думают взять поляков для планируемого «нападения», Мельхорн ответил: «Дьявольская хитрость этого замысла состояла в том, чтобы в польскую военную форму одеть немецких уголовников и заключенных концлагерей, дав им оружие польского производства и инсценировав нападение на радиостанцию. Нападавших было решено гнать на пулеметы специально установленной для этого „охраны“.

Некоторые подробности этой преступной вооруженной акции сообщил на допросе у военного следователя США и другой ее участник — уже упоминавшийся нами ответственный сотрудник службы безопасности Альфред Науйокс. Как явствует из его показаний, данных под присягой в нюрнбергской тюрьме, начальник главного имперского управления безопасности Гейдрих около 10 августа 1939 года дал ему задание инсценировать нападение на здание радиостанции в Гливице, создав видимость, что нападающими были поляки. «Для иностранной печати и для немецкой пропаганды, — сказал ему Гейдрих, — нужно практическое доказательство этих польских атак...» Науйоксу предстояло занять радиостанцию и удерживать ее столько времени, сколько потребуется для прочтения перед микрофоном заранее заготовленного в СД текста. Как планировалось, это должен был сделать знающий польский язык немец. В тексте содержалось обоснование того, что «пришла пора для битвы между поляками и немцами».

Науйокс прибыл в Гливице за две недели до событий и должен был ждать там условного сигнала начала операции. Между 25 и 31 августа он посетил начальника гестапо Мюллера, штаб-квартира которого в связи с готовившейся операцией временно располагалась недалеко от места действий, в Опале⁸⁴, и обсудил с ним детали операции, в которой должны были участвовать более десятка приговоренных к смерти уголовников, именованных «консервированным товаром». Одеты в польскую униформу, они должны были быть убиты в ходе нападения и оставлены лежать на месте происшествия, с тем чтобы можно было доказать, будто они погибли во время атаки. На заключительной стадии предполагалось доставить в Гливице представителей центральной прессы. Таков был в общих чертах план провокации, санкционированной на самом высоком уровне.

Мюллер сообщил Науйоксу, что имеет указание Гейдриха выделить ему одного из уголовников. Днем 31 августа Науйокс получил зашифрованный приказ Гейдриха, согласно которому нападение на радиостанцию должно было состояться в тот же день в 20. 00. После его обращения к Мюллеру за «консервированным товаром» выделенный ему уголовник был доставлен поближе к месту действий. Хотя Науйокс не заметил на нем огнестрельных ран, все лицо его было в крови, и он находился в бессознательном состоянии, в таком виде его бросили у самого входа на радиостанцию.

Как и замышлялось, в установленное время на рассвете группа нападения заняла радиостанцию, и по аварийному радиопередатчику был передан трех-четырёхминутный текст-обращение. После этого, выкрикнув несколько фраз на польском языке и произведя до десятка беспорядочных выстрелов из пистолетов, участники налета ретировались, предварительно расстреляв своих пособников, — их тела затем демонстрировались как

⁸³ По словам Шелленберга, на следующий день Мельхорн доложил Гейдриху об отказе от поручения, якобы на том основании, что состояние его нервной системы не позволяет ему выполнить такой приказ, и упорно продолжал стоять на своем. В тот же день Гейдрих откомандировал его в распоряжение министерства внутренних дел // Schellenberg W. The Labyrinth. Memoirs. P. 50.

⁸⁴ Как утверждал потом Науйокс, Мюллер в его присутствии обсуждал с подчиненными план организации другого пограничного инцидента, который должен был служить той же цели, что и акция «Гиммлер»: на этот раз предполагалось инсценировать атаку польских солдат на германские подразделения.

трупы «польских военнослужащих», якобы напавших на радиостанцию. Большая пресса обыграла все это как «успешно» отраженное «вооруженное нападение» на радиостанцию в Гливице⁸⁵.

1 сентября в 10 часов утра, спустя пять часов после налета на радиостанцию, Гитлер, как и было предусмотрено, выступил в рейхстаге с речью, обращенной к немецкому народу. «Многочисленные вторжения поляков на германскую территорию, в том числе нападение регулярных польских войск на пограничную радиостанцию в Гливице», начал свою речь фюрер и затем, ссылаясь на события в Гливице, обрушился с угрозами в адрес Польши и ее правительства, представив дело таким образом, будто причиной предпринятых Германией военных действий явились «недопустимые польские провокации».

Министерство иностранных дел рейха в тот же день направило всем своим дипломатическим представительствам за границей телеграмму, в которой они извещались о том, что «в целях защиты от польского нападения германские подразделения начали сегодня на рассвете операцию против Польши. Эту операцию в настоящее время не следует характеризовать как войну, но лишь как стычки, спровоцированные польскими атаками»⁸⁶. Через два дня послы Англии и Франции передали Германии от имени своих правительств ультиматум. Но это уже не могло остановить Гитлера, поставившего своей целью во что бы то ни стало вывести Германию к границам Советского Союза, овладеть «барьером, разделявшим Россию и рейх». Ведь, согласно замыслам нацистов, территории Польши предстояло стать основным плацдармом, с которого должно было начаться вторжение в СССР. Но сделать это было невозможно без завоевания Польши и договоренности с Западом. Захват Польши гитлеровская Германия готовила еще с 1936 года. Но конкретная разработка и принятие стратегического плана вооруженной агрессии, именуемого «Вайс», относятся, согласно данным абвера, к апрелю 1939 года; его основой должны были явиться внезапность и быстрота действий, а также сосредоточение подавляющих сил на решающих направлениях. Вся подготовка к нападению на Польшу осуществлялась в строжайшей тайне. Войска скрытно под предлогом проведения учений и маневров перебрасывались в Силезию и Померанию, со стороны которых должны были наноситься два мощных удара. К концу августа войска, насчитывавшие более 57 дивизий, почти 2, 5 тысячи танков и 2 тысячи самолетов, были готовы для внезапного вторжения. Они ждали лишь команды.

3 сентября с Ангальтского вокзала в Берлине в направлении польской границы отошли три специальных состава. Это были поезда со штабами родов войск вермахта, а также штабами Геринга и Гимmlера. В поезде рейхсфюрера СС Гимmlера находился Шелленберг, только что назначенный начальником отдела контрразведки гестапо в недавно созданном главном имперском управлении безопасности.

Следует отметить, что в результате длительной и планомерной работы абвера и других служб «тотального шпионажа» немецкое командование к моменту нападения на Польшу располагало достаточно полными данными об организации ее вооруженных сил, знало многое из того, что касалось планов их стратегического развертывания на случай войны, количества дивизий, их вооружения и оснащения боевой техникой. Накопленные сведения со всей очевидностью свидетельствовали о том — к такому выводу пришли нацисты, — что польская армия не подготовлена к войне. И по численности, и тем более по количеству вооружения и боевой техники она значительно уступала немецко-фашистской армии.

Подрывные действия нацистов не ограничивались лишь поставленным с большим размахом военным шпионажем. Набор приемов и средств, использованных для того, чтобы заблаговременно дезорганизовать тыл будущего противника, парализовать его сопротивление, был значительно шире.

⁸⁵ За это Мюллер был награжден пряжкой к «Железному кресту», полученному им во время первой мировой войны.

⁸⁶ Малцужинский К. Преступники не хотят признать своей вины. С. 290.

Прежде всего подняла голову «пятая колонна», которая, согласно установке Гитлера, должна была подготовительными мероприятиями психологически разложить, деморализовать и привести в состояние готовности капитулировать. «Необходимо, — говорил Гитлер, — опираясь на агентуру внутри страны, вызывать замешательство, внушать неуверенность и сеять панику с помощью беспощадного террора и путем полного отказа от всякой гуманности»⁸⁷.

Известно, что с весны 1939 года абвер и СД активно занялись подстрекательством «народных восстаний» в Галиции и некоторых других украинских районах, находившихся под контролем Польши. Имелось в виду заложить базу «западноукраинской государственности» с прицелом на последующий аншлюс Советской Украины. Уже после нападения на Польшу Кана-рис получил приказ устроить под видом «восстания» в украинских и белорусских районах массовую резню среди проживавших там поляков и евреев, а затем приступить к формированию «независимого» украинского образования⁸⁸. Подписанный Гитлером 11 апреля 1939 года план «Вайс» предусматривал, что по завершении разгрома Польши Германия поставит под свой контроль Литву и Латвию.

Уже на примере польских, как и предшествовавших им австрийских и чехословацких, событий легко было убедиться в зловещей роли абвера и других секретных служб, представлявших собой неотъемлемую часть структуры гитлеровского государственного аппарата. Это, собственно, признавали и сами нацисты — организаторы «тайной войны». «Не думаю, чтобы бри-ганская разведка когда-либо играла столь же важную роль, как немецкая, в качестве инструмента претворения в жизнь политического курса руководства страны, — с полным знанием дела писал Вильгельм Хеттль, австрийский профессиональный разведчик, поступивший в 1938 году в СД и работавший впоследствии под началом Шелленберга. — В некоторых случаях наша секретная служба специально подстраивала те или иные инциденты или ускоряла надвигающиеся события, если это отвечало интересам творцов политики».

ЛЮДИ ИЗ «ЛИСЬЕЙ НОРЫ»

Преступные захватнические цели завоевания гегемонии в Европе и мире, на достижение которых была направлена деятельность военной разведки и контрразведки вермахта, естественно, не могли не наложить отпечаток на внутреннюю организацию абвера — его структуру. Сложившиеся при создании абвера еще в период существования рейхсвера три структурные группы, занятые преимущественно борьбой со шпионажем (вопрос о добывании информации из-за границы играл тогда по сравнению с этой задачей относительно небольшую роль), были еще в мирное время сильно укреплены и преобразованы сначала в отделы, а затем — в 1938 году — в мощное управление при штабе верховного командования вооруженных сил. Это давало возможность его руководителям обращаться с просьбами, пожеланиями, инициативами, требованиями и предложениями непосредственно к штабу верховного главного командования, а через него — к самому Гитлеру как верховному главнокомандующему.

Эта мера отражала стремление нацистов придать деятельности абвера более широкий размах, поставить военный шпионаж на глубокую основу, полностью подчинить его экспансионистским планам. В период ремилитаризации вермахта для развертывания шпионской деятельности не существовало ни финансовых, ни кадровых ограничений⁸⁹.

⁸⁷ Rauschnig H. Gespräche mit Hitler. Wien, 1949. S. 13.

⁸⁸ Hagen W. Le Front Secret. P. 15.

⁸⁹ Достаточно сказать, что Канарис платил большие деньги глухонемым, но не за их умение хранить секреты, а за своеобразное дарование определять содержание речи по движению губ. Глухонемой с блокнотом для стенографической записи, сидящий в одном конце зала ресторана, способен был представить довольно

Забегая несколько вперед, укажем, что в ходе войны, по мере оккупации немецко-фашистскими войсками различных стран, где создавались представительства абвера, аппарат его непрерывно разрастался.

Что же касается организационной структуры абвера, особенно его центрального аппарата, который, как уже отмечалось, выполнял функции оперативного штаба по руководству деятельностью военной разведки, то она окончательно оформилась к осени 1939 года, спустя полтора месяца после начала второй мировой войны, и с небольшими изменениями сохранялась вплоть до 1944 года.

Управление разведки и контрразведки вермахта объединяло в себе три отдела. Ведущая роль среди них принадлежала отделу абвер I (служба осведомления, или активная разведка), в обязанность которого входили сбор, оценка и распространение добываемых абвером сведений военного характера. Главным ее потребителем выступало верховное командование вермахта, нуждавшееся в полной и достоверной информации о будущем противнике в связи с вынашивавшимися нацистскими главарями планами подготовки и развязывания агрессии. В предвоенные годы абвер получал задания, как правило, от генеральных штабов, а порой также от штаба оперативного руководства вермахта. Но подавляющая часть заданий исходила от отдела «Иностранные армии» генерального штаба сухопутных войск. (Во время войны роль основного заказчика и потребителя разведывательной информации полностью перешла к штабу оперативного руководства.)

В середине 30-х годов, на начальной стадии формирования вермахта, главный интерес абвера, как свидетельствуют архивные материалы тех лет, был сосредоточен на изучении сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил армий таких стран, как Чехословакия, Польша, Франция, Англия, Советский Союз, а также Испания (в связи с гражданской войной). Конкретно в отношении этих стран абвер интересовали, во-первых, организация, численность и вооружение сухопутных войск, принципы их боевого использования, мобилизационные планы, командный состав; во-вторых, состояние военно-воздушных сил, предполагаемая тактика их использования в боевых условиях, новейшие достижения в области авиационной техники; в-третьих, боеспособность военно-морских сил, перспективы их развития, планы использования в случае войны; политико-моральное состояние войск и, наконец, потенциальные возможности развертывания оборонных отраслей промышленности, производства оружия и новых видов военной техники. Причем абвер I охотился не только за военными и военно-промышленными секретами, его интересы простирались шире и затрагивали также политическую, экономическую и дипломатическую сферы. Разумеется, четко определить, что должен делать абвер, а что — служба безопасности, было невозможно. Граница здесь очень расплывчата, поскольку обе ветви нацистской разведки стремились к сбору информации, освещающей все стороны общественной жизни разведываемых стран. По этой причине, как будет видно из дальнейшего изложения, абвер очень скоро пришел за границей в столкновение с внешнеполитической разведкой СД. Остроту конфликта не следует, однако, преувеличивать, она лишена глубокого значения, поскольку соперники рьяно защищали интересы одного и того же режима, верно служили ему и, можно со всей определенностью утверждать, оставляли себе достаточное поле для самого тесного сотрудничества⁹⁰.

точный отчет о содержании разговора английского дипломата со своим собеседником, занимавших столик в другом конце зала // Колвин Я. Двойная игра. М., 1960. С. 137.

⁹⁰ После длительных переговоров между руководителями абвера и СД было заключено соглашение «О разделе сфер влияния», которое вошло в историю секретных служб фашистской Германии под названием «Десять заповедей» и в соответствии с которым круг интересов абвера ограничивался, по настоянию Гейдриха, чисто поенной областью и он не должен был вторгаться в сферу политической разведки. Последняя объявлялась исключительно прерогативой СД, которая, в свою очередь, обязалась попадаящие в ее руки военные данные тотчас же направлять командованию вермахта. Но такое разграничение функций существовало только на бумаге. Информация военного характера, поступающая в СД, в действительности не шла для согласования в абвер и генеральный штаб, где она могла бы дополнять картину военного положения, а представлялась непосредственно Гитлеру, причем часто с явным намерением показать, насколько СД работает

Для выполнения возложенных на него задач абвер I создавал за рубежом легальные резидентуры и насаждал нелегальные агентурные группы (вступление в действие части которых было рассчитано на начало войны), развертывал шпионскую сеть с собственной радио— и курьерской связью, «почтовыми ящиками» и тайниками. Одновременно абвер I привлекался к планированию на базе добываемой им разведывательной информации диверсионных операций крупного масштаба, определению объектов воздушного наступления первостепенной важности. Но главной его задачей оставалось агентурное проникновение в вооруженные силы будущего противника.

Подразделения абвера I строились по географическому и отраслевому принципам. Он состоял из семи групп (подотделов) и пяти подгрупп, которые, в свою очередь, подразделялись на рефераты. Группа IX занималась сбором разведывательных сведений о сухопутных войсках иностранных армий (одна из ее подгрупп — «Ост» была нацелена на ведение разведки против Красной Армии); группа IM о военноморских силах; группа I L — о военно-воздушных силах; группа I VI — об экономическом положении почти всех стран мира (прежде всего выяснялись запасы стратегического сырья, виды продукции, выпускаемой для военных нужд, ресурсы оборонной промышленности); наконец, группа I I LV — о техническом оснащении и вооружении авиации.

Кроме того, имелись две вспомогательные группы: в обязанности одной из них входило изготовление фальшивых документов для агентов абвера, выводимых за кордон, а другая несла ответственность за организацию связи с ними как с помощью радиопередатчиков, так и путем использования разрабатываемых ею средств тайнописи⁹¹; в ее распоряжение была предоставлена мощная приемопередающая радиостанция, находившаяся близ Берлина.

По оценке Канариса, абвер I являлся одной из совершенных разведывательных организаций того времени, работавшей наиболее результативно и надежно. Отдел располагал высококомпетентными в своем деле кадрами профессионалов, благодаря чему ему практически удавалось сводить опасность провалов его агентов, разбросанных по всему миру, к минимуму. Но так считали лишь сами абверовцы.

Для связи с имперским министерством иностранных дел при отделе абвер I находился постоянно референт в ранге советника, который являлся непременным участником всех совещаний, проводимых начальником управления разведки и контрразведки вермахта. Это позволяло, с одной стороны, своевременно довести до сведения руководителей МИД те или иные предложения, затрагивающие его интересы, а с другой — немедленно вмешаться, если вдруг выяснялось, что какие-либо намечаемые абвером меры способны нанести ущерб внешнеполитическим делам. Референт обычно содействовал абверу в получении его сотрудниками дипломатических должностей в какой-либо нейтральной стране⁹².

Отдел абвер II (диверсии и «психологическая война»), созданный Канарисом в середине 30-х годов, вскоре после его прихода в военную разведку, состоял из пяти групп (подотделов), подразделявшихся на 15 самостоятельных рефератов. Основная его задача состояла в уничтожении на территории будущего противника важнейших сырьевых и промышленных объектов, железнодорожных сооружений, организации террористических лучше, чем абвер // Л. де Нот. Немецкая «пятая колонна» во второй мировой войне. М., 1958. С. 422.

⁹¹ Важную вспомогательную роль в этом играли находившиеся в ведении этих групп специальная лаборатория, которая проводила исследования в области тайнописи, микрофотографии и обеспечивала службы абвера фальшивыми паспортами и другими документами, а также подразделение, занимавшееся вопросами организации радиосвязи, разработки химикалий для изготовления симпатических чернил и проявления написанного таким способом текста.

⁹² Считают, что благодаря этому абверу сравнительно легко удалось тогда внедрить в германские зарубежные представительства всего только шести стран — Испании, Португалии, Швейцарии, Швеции, Турции и Китая — под видом дипломатических чиновников 214 своих сотрудников (из них 36 — высшего и 32 — среднего ранга и 146 — в качестве вспомогательного персонала) // Deutsche Aussenpolitik. Berlin, 1965. N 10. S. 1179.

актов, нагнетании атмосферы нестабильности, инспирировании путчей. В обязанность абвера II вменялось также сколачивание «пятой колонны», основное предназначение которой состояло в том, чтобы «изнутри политически разложить» будущие жертвы агрессии. Для этого они стремились воздействовать в угоду третьему рейху на умы людей собственной страны, обострить социальные, политические, экономические, расовые и религиозные противоречия, содействовать распространению убеждений, которые вносили бы раздор, подрывали веру нации в свои силы, рождали смутное ощущение того, что обновление общества может принести лишь национал-социалистская Германия.

Чтобы как-то замаскировать подготавливаемые ими открытые вооруженные вторжения, нацисты старались придать своему военному вмешательству видимость внутригосударственной борьбы, привлекая для этого местные реакционные силы. Сохранились документы, приоткрывающие завесу над тем, как Канарис при докладе Гитлеру предлагал осуществить поставленную перед абвером II задачу разложить вооруженные силы Чехословакии с помощью партии судетских немцев для внутренней борьбы с чехословацким правительством. Расчет строился на том, что эта борьба примет такие формы, при которых Гитлер мог бы объявить, что само чехословацкое правительство провоцирует Германию на вмешательство для защиты своих граждан. Известно также, что в соответствии со строго конфиденциальным поручением Гитлера абвер II прорабатывал вопрос о возможности организации убийства в Праге немецкого посла, что должно было служить оправданием вооруженного нападения фашистской Германии на Чехословакию. Одновременно абвер занимался созданием в Судетской области платной агентурной сети из местных жителей, которая путем осуществления на территории области серии диверсионных актов должна была содействовать нацистскому вторжению.

Деятельность «пятой колонны» подразделялась обычно на два этапа: мирный и военный. В условиях мирного времени она была нацелена главным образом на развертывание по всем возможным каналам соответствующей пропаганды, которая по своему содержанию и направленности не всегда носила явно пронемецкий или откровенно пронацистский характер. Ведение пропаганды сочеталось со сбором самой подробной информации о всей жизни стран, которым предстояло стать жертвами агрессии, о состоянии их экономики, обороноспособности, морального духа народа. При содействии «пятой колонны» велась систематическая слежка за их видными государственными и политическими деятелями, решалась задача склонения последних на сторону нацистов путем подкупа и открытого шантажа, а главное — обеспечивалась подготовка намеченной жертвы к «чрезвычайным обстоятельствам» — германской агрессии «изнутри», вплоть до формирования и тренировки специальных вооруженных отрядов. С помощью этих отрядов должен был наноситься первый удар: захват в тылу противника важных сооружений и пунктов с целью их уничтожения или сохранения до подхода частей немецкой армии.

В условиях военного времени деятельность «пятой колонны» развивалась особенно бурно. Так было, в частности, в Польше, Норвегии, Голландии и некоторых других странах — объектах гитлеровской агрессии⁹³. Конкретно она выражалась в засылке в эти страны «решительных людей» из самой Германии, проникавших туда под видом туристов, коммерсантов, деятелей культуры и стремившихся на какое-то время осесть там, перейдя на нелегальное положение. Эти люди были призваны в нужный момент взять на себя руководство сформированными и подготовленными вооруженными отрядами из национальных меньшинств и местных немцев. Вооруженные отряды использовались для захвата правительственных и стратегических объектов, оказания поддержки засылаемым в страну агентам-парашютистам, внесения замешательства в ряды армии и мирного населения, наконец, распространения ложных приказов и всякого рода провокационных сообщений. Все

⁹³ Во время польской кампании 1939 года диверсионные группы абвера II оказали серьезную поддержку немецким войскам тем, что им удалось овладеть многими узлами связи и рядом других оперативных объектов, а в ходе боев добиться дезорганизации тылов польской армии. Подробнее см.: Hellman F. Nazi Fifth Column Activities. A List of References. Washington, 1943.

это преследовало цель поддержать наступление немецко-фашистских войск, дезорганизовать тылы жертв агрессии.

Небезынтересно в этой связи *бросить взгляд в* прошлое: коснуться самих истоков «психологической войны». Первая мировая война наглядно высветила роль в войне изощенной пропаганды. В те годы пропагандистские акции противников Германии были направлены на то, чтобы сломить волю к сопротивлению и ослабить боевой дух немецких солдат и гражданского населения. В арсенале средств «психологической войны» уже тогда были, в частности, такие методы (применявшиеся, например, по отношению к Австро-Венгрии), как использование национального антагонизма, организация саботажа с помощью недовольных политических сил или оппозиционных элементов. Тщательно изучив этот опыт и взяв на вооружение то, что им казалось наиболее привлекательным в нем, нацисты решили создать нечто подобное, но по возможности более внушительное и эффективное. Поскольку Гитлер сам пришел к власти при помощи целенаправленной кампании беззастенчивой лжи, он, как отмечают западные исследователи, своевременно оценил значение именно такого рода средств борьбы и поэтому всячески поощрял их применение. Главной чертой пропагандистской тактики нацистов была неприкрытая наглость. В организационном плане начало было положено учреждением для всех видов вооруженных сил отдела «Вермахт-пропаганда», за абвером II оставались фабрикация и распространение соответствующих материалов, направленных на подрыв боевого духа в войсках противника и связанных с ведением фашистской пропаганды среди населения оккупированных областей.

Исходя из дел по шпионажу, раскрытых в тот период, можно судить, что в распоряжении абвера II было несколько «учебных центров», где будущие диверсанты и террористы, в том числе подготавливаемые для засылки в Советский Союз, проходили специальную подготовку и соответствующую тренировку. Один из этих центров располагался в малоизвестном отдаленном городке Химзее, другой — в Тегеле, под Берлином, третий — в Квинцзее, близ Бранденбурга. В Тегеле обучали способам поджога и другим видам подрывного дела тех, кто должен был совершать диверсионные акты преимущественно на восточных территориях. Здесь имелись хорошо технически оснащенные лаборатории по разработке и изготовлению индивидуальных средств диверсии, которыми абвер II снабжал своих агентов, засылаемых в тылы противника⁹⁴. Для работы в лабораториях привлекались крупные специалисты по взрывчатым веществам и диверсионным установкам. В складских помещениях имелся значительный запас пищевых концентратов, а также канистр из-под горючего, чемоданов, термосов и тому подобных предметов, в которых специально оборудовались потайные отделения («двойное дно»), где можно было бы скрытно хранить, например, зажигательные средства, запальные шнуры для взрывных устройств замедленного действия и другие средства диверсионной техники.

В Квинцзее дислоцировался тщательно замаскированный среди лесов и озер «Учебный центр» Квенцтуг, где проходили обучение диверсанты-террористы «широкого профиля», подготавливаемые для заброски в СССР. На территории центра на специально оборудованных макетах мостов, а также проложенных здесь участках железнодорожного полотна демонстрировались способы их разрушения; в некотором отдалении от них располагался аэродром с принадлежащими центру учебными самолетами.

Подготовка агентов проводилась в условиях, максимально приближенных к их будущим действиям. «Опытное иоле» в Квинцзее вполне отвечало требованиям самой современной по тому времени системы отработки приемов и техники совершения диверсий. Это дело было настолько усовершенствовано, что Канарис перед нападением фашистской Германии на СССР строго обязал каждого офицера абвера пройти курс обучения в этом пункте.

⁹⁴ Например, некоторым агентам вручались специально изготовленные в тегельской лаборатории куски угля, которые они должны были смешивать с остальным углем, идущим в топку. Под воздействием высокой температуры в топке происходил взрыв, и в результате выводились из строя или получали серьезное повреждение котлы.

Уже тот факт, что в структуре абвера II еще перед войной было образовано специальное подразделение — подотдел «2-А» с единственной целью обеспечить координацию диверсионной работы против Советского Союза, как нельзя лучше доказывает, какое место в планах ведомства шпионажа и диверсии гитлеровского вермахта отводилось нашей стране. Ход подготовки агентов-диверсантов находился под неусыпным контролем самых высоких государственных органов⁹⁵!

Согласно директивам верховного главнокомандования вермахта, абвер II должен был еще до начала войны против СССР широко развернуть операции по засылке на советскую территорию диверсионных групп и диверсантов-одиночек. В их задачу входило разрушение линий связи, организация взрывов мостов и железнодорожного полотна на основных коммуникациях советских войск, вывод из строя военных и промышленных объектов, захват в тылу Красной Армии мостов и переправ, которые диверсионные группы при необходимости должны были удерживать до подхода передовых частей вермахта.

Что касается структуры и функций отдела абвер III (контрразведка), то они отражали два основных направления его деятельности: пресечение попыток проникновения агентуры иностранных разведок в войска и на стратегические объекты Германии и предупреждение возможности разглашения военной и государственной тайны. Ему надлежало особенно оберегать секреты вермахта, связанные со стратегическим планированием в центральных инстанциях, транспортировкой войск, вооружением и продовольствием, знание которых могло бы позволить противнику разгадать намерения нацистской верхушки, сделать заключение об интенсивном развертывании ею подготовки к войне.

Это предполагало деятельное участие абвера III в разработке на государственном уровне различного рода инструкций, связанных с поддержанием режимности в войсках, на военных заводах и транспорте. Для защиты вооруженных сил и стратегических объектов от проникновения в них агентуры иностранных разведок, а также обеспечения охраны государственной тайны, документов особой важности и лиц, допущенных к сугубо важным военным секретам, отделу было предоставлено право иметь институт своих уполномоченных и сеть доверенных лиц в каждом военном округе, штабах, арсеналах, на военных заводах, железнодорожном транспорте, в почтово-телеграфных учреждениях и т. д.⁹⁶

Отдел абвер III делился на три группы, наиболее важной из которых считалась группа, непосредственно занимавшаяся контршпионажем. Если двум другим группам было предписано категорически избегать контактов с разведывательными службами противника и сворачивать свои мероприятия в случаях, когда они вдруг в силу каких-либо обстоятельств оказывались в соприкосновении с ними, то группе контршпионажа, наоборот, вменялось в обязанность завязывание и всемерное развитие таких контактов. Этот вид деятельности, осуществлявшийся обычно наиболее квалифицированными сотрудниками абвера, рассматривался как самое эффективное средство выявления вражеской агентуры на территории Германии и оккупированных ею стран.

В качестве органа, призванного отразить шпионаж враждебных государств и обеспечить безопасность собственных вооруженных сил и военных объектов, абвер III держал под своим контролем всю систему почтово-телеграфной связи страны. Ему была придана служба радиоперехвата, которую он использовал для обнаружения путем оперативной пеленгации местонахождения выходящих в эфир агентурных коротковолновых

⁹⁵ Известно, например, что в ноябре 1939 года лабораторию в Тегеле посетил рейхсфюрер СС Гиммлер. Ознакомившись в деталях с организацией ее работы, он предложил внести некоторые «усовершенствования»: изготавливать отравленное вино для войск противника и мины для уничтожения вражеских самолетов.

⁹⁶ Некоторые задачи абвера III, в частности охрану учреждений, важных экономических объектов и предприятий, оспаривала для себя государственная тайная полиция, и эти задачи были еще до упразднения абвера (1944 год) переложены на IV управление РСХА.

передатчиков разведки противника⁹⁷. В составе абвера III имелось специальное контрразведывательное подразделение, носившее условное название «домашняя капелла», призванное вести наблюдение за сотрудниками управления разведки и контрразведки вермахта и ответственное за проведение экспертизы по делам изменников родины, связанным с разглашением военной и государственной тайны.

Вторая цель, которую абвер III не только ни на минуту не терял из виду, но и ради осуществления которой от года к году наращивал активность, — «усиленный контршпионаж» (как это именовалось в инструкциях вермахта). Данное направление работы было связано со сбором и систематизацией разведывательных сведений об организации, кадрах, формах и методах секретных служб иностранных государств, их планах вообще и антигерманских в частности. Наличие такого рода сведений должно было способствовать своевременному выявлению и обезвреживанию вражеской агентуры, стремившейся проникнуть в вермахт, на военные, военно-промышленные и другие объекты стратегического значения.

Большое внимание абвер III уделял внедрению своих людей в разведывательные центры противника с целью раскрытия их намерений, перехвата каналов связи с агентурой на территории Германии и оккупированных ею стран, продвижения в иностранные разведки дезинформации, рассчитанной на введение их в заблуждение относительно агрессивных замыслов военно-политического руководства третьего рейха. Очевидно, этим объяснялось то обстоятельство, что на отдел абвер III были возложены подготовка и контроль за использованием вымышленной или подлинной, но не имеющей большой ценности информации, которой абвер снабжал своих агентов, внедренных или внедряемых в разведывательную сеть противника. Кроме того, он принимал активное участие в создании «мощной защитной сети контрразведки» в пограничных с Советским Союзом государствах Румынии, Венгрии, Польше и Финляндии. В отдел стекалась информация об инакомыслящих офицерах и солдатах вермахта. Таким образом, круг задач, решаемых абвером III, особенно его непосредственная причастность к осуществлению карательных функций в захваченных Германией странах, сам по себе предполагал его тесное сотрудничество с СД и гестапо.

Отдел абвер III имел разветвленную структуру: он состоял из десяти групп (подотделов), дробившихся, в свою очередь, на множество подгрупп и рефератов по направлениям работы. Разграничение функций внутри абвера между его основными отделами, а также порядок их взаимодействия с другими службами «тотального шпионажа» были определены самим Гитлером.

Помимо трех основных отделов с их многочисленными ответвлениями в состав центрального аппарата абвера входили также «Центральное бюро» и «Иностранная секция», игравшие важную вспомогательную роль в обеспечении оперативной деятельности управления военной разведки. «Центральное бюро» занималось изучением экономики, внешней и внутренней политики иностранных государств на основе материалов, поступающих от германских военных, военно-воздушных и военно-морских атташе за границей, для которых бюро служило высшей инстанцией⁹⁸. Придавая решающее значение тайным операциям, абвер в то же время для выявления военно-экономического потенциала будущего противника не упускал из виду его периодическую печать, сообщения радио и открытую литературу. «Центральное бюро» являлось в системе военной разведки вермахта

⁹⁷ В начале войны служба радиоразведки перешла в подчинение штаба оперативного руководства вермахта.

⁹⁸ Согласно архивным материалам, работе аппарата военных атташе придавалось огромное значение. Известно, например, что 30 августа 1940 года Канарис провел совещание в Берлине со всеми германскими атташе, аккредитованными в иностранных государствах, чтобы ориентировать их в военной обстановке и поставить перед ними конкретные задачи по интенсивному сбору информации стратегического характера в странах их пребывания. При этом он особенно выделял роль германских военных атташе в Москве и в граничащих с СССР государствах // ЦГАОР, ф. 21, оп. 1, д. 1666, л. 163.

тем органом, который, располагая ядром квалифицированных специалистов разного профиля, в процессе изучения общедоступных печатных изданий зарубежных стран извлекал из них сведения, позволяющие сделать важные выводы о стратегических возможностях противника и уязвимых местах его военной экономики.

Импульсом к активизации работы абвера над открытыми иностранными источниками послужил следующий любопытный случай, по праву считающийся классическим в мировой разведывательной практике. Немецкий журналист и военный эксперт Бертольд Якоб, эмигрировавший в Англию в начале 30-х годов, много писал о гитлеровской армии, перевооружение которой тогда только начиналось. Он выпустил в Лондоне книгу, в которой подробно рассказал об организации немецких вооруженных сил, охарактеризовал ее высшее военное руководство, ведущих работников генерального штаба и 168 генералов. Гитлер поручил полковнику Николаи, которого считал крупнейшим в мире авторитетом в области военного шпионажа, расследовать, из каких источников автор получил такую важную информацию, и установить имена его сообщников.

Агенту немецкой секретной службы Ваземану предложили заманить Якоба в ловушку. Выдавая себя за эмигрировавшего из фашистской Германии в Швейцарию издателя, Ваземан открыл в Базеле, недалеко от немецкой границы, книжный магазин. Затем он связался с Якобом и пригласил его посетить Швейцарию для обсуждения издательских дел. Тот приглашение принял и приехал в Базель. Во время завтрака Ваземан всыпал в бокал гостя изрядную порцию снотворного. Ничего не подозревавший журналист выпил вино и тут же заснул. Ваземан попросил официанта помочь сопроводить своего «опьяневшего» друга в ожидавший их автомобиль. Так Якоб снова оказался в Германии.

Его доставили в Берлин и отвели в кабинет, где он предстал перед самим Николаи. «Все, что опубликовано в моей книге, — заявил Якоб на допросе, — я почерпнул из газет. Основание для утверждения, что генерал-майор Гаазе командует 17-й дивизией, расположенной в Нюрнберге, я извлек из сообщения, помещенного в местной газете. В нем говорилось, что на похоронах присутствовал генерал Гаазе, командовавший 17-й дивизией. В ульмской газете, — продолжал Якоб, — среди светских новостей я нашел данные о свадьбе дочери полковника Вирова с неким Штеммерманом. В заметке упоминалось, что Виров командует 306-м полком 25-й дивизии. Майор Штеммерман был назван офицером службы связи этой дивизии. В газете сообщалось, что он приехал из Штутгарта, где расквартирована его дивизия...» На этом допрос практически кончился. Николаи не оставалось ничего другого, как доложить Гитлеру, что все сведения о вермахте взяты Якобом из немецких газет. Последовало указание воспользоваться этим опытом.

Но этим не ограничивались функции «Центрального бюро». Оно, кроме того, выступало в роли посредника по разведывательной линии между верховным командованием вермахта и имперским министерством иностранных дел, а также органами внешних сношений армий союзных и дружественных государств, непосредственно осуществляло контакт с иностранными военными атташе, аккредитованными в Берлине.

Завершал схему структурного построения абвера другой его компонент — «Центральная секция» административный механизм, непосредственно не связанный с выполнением разведывательных функций и не имевший собственной заграничной периферии; он ведал чисто организационными, кадровыми и финансовыми вопросами. Важным структурным звеном этой секции являлась центральная картотека, насчитывавшая около 40 тысяч секретных карточек с данными, относящимися по времени к концу первой мировой войны (в них отражались сведения о лицах и учреждениях, которые хотя бы однажды были причастны, пусть даже отдаленно, к случаям шпионажа). Дополнением к ней служила центральная картотека доверенных лиц и агентуры, содержащая в единственном экземпляре их биографические сведения, псевдонимы и подлинные имена, перечень подразделений абвера, за которыми они числились. Поскольку сведения эти относились к разряду совершенно секретных, доступ к ним был строго ограничен. На обязанности «Центральной секции» лежала также охрана зданий вермахта, и в том числе абвера.

Как на территории самой Германии, так и за ее пределами абвер имел свою периферию в лице 33 местных органов — полевых разведпунктов и подпунктов, называвшихся «абверштелле». Они существовали при каждом из 21 военного округа, при каждой группе армий и военно-морской базе. В административном отношении они подчинялись местному военному руководству и должны были снабжать штабы разведывательной информацией.

В годы войны абверштелле были созданы в странах-сателлитах Германии, а также на оккупированной территории при командующих немецкими войсками тыловых округов. Они должны были выявлять агентуру противника и лиц, враждебно относящихся к гитлеровской Германии, готовить шпионов и диверсантов для фронтовых команд абвера, вести борьбу с антифашистским и партизанским движением. Конкретное содержание деятельности каждого из них определялось одним из следующих направлений: разведка, саботаж, контрразведка. В ходе военных действий полевые разведпункты и подпункты перемещались на оккупированную территорию. В среднем каждый абверштелле вместе с его ответвлениями в лице пунктов, подпунктов и передовых пунктов насчитывал около 150 сотрудников (их штатная численность колебалась от трех человек, например, в Шербурге, до 382 — в Париже).

Руководство агентурной сетью, действовавшей на территории противника, за редким исключением, когда решение этой задачи брал на себя непосредственно центральный аппарат абвера, оставалось за разведпунктами. Запросы на разведывательную информацию, поступающую от различных имперских ведомств, доводил до них абвер I, куда затем и поступала эта информация для оценки и анализа; он же устанавливал очередность и сроки исполнения данных запросов, а также санкционировал предлагаемые разведпунктами способы связи с агентами, оказывал консультативную помощь абверштелле в случаях, когда над тем или иным агентом нависала угроза провала.

Как правило, объектом работы абверштелле являлись сопредельные страны: дрезденского — Чехословакия, бреслауского — Польша, штутгартского и висбаденского — Франция⁹⁹. Наиболее многочисленным был гамбургский абверштелле, действовавший против Англии, Соединенных Штатов и Южной Америки, центр деятельности которого находился перед войной во Франции и за океаном. Кенигсбергский абверштелле с его тремя вспомогательными отделениями являлся крупным центром Германского военного шпионажа против Советского Союза¹⁰⁰; он вел также разведывательную работу в Польше, Литве, Латвии и Эстонии. Этот орган состоял из трех отделов: разведывательного, диверсионного и контрразведывательного, в свою очередь, делившихся на рефераты. В сборе информации об СССР он использовал участников националистических организаций, местные полицейские и разведывательные службы, немецких переселенцев из Прибалтики. В состав переселенческих комиссий в Литве, Латвии и Эстонии были включены сотрудники «Абверштелле Кенигсберг», имевшие своей задачей создание нелегальных разведывательных резидентур абвера на случай войны. Офицеры абвера проводили массовый опрос прибывающих в Восточную Пруссию переселенцев и лиц, бежавших туда из Прибалтики при установлении в Латвии, Литве и Эстонии в 1940 году Советской власти. Кроме перечисленных пунктов представительства абвера имелись также в Берлине, Мюнхене, Мюнстере, Вене. При этом берлинский абверштелле строил свою работу без привязки к определенному региону, мюнхенский занимался Балканами, венский Средним Востоком; на мюнстерское представительство была замкнута агентурная сеть,

⁹⁹ После падения Франции абверу удалось создать разветвленную сеть в Испании и Португалии, снабжавшую его важной экономической и военной информацией.

¹⁰⁰ Восточную Пруссию немцы издавна использовали как базу для ведения шпионажа еще в царской России. После поражения Германии в империалистической войне в Кенигсберге на основе старой кайзеровской секретной службы был создан новый разведывательный орган «Абверштелле Остпрройссен», внимание и силы которого были направлены на молодые Советские республики и Прибалтийские государства. С приходом к власти Гитлера этот орган был значительно укреплен и преобразован в «Абверштелле Кенигсберг».

действовавшая на территории Испании.

Такая дробная система организации агентурной работы, по мнению западных специалистов, имела то преимущество, что проникновение секретных служб противника в разведывательную сеть какого-либо одного пункта или подпункта не давало выхода на всю организацию, то есть в случае провала — ареста какого-либо агента — под ударом в худшем случае оказывалась всего лишь небольшая изолированная группа. Словом, судя по всему, была отдана дань прошлому контрразведывательному опыту абвера, когда борьба с проникновением в вооруженные силы и на военные объекты агентуры иностранных разведок составляла его главную задачу. Подобная предосторожность объяснялась не в последнюю очередь и возраставшей активностью разведывательных служб союзников. Американский исследователь Д. Персико в работе «Рейх, пронзенный насквозь», отмечает, что Соединенные Штаты, не располагавшие в начале войны достаточно сильным аппаратом для агентурного проникновения в фашистскую Германию, на последующих этапах под руководством английских наставников заметно усилили темп и увеличили размах своих шпионских операций по мере того, как их секретная служба превращалась в силу, «которая по своим возможностям могла потягаться с разведкой любой другой страны»¹⁰¹.

В нейтральных странах и странах-сателлитах Германии представительства абвера — его резидентуры именовались «Военными организациями», которые служили базой для проведения разведывательных операций против явных и потенциальных противников. «Военные организации» в этих странах существовали нелегально. Одна из первых была создана Канарисом в Испании еще в феврале 1937 года (вскоре она переросла в полноценную службу абвера в этой стране и имела в своем составе около 30 кадровых разведчиков). В 1938 году представительства абвера возникли в Китае и Голландии. Большая же их часть была создана во время войны. К маю 1942 года наряду с Испанией, Китаем и Голландией они функционировали в Португалии, Швейцарии, Бельгии, Финляндии, Швеции, Румынии, Венгрии, Болгарии, Марокко, Турции, Иране, Афганистане.

Офицеры абвера, стоящие во главе «Военных организаций», чаще всего занимали в германских дипломатических представительствах должность помощников военных атташе. В зависимых от Германии странах «Военные организации» существовали с ведома и согласия местных правительств и пользовались всемерной поддержкой их разведывательных служб. Так, в частности, обстояло дело в Болгарии, Румынии, Испании.

Организационное построение «Военных организаций» соответствовало структуре центрального аппарата абвера и его разведпунктов. И поскольку им отводилась особая роль, они находились в непосредственном подчинении Канариса и Пикенброка.

Многие разведпункты и подпункты имели своих постоянных представителей в резидентурах абвера, другие действовали самостоятельно, используя собственные каналы связи с Берлином. Согласно договоренности Канариса с руководством имперского министерства иностранных дел, сотрудникам абвера, находящимся в составе резидентур, предоставлялись официальные должности в посольстве или консульстве, что гарантировало им дипломатическую неприкосновенность¹⁰².

Факты, подтвержденные во многих послевоенных документальных источниках и мемуарах, указывают на то, что в начале войны у абвера практически не возникало проблем, связанных с функционированием резидентур в нейтральных странах и странах-сателлитах. Пользуясь всемерной поддержкой местных властей, вынужденных считаться с диктатом и всемогуществом правителей фашистской Германии, резидентуры абвера действовали, по существу,

¹⁰¹ Persko J. Piercing ihe Reich. New York, 1979. P. 6.

¹⁰² Первое время достаточно широко использовались абвером и другие прикрытия для своих сотрудников, в частности фирмы в странах их пребывания. Но случилось так, что из 32 «маскировочных» фирм абвера 28 оказались на грани банкротства они годами выкачивали денежные и валютные средства, не принося практически никакой пользы. После этого интерес к фирмам как форме прикрытия разведывательной организации заметно поубавился.

открыто. 20 декабря 1941 года, через две недели после Пёрл-Харбора и спустя девять дней после объявления Германией войны Соединенным Штатам, Пикенброк направил в имперское министерство иностранных дел письмо, в котором говорилось: «Вступление США в войну еще больше сужает базу разведывательной службы вермахта. В связи с этим необходимо усилить сбор секретной информации в странах, остающихся нейтральными (Португалия, Испания, Швеция, Швейцария, Турция), для чего потребуется значительно увеличить в них персонал абвера. Руководство абвера считает нужным обратить внимание на сложившуюся обстановку и зарезервировать за собой право возбуждать в необходимых случаях ходатайство о включении работников разведки в германские дипломатические миссии в этих странах»¹⁰³.

Письмо аналогичного содержания, составленное Канарисом, было направлено Риббентропу и Кейтелю, после чего двери миссий широко распахнулись перед лжедипломатами. Периферия абвера росла с необычайной быстротой. Только в одном Мадриде находилось 87 нацистских военных разведчиков, и все они пользовались дипломатическим прикрытием. Увеличение численности разведчиков в этом и других регионах коснулось и главного имперского управления безопасности: в том же Мадриде их было 315, что почти вдвое превышало численность персонала немецкого посольства¹⁰⁴.

Постепенно трудности получения дипломатических должностей для прикрытия сотрудников абвера привели к тому, что значительная часть их, кроме тех, кто был задействован в важных разведывательных операциях, лишалась права иммунитета и, следовательно, в случае обнаружения причастности к разведке могла быть выслана из страны пребывания. В конечном счете это сильно осложнило работу абвера на территории нейтральных государств¹⁰⁵.

Приведенный перечень структурных подразделений абвера не исчерпывает всего комплекса организаций нацистской военной разведки. Известно, что с началом войны против Польши в зоне боевых действий создавались специальные подразделения, занимавшиеся заброской и руководством агентами непосредственно в прифронтовой полосе. В их обязанность входили также захват документов командования войск противника, а также производство допросов военнопленных с целью получения разведывательных данных. На советско-германском фронте эти подразделения вели главным образом агентурную работу. Согласно порядку, установленному Канарисом, органы абвера, обслуживавшие группы армий и полевые армии, обязаны были располагать разведывательной сетью в составе минимум 25 агентов, часть которых должна была действовать в радиусе до 30 километров за линией фронта¹⁰⁶, другая часть, к которой относились в основном агенты из числа поляков, русских, украинцев, — в глубоком тылу. Одетые в форму солдат и офицеров Красной Армии, они на захваченных автомашинах, оборудованных радиосвязью, направлялись в

¹⁰³ Kahn D. Hitler's Spies. German Military Intelligence in World War II. P. 248.

¹⁰⁴ Дело дошло до того, что германский посол в Стокгольме вынужден был опротестовать действия руководства абвера и РСХА, поскольку разбухавший негласный аппарат ставил под угрозу отправленные посольством своих обычных функций.

¹⁰⁵ Следует заметить, что, по мере того как военная обстановка все в большей степени складывалась неблагоприятно для Германии, нейтральные страны под давлением союзников не останавливались перед тем, чтобы объявлять немецких разведчиков «персоной нон грата». Так, в списке, представленном союзникам испанскими властями, значилось 82 сотрудника абвера из 149, пользовавшихся дипломатическим прикрытием.

¹⁰⁶ Согласно архивным документальным данным, эти агенты направлялись в СССР на короткие сроки — три-четыре дня. Те же агенты, пребывание которых на советской территории определялось десятью—пятнадцатью днями, инструктировались о том, что в случае перехода войсками вермахта границы до их возвращения в Германию они должны были явиться в любую германскую часть на советской территории // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 218.

армейские и фронтовые тылы со шпионско-диверсионными заданиями.

После ряда реорганизаций, которым в ходе войны был подвергнут абвер, структура его периферийных подразделений претерпела некоторые изменения в сторону ее расширения. В частности, каждой группе армий придали управление разведки и контрразведки, на которое возложили организацию разведывательной работы в тылу противника, причем шпионско-диверсионные группы обычно десантировались с парашютами и добывали информацию в интересах командования группы армий. Разведывательно-диверсионные подразделения, обозначаемые цифрами 1, 2 и 3, что соответствовало I, II и III отделам абвера, имелись также в армии.

Официальная статистика численности на то время сотрудников, занятых на службе непосредственно в управлении разведки и контрразведки вермахта, отсутствует. По некоторым оценкам, к началу второй мировой войны в нем, не считая периферийных подразделений, было занято более 2 тысяч офицеров¹⁰⁷. Забегая вперед, укажем, что три основных отдела центрального аппарата, вобравшего в себя наиболее опытные кадры немецкой военной разведки, к марту 1943 года имели в своем составе: 1 —й отдел 63 сотрудника, 2-й — 34 сотрудника и 3-й отдел — 43 сотрудника.

«ДОМАШНЕЕ ВОЙСКО КАНАРИСА»

В числе других мер, предложенных Канарисом и Лахузенем и одобренных генерал-фельдмаршалом Кейтелем, предполагалась также всемерная активизация действий «Учебного полка особого назначения „Бран-денбург-800“».

В отличие от многих секретных служб мира управление разведки и контрразведки вермахта располагало собственными воинскими подразделениями, используемыми для проведения диверсионных и карательных операций. Этой цели и служил полк «Бранденбург-800», сформированный в августе 1940 года на базе «батальона Баулера», который в абвере называли «домашним войском Канариса». (Предшественницей «батальона Баулера» была «Учебная строительная рота № 800», сформированная с разрешения Гитлера 15 октября 1939 года для выполнения особых поручений.)

«Учебный полк» находился в непосредственном ведении абвера II, в некоторых случаях он придавался войскам на линии фронта в качестве десантных подразделений. В его составе было три батальона: первый дислоцировался в Бранденбурге и предназначался для действий на «восточном фронте»; второй располагался в Дюрепе (Рейнская область); третий был расквартирован в Бадене (около Вены) и проводил свои операции в Юго-Восточной Европе. Первому батальону, самому многочисленному, были приданы специальные вооруженные отряды «Нахтигаль» («Соловей»). «Бергман» («Горец») и другие, служившие для выполнения особых поручений в захватываемых советских городах¹⁰⁸. Им ставилась задача, с одной стороны, воспрепятствовать уничтожению частями советских войск при отступлении запасов продовольствия, сырья и промышленных товаров, разрушению заводов оборонной промышленности, шахт, мостов военного значения, железнодорожной магистрали, а с другой обеспечить захват на территории СССР оперативно важных объектов — мостов, туннелей, оборонных предприятий, которые они должны были удерживать до

¹⁰⁷ Правда, о численности служащих абвера имеются данные, относящиеся к декабрю 1944 года. Согласно этим данным, абвер стал насчитывать 9200 человек после того, как к ним прибавилось несколько сот сотрудников его центрального аппарата, около 1000 сотрудников резидентур и примерно 5000 человек, занятых на работе в периферийных подразделениях, Kahn D. Hitler's Spies. German Military Intelligence in World War II. P. 250.

¹⁰⁸ Так, 26 июня 1941 года отряд «Нам июль», опередив эсэсовские части, ворвался во Львов. Действуя по заранее разработанному и одобренному высшими инстанциями плану, отряд в течение семи дней занимался истреблением коммунистов, советского актива, представителей львовской интеллигенции, значившихся в составленном абвером списке.

подхода передовых частей германской армии.

Следует отметить, что с началом второй мировой войны, как свидетельствуют об этом архивные документы, функции абвера II были расширены, на него дополнительно возлагалась борьба с антифашистским сопротивлением в самой Германии и в оккупированных ее войсками странах и областях. Выступления немецких антифашистов и противников нацистского режима достигли таких масштабов, что справиться с ними силами одной СД было уже невозможно. Понадобились опыт и кадры абвера. Даже яростный защитник ведомства Канариса западногерманский историк Г. Буххейт, всячески стремящийся обелить его деятельность, признает, что во время «восточного похода» только одной фронтовой разведкой абвера было «обезврежено» 20 тысяч советских граждан, причем это лишь частичное признание участия абвера в массовых убийствах на территории СССР. Это ставило абвер в особое положение на иерархической лестнице разведывательного сообщества нацистского рейха.

«ГЛАЗА И УШИ ФЮРЕРА»

В 1932 году, готовясь захватить ключевые позиции в государстве и полностью подчинить себе аппарат насилия, нацистские главари на уже упоминавшемся совещании на частной квартире капитана Рема в Берлине вполне определенно высказались относительно того, каким, по их мнению, должен быть в условиях фашистской диктатуры карательный аппарат, который они рассматривали как неотъемлемую часть их террористического режима. В частности, были четко обозначены границы компетенции и деятельности полиции безопасности и СД, призванных служить опорой этому режиму. Но прежде чем принять свой законченный вид, карательная система постоянно подвергалась изменениям. То не была реорганизация ради реорганизации. В этом проявлялась определенная закономерность: чем интенсивнее велись приготовления гитлеровской Германии к войне, тем шире и централизованнее становился аппарат полиции безопасности и СД, видевших одну из своих главных задач в том, чтобы решительно подавлять оппозицию фашистскому режиму внутри страны.

Процесс этот, согласно архивным документам, развивался поэтапно. В 1934 году в связи с началом осуществления политики государственного терроризма управление полиции порядка — совокупности «охранной полиции и жандармерии», численность которой достигала 150—200 тысяч, и главное управление безопасности были объединены в единую службу безопасности, которая держала под контролем буквально все сферы общественной жизни немецкого народа, государственный и партийный аппарат, предприятия и учреждения, учебные заведения, науку, искусство. Фактически она стала инструментом внутрипартийной и внешнеполитической разведки, не останавливающейся ни перед чем ради достижения своих целей. Кадровые сотрудники и тайные агенты СД засылались и в иностранные государства под видом торговых представителей, корреспондентов, дипломатов. Они занимались там политическим шпионажем и другой подрывной деятельностью, внедряли своих людей в прогрессивные организации, выступавшие против фашизма, с целью их разложения.

В 1936 году рейхсфюрер СС Гиммлер осуществил слияние государственной тайной полиции (гестапо) — этой наиболее мощной организации политического сыска и внутренней разведки, государственной криминальной полиции (крипо), образовавших полицию безопасности и СД — основного инструмента террора, численность которой со 100 человек в 1933 году возросла к началу войны до 8—10 тысяч. Эта мера, по выражению Гиммлера, должна была стать «еще одной вехой» в деле «последовательного осуществления линии политического развития СС», то есть «в процессе слияния полиции и СС»¹⁰⁹.

1938 год, явившийся началом реализации планов агрессии, ознаменовал новый этап в

¹⁰⁹ ФельфеХ. Мемуары разведчика. М., 1988. С. 26.

развитии нацистского аппарата насилия. Обрисовывая круг обязанностей СД, рейхсфюрер СС Гиммлер подчеркивал, что область, которой служба безопасности должна заниматься, — это прежде всего «коммунизм, политическая деятельность церкви и происки враждебных сил внутри Германии». Он назвал СД «центральной службой безопасности национал-социалистской партии, выполняющей идеологические функции». В ноябре 1938 года она была легализована в качестве органа безопасности не только нацистской партии, но и государства в целом, призванного следить за настроениями в рейхе и информировать высшее руководство страны о «внутригерманском театре войны»¹¹⁰. Иными словами, как считала правящая нацистская верхушка, СД являлась «глазами и ушами фюрера». Циркуляром министерства внутренних дел от 11 ноября 1938 года предусматривалось значительное расширение ее полномочий и задач. Дела, которые вела служба безопасности, не подлежали юрисдикции обычных судов. Практически это означало, что никто, кроме рейхсфюрера СС Гиммлера и, разумеется, Гитлера и Гесса, не имел права на обсуждение решений или действий СД, которая терроризировала население страны, все больше превращалась в безотказное орудие господства Гитлера. Она имела свои местные организации по всей Германии, а те, в свою очередь, насаждали так называемых «главных агентов» повсюду — в партийном аппарате, государственных органах, промышленности, полиции, школах, театрах, газетах и т. д. Практически не было такой сферы общественной жизни, куда бы не проникала СД, нагоняя всюду страх и ужас своими кровавыми деяниями.

Конкретно в обязанность «главных агентов», располагавших эффективной сетью доверенных лиц и осведомителей, входило предоставление подробной информации о внутривнутриполитической обстановке в стране, о реакции отдельных слоев населения на правительственные декреты и распоряжения, об откликах на международные события, о росте или падении престижа руководящих деятелей рейха и т. п. Но прежде всего СД выслеживала и вынюхивала все, что можно было расценить как хотя бы малейшее проявление или намек на недовольство, оппозицию и сопротивление правящему режиму. На основании сообщений «главных агентов», стекавшихся в центр, составлялись еженедельные и ежемесячные доклады для Гиммлера и Гитлера. Рассматривая борьбу с революционным и рабочим движением как задачу первостепенной важности, руководители СД в своих докладах особое место отводили полученным в результате слежки данным о лицах, причастных к коммунистическим организациям или симпатизирующих им. Данные обо всех «неблагонадежных» заносились в секретные формуляры, содержание которых в виде краткой аннотации излагалось на карточке, входящей в картотеку. В течение ряда лет накопились тысячи таких карточек.

В начале второй мировой войны с одобрения Гитлера и в соответствии с приказом рейхсфюрера СС и начальника немецкой полиции от 27 сентября 1939 года на базе главного управления службы безопасности при рейхсфюрере СС было образовано главное имперское управление безопасности (РСХА) министерства внутренних дел. РСХА объединяло в одно целое главное управление охранной полиции министерства внутренних дел, главное управление безопасности при рейхсфюрере СС, управление государственной тайной полиции и управление криминальной полиции. Тем самым Гиммлер и Гейдрих воплотили в действительность свой титан дальнейшего совершенствования и расширения карательного аппарата нацистского рейха. До этого главные управления и управления являлись органической частью какого-либо центрального ведомства, в состав которого они входили и глава которого нес ответственность за их деятельность. Отличительная особенность РСХА состояла в том, что оно не входило ни в какое ведомство. Иерархия руководства выглядела следующим образом: начальник всех сил СС Гиммлер; находившийся в его подчинении руководитель службы безопасности РСХА сначала Гейдрих, а потом Кальтенбруннер; замыкал эту цепочку шеф гестапо Мюллер. Для всей системы нового ведомства была

¹¹⁰ VI управление СД регулярно выпускало доклады «Эгмонт», рассылавшиеся соответствующим учреждениям третьего рейха, в которых содержались сведения о внешнеполитических событиях и положении внутри Германии. Доклады «Эгмонт» регулярно читал Гитлер.

характерна строгая централизация.

Что касается входившей в состав главного имперского управления безопасности государственной тайной полиции, оказывавшей самое сильное и мрачное воздействие на все стороны повседневной жизни в Германии, то она занималась проблемами политической безопасности, разведки, контрразведки, пограничной охраны, саботажа, иностранной валюты, концлагерей, советских военнопленных, вражеских парашютистов. Государственная тайная полиция являлась также исполнительным органом, проводившим конфискации и аресты. Как считают некоторые исследователи, разграничение компетенции гестапо и СД было проведено преднамеренно нечетко тем, кому в конечном счете подчинялись обе эти службы — «безжалостным рейхсфюрером» Гиммлером. Шеф СС слишком хорошо знал, как функционирует механизм власти, чтобы допустить приобретение неограниченной самостоятельности хотя бы одним из его смертоносных орудий власти.

К середине 1940 года РСХА расширилось до семи управлений. Заметим, что население Германии не знало о существовании РСХА, даже само название этого учреждения оставалось в секрете. Структура главного имперского управления безопасности в таком виде сохранялась почти до конца войны, хотя на протяжении этого времени, как мы увидим дальше, отдельные его звенья претерпевали известные изменения в связи с постепенным расширением и усложнением стоящих перед ними задач, выполнение которых требовало новых организационных форм. Распределение обязанностей внутри РСХА было таким:

I и II управления ведали: I — кадрами (подбор людей, их обучение и подготовка), II — решением всех организационных, административных и хозяйственных вопросов.

III управление представляло собой службу внутренней безопасности, в задачу которой входило «обеспечение безопасности империи в целом»; оно, в частности, занималось проблемами экономики.

IV управление — государственная тайная полиция (гестапо), осуществлявшая охранные функции, связанные с подавлением оппозиционных фашистскому режиму сил внутри страны. Созданное по инициативе Геринга в апреле 1933 года гестапо с образованием РСХА получило статус официального государственного учреждения.

V управление — криминальная полиция.

VI управление являлось службой внешней разведки. Главное здание этого управления находилось в берлинском районе Шмаргендорф на Беркаэрштрассе, 32. Однако там размещалась только часть его аппарата. Ряд служебных зданий находился в различных районах Берлина и даже за его пределами. Как и другие управления РСХА, VI управление делилось на группы и рефераты, образованные по политико-географическому принципу. Например, группа VI C осуществляла руководство агентурной работой в районах советского и японского влияния, группа VI D — англо-американского, VI E — центральноевропейского, а VI B — Западной Европы. В каждом реферате были четко обозначены все три направления: добыча информации, ее оценка и распространение; они вели также архив и картотеку. Основные усилия VI управления как органа стратегической разведки были направлены на получение всеобъемлющих данных о политической обстановке в мире, на постоянное обновление этих данных, поскольку политическая информация, как известно, устаревает значительно быстрее, чем военная. Главными его объектами считались Советский Союз, Соединенные Штаты (разведка велась с территории латиноамериканских стран) и Англия (разведка велась с территории всех европейских государств). По оценке западногерманских и американских исследователей, три тысячи тщательно подобранных сотрудников СД представляли собой мощный отряд квалифицированных разведчиков-профессионалов.

VII управление занималось «идеологическими проблемами».

Таким образом, РСХА в целом представляло собой главную инстанцию по управлению аппаратом насилия, ядром которой были СД и гестапо. Власть РСХА распространялась как на сам третий рейх, так и на оккупированные немецко-фашистскими войсками страны, где оно имело свои представительства. Оно располагало картотекой, содержащей сведения о так называемых «особо опасных врагах государства». К этой категории относились прежде

всего члены коммунистической партии, «саботажники». Определяющим мотивом для занесения в картотеку сведений об этих людях являлась степень опасности, которую они, по мнению РСХА, потенциально могли представлять в будущем и на этом основании в условиях всеобщей мобилизации подлежали «превентивному аресту».

Создание РСХА — монолитной службы государственной безопасности — шло в ногу с агрессивными планами нацистской верхушки и полностью отвечало требованиям «военных инстанций», которые, взяв за основу концепцию «тотальной войны», стремились добиться установления тотального контроля за происходящим внутри страны и за ее пределами.

Характер концепций, в соответствии с которыми в 1938 году осуществлялась реорганизация карательного аппарата страны, в частности слияние охранной полиции и СД (особенно это касалось взаимодействия гестапо и СД), лишний раз указывает на то, что создание РСХА относится, как это позже установит Нюрнбергский военный трибунал, к «шагам, которые вели к агрессивной войне». Нельзя забывать, что развязыванию агрессии, как об этом уже говорилось, обычно предшествовали провокации, диверсии, покушения, предпринимавшиеся СД совместно с абвером. Сформированные ими специальные вооруженные группы вторгались на чужие территории еще до вступления туда войск вермахта. В их задачу входили дезорганизация тыла, поджоги, взрывы, убийства, сеять панику среди местного населения, терроризировать его.

Итак, своей практической деятельностью главное имперское управление безопасности, так же как и абвер, оставило зловещие следы в истории Германии, вполне оправдало прогноз Гейдриха, данный им однажды в порыве откровенности в момент зарождения этой террористической организации. Касаясь будущего ведомств, влившихся в РСХА, Гейдрих цинично заявил, что о них будут говорить «со смешанным чувством страха и ужаса», что они приобретут известность благодаря своей «жестокости, граничащей с садизмом». Все это вполне соответствовало установке нацистских главарей, стремившихся путем беспощадного насилия вселить в души людей страх, чтобы относительно малыми силами держать в повиновении огромную страну.

ВЕДОМСТВО «КОРИЧНЕВЫХ ПТИЦ»

Важную роль в системе нацистской тотальной разведки после СД и абвера играло тщательно засекреченное «Исследовательское управление», подчиненное непосредственно рейхсмаршалу Герингу. Оно представляло собой секретную техническую организацию, объединявшую 15 отделов и шесть групп, с помощью которой контролировалась телефонная, телеграфная и радиосвязь как внутри страны, так и за ее пределами. Идея создания подобного управления принадлежала Готтфриду Шаннеру, шифровальщику времен первой мировой войны. Он явился с этим предложением к Гитлеру, который направил его к Герингу. В то время он занимался формированием министерства авиации. Усмотрев в развертывании такой службы возможность усиления личной власти, рейхсмаршал загорелся этим делом, рассчитывая, что таким путем ему удастся получить компрометирующие материалы на политических противников нацистского режима¹¹¹. В начале «Исследовательскому управлению» были переданы функции подслушивания внутренних телефонных каналов связи. В дальнейшем сфера его влияния расширялась и повышалась роль во внешней политике. Например, был тщательно записан разговор чехословацкого посла в Лондоне Яна Масарика по телефону с президентом Бенешем о готовящемся соглашении между Гитлером и Чемберленом относительно раздела Чехословакии. Предварительное знакомство фюрера с содержанием секретных телефонных разговоров объясняет, по мнению английского историка Дэвида Ирвинга, почему он вел себя так

¹¹¹ Так, в результате тайного подслушивания разговоров ведущих деятелей СС удалось зафиксировать их неодобрительные отзывы о Гитлере и, в частности, узнать о намерении начальника штаба СА Эрнста Рема совершить «вторую революцию». Получив эти сведения, Гитлер нанес удар по своим политическим противникам.

уверенно во время переговоров с Чемберленом. Располагая в 15 крупных немецких городах 6 тысячами служащих станции подслушивания, своими представителями во всех почтовых отделениях страны, штатом шифровальщиков и дешифровальщиков, взятых из числа бывших специалистов военно-морского флота. «Исследовательское управление» в большей степени, чем какое-либо другое учреждение в те времена, влияло на судьбы миллионов немцев. Только в Берлине его служащие читали ежедневно около 34 тысяч телеграмм внутрисоюзного значения и около 9 тысяч телеграмм из-за границы. В среднем ежедневно прослушивалась одна тысяча телефонов. Необыкновенно высокой была активность дешифровальщиков управления: во время войны они расшифровывали в месяц 3 тысячи телеграмм европейских дипломатов, фиксировали их разговоры со своими министрами, пользуясь тем, что кабельная система проходила через Берлин и Вену.

«Исследовательское управление» держало под своим контролем не только иностранцев, но и партийных функционеров собственной страны¹¹². Его справки, печатавшиеся на коричневой бумаге с изображением орла и потому в узком кругу называвшиеся птицами, нередко сеяли семена паники и замешательства в учреждениях рейха. «Коричневые птицы» прокладывали путь акциям преследования, которые нередко заканчивались концлагерем и виселицей для тех, кто попадал в списки. Управлению было предоставлено право секретного использования политической и экономической информации и результатов индивидуального негласного наблюдения, осуществляемого по личному указанию Геринга за сотрудниками СД и гестапо.

В 1944 году Геринг согласился передать «Исследовательское управление» в подчинение рейхсфюрера СС Гимmlера, тем самым включив его практически в систему РСХА. Таким образом, одной службой «тотального шпионажа» стало больше.

В ОДНОЙ УПРЯЖКЕ С ОБЕР-ПАЛАЧОМ

Первым руководителем главного имперского управления безопасности был обергруппенфюрер СС и генерал полиции Рейнгард Гейдрих, официально именованный начальником полиции безопасности и СД. Политический портрет этого человека, которого страшилось так много людей, был бы неполным, если не коснуться его прошлого. После первой мировой войны, в 1922 году, Гейдрих поступил в военно-морской флот и проходил службу в звании морского кадета на крейсере «Берлин», которым командовал в то время Канарис (это обстоятельство и сыграет в 1944 году роковую роль в судьбе адмирала). В своей военной карьере Гейдрих достиг звания обер-лейтенанта, но из-за беспутной жизни, особенно различных скандальных историй с женщинами, он в конце концов предстал перед офицерским судом чести, заставившим его выйти в отставку. В 1931 году Гейдрих оказался выброшенным на улицу без средств к существованию. Но ему удалось убедить друзей из гамбургской организации СС, что он — жертва своей приверженности к национал-социализму. При их содействии он попадает в поле зрения рейхсфюрера СС Гимmlера, в то время руководителя охранных отрядов Гитлера. Познакомившись ближе с молодым обер-лейтенантом в отставке, рейхсфюрер СС, как свидетельствуют очевидцы, в один прекрасный день поручил ему составить проект создания будущей службы безопасности национал-социалистской партии. По словам Гимmlера, у Гитлера появились тогда основания для того, чтобы вооружить свое движение службой контрразведки. Дело в том, что баварская полиция проявляла себя в ту пору не в меру осведомленной обо всех тайнах нацистского руководства. Вскоре Гейдриху посчастливилось обнаружить «предателя» — им оказался советник баварской уголовной полиции. Гейдрих убедил рейхсфюрера, что куда выгоднее пощадить «предателя» и, воспользовавшись этим, попытаться превратить его в источник информации для СД. Под давлением Гейдриха советник действительно быстро переметнулся на сторону

¹¹² Гаулейтер Юлиус Штрейхер одинаково внимательно следил и за любовницей Геббельса Лидой Барровой, и за Видеманном, адъютантом Гитлера, и за ближайшим окружением Канариса.

своих новых шефов и стал регулярно поставлять службе Гиммлера информацию обо всем, что происходило в политической полиции Баварии. Благодаря этому «успеху» перед молодым Гейдрихом, обнаружившим высокие профессиональные качества, открылась возможность войти в непосредственное окружение набиравшего силу рейхсфюрера СС, и это обстоятельство во многом определило его положение в будущем.

После прихода нацистов к власти началась головокружительная карьера Гейдриха: под руководством Гиммлера он создал политическую полицию в Мюнхене и сформировал в рамках СС отборный корпус, основу которого составили сотрудники службы безопасности. В апреле 1934 года Гиммлер назначил Гейдриха начальником управления тайной государственной полиции крупнейшей германской земли — Пруссии. До того времени учреждения политической полиции в землях были подчинены рейхсфюреру СС лишь по оперативной линии, но не административно. Пруссия явилась для Гиммлера и Гейдриха как бы первой ступенью к обладанию всей полнотой власти в системе государственных полицейских органов. Ближайшая цель, которую они ставили перед собой, состояла в том, чтобы включить в эту систему политическую полицию других земель и таким образом распространить свое влияние на орган, имевший уже «имперское значение». Когда эта цель была достигнута, Гейдрих, используя свое положение, «протянул щупальца» ко всем ключевым постам административно-управленческого аппарата нацистского рейха. С помощью возглавляемой им службы безопасности он получил возможность вести наблюдение за государственными и партийными деятелями, вплоть до занимающих самые высокие посты, а также осуществлять контроль за общественной жизнью в Германии, решительно подавляя всякое инакомыслие.

Свойственные Гейдриху и по достоинству оцененные Гиммлером честолюбие, беспощадность, расчетливость, умение обратить к своей выгоде малейшую возможность помогли ему сразу же продвинуться вперед и обойти многих своих коллег по нацистской партии. «Человек с железным сердцем»¹¹³ — так величал Гитлер Рейнгарда Гейдриха, ставшего позднее главой полиции всех германских земель и, кроме того, шефом СД (следующий в партийной иерархии пост после Гесса и Гиммлера).

Согласно свидетельствам Шелленберга, одной из особенностей Гейдриха был дар мгновенно распознавать профессиональные и личные слабости людей, фиксировать их в своей феноменальной памяти и в собственной «картотеке»¹¹⁴. Уже в самом начале своей карьеры оценив всю важность ведения досье, он систематически собирал информацию обо всех деятелях третьего рейха. Гейдрих был убежден, что только знание чужих слабостей и пороков обеспечит ему надежную связь с нужными людьми. С добросовестностью бухгалтера, писал Г. Буххейт, Гейдрих накапливал компрометирующие материалы на всех влиятельных представителей высшего эшелона власти и даже своих ближайших помощников.

По свидетельству лиц, близко знавших Гейдриха, ему были известны во всех подробностях «темные пятна» в генеалогии самого Гитлера. Ни одна деталь личной жизни Геббельса, Бормана, Гесса, Риббентропа, фон Папена и других нацистских бонз не ускользала от его внимания. Лучше, чем кто-либо, он знал, какими способами оказать давление на человека и направить развитие событий в нужное русло. Недостатка в доносчиках и информаторах он никогда не испытывал.

На укрепление власти и распространение влияния Гейдриха работала его редкая

¹¹³ Brissaud A. The Nazi Secret Service. London. 1974. P. 294.

¹¹⁴ Картотека Гейдриха представляла собой своего рода политическое справочное бюро. Он знал все о близких знакомых тех, кто принадлежал к высшим «десяти тысячам». При назначении или продвижении какого-либо чиновника высшего офицера вермахта или высокопоставленного функционера нацистской партии Гейдрих, пользуясь этим «инструментом власти», мог дать достаточно полную политическую оценку каждой кандидатуре. В результате ему удавалось оказывать давление не только на высшие партийные инстанции, держа их в известном смысле под угрозой, но и влиять на кадровую политику всех имперских учреждений.

способность ставить всех окружающих — от секретаря до министра — в зависимость от себя благодаря знанию и использованию их пороков. Не раз он доверительно сообщал собеседнику, будто до него дошли слухи, что над ним сгущаются тучи, грозящие ему служебными или личными неприятностями. Причем эти слухи он, как правило, измышлял сам, пуская их в ход для того, чтобы побудить собеседника выложить все, что ему хотелось бы знать о том или ином человеке.

«Чем ближе узнавал я этого человека, — писал о Гейдрихе Шелленберг, — тем больше он казался мне похожим на хищного зверя всегда настороже, всегда чувствующий опасность, никогда не доверяющий никому и ничему. К тому же им владело ненасытное честолюбие, стремление знать больше, чем другие, всюду быть хозяином положения. Этой цели он подчинял свой незаурядный интеллект и инстинкт хищника, идущего по следу. От него постоянно можно было ожидать беды»¹¹⁵. Ни один человек с независимым характером из окружения Гейдриха не мог считать себя в безопасности. Коллеги являлись для него соперниками¹¹⁶.

Все, кто близко знал Гейдриха или кому приходилось общаться с ним, отмечали, что для этого яркого представителя нацизма, как и других руководящих деятелей третьего рейха, были характерны жестокость, жажда неограниченной власти, умение плести интриги, страсть к самовосхвалению. И еще: обладая качествами крупного организатора и администратора, не имевшего равных себе в рейхе в вопросах управления, он в то же время был авантюристом и гангстером по своей природе. Эти личные качества Гейдриха накладывали отпечаток на всю деятельность РСХА. Представитель Лиги Наций в Данциге Карл Буркхардт в книге «Воспоминания» характеризует Гейдриха как молодого злого бога смерти, изнеженные руки которого как будто были созданы для того, чтобы душить. Начиная с 1936 по 1939 год и особенно после 1939 года одно упоминание имени Гейдриха и тем более его появление где-либо наводило ужас.

Из новшества, внесенных Гейдрихом в практику агентурной работы РСХА, была организация «салон». Стремясь к получению более ценной информации, в том числе о «сильных мира сего», а также о видных зарубежных гостях, он задумал открыть в одном из центральных районов Берлина фешенебельный ресторан для избранной публики. В такой атмосфере, считал Гейдрих, человек легче, чем где бы то ни было, выбалтывает вещи, из которых тайная служба может почерпнуть много полезного для себя. Выполнение этого задания, одобренного Гиммлером, было возложено на Шелленберга. Тот приступил к делу, арендовав через подставное лицо соответствующее здание. К перепланировке и отделке его привлекли лучших архитекторов. После этого за дело взялись специалисты по техническим средствам подслушивания: двойные стены, современная аппаратура и автоматическая передача информации на расстояние позволяли фиксировать каждое слово, произнесенное в этом «салоне», и передавать его в центральное управление. Технической стороной дела ведали надежные сотрудники, а весь персонал «салона» — от уборщиц до кельнера — состоял из тайных агентов СД. После проведенной подготовительной работы возникла проблема поиска «красивых женщин». Решение ее взял на себя шеф уголовной полиции Артур Небе. Из крупных городов Европы были приглашены дамы полусвета, а кроме того, высказали готовность предоставить свои услуги и некоторые дамы из так называемого «хорошего общества». Гейдрих дал этому заведению название «Салон Китти».

¹¹⁵ Schellenherz W. The Labyrinth. Memoirs. P. 13.

¹¹⁶ Вступая в новую должность руководителя внешнеполитической разведки РСХА, Шелленберг решил посоветоваться с доктором Мелькарном, занимавшимся организацией гражданской администрации в восточных районах, с которым его связывали давние отношения дружбы. Тот, хорошо знавший Гейдриха, в таких словах аттестовал его: «При первом же поражении этот человек безжалостно бросит вас на произвол судьбы, в случае необходимости он нагрузит вас такими опасными заданиями, что вы должны будете ожидать самого худшего, а именно бесследного исчезновения» Schellenherg W. The Labyrinth. Memoirs. New York, 1956. P. 209.

Салон давал любопытные данные, значительно пополнившие досье службы безопасности и гестапо. Создание «Салона Китти» в оперативном отношении оказалось в высшей степени успешным. В результате подслушивания и тайного фотографирования служба безопасности имела возможность, по свидетельству Шелленберга, значительно пополнить свои досье ценной информацией. Ей удавалось, в частности, выходить на скрытых противников нацистского режима, а также раскрывать планы прибывающих в Германию для переговоров представителей зарубежных политических и деловых кругов.

Среди иностранных посетителей одним из наиболее интересных клиентов оказался министр иностранных дел Италии граф Чиано, который, находясь в то время с визитом в Берлине, широко «гулял» в «Салоне Китти» со своим дипломатическим персоналом.¹¹⁷

В начале марта 1942 года приказом Гитлера Гейдрих был назначен заместителем рейхспротектора Богемии и Моравии с сохранением обязанностей шефа РСХА и произведен в обергруппенфюреры. Это решение фюрера никого не удивило. В действительности объем и характер полномочий, которыми был облечен Гейдрих, выходили за рамки функций, обычно выполняемых заместителем рейхспротектора. Пребывание Гейдриха на этом посту было номинальным, практически именно ему принадлежало руководство протекторатом. С чисто внешней стороны дело представлялось так, будто имперский протектор барон Константин фон Нейрат испросил у Гитлера длительный отпуск по состоянию здоровья. В правительственном сообщении говорилось, что фюрер не мог отказать в просьбе рейхсминистру и назначил шефа РСХА Рейн-гарда Гейдриха исполняющим обязанности имперского протектора в Чехии и Моравии. Гитлеру нужен был в этом протекторате решительный, безжалостный нацист. Фон Нейрат не годился. При нем «подняло голову» подпольное движение.

Гейдрих не скрывал от своего окружения, что его крайне привлекало новое назначение, тем более что в разговоре с ним по этому поводу Борман намекнул, что оно означает для него большой шаг вперед, особенно если ему удастся успешно решить политические и экономические проблемы этой области, «чреватые опасностью конфликтов и взрывов».

Приняв руководство протекторатом, Гейдрих, отличавшийся крайней жестокостью, сразу же ввел чрезвычайное положение, подписал первые смертные приговоры. Развязанный им террор затронул множество ни в чем не повинных людей. В ответ на проводимую Гейдрихом политику геноцида чехословацкие патриоты, участники движения Сопротивления организовали на него покушение.

Напомним в общих чертах на основании твердо установленных фактов, как это покушение было подготовлено и совершено и какую роль в этом играла чехословацкая разведка, центр которой находился в то время в Лондоне.

В первые годы войны из Англии в протекторат было заброшено несколько десятков разведывательных групп с задачей сбора военно-экономической и политической информации и установления связи с подпольными группами внутреннего Сопротивления. Иногда засылались и агенты-одиночки, которым поручалась лишь передача денег, запасных частей к рациям, яда, шифровальных ключей.

Осенью 1941 года связь между Лондоном и внутренним Сопротивлением оказалась серьезно нарушенной, и обе стороны взялись за ее восстановление.

Чехословацкое правительство, находясь в изгнании, стремясь усилить свои позиции на международной арене, оживить деятельность национального движения Сопротивления и укрепить собственное влияние в нем, добивалось наращивания активности в деле засылки агентуры в разные районы страны. Ядро каждой забрасываемой группы составляли старший и радист; каждая из них получала примерно три подпольные явки-адреса.

Предварительно агенты проходили специальное обучение под руководством английских инструкторов. Программа обучения была краткосрочной, но очень насыщенной.

¹¹⁷ Как выяснится потом, время от времени появлялся в этом заведении в «инспекционных целях» и сам его организатор — Гейдрих, верный своим привычкам. Правда, предварительно он приказывал Шелленбергу позаботиться о том, чтобы на время его пребывания в салоне была отключена техническая аппаратура.

Она включала изнурительную физическую тренировку днем и ночью, специальные теоретические занятия, упражнения в стрельбе из личного оружия, овладение приемами самообороны, прыжки с парашютами, изучение радиодола.

В августе 1941 года в Лондон поступила просьба о присылке в протекторат парашютистов от уцелевшей от разгрома в успешно продолжавшей свою деятельность подпольной группы штабс-капитана Вацлава Моравека¹¹⁸. После обсуждения этой просьбы на специальном совещании, в котором принял участие узкий круг высокопоставленных офицеров из разведывательной службы и генерального штаба, состоялось решение о направлении в Чехию пяти парашютистов. Трое из них должны были заниматься сбором сведений о дислокации воинских частей, эшелонах, следовавших на фронт, продукции военных заводов; создавать опорные пункты в виде явочных и конспиративных квартир для приема новых групп. В задачу ротмистра Габчика и старшего сержанта Свободы (оба они присутствовали на указанном совещании) входило подготовить и совершить покушение на исполняющего обязанности имперского протектора Рейнгарда Гейдриха. Габчик и Свобода¹¹⁹ были определены в один из учебно-тренировочных лагерей британского военного министерства для отработки прыжков с парашютом ночью.

К этому времени, как свидетельствует в своих мемуарах полковник Франтишек Моравец, тогдашний глава чехословацкой разведки, лондонским центром был разработан и доведен до сведения обоих участников операции подробный тактический план покушения, получивший кодовое название «Антропоид»¹²⁰. Как предусматривалось этим планом. Габчик и Кубиш должны были прыгать с парашютом примерно в 48 километрах к юго-востоку от Праги, в холмистой местности, покрытой густыми лесами. Обосноваться им надлежало в Праге, где они должны были досконально изучить обстановку, действуя во всем самостоятельно, без привлечения посторонних сил.

Что касается технических деталей операции, времени, места и способа ее осуществления, то их предстояло уточнить на месте с учетом конкретных условий.

Инструктаж Габчика и Кубинга перед заброской о том, что им предстоит делать, как избежать ошибок и держаться, особенно в опасных ситуациях, провел лично полковник Франтишек Моравец.

Первый вылет 7 ноября 1941 года оказался неудачным — сильный снегопад заставил пилота возвратиться в Англию. Не удалась и вторая попытка 30 ноября 1941 года: экипаж самолета потерял ориентировку и вынужден был вернуться на базу. Третья попытка была предпринята 28 декабря 1941 года.

Приземлившись недалеко от Праги, в районе кладбища, Габчик и Кубиш закопали парашюты и на некоторое время обосновались в заброшенной сторожке у пруда. Затем, воспользовавшись полученными в центре адресами-явками, с помощью подпольщиков перебрались в Прагу. Здесь, освоившись несколько с обстановкой, приступили к выработке возможных вариантов плана осуществления операции¹²¹.

¹¹⁸ Моравек (подпольное имя «Леон») был крупным разведчиком-нелегалом. Сумев войти в контакт с главным резидентом абвера в чешских землях и на Балканах П. Тюммелем, в прошлом начальником управления абвера в Дрездене, Моравек получил через него за большое вознаграждение (Гейдрих называл сумму одного из платежей — 40 тысяч рейхсмарок) доступ к секретным документам германской армии. После разоблачения Тюммеля как агента чехословацкой разведки на след Моравека напало гестапо. Оказавшись в западне, он застрелился.

¹¹⁹ Так как Свобода во время тренировки получил травму, его заменили позже Кубишем.

¹²⁰ По-гречески «антропос» — «человек». «Антропоид» — группа, цель которой «человек».

¹²¹ Впоследствии стала известна такая деталь: лондонское эмигрантское правительство Бенеша задумало приурочить к этой операции организацию всенародного восстания в стране, хотя, по мнению некоторых членов центрального руководства Сопротивления, объединявшего ряд подпольных групп, к этому не было необходимых предпосылок. Считая, что покушение мало что даст союзникам и неизбежно повлечет за собой

Возникли три варианта.

Согласно первому варианту, предполагалось устроить налет на салон-вагон протектора в поезде. Тщательно осмотрев железнодорожный путь и насыпь в том месте, где они должны были засесть в засаду, Габчик и Кубиш пришли к заключению, что оно малопригодно. Второй вариант предусматривал совершение покушения на шоссе в Паненске-Бржежанах. Они намерены были протянуть через дорогу стальной трос в расчете на то, что, как только машина Гейдриха натолкнется на него, возникнет замешательство, которым воспользуется группа для нанесения удара. Габчик и Кубиш приобрели такой трос, провели репетицию, но в итоге им пришлось отказаться и от этого варианта — он не гарантировал полного успеха. Дело в том, что около избранного места негде было укрыться и некуда было бежать, а это означало верное самоубийство для исполнителей.

Остановились на третьем варианте, который состоял в следующем. На дороге Паненске-Бржежаны — Прага — обычно Гейдрих ездил этим маршрутом — в районе Кобылис был поворот, где водителю, как правило, приходилось сбавлять скорость. Габчик и Кубиш решили, что этот участок дороги в большей степени отвечает требованиям задуманного.

Скрупулезно проведя всю подготовительную работу, Габчик и Кубиш наметили дату покушения — 27 мая 1942 года, распределили между собой обязанности в предстоящей операции: Габчик должен был стрелять в Гейдриха из автомата, Кубиш — оставаться в засаде для подстраховки, имея при себе две бомбы. Для выполнения этого плана необходимо было привлечь к участию в операции еще одного человека (его задача состояла в том, чтобы с помощью зеркала подать Габчику сигнал о приближении машины Гейдриха к повороту). Они остановились на кандидатуре Вальчика, в свое время заброшенного в Прагу и прочно обосновавшегося здесь.

В день покушения рано утром Габчик и Кубиш на велосипедах добрались до условленного пункта. По пути к ним присоединился Вальчик.

27 мая в 10. 30, когда машина приближалась к повороту, Габчик по сигналу Вальчика распахивает плащ и направляет дуло автомата на Гейдриха, сидящего рядом с шофером. Но автомат вдруг дал осечку. Тогда находящийся недалеко от машины Кубиш бросает в нее бомбу. После этого парашютисты скрываются в разных направлениях.

Раненого Гейдриха доставляют в больницу, где он 4 июня 1942 года умирает от полученных ран.

Сменив несколько мест своего пребывания в связи с повальными обысками Габчик и Кубиш принимают предложение подпольщиков перебраться на несколько дней в подzemелье под церковь Кирилла и Мефодия. Там уже находились пять других парашютистов.

За эти дни подпольщиками был разработан план вывода парашютистов из церкви за пределы Праги: Габчика и Кубиша предполагали вывезти в гробах, а остальных — на полицейской машине. Однако накануне осуществления этого плана гестапо из-за предательства одного из агентов¹²², посланных полковником Моравцем в Прагу, удается раскрыть местопребывание Габчика и Кубиша. К церкви были стянуты значительные силы СД и СС, организовано блокирование всего квартала.

Штурм церкви продолжался несколько часов. Парашютисты мужественно защищались.

огромные жертвы, находившиеся в протекторате разведчики-нелегалы по согласованию с представителями национального Сопrotивления в первых числах мая 1942 года направили в Лондон полковнику Моравцу радиogramму, в которой сообщали о своих сомнениях в оправданности операции и на крайний случай предлагали заменить объект кем-либо из местных квислингов, считая, что за покушение на Гейдриха нацисты будут мстить всему чешскому народу. Письмо аналогичного содержания, исполненное тайнописью, было послано Бенешу по дипломатическим каналам через Швецию. Приказ отменен не был. Как пишет широко известный в Чехословакии писатель Мирослав Иванов, «Лондон ставил на карту слишком много, чтобы принимать во внимание просьбу деятелей Сопrotивления внутри страны» / Иванов М. Покушение на Гейдриха. Свидетельства, факты, документы. М., 1988.

¹²² Им оказался К. Чурда. Получил по заслугам, кончив жизнь в 1947 году на виселице.

Трое из них были убиты, а остальные вели бой, тюка не кончились патроны, оставив по одному патрону для себя.

Докладывая по начальству о завершении операции, штандартенфюрер СС Чешке, начальник главного управления гестапо Праги, отмечал, что обнаруженные в церкви боеприпасы, матрацы, одеяла, белье, продукты питания и другие предметы, свидетельствуют о том, что парашютистам содействовал широкий круг людей, в том числе церковные служители¹²³.

Плата за покушение оказалась очень высокой: из 10 тысяч заложников в первую же ночь 100 «главнейших врагов рейха» были расстреляны. 252 чешских патриота были осуждены на смерть за укрывательство или содействие парашютистам. Однако их было намного больше. В первые же недели было казнено свыше 2 тысяч человек.

Несмотря на то что силы Сопротивления понесли тяжелые потери, нацистам не удалось сломить волю чешского народа, величие, скромность и героизм которого стали высоким нравственным ориентиром для последующих поколений.

После смерти Гейдриха пост руководителя РСХА, превращенного благодаря его усилиям в одно из самых зловещих ведомств третьего рейха, занял начальник полиции и СС в Вене доктор Эрнест Кальтенбруннер¹²⁴. Так в руках этого фанатичного австрийского нациста оказываются рычаги управления невиданной в истории машиной убийств и террора.

До 1926 года Кальтенбруннер как юрист практиковал в Линце. В 1932 году в возрасте 29 лет он вступил в местную национал-социалистскую партию, год спустя вошел в состав полуполигальной организации СС, активно выступавшей за подчинение Австрии фашистской Германии. Дважды подвергался аресту (в 1934 и 1935 годах), шесть месяцев провел в заключении. Незадолго до второго ареста принял на себя командование запрещенными в Австрии силами СС, установил тесные отношения с Берлином, в частности с руководителями СД. 2 марта 1938 года получил в марионеточном австрийском правительстве «портфель министра безопасности».

Используя свое служебное положение и связи, опираясь на возглавляемую им организацию СС. Кальтенбруннер развернул активную подготовку к захвату Австрии гитлеровцами. Под его командой 500 австрийских головорезов-эсэсовцев в ночь на 11 марта 1938 года окружили государственную канцелярию и совершили фашистский переворот при поддержке вступивших на территорию страны немецких войск. На следующий день аншлюс стал свершившимся фактом. Вскоре после аншлюса он делает стремительную карьеру. Благодаря палаческой деятельности в аннексированной Австрии в качестве высшего руководителя СС и полиции безопасности, Кальтенбруннер становится сподручным рейхсфюрера Гимmlера, которого поразила эффективность созданной им мощной разведывательной сети, охватившей районы к юго-востоку от австрийской границы. Вверяя «старому бойцу» Кальтенбруннеру пост начальника главного имперского управления безопасности, фюрер был убежден, пишет Шелленберг, что этот «крепкий парень обладает всеми качествами, необходимыми для такой должности, причем решающее значение имело безоговорочное послушание, личная верность Гитлеру и то обстоятельство, что Кальтенбруннер был его земляком, уроженцем Австрии»¹²⁵.

¹²³ 3 сентября 1942 года состоялся «суд» над настоятелем церкви Владимиром Петршеком, священником Вацлавом Чиклем, председателем совета старейшин православной церкви Яном Зонневендом и епископом Гораздом. Все они были казнены. Известно также, что Владимир Петршеком заставил сторожа Орнеста покланяться на Библии перед алтарем и зажженными свечами, что тот будет молчать.

¹²⁴ До вступления в должность Кальтенбруннер возглавлял группу видных нацистов, направленных Гитлером в Прагу в связи с убийством Гейдриха. В эту группу, оставившую свой кровавый след в Чехословакии, входили руководящие деятели РСХА Мюллер (гестапо), Небе (Уголовная полиция) и Шелленберг (внешняя разведка).

¹²⁵ Schellenberg W. The Labyrinth. Memoirs. P. 331.

Являясь главой СД и полиции безопасности. Кальтенбруннер не только управлял деятельностью гестапо, но и непосредственно курировал систему концлагерей и административный аппарат, занимавшийся реализацией принятых в сентябре 1935 года нюрнбергских расистских законов, в соответствии с которыми осуществлялось так называемое окончательное решение еврейского вопроса. По отзывам сослуживцев, Кальтенбруннера меньше интересовали профессиональные детали работы возглавляемой им организации. Для него главным было прежде всего то, что руководство внутренней и внешней разведкой давало ему возможность влиять на важнейшие политические события. Инструмент, необходимый для этого, был в его ведении.

Помимо должности Кальтенбруннеру придавал значимость, как отмечали сотрудники СД, его внешний вид: это был великан, с замедленными движениями, широкими плечами, громадными руками, массивным квадратным подбородком и «бычьим затылком». Лицо пересекал глубокий шрам, полученный еще в бурные студенческие годы. Это был человек неуравновешенный, лживый и взбалмошный, много пил спиртных напитков¹²⁶. Доктор Керстер, проверявший по заданию рейхсфюрера СС всех высокопоставленных чинов СС и полиции, чтобы выяснить, кто из них больше подходит на ту или иную должность, рассказывал Шелленбергу, что в его руки редко попадал такой упрямый и крутой «бык», как Кальтенбруннер. «Видимо, — заключил доктор, — он способен думать только в подпитии»¹²⁷.

Внимание Кальтенбруннера больше всего привлекали методы казни, применявшиеся в концлагерях, и особенно использование газовых камер. С его приходом в РСХА, объединявшее все службы террора и сыска в Германии, прежде всего гестапо и служба безопасности стали применять еще более садистские пытки, на полную мощность заработали орудия массового истребления людей. По свидетельству одного из сотрудников СД, почти ежедневно под председательством Кальтенбруннера происходили совещания, на которых детально обсуждался вопрос о новых методах пыток и технике убийства в концлагерях. Под его непосредственным руководством главное имперское управление безопасности, по прямому указанию правителей рейха, организовало охоту на лиц еврейской национальности и уничтожило несколько миллионов. Такая же участь постигла парашютных десантников союзных держав, военнопленных.

Таким образом, лично связанный с Гитлером и имевший непосредственный выход к нему и, очевидно, благодаря этому получивший от Гимmlера такие права и полномочия, каких не имел никто другой из его окружения, Кальтенбруннер играл наиболее чудовищную роль в общем преступном заговоре нацистской клики. Незадолго до самоубийства Гитлер, относившийся к Кальтенбруннеру как к одному из своих ближайших и особо доверенных людей, назначил его главнокомандующим войсками мистического «Национального редута»¹²⁸, центром которого предполагалось сделать Зальцкаммергут — горный район на

¹²⁶ «Чем отчаяннее становилось наше положение, — писал Шелленберг, — тем больше пил Кальтенбруннер. Иногда я встречал его уже утром, часов в 11, сидящим за своим письменным столом с мрачным и пустым взором. Потом он с пьяной веселостью запускал руку под стол и доставал оттуда бутылку шампанского или коньяка» / Schellenberg W. The Labyrinth. Memoirs. P. 334.

¹²⁷ Schellenberg W. The Labyrinth. Memoirs. P. 331-332.

¹²⁸ Практически этот редут так и не был создан. Тем не менее на заключительном этапе войны нацисты упорно распространяли слухи о том, что идет подготовка к отходу фашистского руководства в недоступную горную крепость, откуда они будут продолжать борьбу, обороняемые отборными воинскими частями, располагая большими запасами продовольствия, горючего, оружия и боеприпасов, что в этом районе якобы вырублены в горах укрытия для «огромных подземных заводов, неуязвимые для ударов с воздуха». Столицей редута, как сообщалось, должно было стать горное убежище Гитлера, расположенное поблизости от Берхтесгадена в районе Оберзальцберга. Согласно прогнозам швейцарской резидентуры американской разведки, взятие редута могло затянуть войну на срок от шести месяцев до двух лет и повлечь людские потери, превышающие потери всех боев на Западном фронте. Очевидно, под влиянием этих прогнозов Верховный главнокомандующий союзных войск генерал Эйзенхауэр не исключал возможности возникновения опасности

севере Австрии, отличающийся сильно пересеченной местностью и недоступностью. По утверждению Хеттля, миф о «неприступной альпийской крепости, защищенной самой природой и самым мощным секретным оружием, какое когда-либо создавал человек», был выдуман для того, чтобы попытаться выторговать у западных союзников более выгодные условия капитуляции. В горах этой местности прятались Кальтенбруннер и другие нацистские военные преступники, когда третий рейх потерпел поражение.

Конец шефа главного имперского управления безопасности известен: он был приговорен в 1946 году Международным военным трибуналом в Нюрнберге к смертной казни через повешение.

Характерны и фигуры ближайших сподвижников Гейдриха и Кальтенбруннера — Мюллера, Науйока и Шелленберга, которым принадлежала ведущая роль в организации тайной войны против СССР.

Генрих Мюллер, шеф гестапо, группенфюрер СС и генерал полиции, родился в Мюнхене в 1900 году в семье католиков. Оставаясь за кулисами событий с 1939 по 1945 год практически был главой государственной полиции всего рейха и заместителем Кальтенбруннера. Свою карьеру он начал в баварской полиции, где занимал скромную должность, специализируясь преимущественно на слежке за членами коммунистической партии. И если Геринг породил гестапо, а Гиммлер принял его в свое лоно, то Мюллер довел эту службу до полной зрелости в качестве смертоносного оружия, острие которого было направлено против антифашистских выступлений и всяких проявлений оппозиции нацистскому режиму, которые он стремился душить в зародыше. Достигалось это с помощью таких получивших широкое применение чудовищных методов, как изготовление фальшивок, клевета в отношении тех, кто выступал против нацистской диктатуры и политики агрессии, плетение мнимых заговоров, которые затем разоблачались, чтобы предотвратить настоящие заговоры, наконец, кровавые расправы, пытки, тайные казни. «Сухой, скупой на слова, которые он произносил с типичным баварским акцентом, низкорослый, приземистый, с квадратным мужицким черепом, узкими, плотно сжатыми губами и колючими карими глазками, которые всегда были полуприкрыты тяжелыми, постоянно дергающимися веками. Особо неприятным казался вид его массивных широких рук с короткими толстыми пальцами»¹²⁹ — так описывает в своих мемуарах Шелленберг Мюллера. Правда, на всякий случай он задним числом представляет дело таким образом, будто с 1943 года тот был смертельным врагом Шелленберга, постоянно замышлял против него козни и чуть ли не готов был погубить. Это вряд ли достоверно. Но одно совершенно очевидно: оба соперника досконально знали слабые и сильные стороны друг друга и в своей службе нацистской верхушке действовали с величайшей осторожностью, боясь где-то оступиться и тем самым дать козырь противнику.

По словам подручных Мюллера, много лет знавших его, он был человеком хитрым, беспощадным и умевшим мстить. Привычка ко лжи и стремление к неумной власти над своими жертвами наложили на него отпечаток коварства и грубости, скрытой и судорожной жестокости.

Гейдрих не случайно остановил свой выбор на Мюллере. Он нашел в этом «упрямом и самонадеянном» баварце, обладавшем высоким профессионализмом и умением слепо подчиняться, идеального партнера, выделявшегося своей ненавистью к коммунизму и «всегда готового поддержать Гейдриха в любом грязном деле» (как, например, уничтожение неугодных Гитлеру генералов, расправа с политическими противниками, слежка за сослуживцами). Мюллер отличался тем, что, действуя по привычному стандарту, он «как опытный ремесленник преследовал свою жертву прямолинейно, с упорством сторожевого пса, загоняя ее в круг, из которого не было выхода».

В качестве главы гестапо Мюллер создал такую пирамиду ячеек, которая такого рода, способной втянуть в затяжные боевые действия, носящие характер партизанской войны.

¹²⁹ Schellenberg W The Labyrinth. Memoirs. P. 8.

распространялась сверху вниз, проникала буквально в каждый немецкий дом. Рядовые граждане становились почетными сотрудниками гестапо, выступая в качестве квартальных надзирателей. Превратник жилого дома должен был, как квартальный надзиратель, следить за членами всех семей, проживающих в этом доме. Квартальные надзиратели сообщали об имевших место политических проступках и подстрекательских разговорах. Летом 1943 года гестапо располагало 482 тысячами квартальных надзирателей.

Инициативное доносительство со стороны прочих граждан также широко пропагандировалось и поощрялось как проявление патриотизма. Добровольные осведомители обычно действовали, движимые завистью или стремлением выслужиться перед властями, и получаемая от них информация, как правило, была, по свидетельству сотрудников гестапо, бесполезной.

Тем не менее, как считали гестаповцы, осознание человеком, что на него может донести буквально кто угодно, создавало желаемую атмосферу страха. Даже ни один из членов национал-социалистской партии не чувствовал себя спокойно, опасаясь «всевидящего ока» гестапо.

С помощью внедренной в головы людей мысли о том, что за каждым все время следят, удавалось держать в узде целый народ, подрывать его волю к сопротивлению. Другое преимущество такой в полном смысле слова государственной сети почетных и добровольных доносчиков заключалось в том, что для правительства она была бесплатной.

Как специалист в области пыток Мюллер в организации их превзошел всех своих коллег. С теми, кто попадал в руки гестапо, «работали» поразительно одинаковым образом. Применяемая технология пыток была в такой мере тождественной как в Германии, так и на территории оккупированных стран, что это совершенно определенно указывало на то, что гестаповцы руководствовались единым, обязательным для всех органов гестапо оперативным наставлением.

Прежде чем начать допрос, подозреваемого обычно жестоко избивали, чтобы привести его в шоковое состояние. Цель такого злонамеренного произвола заключалась в том, чтобы ошеломить, унижить и вывести арестованного из состояния душевного равновесия в самом начале борьбы с его истязателями, когда надо собрать воедино весь свой разум и волю.

Гестаповцы считали, что каждый схваченный ими человек располагает хоть какой-то информацией о подрывной деятельности, пускай даже лично не имея прямого отношения к ней. Даже тех, против кого отсутствовали какие-либо доказательства их причастности к подрывной деятельности, подвергали пыткам «на всякий случай», — может быть, они что-нибудь расскажут. Арестованного допрашивали «с пристрастием» по вопросам, о которых он абсолютно ничего не знал. Одна «линия допроса наудачу» сменялась другой. Начавшись, этот процесс становился буквально необратимым. Если арестованный не давал показаний на допросе с применением «мягких» пыток, они становились все более жестокими. Человек мог умереть, прежде чем его истязатели убедятся, что он действительно ничего не знает.

Обычным делом было отбивание почек у допрашиваемого. Его избивали до тех пор, пока лицо не превращалось в бесформенную, лишенную зубов массу. Гестапо имело набор изошренных орудий пыток: тиски, с помощью которых раздавливали яички, электроды для передачи разряда электрического тока от пениса в задний проход, стальной обруч для сдавливания головы, паяльник для прижигания тела пытаемого.

Под руководством Мюллера в гестапо прошли кровавую «практику» все эсэсовские палачи, которые впоследствии зверствовали в оккупированных странах Европы и на временно захваченной советской территории.

Идеей фикс Мюллера было создание централизованного учета, в котором имелось бы досье на каждого немца со сведениями обо всех «сомнительных моментах» в биографии и поступках даже самых незначительных. Любого, кто подозревался в сопротивлении гитлеровскому режиму, пусть даже «лишь в мыслях», Мюллер причислял к врагам рейха.

Мюллер имел самое непосредственное отношение к «окончательному решению еврейского вопроса», что означало массовое физическое уничтожение евреев. Именно он

подписал приказ, требующий доставки в Аушвиц к 31 января 1943 года 45 тысяч лиц еврейской национальности для их уничтожения. Он же являлся автором бесчисленных документов аналогичного содержания, лишней раз свидетельствующих о его необычном рвении в исполнении директив нацистской верхушки. Летом 1943 года он был послан в Рим для оказания давления на итальянские власти в связи с возникшими у них колебаниями в «решении еврейского вопроса». Вплоть до самого конца войны Мюллер неустанно требовал от своих подчиненных активизации их деятельности в этом направлении. В период его руководства массовые убийства превратились в автоматическую процедуру. Такой же экстремизм проявлял Мюллер и в отношении советских военнопленных. Он же отдал приказ расстрелять английских офицеров, бежавших из-под стражи близ Бреслау в конце марта 1944 года.

Как и сам глава РСХА. Гейдрих, Мюллер был в курсе интимнейших подробностей, касавшихся всех руководящих деятелей режима и их ближайшего окружения. Вообще он был одним из самых осведомленных лиц третьего рейха, высшим «носителем тайн». Власть гестапо Мюллер использовал и в личных интересах. Рассказывают, что когда один из членов богатого и знатнейшего семейства Гередорфов угодил в лапы тайной полиции, то его родственники предложили выкуп в три миллиона марок, которые Мюллер положил в свой карман.

После бегства из поверженной Германии Мюллер не оставил практически никаких следов. Последний раз его видели 28 апреля 1945 года. Хотя официально его похороны состоялись за двенадцать дней до этого, однако после эксгумации тело не было опознано. Ходили слухи, будто бы он уехал в Латинскую Америку.

Список ближайших сообщников обер-палача Гимmlера, ключевых фигур имперской службы безопасности, будет не полным, если не упомянуть Альфреда Науйокса, поднаторевшего на крупных политических провокациях, и прежде всего против СССР. В кругу эсэсовцев Науйокс пользовался популярностью как «человек, начавший вторую мировую войну», возглавив ложное «польское» нападение на радиостанцию в Гливице 31 августа 1939 года, о чем подробно было рассказано выше.

Дружба известного боксера-любителя Науйокса с нацистами началась с его участия в устраиваемых ими уличных потасовках со своими политическими противниками.

В 1931 году в возрасте 20 лет он вступил в войска СС, нуждавшиеся в «молодых головорезах», а спустя три года был зачислен на работу в СД, где со временем обратил на себя внимание Гейдриха своей способностью на быстрые решения и отчаянный риск и стал одним из его доверенных лиц. Вначале ему было поручено возглавить подразделение, занимавшееся изготовлением фальшивых документов, паспортов, удостоверений личности и подделкой иностранных банкнот. В 1937 году, как уже упоминалось, он оказал услугу Гейдриху тем, что успешно справился с изготовлением фальшивки с целью компрометации видных советских военачальников во главе с маршалом М. Н. Тухачевским. В конце 1938 года Науйокс вместе с Шелленбергом участвовал в похищении двух английских разведчиков на немецко-голландской границе, о чем б речь дальше. Как и в случае с Польшей, именно ему было поручено изыскать повод для вероломного вторжения немецко-фашистских войск на территорию Нидерландов в мае 1940 года. Наконец, Науйоксу принадлежала идея организовать экономическую диверсию (операцию «Бернард») против Англии путем распространения на ее территории фальшивых денег¹³⁰.

В 1941 году Науйокс был уволен из СД за то, что оспорил приказ Гейдриха, строго каравшего за малейшее неповиновение. Сначала его отчислили в одну из эсэсовских частей, а в 1943 году отправили на Восточный фронт. В течение года Науйокс проходил службу в оккупационных войсках в Бельгии. Формально числясь на должности экономиста, этот один из «удачливых и хитроумных разведчиков» третьего рейха время от времени привлекался к

¹³⁰ В результате этой диверсии англичане были поставлены в настолько тяжелое положение, что в 1945 году были вынуждены изъять старые деньги из обращения и напечатать новые образцы.

выполнению «специальных заданий», в частности организовал несколько крупных террористических акций, завершившихся убийством значительной группы активных участников голландского движения Сопротивления.

В 1944 году Науйокс сдался в плен американцам, в конце войны оказался в лагере для военных преступников, но ему каким-то образом удалось бежать из-под стражи перед тем, как он должен был предстать перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге.

В послевоенные годы этот специалист по особым заданиям возглавил подпольную организацию из бывших членов СС, опираясь на помощь Скорцени, который снабжал паспортами и деньгами бежавших из Берлина нацистов. Науйокс и его аппарат под видом «туристов» направляли нацистских военных преступников в Латинскую Америку, обеспечивая безопасность. Впоследствии он обосновался в Гамбурге, продолжая заниматься тем же вплоть до своей кончины в апреле 1960 года, так и не представ перед судом за чудовищные злодеяния, совершенные в годы войны.

Как неопровержимо подтверждают факты и документы, к числу ревностных исполнителей воли Гитлера, убежденных его сторонников относился также Вальтер Шелленберг, сын владельца фабрики роялей из Саарбрюккена, юрист по образованию. В 1933 году он вступил в партию национал-социалистов и одновременно в организацию для избранных — СС (охранные отряды Гитлера). На первых порах довольствовался положением внештатного шпика гестапо и зарубежного агента СД, прилагая при этом максимум стараний для того, чтобы обратить на себя внимание своих шефов обстоятельностью и отработанностью деталей регулярно представляемых им донесений. При этом, по собственному признанию Шелленберга, после того как он стал национал-социалистом, ему не приходилось испытывать какой-либо душевный дискомфорт от того, что принял на себя обязанность быть попросту доносчиком, собирать информацию о собственных товарищах и профессорах университета. Свои первые задания от тайной службы Шелленберг получал в зеленых конвертах, приходящих на адрес одного боннского профессора хирургии. Указания для него поступали непосредственно из центрального управления службы безопасности в Берлине, требовавшего предоставления информации об умонастроениях в рейнских университетах, политических, профессиональных и личных связях студентов и преподавателей.

Типичный выскочка, с амбициями, не подкрепляемыми материальной базой, Шелленберг стремился любой ценой «выбиться в люди». Склонный достигать целей путем авантюры и закулисных маневров, он питал особое пристрастие к сомнительной романтике. Мир, расположенный по ту сторону установленных порядков, по ту сторону «скучной расчетливости», как он любил выражаться, притягивал его с магической силой. Восхищаясь мощью «торжествующей воли героических личностей», он стремился случайности в своей жизни обратить в правило, необычное — рассматривать в порядке вещей.

С унизительным рвением борясь на Нюрнбергском процессе нацистских военных преступников за собственную жизнь, Шелленберг всеми силами стремился обелить себя, отгородиться от чудовищных преступлений своих коллег — зловещих палачей гитлеровской империи, представить себя всего лишь «скромным кабинетным теоретиком», стоящим над схваткой жрецом «чистого» искусства разведки. Однако английские офицеры, допрашивавшие его, с презрением говорили ему, что он — не более чем незаслуженно переоцененный фаворит нацистского режима, не отвечавший ни задачам, стоявшим перед ним, ни исторической обстановке. Такая оценка противником его способностей была для Шелленберга тяжелейшим ударом по самолюбию. «Отравленными» оказались для него и последние годы жизни, которые он провел в Италии, после того как был выслан из Швейцарии, где он поначалу обосновался. Дело в том, что итальянские власти, не без колебаний предоставившие ему убежище, не обращали на него никакого внимания, довольствуясь весьма поверхностным наблюдением за человеком, который не только не представлял никакой опасности, но и вряд ли мог причинить какое-либо беспокойство. Подобное отношение воспринималось Шелленбергом крайне болезненно, поскольку в этом

обнаруживалось полное пренебрежение к персоне вчерашней «супер-звезды» гитлеровской разведки.

Возвращаясь к периоду, когда Шелленберг, сблизившись с кругами, связанными с разведкой, начинал делать свои первые шаги на поприще «тайной войны», следует отметить, что особенно высоко его способности к этой деятельности были оценены в ходе предпринятой им длительной поездки по странам Западной Европы в качестве зарубежного агента СД. Старания, бесспорный профессионализм, обнаруженный Шелленбергом при выполнении сложного задания, требовавшего добывания актуальной информации «самого широкого профиля», не могли остаться незамеченными: распознав в нем нужную фигуру, его в скором времени уже зачисляют в штат секретной службы руководящего аппарата СС. В середине 30-х годов он был послан во Франкфурт-на-Майне, чтобы пройти там трехмесячный курс обучения в отделах полицей-президиума. Оттуда его направили на четыре недели во Францию с заданием собрать точную информацию о политических взглядах одного известного профессора Сорбонны. Шелленберг справился с заданием, и после возвращения из Парижа его переводят для изучения «методов управления» в Берлин в имперское министерство внутренних дел, откуда он перебирается в гестапо.

В апреле 1938 года Шелленбергу оказывается особое доверие: сопровождать Гитлера в его поездке в Рим. Свое пребывание в Италии он использовал для того, чтобы получить как можно более обширную информацию о настроениях итальянского народа — фюреру важно было знать, насколько прочна власть Муссолини и может ли Германия вполне рассчитывать на союз с этой страной при осуществлении своей военной программы. В ходе подготовки к этой миссии Шелленберг отобрал около 500 сотрудников и агентов СД, знающих итальянский язык, которые под видом безобидных туристов должны были отправиться в Италию. По договоренности с различными туристическими бюро, часть которых тайно сотрудничала с нацистской разведкой, эти люди на поездах, самолетах или кораблях направились из Германии и Франции в Италию. В общей сложности около 170 групп из трех человек каждая должны были выполнять одно и то же задание в разных местах, ничего не зная друг о друге. В результате Шелленбергу удалось собрать важную информацию о «подводных течениях» и настроениях населения фашистской Италии, получившую высокую оценку самого фюрера.

Так, все выше поднимаясь по ступенькам иерархической лестницы СС, Шелленберг, явившийся ставленником шефа СД Гейдриха, в скором времени оказывается во главе штабной канцелярии службы безопасности, а затем, после создания главного имперского управления безопасности, назначается руководителем отдела контрразведки в управлении государственной тайной полицией (гестапо). Столь высокого статуса в структуре разведки Шелленберг достиг в свои неполные 30 лет...

В связи с визитом народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова 13 ноября 1940 года в Германию на Шелленберга была возложена ответственность за обеспечение безопасности советской делегации на пути от Варшавы до Берлина. Вдоль железной дороги на всем протяжении пути, особенно на польском участке, были выставлены удвоенные посты, организован всеобъемлющий контроль за границей, гостиницами и поездом. Вместе с тем велось неослабное скрытое наблюдение за всеми спутниками главы делегации, тем более, как объяснял потом Шелленберг, личность троих из них не удалось установить. В июне 1941 года Шелленберг поставлен во главе VI управления (внешнеполитическая разведка) сначала в качестве заместителя начальника, а с декабря 1941 года — начальника¹³¹. Все складывалось таким образом, что он превращается в одну из

¹³¹ Говоря о первых впечатлениях, вынесенных им в день официального вступления в новую должность, Шелленберг особенно подробно, не скрывая восторга, останавливается на описании сильно поразившего его воображение своего служебного кабинета, «оснащенного всеми чудесами техники». «Возле огромного письменного стола, читаем мы в его мемуарах, стоял вращающийся столик, на котором было множество телефонов и микрофонов. В обивке стен и под письменным столом, а также в лампе были невидимо для глаза вмонтированы подслушивающие устройства, автоматически фиксирующие любой разговор и даже шорох. Вошедшему бросались в глаза маленькие проволочные квадратики, расставленные на окнах; это были

центральных фигур СД. На него смотрели как на новую, восходящую в то время звезду на небосклоне немецкого шпионажа. Ему было 34 года, когда он, сделав головокружительную карьеру и завладев правом распоряжаться организацией, служившей опорой для фашистского режима, оказался в ближайшем окружении Гитлера, Гимmlера и Гейдриха. Словом, «цель, к которой я стремился, пишет о себе Шелленберг, — была достигнута». В то время, по его выражению, он взял на себя обязательство перед «работающей на полных оборотах организацией» нацистского режима не давать этой машине остановиться, а людей, находящихся у рычагов управления, поддерживать в волшебном состоянии упоения властью. На посту главы внешнеполитической разведки Шелленберг требовал от любого ее сотрудника развития и поддержания правильной интуиции, — это качество являлось для него решающим при оценке их профессиональных качеств. Они должны были позаботиться о знании таких вещей, которые могут стать актуальными только спустя неделю или месяцы, с тем чтобы, когда эти сведения потребуются начальству, они уже были в наличии. «Сам я, — заключает Шелленберг, — насколько позволяла моя должность (а позволяла она, заметим мы от себя, очень и очень многое. — *Прим. авт.*), делал все, чтобы обеспечить победу национал-социалистской Германии».

«ОПЕРАЦИЯ ВЕНЛО»

Стремительное возвышение Шелленберга, как об этом можно судить по архивным документам, бесспорно объяснялось тем, что он с первых шагов своей служебной карьеры благодаря необыкновенному рвению умел попасть в поле зрения высшего руководства рейха довольно успешным выполнением возлагавшихся на него заданий. Однако особенно важную роль в его карьере сыграло участие в «Операции Венло», содержание которой имеет смысл раскрыть подробнее.

В середине октября 1939 года Шелленберг, занимавший тогда пост начальника контрразведки в гестапо, появился в апартаментах Гейдриха, чтобы доложить шефу РСХА о подготовленных им соображениях относительно создания новой контрразведывательной системы в Руре, необходимость в которой возникла в связи с активизацией там деятельности иностранных разведок. Гейдрих слушал его, не перебивая, кивал, но всем своим видом обнаруживал нетерпение и желание перейти к теме, которая явно занимала его гораздо больше. Когда же Шелленберг, и без того предельно лаконичный, перешел к сообщению о только что проведенной им проверке работавшего на одном из рурских заводов мастера-поляка, который долгое время снабжал шпионскими сведениями польскую разведку, Гейдрих жестом дал понять, что ситуация представляется ему предельно ясной и нет смысла продолжать. После этого Гейдрих заявил Шелленбергу, что намерен предложить ему новое поручение, имеющее важное значение для интересов третьего рейха.

Вот уже несколько месяцев, как наши люди из службы безопасности, сказал он, поддерживают в Нидерландах агентурную связь с представителями Интеллидженс сервис. В результате открылась возможность для решения не только чисто оперативных, установки контрольной электросистемы, которые я вечером, уходя из кабинета, включал, приводя в действие систему сигнализации, охраняющую все окна, сейфы и различные двери в служебном помещении. Достаточно было просто приблизиться к этому месту, охраняемому при помощи селеновых фотоэлементов, как раздавался сигнал тревоги, по которому за считанные секунды прибывала вооруженная охрана. Даже мой письменный стол напоминал маленькую крепость. — в него были вмонтированы два автомата, стволы которых могли осыпать пулями помещение кабинета. Как только дверь моего кабинета открывалась, стволы автоматов автоматически нацеливались на вошедшего. В случае опасности достаточно было нажать кнопку, чтобы привести в действие это оружие. Вторая кнопка позволяла мне подать сигнал тревоги, по которому все входы и выходы из здания сразу же блокировались охранниками». Это повествование Шелленберг дополняет данными о том, что из служебного автомобиля можно было вести телефонные разговоры в радиусе до 25 километров и диктовать секретарю по радио. Отправляясь по служебным делам в зарубежные страны, он должен был согласно предписанию, надевать на зуб коронку, в которой содержалось достаточное количество цианистого калия, чтобы в течение 30 секунд «навсегда уйти из рук врагов». Кроме того, он носил перстень с большим голубым камнем, под которым находилась еще одна капсула с цианистым калием».

разведывательных задач, но и достижения важных политических целей.

Дальнейший ход рассуждений Гейдриха сводился, по словам Шелленберга, примерно к следующему: в целом успехи Интеллидженс сервис в самой Германии не столь выдающиеся, как в оккупированных немецкими войсками странах. Тем не менее проникать в хитросплетения разведывательной сети, которую она в течение многих десятилетий насаждала в Германии, становится все труднее и труднее. Англичанам нельзя отказать в высоком профессионализме, в том, насколько умело формируется агентурная сеть и обеспечивается ее эффективное использование. Правда, очевидно, в силу того, что успех боевых действий вооруженных сил ставится в прямую зависимость от наличия всеобъемлющей информации, Интеллидженс сервис, стремясь как можно скорее овладеть такой информацией, допустила ряд просчетов в насаждении агентурной сети и в налаживании связи с ней. Благодаря этому СД удалось нащупать и взять под контроль некоторые звенья английской шпионской цепи на территории Германии. Кое-кто пытается ускорить ликвидацию выявленных вражеских агентов, не отдавая себе отчета в том, что это неизбежно толкает противника, испытывающего острую потребность в разведывательной информации, к замене раскрытых агентов новыми, которые не так скоро могут попасть в поле зрения немецкой контрразведки.

Оперативная игра, о которой идет речь и которая ведется от группы генералов — мнимых противников нацистского режима, заключил эту часть разговора Гейдрих, приобретает на данном этапе все больше политический характер.

«Сейчас наступил момент, — сказал Гейдрих, — когда необходимо четко определиться, есть ли смысл продолжать эти контакты с Интеллидженс сервис, по-прежнему снабжая англичан дезинформацией, или сразу же покончить со всем этим»¹³².

Гейдрих предложил Шелленбергу немедленно связаться с начальником VI управления РСХА, отвечавшим за политическую разведку за границей, ознакомиться с материалами дела и представить свои конструктивные предложения.

Шелленбергу была передана папка с документами на главное действующее лицо — агента под шифром «Ф-479», немецкого политического эмигранта, проживавшего с момента прихода Гитлера к власти в Гааге и в течение нескольких лет сотрудничавшего с СД. Действуя достаточно успешно по заданиям последней в Нидерландах¹³³, этот агент по собственной инициативе вступил в контакт с британской секретной службой. Перед «Ф-479» была поставлена задача: в целях дезинформации Интеллидженс сервис направлять по проложенному им каналу фальшивые сведения, которые специально готовились для этого компетентными службами в Берлине.

По утверждению «Ф-479», особый интерес англичане проявили к его последним донесениям, в которых шла речь о том, что в германском вермахте якобы существует оппозиционная Гитлеру генеральская группировка, ищущая контакты с Западом. Причем, как сообщал агент, этот интерес к «оппозиции, готовящей свержение Гитлера», заметно возрос с началом агрессии против соседних стран. Оперативная игра велась немецкой разведкой настолько продуманно и взвешенно, что английская сторона стала всерьез рассматривать вопрос о возможности встречи в скором времени сотрудников Интеллидженс сервис с одним из видных представителей «оппозиции».

Трезво оценив сложившуюся ситуацию, Шелленберг пришел к заключению, что столь удачно начатую игру не только не имеет смысла «заглушать», но и, более того, желательно развить ее путем включения новых действующих лиц.

¹³² Schellenberg W. The Labyrinth. Memoirs. P. 63.

¹³³ Агент «Ф-479» так выстроил и организовал работу сети подчиненных ему подагентов, что сумел выйти на контакт и с французской разведкой. Благодаря этому ему еще в 1938 году удалось передать французам дезинформацию о Мюнхенской конференции четырех держав, и она, по словам бывшего министра иностранных дел Франции Жоржа Бонне, якобы сыграла тогда определенную роль в том, чтобы заставить их поверить, что Германия будто бы отказалась от каких-либо военных намерений.

На очередном докладе у Гейдриха Шелленберг получил одобрение своего плана, предусматривавшего выход оперативной игры на новый уровень. Причем лично себе он отводил в ней роль представителя той самой «трезво мыслящей германской оппозиции», с которой английская сторона стремилась вступить в определенные отношения. Под видом некоего капитана транспортного управления генерального штаба Шэмэла, внешне похожего на Шелленберга, он решил предпринять поездку в Нидерланды для встречи с сотрудниками Интеллидженс сервис. Настоящего капитана Шэмэла отправили в инспекционную поездку в Польшу.

В Лондоне, как стало известно Шелленбергу, игра уже привлекла к себе внимание в высших политических сферах. Важно было не возбудить у англичан подозрений какими-либо опрометчивыми действиями. Прежде всего Шелленберг приступил к углубленной проработке собственной легенды. Важно было вжиться в новую роль, «забыть Шелленберга и стать Шэмэлом» с его биографией, образом жизни, складом ума, особенностями поведения, манерами. От признанного мастера в отработке и подгонке деталей оперативных комбинаций и легенд, каким слыл в РСХА Шелленберг, не ускользнула даже такая на первый взгляд мелочь — Шэмэл постоянно пользовался моноклем. Пришлось вооружиться моноклем и начать к нему привыкать.

Одновременно Шелленберг досконально изучил данные о мнимых «противниках нацистского режима», задействованных в оперативной игре, готовясь при необходимости сообщить англичанам любые интересующие их сведения о каждом из «оппозиционеров». Вскоре он переехал в Дюссельдорф — административный центр земли Северный Рейн — Вестфалия, чтобы быть ближе к границе Нидерландов, и поселился в доме, приобретенном нацистской разведкой через подставное лицо. К тому времени агент «Ф-479» получил из Берлина сообщение о предстоящем визите капитана Шэмэла и указание организовать ему встречу с представителями Интеллидженс сервис.

Наконец вечером 20 октября 1939 года поступила шифр-телеграмма агента «Ф-479», в которой сообщалось: «Обусловлено, что встреча состоится 21. 10 в Зютфене, Голландия». Вскоре позвонил Гейдрих: «Я предоставляю вам полную свободу рук во время переговоров с англичанами»¹³⁴. Сопровождал Шелленберга в Зютфен эсэсовский офицер, один из сотрудников СД, державший на связи «Ф-479», посвященный во все обстоятельства дела¹³⁵.

На следующий день рано утром они сели в автомобиль и отправились к границе. Переход границы, во время которого голландские таможенники неукоснительно исполняли свои служебные обязанности, прошел без всяких затруднений. В Зютфене, в условленном месте их поджидал большой черный «бьюик», в котором сидел человек, представившийся капитаном английской разведки Пейном Бестом¹³⁶. Шелленберг сел в «бьюик» рядом с Бестом, который вел машину, и невольно усмехнулся, — тот тоже носил монокль. Он свободно говорил по-немецки и, как можно было судить по отдельным замечаниям, отлично знал Германию. По прибытии в пункт назначения в Арнем их встретили майор Ричард

¹³⁴ Семенов Ю. Позиция. М., 1986. Кн. С. 28.

¹³⁵ Как потом выяснится, другим активным участником операции был уже упоминавшийся Альфред Наутокс.

¹³⁶ Сигизмунд Пейн Бест, англичанин, постоянно проживал в Гааге, член общества выходцев из Англии, кавалер ордена Британской империи, французского ордена «Почетного легиона» и бельгийского «Военного креста», резидент сверхсекретной разведывательной сети, действовавшей во многих странах мира, в том числе в Нидерландах, параллельно с зарубежными резидентурами Интеллидженс сервис. Наряду с участием в «Операции Венло» он имел поручение обеспечить слияние возглавляемой им резидентуры и резидентуры Стивенса, уступавшей по своим раз. мерам только парижской, в одну разведывательную организацию, которой отводилось в то время особое значение в связи с ухудшением политической обстановки в Европе. Эта организация должна была стать своеобразным центром сбора, накопления и обработки разведывательной информации по третьему рейху и осуществления против него тайных операций. Не случайно она была отнесена нацистской службой безопасности к числу основных противостоящих ей объектов.

Стивенс и лейтенант Дирк Клоп, оказавшийся офицером генерального штаба нидерландской армии, с которыми через некоторое время Шелленберг повел предметный разговор.

В высших сферах германского боевого офицерства, начал беседу Шелленберг, существует достаточно сильная оппозиция гитлеровскому режиму. По понятным причинам, пока не представляется возможным открыть имя ее руководителя — высокопоставленного генерала вермахта. На этот счет нет еще окончательного решения: слишком велик риск. Но имя будет непременно названо, как только партнеры обоюдно убедятся в полной надежности проложенного ими канала связи и серьезности самого предприятия. Коснувшись далее в общем виде целей и задач, которые преследует оппозиция, Шелленберг подчеркнул, что главное, к чему стремятся лидеры представляемой им оппозиции, — это устранение Гитлера любыми средствами и образование нового германского правительства, опирающегося на поддержку вермахта. Естественно, что в сложившейся ситуации, заключил он, важно знать наперед, какую позицию займет британское руководство: станет ли поддерживать отношения с новым правительством, контролируемым генеральным штабом вермахта, и какие гарантии заключения мирного договора между Германией и Англией после того, как фюрер будет устранен, представители Интеллидженс сервис готовы были бы дать.

Английские офицеры заверили Шелленберга, что, как они могут судить на основании полученных инструкций, британские власти глубоко заинтересованы в любых попытках, направленных на устранение Гитлера, и придают огромное значение возможности воспрепятствовать дальнейшему расширению войны в Европе. Именно в силу этого, подчеркивали они, Интеллидженс сервис заинтересована в дальнейшем развитии контактов с эмиссарами оппозиции, но она, однако, не имеет полномочий на то, чтобы уже сейчас заключить какие-либо политические соглашения. Тем не менее существует уверенность, что к следующей встрече от лица британского правительства определенно могут быть сделаны ожидаемые заявления, содержащие конкретные обязательства. По словам англичан, в курсе происходящих переговоров руководители Форин оффис, которые, в свою очередь, должны проинформировать об этом кабинет министров. Уже это, подчеркивали они, указывает на то, что основа для доверия заложена.

Стороны условились встретиться в следующий раз 30 октября в резиденции Интеллидженс сервис в Гааге. Перед отбытием англичане дали понять, что они придают особое значение присутствию на предстоящей встрече главы оппозиции или, по его выбору, кого-либо из влиятельных ее участников, желательно в чине генерала. Заверив их, что он полон решимости добиться этого, Шелленберг той же ночью спешно возвратился в Берлин, чтобы информировать Гейдриха о результатах переговоров. Внимательно выслушав Шелленберга, тот выразил удовлетворение ходом оперативной игры и еще раз повторил, что дает ему полную свободу действий как в легендировании операции, так и в подборе кандидатов на «участие» в «заговоре» генералов.

Начались поиски представительного человека, подходящего на роль одного из руководителей оппозиции. Шелленберг посетил в связи с этим друга своего отца, профессора де Кринис, директора психиатрического отделения клиники «Шаритэ», к которому за длительное время тесного знакомства с ним питал сыновние чувства. Привыкший с юношеских лет во всем доверять ему, Шелленберг решил посвятить профессора в суть оперативной игры с Интеллидженс сервис и попросить его совета, как лучше обставить дело. Кринис был уроженцем Австрии и состоял на действительной службе в вермахте в чине полковника медицинской службы. Это был высокообразованный человек, хорошо разбиравшийся в политике и имевший внушительный внешний вид; к тому же он говорил с явным австрийским акцентом, что, по понятным причинам, располагало к большему доверию. На этом основании Шелленберг решился предложить профессору отправиться вместе с ним в Гаагу и сыграть роль «правой руки главы оппозиции». Кринис с готовностью принял это предложение, и они выехали в Дюссельдорф, чтобы на конспиративной квартире СД провести подготовку к встрече с представителями Интеллидженс сервис и прорепетировать свои роли на предстоящих переговорах.

29 октября Шелленберг и сопровождавшие его лица направились к границе Нидерландов. Перед этим он и Кринис выработали систему условных знаков, которыми они должны были обмениваться в ходе беседы с англичанами. Так, если Шелленберг снимает монокль левой рукой, это означает, что инициатива разговора полностью переходит к нему. Если то же самое он делает правой рукой, к беседе подключается Кринис, подкрепляя и развивая доводы Шелленберга. Жалобы последнего на сильную головную боль следовало понимать как сигнал к прекращению переговоров.

Точно в 12 часов миссия Шелленберга прибыла на условленный перекресток в Арнеме, однако партнеров на месте не оказалось. Ожидание их в течение часа было безрезультатным. Но вдруг невдалеке появились двое полицейских, прямо направляющихся к автомобилю Шелленберга. Приблизившись, они спросили, почему те здесь, и, недоверчиво выслушав их объяснения, предложили Шелленбергу и Кринису проследовать в полицейский участок.

Все выглядело так, вспоминает Шелленберг, точно за ними захлопнулась ловушка, в которую их заманили англичане. «Несмотря на наш решительный протест, в полицейском участке мы были подвергнуты личному досмотру, после чего наступила очередь нашего багажа. Любая, даже самая безобидная вещь обследовалась крайне придирчиво»¹³⁷. Затем начался допрос — откуда, куда направлялись, с кем должны встретиться? О чем хотели говорить с ними? Шелленберг отказался отвечать на вопросы без участия адвоката, намеренно вел себя вызывающе, что, судя по всему, произвело надлежащее впечатление. В разгар перепалки неожиданно отворилась дверь и вошел лейтенант Дирк Клоп. Он представился полицейским чинам, и все недоверие их моментально исчезло.

На улице их ждали капитан Бест и майор Стивенс, которые в самых изысканных выражениях принесли свои извинения за случившееся. Причиной столь досадного инцидента, сокрушались джентльмены, явилось то, что они перепутали место встречи. Слушая их оправдания, Шелленберг лишь слегка кивал головой — было совершенно очевидно, что английская сторона прибегла к этой уловке, чтобы устроить проверку немецким эмиссарам.

Во второй половине дня стороны прибыли в Гаагу и, слегка перекусив в кабинете г-на майора Стивенса, сразу же приступили к переговорам. В итоге были выработаны и приняты следующие главные условия: устранение Гитлера и его ближайших сподвижников; немедленное заключение мира с западными державами; восстановление независимости Австрии, Чехословакии и Польши. В общих чертах оговаривалась и возможность возвращения немецких колоний, отторгнутых от Германии по Версальскому договору.

Содержание зафиксированного решения, к которому предварительно пришли стороны, было передано майором Стивенсом по телефону в Лондон. Информировав после возвращения о состоявшемся разговоре, он сообщил, что центральное управление разведки положительно реагировало на результаты переговоров; правда, предстояло еще ввести в курс дела министра иностранных дел лорда Галифакса, но так или иначе окончательно все выяснится сегодня же вечером. Как подчеркнул Стивенс, главное теперь за тем, чтобы стороны проявили готовность действовать согласно договоренности.

В общей сложности совещание продолжалось около трех с половиной часов. По его завершении участники направились к капитану Бесту на ужин, заехав по дороге на квартиру его сотрудника, чтобы переодеться в выходные костюмы. Появившийся к ужину майор Стивенс сообщил, что только что получено из Лондона сообщение о положительном решении. Бест произнес небольшой тост, на который де Кринис в свою очередь ответил с истинно венской элегантностью.

На следующее утро в Гааге в помещении голландской фирмы «Ханделс Диинст феер

¹³⁷ В этот момент, окинув взглядом предъявленные для осмотра вещи, Шелленберг заметил в открытом дорожном чемодане своего спутника пачку аспирина с надписью «Главное медицинское управление СС». Он быстро положил несколько вещей из своего чемодана рядом с «предательской коробочкой». Затем, воспользовавшись какой-то заминкой в действиях полицейских, схватил лекарство. При этом уронил щетку, наступил на нее, нагнулся и проглотил таблетки вместе с оберткой.

континент», на Науве Уитлег, 15, которая использовалась Интеллидженс сервис в качестве «крыши», состоялась заключительная встреча Шелленберга и Криниса с англичанами, которые снабдили их кодом для выхода на радиостанцию британской секретной службы. После этого капитан Бест проводил немецких эмиссаров почти до самой границы. Дату следующей встречи условились согласовать уже по радио.

Радиосвязь с англичанами действовала безотказно. В течение недели уточнялись сроки предстоящей встречи. Однако Берлин молчал... Вернувшись в Дюссельдорф, Шелленберг каждую минуту ожидал новых инструкций от своего руководства, но напрасно. Тогда он, действуя на свой страх и риск, во время очередного радиосеанса условился с англичанами провести короткую встречу 6 ноября в 2 часа дня в кафе, расположенном неподалеку от границы.

Бест и Стивенс прибыли в точно назначенное время. Заметив, что они проявляют озабоченность, и пытаясь как-то успокоить их, Шелленберг стал уверять, что факту задержки ответа из Берлина не следует придавать большого значения, поскольку она скорее всего вызвана тем, что руководители оппозиции пока еще не определили окончательно своего отношения к сформулированным сторонами условиям. Могло иметь значение также и то обстоятельство, заметил Шелленберг, что к этому времени к сторонникам подпольной группы примкнул с немецкой стороны «влиятельный генерал», у которого «решительность в действиях при проведении операции всегда сопряжена с проявлением огромной осторожности в процессе ее подготовки».

И наконец, чтобы окончательно рассеять сомнения англичан, Шелленберг высказал с подкупающими оговорками предположение, что «высокопоставленный немецкий генерал», похоже, рассматривает в настоящий момент возможность визита вместе с ним в Лондон.

Заметно было, что Бест и Стивенс с облегчением восприняли это объяснение, заверив Шелленберга, что с этого дня на голландском аэродроме Шицноль специально для них будет постоянно дежурить самолет.

В Дюссельдорфе Шелленбергу дали знать из Берлина, что фюрер пока еще не сказал своего мнения относительно того, как быть с оперативной игрой дальше, хотя в большей степени склоняется к тому, чтобы разорвать связь с английской разведкой. Шелленберг понимал, чем вызваны колебания Гитлера — 14 ноября 1939 года должно было начаться наступление на Западном фронте (затем сроки его были отодвинуты, что объясняли неблагоприятными погодными условиями). Тем не менее пока действия Шелленберга не сковывались никакими ограничениями.

Готовясь к очередной встрече в Венло, Шелленберг ломал голову над тем, каким образом отговориться на этот раз, дабы избежать возможных подозрений со стороны англичан, которые все с большим и большим упорством настаивали на переходе к активным действиям. В конце концов Шелленберг решил объяснить причину проволочек изменением общей ситуации в стране, в связи с чем руководители оппозиции склонны повременить, чтобы можно было видеть, какой в ближайшее время будет реакция Гитлера на эти изменения.

Решив, что подобное объяснение может звучать вполне правдоподобно, Шелленберг в условленный день пересек границу. Вскоре он переступил порог знакомого кафе и, приветливо кивнув хозяину в ответ на его любезную улыбку, уселся у широкого окна с видом на площадь. Сделав несколько глотков крепкого кофе, он бросил взгляд на находящихся в зале, которых на этот раз, как ему показалось, было больше обычного, и заметил, что многие из них пристально и неотрывно смотрят в его сторону. Шелленберг с деланным безразличием развернул газету и скользнул взглядом по броским заголовкам и крупным фотографиям первой полосы. Сейчас ему стало совершенно ясно, что бесконечные отсрочки и затягивания Берлина с ответом не могли не возбудить вновь недоверие и настороженность англичан. С равнодушным видом он взглянул на часы. Прошло уже 50 минут, а партнеров все еще не было. Шелленбергу становилось не по себе. Когда он, отложив газету, собрался уже подняться из-за стола и покинуть кафе, в дверях появились

Бест и Стивенс. И хотя беседа с ними длилась всего несколько минут, Шелленберг вынес впечатление, что его аргументация возымела действие и ему удалось поколебать их сомнения. Расстались партнеры, как всегда, крайне любезно, условившись о встрече на следующий день.

Вечером того же дня в Дюссельдорф явился один из видных чинов СС, командовавший специальным отрядом в приграничном районе, и сообщил Шелленбергу, что прибыл по указанию, полученному из Берлина, с тем чтобы обеспечить его безопасность при переходе границы. Как выяснилось, участок границы, где предполагалось совершить переход, полностью блокирован нидерландской полицией и агентами разведки. Это означает, пояснил тот, что если Шелленберг будет выкраден, то вызволить его будет крайне сложно и отряду вряд ли удастся избежать вооруженного столкновения. Но как бы то ни было, он имеет строжайший приказ ни при каких обстоятельствах не допустить захвата Шелленберга.

Поздно ночью Шелленберга разбудил телефонный звонок из Берлина. В трубке послышался возбужденный голос рейхсфюрера СС Гимmlера, звонившего из поезда Гитлера: «Вы, собственно, в курсе того, что произошло?» И, не дожидаясь ответа, продолжал: «Вечером, после выступления фюрера в мюнхенском пивном баре „Бюргерброй“, на него было совершено покушение!.. К счастью, фюрер покинул помещение за несколько минут до взрыва адской машины. Убито несколько старых членов партии... Я абсолютно убежден в том, что покушение было подготовлено английской разведкой»¹³⁸.

Как выяснилось далее из разговора, Гитлер срочно отдал приказ Гимmlеру прекратить игру с англичанами, а вместо этого выкрасть Стивенса и Беста во время очередной встречи и доставить их в Берлин. «Для выполнения данного приказа можете использовать приставленную для вашей охраны специальную команду. То, что при этом произойдет нарушение границ, — заметил Гимmlер, фюреру безразлично. Вы все поняли?»¹³⁹.

Быстро оценив ситуацию, Шелленберг решил, что не только возражать, но и вносить какие-либо коррективы или оговорки в тот момент было абсолютно бессмысленно. Ему оставалось лишь коротко ответить: «Да».

После разговора с Гимmlером Шелленберг сразу же связался с начальником специального отряда СС и, введя его в курс дела, попросил высказать свое мнение. «Учитывая меры предосторожности, принятые нидерландской пограничной охраной, шансы на успех не велики, — после секундной паузы заметил тот. — Рассчитывать мы можем только на внезапность нападения. Но в любом случае схватка предстоит ожесточенная»¹⁴⁰. Было условлено, что нападение начнется тут же, как только «бьюик» англичан подъедет к месту встречи. Специальная команда прорвет пограничный заслон и схватит их на улице. Начальник отряда заверил Шелленберга, что машину «друзей» он не перепутает — накануне он внимательно разглядел их «бьюик». После захвата англичан участники операции немедленно отходят к германской границе. Шелленберг должен был, как обычно, ждать партнеров в кафе, но расположиться ему следовало так, чтобы просматривалась вся проезжая часть. Как только «бьюик» приблизится к кафе, ему необходимо было быстро выйти на улицу и, приветливо махнув англичанам рукой, сесть в машину и поехать, давая тем самым понять, что хочет провести встречу в другом месте.

Заканчивая этот ночной разговор с начальником спецотряда, Шелленберг попросил представить его каждому из двенадцати бойцов отряда, с тем чтобы при перестрелке они не спутали его с капитаном Бестом. Дело в том, что фигурой англичанин очень напоминал Шелленберга, а кроме того, носил пальто того же цвета и покроя и монокль. На следующий день, 8 ноября 1939 года между 13 и 14 часами Шелленберг со своим спутником

¹³⁸ Schefflenberg W. The Labyrinth. Memoirs. P. 76.

¹³⁹ Ibidem.

¹⁴⁰ Schellenberg W. The Labyrinth. Memoirs. P. 77.

беспрепятственно пересек границу, как всегда, близ Венло. На улицах было достаточно оживленно, но что особенно бросалось в глаза, так это скопление каких-то людей в штатском со служебно-розыскными собаками. Шелленберг, находившийся в кафе, заметно нервничал и в ожидании англичан заказал себе и своему спутнику по аперитиву. Бест и Стивенс явно заставляли себя ждать — часы уже показывали 15.00, а они все еще не появлялись.

Внезапно на полной скорости ко входу в кафе подкатил серый автомобиль. Шелленберг резко поднялся из-за стола, но его остановил за руку спутник: «Ошибка! Не тот!» Шелленберг похолодел — ведь так же могли обознаться и бойцы специального отряда СС, притаившиеся около здания немецкой таможни. Замерев, он был готов уже услышать первые выстрелы, но обстановка оставалась спокойной. Бойцы спецотряда лучше Шелленберга разглядели автомобиль и никак на него не среагировали. Шелленберг опустил на стул и, встретившись глазами с хозяином кафе, стоящим за стойкой, заказал два кофе. Едва успев сделать первый глоток, Шелленберг почувствовал легкий толчок в бок. Его спутник тихо проговорил: «Они».

Оставив свои пальто на вешалке и предупредив хозяина, что направляются встретить друзей, Шелленберг и его спутник не спеша пошли к выходу. Выйдя на улицу, он заметил, что «бьюик», резко затормозив на углу, где стоял его автомобиль, свернул в сторону парка позади кафе и там остановился. Шелленберг, как и было условлено, быстро направился к своей машине. Когда до нее оставалось не более десяти шагов, он услышал рев мотора крытого грузовика, доставившего бойцов спецотряда. Тут же загремели выстрелы и раздались разъяренные голоса нидерландских пограничников. Лейтенант Клоп, поняв, что им устроили западню, выпрыгнул из «бьюика» и бросился в сторону Шелленберга, наставив на него крупнокалиберный кольт. Едва тот успел пригнуться за багажником своего автомобиля, как из-за угла вылетел грузовик с эсэсовцами. Клоп прицелился и несколько раз выстрелил в их сторону — ветровое стекло разлетелось вдребезги. Шелленбергу показалось, что одна из пуль угодила в сидевшего рядом с шофером командира отряда, но тут он увидел, как его телохранитель в гигантском прыжке будто катапультировался из кабины грузовика, успев уже в воздухе выстрелить в Клопа. Между ними началась отчаянная перестрелка. Внезапно лейтенант выронил свой пистолет и медленно опустился на колени. В тот же момент до Шелленберга донесся грубый окрик командира отряда: «А теперь сматывайтесь!»

Заведя машину, Шелленберг обернулся назад и увидел, как Беста и Стивенса, будто «два снопа сена», вытащили из их автомобиля. Резко рванув с места, машина Шелленберга помчалась в сторону границы.

Наглый налет, предпринятый спецотрядом СС, не вызвал сколько-нибудь заметного противодействия со стороны полицейских и пограничников. Все участники налета так же стремительно, как и ворвались на территорию Нидерландов, покинули ее, взяв курс на Дюссельдорф. Эсэсовский отряд с захваченными пленными прибыл туда спустя полчаса после Шелленберга, который к этому времени уже успел связаться с Гейдрихом и доложить ему о выполнении задания.

Доставленные в Берлин капитан Бест и майор Стивенс подверглись предварительному допросу. О ходе допроса и полученных показаниях Гейдрих ежедневно докладывал лично Гитлеру и получал непосредственно от него инструкции относительно того, в каком направлении вести расследование и как «Операция Венло» должна обыгрываться большой прессой.

Все было подчинено одной цели — представить покушение в мюнхенской пивной как дело рук Интеллидженс сервис, которая отвела якобы главную роль в осуществлении террористической акции Бесту и Стивенсу. Из общего отчета, слагавшегося из сведений, полученных в процессе следствия, явствовало, что английская разведка располагала в Нидерландах разветвленной агентурной сетью, нацеленной против Германии, и опиралась в своей деятельности на содействие местной военной разведки¹⁴¹.

¹⁴¹ Тот факт, что вскоре после инцидента в Венло шеф военной разведки Нидерландов был смещен со своей должности, свидетельствовал, по мнению Шелленберга, о том, что нидерландское правительство само

Атмосфера вокруг кампании по «разоблачению англичан» нагнеталась. Все шло к проведению «большого показательного процесса». Дабы придать особую значимость операции по выкрадыванию английских разведчиков, которые представлялись теперь не иначе, как руководители филиала Интеллидженс сервис в Нидерландах, Гитлер с большой помпой производит награждение Шелленберга и членов эсэсовского спецотряда. Все они неожиданно были приглашены в имперскую канцелярию, во дворе которой по этому случаю был выставлен почетный караул в составе роты СС.

Шелленберг и двенадцать человек из отряда по-военному выстроились в шеренгу в зале приемов, где вскоре появился Гитлер. Он не спеша обошел строй, внимательно вглядываясь в лица замерших по стойке «смирно» эсэсовцев, а затем произнес небольшую речь. В ней он выразил свою признательность за успешно проведенную операцию и удовлетворение по поводу их беспрекословной готовности к решительным действиям в интересах рейха. В борьбе с таким опытным, имеющим вековые традиции противником, каким является Интеллидженс сервис, сказал Гитлер, мы обязаны держать порох сухим. В заключение фюрер подчеркнул, что боевые армейские ордена сотрудникам политической разведки он вручает впервые и делает это в знак признания того, что борьба на тайном фронте так же важна, как и открытые военные действия. Шелленберг и два других участника операции в Венло были удостоены «Железного креста» первой степени, а остальные — «Железного креста» второй степени.

К этому времени гестапо схватило конструктора адской машины, разорвавшейся в пивном зале «Бюргсрбррой». Им оказался столяр Георг Эльсер, задержанный в районе Базеля при попытке перейти швейцарскую границу. Под тяжестью улик он признался, что вмонтировал взрывное устройство с часовым механизмом в одну из колонн пивного зала¹⁴². При этом он показал, что взрывчатку ему вручили два незнакомца. Собственно, это и укрепило Гитлера в мысли, что «те двое» есть не кто иные, как Бест и Стивенс. Для гестапо, оставалось лишь получить подтверждение этой «беспорной версии» фюрера, однако именно здесь и произошел сбой.

Эльсер напрочь отрицал обвинение в своей принадлежности к организованному заговору. Ни «допросы с пристрастием», ни лошадиные дозы вводимых психотропных средств не заставили его изменить свои первоначальные показания, из которых следовало, что он не более чем террорист-одиночка, не имевший ни малейшего отношения к Интеллидженс сервис и даже не знающий, что это такое. Категорически отрицал он и свою причастность к «Черному фронту», организации Отто Штрассера, что ему также пыталось

рассматривало сотрудничество разведывательных служб как противоречащее принципам нейтралитета.

¹⁴² Ряд западных и советских исследователей склонны рассматривать покушение на Гитлера 8 ноября 1939 года как очередную крупную политическую провокацию, специально подстроенную нацистами с целью разжигания ненависти к иностранцам, шпиономании и национализма. Свой вывод они основывают, во-первых, на том, что от взрыва не пострадал никто из главных фашистских бонз, присутствовавших на этом ставшем традиционным нацистском празднике по случаю годовщины «пивного путча» 1923 года. Все они, как по команде, покинули помещение в разгар праздника временно с фюрером за 10 или 12 минут до того, как произойти взрыву. Что касается Гитлера, то объяснялось это тем, что он якобы торопился на поезд (хотя поезд был специальный и, следовательно, мог отправиться позже) Во-вторых, выходило, что Эльсер вмонтировал бомбу в колонну пивного зала за 10 дней до появления фюрера, поставив взрывное устройство с часовым механизмом на определенное время. Но ведь известно, что подобных взрывных устройств в ту пору не существовало в природе и, следовательно, чтобы установить адскую машину накануне событий, Эльсер должен был действовать (подпилить деревянную колонну, извлечь оттуда куски дерева, обшить дубом отверстие после вмонтирования взрывного устройства) в условиях практически постоянного нахождения в помещении сотрудников позиции безопасности и гестапо, готовивших зал для торжественной церемонии. Наконец, вызывала сомнение и противоречивость того факта, что в кармане Эльсера при его задержании на границе была будто бы обнаружена открытка, изображавшая пивной зал и колонну, в которую была заделана адская машина, и что колонна на открытке была помечена крестом, сделанным якобы рукою Эльсера. Спрашивается, зачем покушавшемуся нужно было оставлять при себе эту опасную для него улику? Подробнее см.: Мельников Д., Черная Л. Империя смерти. М., 1987. С. 202-207.

инкриминировать гестапо¹⁴³.

На следующий день после награждения «Железным крестом» Шелленберг был вызван к Гитлеру с письменным отчетом об операции в Венло, Гейдрих посоветовал ему предварительно ознакомиться у шефа гестапо Мюллера с результатами допроса Эльсера, так как фюрер мог проявить интерес к этому, и постараться выработать с Мюллером общую линию. Шелленберг, будучи убежденным в непричастности Стивенса и Беста к покушению на Гитлера, стремился, по его словам, убедить в этом и шефа гестапо. Но Мюллер, с каменным лицом выслушав Шелленберга, сухо ответил: «Может быть, Вы и правы, но фюрер настолько уверен в своей версии, что никто, даже люди вроде Гимmlера или Гейдриха, не смогли бы его переубедить, да и вряд ли они будут пытаться делать это»¹⁴⁴.

Тогда с нескрываемым интересом Шелленберг спросил его, кто же в таком случае стоит за Эльсером. Бросив быстрый взгляд на Шелленберга снизу вверх, Мюллер процедил сквозь зубы: «Этот парень очень упорен и не отступает от своих показаний. Уже на первом допросе он сказал, что ненавидит Гитлера за то, что тот упек в тюрьму его брата, коммуниста. И еще... он постоянно твердит, что сама работа по изготовлению адской машины доставляла ему огромное наслаждение — он видел перед собой разорванное в клочья тело фюрера. Что касается взрывчатки, то он получил ее в каком-то кафе от двух незнакомцев. Похоже, что действительно здесь не пахнет заговором. Единственное, что я не могу полностью исключить, так это его связь с „Черным фронтом“. А так...» — Мюллер замолчал, уставившись немигающим взглядом в одну точку. Тут Шелленберг заметил, что Мюллер выглядит невыспавшимся, резко обозначилась синева под глазами, а суставы его широкой правой кисти покраснели и опухли. Он перехватил взгляд Шелленберга, и его глаза загорелись злым блеском. «До сих пор мне удавалось справляться с любым, кто попадался в мои руки», — сказал он. У Шелленберга, которому были хорошо известны повадки шефа гестапо, при этих словах мороз пробежал по коже. «Если бы этот Эльсер получил от меня пару оплеух раньше, — Мюллер ударил кулаком по столу, — он бы сейчас не нес весь этот бред». Шелленберг, глядя на него, понимал, что в этих словах не было рисовки. Действительно, этот «запечных дел мастер» обладал богатым арсеналом приемов ведения допросов, с тем чтобы заставить свою жертву заговорить. Беседа с Мюллером, как сообщил потом Шелленберг, будто бы окончательно убедила его в необходимости довести до Гитлера свою точку зрения относительно непричастности Беста и Стивенса к покушению в мюнхенской пивной.

«Ваш отчет об операции интересен», — сказал Гитлер, обращаясь к Шелленбергу во время обеда, на котором присутствовали также Борман, Гесс, Гимmlер, Гейдрих и Кейтель. После этого замечания образовалась минутная пауза, которую нарушил сам Гитлер, пожаловавшись Гессу на низкое атмосферное давление и спросив его о показаниях барометра в Берлине. Не прерывая Гесса, который повел обстоятельный разговор о метеопрогнозе, Гитлер неожиданно обратился к Гимmlеру: «Шелленберг не убежден, что эти двое английских агентов были связаны с Эльсером». — «Да, мой фюрер, — ответил Гимmlер. — Связь между Эльсером, Бестом и Стивенсом действительно исключена. Я не отрицаю, что английская разведка могла поддерживать контакт с Эльсером, используя другие каналы. Например, они могли прибегнуть к помощи немцев — членов „Черного фронта“ Штрассера...»¹⁴⁵

¹⁴³ Отто Штрассер, брат Грегора Штрассера, известного нацистского политика, являвшегося в свое время ближайшим сподвижником и другом фюрера, а потом ставшего его жертвой. Отто Штрассер бежал на Запад, организовал там фашистский «Черный фронт», выступавший против Гитлера, разоблачавший гитлеровский нацизм в печати и по радио. За О. Штрассером много лет гонялась СД, но безуспешно. И поскольку Эльсер был захвачен на немецко-швейцарской границе, а О. Штрассер обосновался в Швейцарии, гестапо истолковало этот факт как подтверждение связи, существовавшей между ними, и причастности их обоих к британской разведке.

¹⁴⁴ ScheUenberg W. The Labyrinth. Memoirs. P. 84.

¹⁴⁵ Schellenberg W. The Labyrinth. Memoirs. P. 86.

Повернувшись к Гейдриху, Гитлер сказал: «Что за тип этот Эльсер? Ведь надо же его как-то классифицировать. Гипнотизируйте его, шпигуйте инъекциями, употребите все, чем вы располагаете, но узнайте, кто подстрекатели. Я хочу знать, кто скрывается за всем этим»¹⁴⁶. После этого он торопливо принялся за свои диетические блюда. Его трапеза в этот день состояла из вареных кукурузных початков, которые он брал обеими руками и обгладывал. На второе ему подали тарелку стручков гороха.

Некоторое время за столом царил молчание, которое нарушил Шелленберг, ухватившись за одно из замечаний Гитлера, сделанное им в самом начале обеда: «Как оцениваете Вы, мой фюрер, боеспособность Англии? Я убежден, что она будет сражаться». Присутствовавшие, силясь понять, как мог самый молодой среди них решиться на такое, обратили на Шелленберга полные негодования взоры. С изумлением глядел на него какую-то секунду и сам Гитлер. Затем решил ответить на вопрос. Он сказал, что его интересует прежде всего боеспособность английских экспедиционных сил, поскольку на промышленные предприятия острова будет обрушена вся мощь немецкой авиации. Шелленберг, по его словам, нерешительно возразил Гитлеру, заметив, что в борьбе с немецкими самолетами наверняка примет участие британский флот, располагающий крупными силами и средствами, «Флот, — выпалил Гитлер, — будет занят другими операциями. У наших военно-воздушных сил хватит времени, чтобы заминировать прибрежные воды Англии. И не забывайте, мы будем строить подводные лодки, подводные лодки и еще раз подводные лодки. На этот раз Англии не удастся взять нас измором и поставить на колени». На мгновение воцарилось молчание, а затем фюрер спросил: «Что вообще удалось вам узнать во время переговоров с англичанами в Гааге о позиции Великобритании?»¹⁴⁷

«Судя по их словам, — ответил Шелленберг, — англичане в случае, если немецким войскам удастся захватить остров, продолжат борьбу с территории Канады. Это будет братоубийственная война не на жизнь, а на смерть, а Сталин при этом...» — Шелленберг хотел сказать, что «Сталин при этом будет радостно следить за их схваткой», но не успел. Гиммлер с такой силой толкнул его иод столом ногой, а Гейдрих бросил на него такой испепеляющий взгляд, что Шелленберг попросту проглотил конец фразы. И все же чувствуя, будто в него вселился какой-то бес, Шелленберг добавил: «Я не уверен, действительно ли необходимо было изменение нашей политики по отношению к Англии после совещаний в Годесберге и Мюнхене»¹⁴⁸.

Шелленберг не мог не заметить, что все присутствующие пришли в ужас от его дерзости. Гейдрих побелел до кончика носа, Гиммлер смотрел на скатерть, играя крошками хлеба. Гитлер неподвижно уставился на Шелленберга, а потом сказал: «Сначала я хотел идти вместе с Англией, но Англия постоянно отталкивала меня от себя... Верно говорят, что нет ничего хуже, чем ссора в одной семье. Я сожалею, что мы вынуждены вести борьбу не на жизнь, а на смерть с людьми одной с нами расы... При этом Восток только и ждет, когда Европа истечет кровью. Поэтому я не хочу уничтожить Англию. Но в один прекрасный день, — голос Гитлера стал настойчивым и резким, — Англия сойдет со своего величественного коня и господин Черчилль должен будет признать, что Германия тоже имеет право на жизнь, а до тех пор я буду бороться против Англии. Большого я не желаю. И тогда наступит время, когда Англия должна будет пойти на компромисс с нами. Она останется морской и колониальной державой, но на континенте сольется с нами и образует единое целое. Тогда мы станем повелителями Европы, и Восток не будет представлять для

¹⁴⁶ Ibid. P. 87.

¹⁴⁷ Schellenberg W. The Labyrinth. Memoirs. P. 88.

¹⁴⁸ Ibid. P. 88—89.

нас никакой опасности. Вот моя цель»¹⁴⁹.

Тут Гитлер переменял тему и спросил, обращаясь к Гейдриху: «Вы уже говорили с Риббентропом о ноте, которую направила нам Голландия в связи со смертью офицера генерального штаба Клопа? — Гитлер рассмеялся. Голландцы глупы. Тем самым они дают нам в руки козырь, который я выложу в свое время; сами того не желая, они подтверждают, что не мы, а они первыми нарушили нейтралитет».

В один из следующих дней Шелленберг присутствовал при беседе Гейдриха с Мюллером. Последний сообщил, что Эльсером целые сутки занимались трое врачей-специалистов, но получить нужные признания так и не удалось. По мнению приглашенных «экспертов», Эльсер был фанатиком-одиночкой, одержимым навязчивой идеей мести за своего брата-коммуниста. Ее дополнял комплекс неполноценности, выраженный в желании прослыть великим изобретателем. Этот комплекс усугублялся стремлением «войти в историю» в результате устранения Гитлера.

В силу явной недостаточности «обличительных» материалов от идеи организации «большого процесса» над Интеллидженс сервис, как замышлялось, в конце концов отказались, а срыв самой идеи стал рассматриваться как «неудача гестапо». Разумеется, о такой «приватной оценке» фюрера знал предельно ограниченный круг лиц из высшего руководства. Но, как единодушно считают западные специалисты, в результате умелого легендирования мнимой подпольной группы антифашистов Интеллидженс сервис был нанесен серьезный удар, позволивший заманить в ловушку и похитить двух ее руководящих работников.

Катастрофический провал не ограничивался лишь потерей двух старших оперативных сотрудников Интеллидженс сервис и лейтенанта голландской военной разведки Дирка Клопа, которого местные власти поставили наблюдать за ходом операции. Этот провал имел гораздо более серьезный характер. В перестрелке на границе Клоп был смертельно ранен, а Бест и Стивенс попали в руки нацистской службы безопасности и подверглись допросу. Положение усугублялось еще тем, что так называемая подпольная немецкая группа, с представителями которой велись секретные переговоры, продолжала поддерживать радиосвязь с резидентурой в Гааге с помощью рации, переданной ей Стивенсом. Естественно, «Операция Венло» вызвала смятение и в самом центре британской разведки.

Поскольку в ходе «Операции Венло» были получены свидетельства, что местная разведка тесно сотрудничала с англичанами, правительство Голландии всячески старалось отмежеваться от случившегося, доказать свою непричастность к шпионской деятельности против Германии. Гитлер же, получив повод для обвинения голландского правительства в нарушении нейтралитета, использовал данное обстоятельство в политических целях: 10 мая 1940 года фашистская Германия вероломно напала на Голландию, которая 14 мая 1940 года вынуждена была капитулировать.

Результатом «Операции Венло» явилось закрытие гаагской резидентуры. Всем ее сотрудникам предложено в категорической форме временно воздержаться от проведения каких-либо разведывательных операций.

Данный провал явился причиной серьезного потрясения всей разведывательной системы англичан и привел к переоценке опыта и результатов деятельности Интеллидженс сервис в довоенный период. Резко сократился объем добываемой разведывательной информации.

Стивенс и Бест содержались в концентрационном лагере Заксенхаузен и были освобождены лишь в 1945 году после капитуляции гитлеровской Германии. От смерти их спасло то, что после начала войны нацистская верхушка делала ставку на возможность сепаратного мира с Западом. По расчетам Гитлера, в случае готовности Англии к переговорам они могли бы стать посредниками для налаживания отношений с британским правительством. Именно поэтому он отвергал предложения об обмене Стивенса и Беста на

¹⁴⁹ Ibid. P. 89.

нацистских шпионов, разоблаченных в Англии. В отличие от английских разведчиков, большинство немецких свидетелей «Операции Венло» «были по приказу Гейдриха ликвидированы»¹⁵⁰.

Факты, установленные после окончания войны голландской парламентской комиссией и специальным расследованием, предпринятым руководством Интеллидженс сервис, позволили составить ясное представление об «Операции Венло». Бест и Стивенс после их захвата были доставлены в Берлин для предварительного допроса. Затем их отправили в концлагерь Заксенхаузен, где подвергли допросу «с пристрастием», которые вели опытные спецы¹⁵¹. По свидетельству участвовавшего в допросах в качестве переводчика Карла Дитчеса, Бест в ходе следствия впервые упомянул о существовании сверхсекретной разведывательной сети британской разведки в ряде стран.

Бест и Стивенс выдали СД массу сведений об организации, кадрах и методах Интеллидженс сервис. Сотрудники гестапо проявили большую изворотливость в работе с ними, лишив их возможности согласовать тактику поведения на следствии, в какой-то мере сопоставить свои показания, чтобы даваемые ими ответы причинили наименьший ущерб интересам Англии. Их содержали в отдельных камерах, и каждый считал, что другой выдал на допросах основную часть обширных сведений.

После войны Бест и Стивенс были репатрированы в Англию и там подробно опрошены сотрудниками английской разведки и контрразведки. Оба признали, что в нарушение существующих в Интеллидженс сервис правил откровенно отвечали на все поставленные им в СД вопросы. Тем не менее было решено не предпринимать против них каких-либо мер. Стивенс работал переводчиком в аппарате НАТО. Выйдя в отставку, он поселился в Брайтоне. Умер в 1965 году. Бест смог добиться компенсации от послевоенного западногерманского правительства за содержание его в тюрьме во время войны. Правительство Англии возражало против включения Беста в список лиц, пострадавших от нацистов, но ему в конце концов удалось получить в 1968 году денежную компенсацию. Умер он в 1978 году в возрасте 93 лет.

Прошло более 20 лет, прежде чем были раскрыты все перипетии дела Стивенса — Беста. Разведчики союзных стран, изучая нацистские архивы СД, обнаружили обзор, подготовленный в начале 1940 года гитлеровской службой безопасности в связи с подготовкой фашистской Германии к вторжению в Англию. Как выяснилось, этот документ был составлен на основе информации, полученной от Беста и Стивенса.

* * *

Принимая в дальнейшем непосредственное участие в выработке и реализации концепции объединенного ведомства шпионажа и диверсии в лице главного имперского управления безопасности с поглощением в нем всех разведывательных организаций страны, Шелленберг не только оказывал влияние на создание этого зловещего ведомства, но и, как установил Международный военный трибунал, всей своей практической деятельностью «сознательно содействовал подготовке второй мировой войны», был непосредственно причастен ко многим преступлениям нацизма. В частности, известно, что за несколько недель до нападения фашистской Германии на СССР Гейдрих поручил Шелленбергу обсудить и урегулировать с генерал-квартирмейстером Вагнером из верховного командования вермахта вопрос об использовании СД на советской территории (в это время СД было предоставлено право без суда и следствия расстреливать тысячи евреев,

¹⁵⁰ Мельников Д., Черная Л. Империя смерти. С. 206.

¹⁵¹ После покушения Стивенса на самоубийство обоих пленников по ночам приковывали на длинную цепь, чтобы при малейшем шорохе быть начеку и помешать новой попытке самоубийства. В течение пяти лет, проведенных в гестапо, Стивенс, по словам Шелленберга, тесно контактировал с Гиммлером, Гейдрихом, Мюллером и другими сотрудниками СД.

находившихся в тылу немецких войск).

Шелленберг должен был предстать перед судом в Нюрнберге в 1946 году в качестве одного из главных подсудимых по обвинению в преступлениях против человечества и принадлежности к преступным организациям. На самом же деле он обвинялся лишь в превышении своих полномочий, выразившемся в таких деяниях, как похищение людей и участие в так называемом «окончательном решении еврейского вопроса»¹⁵². Полностью отбывать наказание ему не пришлось — он не отсидел и половины срока, так как был признан больным. Проявленную по отношению к Шелленбергу мягкость связывали с тем, что он сотрудничал с англичанами и американцами. Хорошо знавший Шелленберга по совместной службе в РСХА Отто Скорцени говорил о нем как о «талантливом дитя», которому все слишком легко давалось¹⁵³. «Я не отрицаю его дар разведчика, — подчеркивал Скорцени, — но мне было противно, когда он, будучи арестован, все рассказал англичанам». После того как Шелленбергу сделали операцию, американцы освободили его из тюрьмы и он тайно поселился в Швейцарии в надежде, что там ему будет безопаснее. Этот расчет основывался на том, что в свое время, участвуя в разработке агрессивных планов на будущее, он высказывался против нападения Германии на Швейцарию и даже способствовал (о чем было известно швейцарцам) предотвращению этой возможности. Однако в связи с шумными протестами общественности местные власти вынуждены были предложить ему покинуть страну, и он переселился в Турин (Италия), где умер в 1952 году в возрасте 42 лет. Незадолго до смерти Шелленберг решил приподнять занавес, скрывавший сцену, на которой он играл важную тайную роль, написав мемуары, изданные в Англии и ФРГ.

КАК ДЕЙСТВОВАЛА НАЦИСТСКАЯ РАЗВЕДКА, ПОДГОТАВЛИВАЯ ВОЙНУ ПРОТИВ СССР

Для претворения стратегических планов вооруженного нападения на соседние страны о них Гитлер поведал своему окружению еще 5 ноября 1937 года — фашистская Германия, естественно, нуждалась в обширной и достоверной информации, раскрывающей все стороны жизни будущих жертв агрессии, и особенно в сведениях, на основании которых можно было бы вывести заключение об их оборонном потенциале. Снабжая правительственные органы и верховное командование вермахта подобной информацией, службы «тотального шпионажа» активно содействовали подготовке страны к войне. Добывалась разведывательная информация разными путями, с помощью разнообразных методов и средств.

Вторая мировая война, развязанная фашистской Германией 1 сентября 1939 года, началась с вторжения немецких войск в Польшу. Но главной своей целью, на достижение которой были ориентированы все государственные органы страны, и в первую очередь вермахт и разведка, Гитлер считал разгром Советского Союза, завоевание нового «жизненного пространства» на Востоке вплоть до Урала. Камуфляжем должны были служить подписанный 23 августа 1939 года советскогерманский договор о ненападении, а также заключенный 28 сентября того же года договор «О дружбе и границе». Более того, открывшиеся в результате этого возможности были использованы для наращивания активности в проводившейся весь предвоенный период разведывательной работе против СССР. Гитлер постоянно требовал от Канариса и Гейдриха новых сведений о мерах, предпринимаемых советскими властями по организации отпора вооруженной агрессии.

¹⁵² На Нюрнбергском процессе представитель обвинения вменил Шелленбергу в вину тот факт, что он был единственным составителем текста зловещего соглашения между германским вермахтом и СС, которое дало «айнзангруппам» разрешение сопровождать германскую армию в походе на Восток и уничтожать всех евреев, находившихся на оккупированных территориях СССР.

¹⁵³ После освобождения из тюрьмы Шелленберг предпринял поездку в Испанию, желая использовать этот визит для примирения со Скорцени — своим давним соперником на поприще тайной войны.

Как уже отмечалось, в первые годы после установления в Германии фашистской диктатуры Советский Союз рассматривался прежде всего как политический противник. Поэтому все, что относилось к нему, входило в компетенцию службы безопасности. Но такой порядок просуществовал недолго. Вскоре, в соответствии с преступными замыслами нацистской верхушки и немецкого военного командования, все службы «тотального шпионажа» включились в тайную войну против первой в мире страны социализма. Говоря о направленности шпионско-диверсионной деятельности фашистской Германии в тот период, Шелленберг писал в своих мемуарах: «Первоочередной и самой важной задачей считались решительные действия всех секретных служб против России».

Интенсивность этих действий заметно возросла с осени 1939 года, особенно после победы над Францией, когда абвер и СД получили возможность высвободить свои значительные силы, занятые в данном регионе, и использовать их на восточном направлении. Перед секретными службами, как явствует из архивных документов, была тогда поставлена конкретная задача: уточнить и пополнить имевшиеся сведения об экономическом и политическом положении Советского Союза, обеспечить регулярное поступление информации о его обороноспособности и будущих театрах военных действий. Им было поручено также выработать развернутый план организации диверсионно-террористических акций на территории СССР, приурочив их осуществление к моменту первых наступательных операций немецко-фашистских войск. Кроме того, они были призваны, как об этом уже говорилось подробно, гарантировать скрытность вторжения и начать широкую кампанию по дезинформации мирового общественного мнения. Так определялась программа действий гитлеровской разведки против СССР, в которой ведущее место, по понятным причинам, отводилось шпионажу.

Архивные материалы и другие вполне достоверные источники содержат немало подтверждений того, что интенсивная тайная война против Советского Союза началась задолго до июня 1941 года.

К моменту нападения на СССР деятельность абвера — этого лидера среди нацистских секретных служб в области шпионажа и диверсий — достигла своего апогея. В июне 1941 года был создан «Штаб Залли», призванный обеспечить руководство всеми видами шпионажа и диверсий, направленных против Советского Союза. «Штаб Валли» непосредственно координировал действия команд и групп, приданных армейским группировкам для ведения разведывательных и диверсионных операций. Он размещался тогда под Варшавой, в местечке Сулеювек, и возглавлял его опытный разведчик Шмальшлегер.

Вот некоторые свидетельства того, как развивались события.

Один из видных сотрудников немецкой военной разведки, Штольце, на допросе 25 декабря 1945 года показал, что начальник абвера II полковник Лахузен, сообщив ему в апреле 1941 года дату нападения Германии на СССР, потребовал в срочном порядке изучить все имеющиеся в распоряжении абвера материалы в отношении Советского Союза. Необходимо было выяснить возможность нанесения мощного удара по важнейшим советским военно-промышленным объектам для полного или частичного вывода их из строя. Тогда же было создано в рамках абвера II сверхсекретное подразделение, во главе которого был поставлен Штольце. По соображениям конспирации оно имело ходовое название «Группа А». В его обязанности входили планирование и подготовка диверсионных операций крупного масштаба. Они предпринимались, как подчеркивал Лахузен, в надежде на то, что удастся дезорганизовать тыл Красной Армии, посеять панику среди местного населения и тем самым облегчить продвижение немецко-фашистских войск.

Лахузен ознакомил Штольце с приказом штаба оперативного руководства, подписанным генерал-фельдмаршалом Кейтелем, в котором излагалась в общем виде директива верховного главнокомандования вермахта по развертыванию диверсионной деятельности на советской территории после начала реализации плана «Барбаросса». Абвер должен был приступить к проведению акций, имеющих целью разжигание национальной

розни между народами СССР, чему нацистская верхушка придавала особое значение. Руководствуясь директивой верховного главнокомандования, Штольце сговорился с главарями украинских националистов Мельником и Бендерой, что они немедленно приступят к организации на Украине выступлений враждебных Советской власти националистических элементов, приурочив их к моменту вторжения немецко-фашистских войск¹⁵⁴. Одновременно абвер II начал заброску на территорию Украины своих агентов из числа украинских националистов, часть из которых имела задание составить или уточнить списки местного партийного и советского актива, подлежащего уничтожению. Подрывные акции с участием националистов всех мастей проводились и в других регионах СССР.

Абвером II, по показаниям Штольце, были сформированы и вооружены «особые отряды» для действий (в нарушение международных правил ведения войны) в Советской Прибалтике, опробованных еще в начальный период второй мировой войны¹⁵⁵. Один из таких отрядов, солдаты и офицеры которого были одеты в советскую военную форму, имел задание совершить захват железнодорожного туннеля и мостов близ Вильнюса. До мая 1941 года на территории Литвы было обезврежено 75 агентурных групп абвера и СД, которые, как документально установлено, развернули здесь активную шпионско-диверсионную деятельность в преддверии нападения фашистской Германии на СССР.

Насколько велико было внимание верховного командования вермахта к развертыванию диверсионных операций в тылу советских войск, показывает тот факт, что «особые отряды» и «специальные команды» абвера имелись при всех группах армий и армиях, сосредоточенных на восточных границах Германии¹⁵⁶.

Согласно показаниям Штольце, отделения абвера в Кенигсберге, Варшаве и Кракове имели директиву Канариса в связи с подготовкой нападения на СССР предельно усилить шпионско-диверсионную деятельность. Задача состояла в том, чтобы обеспечить верховное главнокомандование вермахта подробными и максимально точными данными о системе целей на территории СССР, прежде всего о шоссейных и железных дорогах, мостах, электростанциях и других объектах, уничтожение которых могло бы повлечь за собой серьезную дезорганизацию советского тыла и в конечном счете парализовало бы его силы и сломило сопротивление Красной Армии. Абвер должен был протянуть щупальца к важнейшим коммуникациям, военно-промышленным объектам, а также крупным административным и политическим центрам СССР — во всяком случае замышлялось.

Подводя некоторые итоги проведенной абвером работы к моменту начала вторжения Германии в СССР, Канарис писал в докладной записке, что в распоряжение штабов

¹⁵⁴ Как теперь широко известно и чему имеется множество неопровержимых доказательств, еще в 1938 году абвер приступил к сколачиванию банд украинских националистов в лагере на озере Химзее (в районе Берлина), а также в Квенцтуте (около Бранденбурга) для выполнения диверсионных заданий на территории Польши и Советского Союза.

¹⁵⁵ Архивные документы показывают, например, что «особый отряд» абвера, состоявший из «фольксдойче», говоривших по-польски, перед нападением на Польшу выполнял 26 августа 1939 года важное задание командования вермахта он должен был захватить Бланковский перевал, имевший стратегическое значение, поскольку представлял собой как бы ворота для вторжения гитлеровских войск с севера Чехословакии в южные районы Польни. Отряду было приказано «снять» пограничную охрану, заменив ее переодетыми в польское обмундирование агентами абвера II, для того чтобы не допустить разрушения поляками железнодорожного туннеля и очистить участок железной дороги от возможных нагромождений.

¹⁵⁶ Один из главарей СД, Отто Олендорф, заявил на Нюрнбергском процессе, что за две недели до нападения на СССР между ведомством Гимmlера, верховным командованием вооруженных сил и командованием сухопутных войск было заключено письменное соглашение о том, что при армиях или группах армий будут состоять специальные части под командованием представителей управления полиции безопасности и СД. С июня 1941 по 1942 год Олендорф возглавлял одну из таких частей, действующую в тесном контакте с абвером, которая на юге Украины уничтожила около 90 тысяч человек, в том числе женщин, стариков и детей.

немецких армий направлены многочисленные группы агентов из коренного населения, то есть из русских, украинцев, белорусов, поляков, прибалтов, финнов и т. п. Каждая группа насчитывала 25 (или более) человек. Во главе этих групп стояли немецкие офицеры. Они должны были проникать в советский тыл на глубину 50–300 километров за линией фронта, с тем чтобы сообщать по радио результаты своих наблюдений, обращая особое внимание на сбор сведений о советских резервах, состоянии железных и прочих дорог, а также о всех мероприятиях, проводимых противником.

Центром организации шпионажа, главной базой для опорных пунктов гитлеровской разведки служили в предвоенные годы посольство Германии в Москве и немецкие консульства в Ленинграде, Харькове, Тбилиси, Киеве, Одессе, Новосибирске и Владивостоке¹⁵⁷. На дипломатическом поприще в СССР в те годы подвизалась большая группа кадровых немецких разведчиков, опытных профессионалов, представлявших все звенья системы нацистского «тотального шпионажа», и особенно широко — абвер и СД. Несмотря на препятствия, чинимые им чекистскими органами, они, беззастенчиво пользуясь своей дипломатической неприкосновенностью, развили здесь высокую активность, стремясь прежде всего, как на то указывают архивные материалы тех лет, прощупать оборонную мощь нашей страны.

Резидентуру абвера в Москве возглавлял в ту пору генерал Эрих Кёстринг, слывший до 1941 года в разведывательных кругах Германии «самым осведомленным специалистом по Советскому Союзу». Он родился и некоторое время жил в Москве, поэтому свободно владел русским языком и был знаком с образом жизни в России. Во время первой мировой войны сражался против царской армии, затем в 20-х годах работал в специальном центре, занимавшемся изучением Красной Армии. С 1931 по 1933 год в завершающий период советско-германского военного сотрудничества выступал в роли наблюдателя от рейхсвера в СССР. Снова оказался в Москве в октябре 1935 года в должности военного и авиационного атташе Германии и пробыл до 1941 года. Он имел в Советском Союзе широкий круг знакомых, которых стремился использовать для получения интересующей его информации.

Однако из многочисленных вопросов, поступивших к Кёстрингу из Германии спустя шесть месяцев после его прибытия в Москву, он смог дать ответы лишь на немногие. В своем письме на имя начальника разведывательного отдела по армиям Востока он так объяснял это: «Опыт нескольких месяцев работы здесь показал, что не может быть и речи о возможности получения военной разведывательной информации, хотя бы отдаленно связанной с военной промышленностью, даже по самым безобидным вопросам. Посещения воинских частей прекращены. Создается впечатление, что русские снабжают всех атташе набором ложных сведений». Письмо заканчивалось заверением, что он тем не менее надеется, что ему удастся составить «мозаичную картину, отражающую дальнейшее развитие и организационное построение Красной Армии».

После того как в 1938 году германские консульства оказались закрытыми, военные атташе других стран в течение двух лет были лишены возможности присутствовать на военных парадах, и, кроме того, были введены ограничения на установление иностранцами контактов с советскими гражданами. Кёстринг, по его словам, вынужден был вернуться к использованию трех «скудных источников информации»: совершению поездок по территории СССР и выездам на автомобиле в различные районы Московской области, использованию открытой советской печати и, наконец, обмену информацией с военными атташе других стран.

В одном из своих отчетов он делает следующий вывод о состоянии дел в Красной Армии: «В результате ликвидации основной части высшего офицерского состава, довольно хорошо овладевшего военным искусством в процессе продолжавшейся десять лет практической подготовки и теоретического обучения, оперативные возможности Красной

¹⁵⁷ В 1938 году по решению Советского правительства немецкие консульства были закрыты, поскольку все они, как это было неопровержимо доказано, использовались для ведения шпионажа и осуществления других подрывных акций.

Армии снизились. Отсутствие воинского порядка и нехватка опытных командиров будут отрицательно сказываться в течение некоторого времени на подготовке и обучении войск. Проявляющаяся уже в настоящее время безответственность в военном деле приведет в дальнейшем к еще более серьезным негативным последствиям. Армия лишена командующих наивысшей квалификации. Тем не менее нет никаких оснований для вывода о падении наступательных возможностей солдатской массы в такой мере, чтобы не признать Красную Армию как весьма важный фактор на случай возникновения военного конфликта».

В сообщении в Берлин подполковника Ганса Кребса, замещавшего заболевшего Кёстринга, датированном 22 апреля 1941 года, говорилось: «Максимальной численности по боевому расписанию на военное время, определяемой нами в 200 пехотных стрелковых дивизий, советские сухопутные войска еще, конечно, не достигли. Эти сведения в беседе со мной недавно подтвердили военные атташе Финляндии и Японии».

Через несколько недель Кёстринг и Кребс специально предприняли поездку в Берлин, чтобы лично сообщить Гитлеру, что значительных изменений к лучшему в Красной Армии не наблюдается.

Перед сотрудниками абвера и СД, пользовавшимися в СССР дипломатическим и другим официальным прикрытием, ставилась задача наряду со строго ориентированной информацией собирать сведения по широкому кругу военно-экономических проблем. Эта информация имела совершенно определенное назначение — она должна была дать возможность органам стратегического планирования вермахта составить представление об условиях, в которых гитлеровским войскам придется действовать на территории СССР, и в частности при захвате Москвы, Ленинграда, Киева и других крупных городов. Выяснялись координаты объектов будущих бомбардировок. Уже тогда создавалась сеть подпольных радиостанций для передачи собранных сведений, устраивались в общественных и других подходящих местах тайники, где можно было бы хранить инструкции нацистских разведывательных центров и предметы диверсионной техники, чтобы засылаемые и находящиеся на территории СССР агенты в нужный момент могли воспользоваться ими.

С целью шпионажа в Советский Союз планомерно засылались кадровые сотрудники, тайные агенты и доверенные лица абвера и СД, для проникновения которых в нашу страну использовались интенсивно развивавшиеся в те годы экономические, торговые, хозяйственные и культурные связи между СССР и Германией. С их помощью решались такие важные задачи, как сбор сведений о военно-экономическом потенциале СССР, в частности об оборонной промышленности (мощность, районирование, узкие места), об индустрии в целом, отдельных ее крупных центрах, энергетических системах, путях сообщения, источниках промышленного сырья и т. д. Особой активностью отличались представители деловых кругов, которые нередко наряду со сбором разведывательной информации выполняли поручения по налаживанию связи на советской территории с агентами, которых немецкой разведке удалось завербовать в период активного функционирования в нашей стране немецких концернов и фирм.

Придавая важное значение использованию в разведывательной работе против СССР легальных возможностей и всячески добиваясь их расширения, и абвер, и СД вместе с тем исходили из того, что получаемая таким путем информация в преобладающей своей части не способна служить достаточной базой для разработки конкретных планов, принятия правильных решений в военно-политической области. Да и основываясь только на такой информации, считали они, трудно составить достоверное и сколько-нибудь полное представление о завтрашнем военном противнике, его силах и резервах. Чтобы восполнить пробел, абвер и СД, как это подтверждается многими документами, делают попытки активизировать работу против нашей страны нелегальным путем, стремясь к приобретению секретных источников внутри страны или засылке тайных агентов из-за кордона в расчете на их оседание в СССР. Об этом, в частности, свидетельствует такой факт: руководитель агентурной группы абвера в США офицер Г. Румрих еще в начале 1938 года имел указание своего центра добыть незаполненные бланки американских паспортов для агентов,

забрасываемых в Россию.

«Вы можете достать ну хотя бы штук пятьдесят?» — спрашивали Румриха в шифртелеграмме из Берлина. Абвер готов был платить за каждый чистый бланк американского паспорта тысячу долларов — так они были необходимы.

Специалисты-документальщики из секретных служб фашистской Германии еще задолго до начала войны против СССР скрупулезно следили за всеми изменениями в порядке оформления и выдачи личных документов советских граждан. Они проявляли повышенный интерес к выяснению системы защиты воинских документов от подделок, пытаясь установить порядок применения условных секретных знаков.

Кроме агентов, нелегально засылаемых в Советский Союз, абвер и СД использовали для получения интересующей их информации своих официальных сотрудников, внедренных в состав комиссии по определению линии германо-советской границы и переселению немцев, проживавших в западных областях Украины, Белоруссии, а также Прибалтики, на территорию Германии.

Уже в конце 1939 года гитлеровская разведка приступила к планомерной заброске в СССР с территории оккупированной Польши агентов для ведения военного шпионажа. Это были, как правило, профессионалы. Известно, например, что одному из таких агентов, прошедшему в 1938—1939 годах 15-месячную подготовку в берлинской школе абвера, в 1940 году удалось трижды нелегально проникать в СССР. Совершив несколько длительных полутора-двухмесячных поездок в районы Центрального Урала, Москвы и Северного Кавказа, агент благополучно возвращался в Германию.

Начиная примерно с апреля 1941 года абвер переходит преимущественно к заброске агентов группами во главе с опытными офицерами. Все они имели необходимое шпионско-диверсионное снаряжение, включая радиостанции для приема прямых радиопередач из Берлина. Ответные сообщения они должны были направлять на подставной адрес тайнописью¹⁵⁸.

На минском, ленинградском и киевском направлениях глубина агентурной разведки достигла 300—400 километров и более. Часть агентов, достигнув определенных пунктов, должна была на какое-то время осесть там и тотчас же приступить к выполнению полученного задания. Большинству же агентов (обычно они не имели радиостанций) предстояло возвратиться не позднее 15—18 июня 1941 года в разведцентр, чтобы добытая ими информация могла быть оперативно использована командованием.

Что же прежде всего интересовало абвер и СД? Задания для той и другой группы агентов, как правило, мало отличались и сводились к тому, чтобы выяснить сосредоточение советских войск в пограничных районах, дислокацию штабов, соединений и частей Красной Армии, пункты и районы местонахождения радиостанций, наличие наземных и подземных аэродромов, количество и типы самолетов, базирующихся на них, расположение складов боеприпасов, взрывчатых веществ, горючего.

Некоторые засылаемые в СССР агенты имели указание разведцентра воздержаться от конкретных практических действий до начала войны. Цель ясна — руководители абвера рассчитывали таким путем сохранить свои агентурные ячейки до того момента, когда надобность в них будет особенно велика.

Об активности подготовки агентуры для заброски в Советский Союз свидетельствуют такие данные, почерпнутые из архива абвера. В середине мая 1941 года в разведывательной школе ведомства адмирала Кана-риса близ Кенигсберга (в местечке Гроссмишель) проходили подготовку около 100 человек, предназначенных для засылки в СССР.

На кого же делалась ставка? Это выходцы из семей русских эмигрантов, осевших в Берлине после Октябрьской революции, сыновья бывших офицеров царской армии,

¹⁵⁸ Наряду со средствами тайнописи высокого качества применялся и старый рецепт, сохранившийся еще со времен первой мировой войны: раствор пирамидона, для проявления которого употребляли обычно йод.

сражавшихся против Советской России, а после разгрома бежавшие за границу¹⁵⁹, участники националистических организаций Западной Украины, Прибалтики, Польши, Балканских стран, как правило, владевшие русским языком.

К числу средств, использовавшихся гитлеровской разведкой в нарушение общепринятых норм международного права, относился также воздушный шпионаж, на службу которому были поставлены новейшие технические достижения. В системе министерства военно-воздушных сил фашистской Германии существовало даже специальное подразделение — эскадрилья особого назначения, которая совместно с секретной службой этого ведомства силами звеньев высотных самолетов осуществляла разведывательную работу против интересовавших абвер стран¹⁶⁰. В ходе полетов фотографировались все важные для ведения войны сооружения: порты, мосты, аэродромы, военные объекты, промышленные предприятия и т. д. Таким образом, военно-картографическая служба вермахта заблаговременно получала от абвера сведения, необходимые для составления хороших карт. Все, что касалось этих полетов, держалось в строжайшей тайне, и знали о них лишь непосредственные исполнители и те из очень ограниченного круга сотрудников группы «воздух» абвера I, в обязанность которых входила обработка и анализ данных, полученных с помощью воздушной разведки. Материалы аэрофотосъемки представлялись в виде фотографий, как правило, самому Канарису, в редких случаях — кому-либо из его заместителей, а затем передавались по назначению. Известно, что командование специальной эскадрильи ВВС «Ровель», дислоцировавшейся в Стаакене, уже в 1937 году приступило к разведке территории СССР с помощью замаскированных под транспортные самолеты «Хейн-кель-111».

Представление об интенсивности воздушной разведки дают следующие обобщенные данные: с октября 1939 по 22 июня 1941 года немецкие самолеты более 500 раз вторгались в воздушное пространство Советского Союза. Известны многие случаи, когда самолеты гражданской авиации, летавшие по трассе Берлин — Москва на основании соглашений между Аэрофлотом и Люфтганзой, часто преднамеренно сбивались с курса и оказывались над военными объектами. Недели за две до начала войны немцы облетывали и районы расположения советских войск. Каждый день фотографировали расположение наших дивизий, корпусов, армий, засекали нахождение военных радиопередатчиков, которые не были замаскированы.

За несколько месяцев до нападения фашистской Германии на СССР аэрофотосъемки советской территории проводились полным ходом. По сведениям, полученным нашей разведкой через агентуру от референта штаба германской авиации, немецкие самолеты совершали полеты на советскую сторону с аэродромов в Бухаресте, Кенигсберге и Киркенесе (Северная Норвегия) и производили фотографирование с высоты 6 тысяч метров. Только за период с 1 по 19 апреля 1941 года германские самолеты 43 раза нарушали государственную границу, совершая разведывательные полеты над нашей территорией на глубину 200 километров.

Как установил Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками, материалы, добываемые с помощью аэрофототехнической разведки, проводившейся в 1939 году, еще до начала вторжения гитлеровских войск в Польшу, были использованы в качестве ориентира при последующем планировании военных и диверсионных операций против СССР. Разведывательные полеты, совершавшиеся сначала над территорией Польши, затем Советского Союза (до Чернигова) и стран Юго-Восточной Европы, некоторое время спустя

¹⁵⁹ Как впоследствии будет утверждать П. Леверкюн, устаревшие данные этой сомнительной агентуры в преобладающем большинстве случаев представляли собой дезинформирующий материал, фальшивые сведения, что способствовало внесению путаницы, потому абверу и СД пришлось некоторое время спустя отказаться от ее услуг.

¹⁶⁰ Один из отрядов базировался на территории Венгрии вблизи Будапешта, откуда и совершались разведывательные полеты над юго-восточной частью Европы.

были перенесены на Ленинград, к которому, как объекту воздушного шпионажа, было приковано основное внимание. Из архивных документов известно, что 13 февраля 1940 года у генерала Йодля в штабе оперативного руководства верховного главнокомандования вермахта был заслушан доклад Канариса «О новых результатах воздушной разведки против СССР», полученных специальной эскадрильей «Ровель». С этого времени масштабы воздушного шпионажа резко возросли. Главной его задачей являлось получение сведений, необходимых для составления географических карт СССР. При этом особое внимание уделялось морским военным базам и другим важным в стратегическом отношении объектам (например, Шосткинскому пороховому заводу) и, особенно, центрам нефтедобычи, нефтеперегонным заводам, нефтепроводам. Определялись также будущие объекты для нанесения бомбовых ударов.

Важным каналом получения шпионских сведений об СССР и его вооруженных силах был носивший регулярный характер обмен информацией с разведками союзных гитлеровской Германии стран — Японии, Италии, Финляндии, Венгрии, Румынии и Болгарии. Кроме того, абвер поддерживал рабочие контакты со службами военной разведки сопредельных Советскому Союзу стран — Польши, Литвы, Латвии и Эстонии. Шелленберг даже ставил перед собой в перспективе задачу развивать секретные службы дружественных Германии стран и сплотить их в некое «разведывательное сообщество», которое работало бы на один общий центр и снабжало бы необходимыми сведениями входящие в него страны (цель, которая в общих чертах была достигнута после войны в НАТО в форме неофициального сотрудничества различных секретных служб под эгидой ЦРУ).

Дания, например, в секретной службе которой Шелленбергу при поддержке руководства местной национал-социалистской партии удалось занять ведущее положение и где имелся уже неплохой «оперативный задел», была «использована в качестве „предполья“ в разведывательной работе против Англии и России». По словам Шелленберга, ему удалось проникнуть в разведывательную сеть советской разведки. В результате, пишет он, спустя некоторое время установилась хорошо налаженная связь с Россией, и мы стали получать важную информацию политического характера.

Чем шире развевывалась подготовка к вторжению в СССР, тем энергичнее Канарис старался включить в разведывательную деятельность своих союзников и сателлитов гитлеровской Германии, привести в действие их агентуру. По линии абвера центрам нацистской военной разведки в странах Юго-Восточной Европы предписано было усилить работу против Советского Союза. С разведкой хортистской Венгрии абвер издавна поддерживал самые тесные контакты. По свидетельству П. Леверкюна, результаты действий на Балканах венгерской разведывательной службы составляли ценное дополнение работы абвера. В Будапеште постоянно находился офицер связи абвера, который осуществлял обмен добываемой информацией. Имелось там и представительство СД в составе шести человек, возглавляемое Хеттлем. Их обязанность заключалась в том, чтобы поддерживать связь с венгерской секретной службой и немецким национальным меньшинством, служившим источником рекрутирования агентуры. Представительство располагало практически неограниченными средствами в марках для оплаты услуг агентов. Сперва оно было ориентировано на решение политических задач, но с началом войны его деятельность все больше приобретала военную направленность. В январе 1940 года Канарис приступил к организации мощного центра абвера в Софии, чтобы превратить Болгарию в один из опорных пунктов своей агентурной сети. Столь же тесными были контакты с румынской разведкой. С согласия шефа румынской разведки Моруцова и при содействии нефтяных фирм, находившихся в зависимости от немецкого капитала, на территорию Румынии в нефтяные районы были направлены люди абвера. Разведчики выступали под прикрытием служащих фирм — «горных мастеров», а солдаты диверсионного полка «Бранденбург» — местных охранников. Таким образом, абверу удалось обосноваться в нефтяном сердце Румынии, и отсюда он стал раскидывать свои шпионские сети дальше на восток.

Нацистские службы «тотального шпионажа» в борьбе против СССР еще в годы,

предшествовавшие войне, имели союзника в лице разведки милитаристской Японии, правящие круги которой также строили далеко идущие планы в отношении нашей страны, практическую реализацию которых они связывали со взятием немцами Москвы. И хотя между Германией и Японией никогда не было совместных военных планов, каждая из них проводила собственную политику агрессий, пытаясь порой извлечь выгоду за счет другой, тем не менее обе страны были заинтересованы в партнерстве и сотрудничестве между собой и потому на разведывательном поприще выступали единым фронтом¹⁶¹. Об этом, в частности, красноречиво свидетельствует деятельность в те годы военного атташе Японии в Берлине генерала Осимы. Известно, что он обеспечивал координацию действий резидентур японской разведки в европейских странах, где завязал довольно тесные связи в политических и деловых кругах и поддерживал контакты с руководителями СД и абвера¹⁶². Через него осуществлялся регулярный обмен разведывательными данными об СССР. Осима держал своего союзника в курсе конкретных мероприятий японской разведки в отношении нашей страны и, в свою очередь, был осведомлен о тайных операциях, затеваемых против нее фашистской Германией. При необходимости он предоставлял имевшиеся в его распоряжении агентурные и иные оперативные возможности и на взаимных началах охотно снабжал разведывательной информацией¹⁶³. Другой ключевой фигурой японской разведки в Европе был японский посланник в Стокгольме Онодеру.

В планах абвера и СД, направленных против Советского Союза, важное место, по понятным причинам, отводилось сопредельным ему государствам — Прибалтике, Финляндии, Польше.

Особый интерес нацисты проявляли к Эстонии, рассматривая ее как сугубо «нейтральную» страну, территория которой могла служить!, удобным плацдармом для развертывания разведывательных операций против СССР. Этому в решающей степени способствовало то обстоятельство, что уже во второй половине 1935 года, после того как в штабе эстонской армии одержала верх группа профашистски настроенных офицеров во главе с полковником Маазингом, начальником разведывательного отдела генерального штаба, произошла полная переориентация военного командования страны на гитлеровскую Германию. Весной 1936 года Маазинг, а вслед за ним начальник штаба армии генерал Рээк охотно приняли приглашение руководителей вермахта посетить Берлин. Во время пребывания там они завязали деловые отношения с Канарисом и его ближайшими помощниками. Была достигнута договоренность о взаимной информации по разведывательной линии. Немцы взяли на себя обязательство оснастить эстонскую разведку оперативно-техническими средствами. Как выяснилось потом, именно тогда абвер заручился официальным согласием Рээка и Маазинга на использование территории Эстонии для работы против СССР. В распоряжении эстонской разведки были предоставлены фотоаппаратура для производства с маяков Финского залива снимков военных кораблей, а также устройства радиоперехвата, которые были установлены затем вдоль всей советско-эстонской границы. Для оказания технической помощи в Таллинн были направлены

¹⁶¹ Это не помешало, однако, немцам начать охоту за дипломатическими шифрами Японии. Раскрыв в результате этих усилий дипломатический шифр японского посланника в Швейцарии Окамото, руководителя разведывательной резидентуры, они получили возможность читать всю его переписку с Токио.

¹⁶² Как выяснится потом, японцы располагали особенно разветвленными агентурными центрами в Белграде, Виши и Стокгольме. В качестве одного из перевалочных пунктов для своих связников они использовали Берлин. Особый интерес проявлялся к Польше, которая представляла для японской разведки весьма важное поле деятельности, поскольку здесь можно было действовать в двух направлениях как против Германии, так и против СССР.

¹⁶³ Именно в результате обмена разведывательной информацией с Осима немцам стало известно, что до зимы 1942 года будет завершена эвакуация советских оборонных предприятий в восточные районы страны и объем их производства увеличится.

специалисты отдела дешифровки главного командования вермахта.

Результаты этих переговоров главнокомандующий эстонской буржуазной армии генерал Лайдонер оценивал так: «Нас главным образом интересовали сведения о дислокации советских военных сил в районе нашей границы и о происходящих там перемещениях. Все эти сведения, поскольку они имелись у них, немцы охотно сообщали нам. Что касается нашего разведывательного отдела, то он снабжал немцев всеми данными, которыми мы располагали относительно советского тыла и внутреннего положения в СССР».

Генерал Пикенброк, один из ближайших помощников Канариса, на допросе 25 февраля 1946 года, в частности, показал: «Разведка Эстонии поддерживала с нами очень тесные связи. Мы постоянно оказывали ей финансовую и техническую поддержку. Ее деятельность была направлена исключительно против Советского Союза. Начальник разведки полковник Маазинг ежегодно наведывался в Берлин, а наши представители по мере необходимости сами выезжали в Эстонию. Часто бывал там капитан Целлариус, на которого была возложена задача наблюдения за Краснознаменным Балтийским флотом, его положением и маневрами. С ним постоянно сотрудничал работник эстонской разведки капитан Пигерт. Перед вступлением в Эстонию советских войск нами заблаговременно была оставлена там многочисленная агентура, с которой мы поддерживали регулярную связь и через которую получали интересовавшую нас информацию. Когда там возникла Советская власть, наши агенты активизировали свою деятельность и до самого момента оккупации страны снабжали нас необходимыми сведениями, содействуя тем самым в значительной мере успеху германских войск. Некоторое время Эстония и Финляндия являлись основными источниками разведывательной информации о советских вооруженных силах».

В апреле 1939 года в Германию, широко отмечавшую день рождения Гитлера, был вновь приглашен генерал Рээк, визит которого, как и рассчитывали в Берлине, должен был способствовать углублению взаимодействия между немецкой и эстонской службами военной разведки. При содействии последней абверу удалось осуществить в 1939 и 1940 годах заброску в СССР нескольких групп шпионов и диверсантов. Все это время вдоль советско-эстонской границы функционировали четыре радиостанции, осуществлявшие перехват радиogramм, и одновременно из разных точек велось слежение за работой радиостанций на территории СССР. Добываемые таким путем сведения передавались абверу, от которого у эстонской разведки не существовало никаких секретов, особенно что касалось Советского Союза.

Регулярно раз в год в Эстонию для обмена информацией выезжали руководители абвера. Главы разведывательных служб этих стран в свою очередь ежегодно посещали Берлин. Таким образом, обмен накопленной секретной информацией происходил каждое полугодие. Кроме того, с обеих сторон периодически направлялись специальные курьеры, когда требовалось срочно доставить в центр нужные сведения; иногда для этой цели уполномочивались военные атташе при эстонском и немецком посольствах. Информация, передаваемая эстонской разведкой, преимущественно содержала данные о состоянии вооруженных сил и военно-промышленного потенциала Советского Союза.

В архивах абвера сохранились материалы о пребывании в Эстонии Канариса и Пикенброка в 1937, 1938 и в июне 1939 года. Во всех случаях эти поездки были вызваны необходимостью улучшения координации действий против СССР и обмена разведывательной информацией. Вот что пишет уже упоминавшийся выше генерал Лайдонер: «Начальник немецкой разведки Канарис посетил Эстонию в первый раз в 1936 году. После этого он наведывался сюда дважды или трижды. Я принимал его лично. Переговоры по вопросам разведывательной работы велись с ним руководителем штаба армии и начальником 2-го отдела. Тогда было установлено более конкретно, какие сведения требовались для обеих стран и что мы можем дать друг другу. Последний раз Канарис посетил Эстонию в июне 1939 года. Речь шла главным образом о разведывательной деятельности. С Канарисом я довольно подробно разговаривал о нашей позиции в случае столкновения между Германией и Англией и между Германией и СССР. Он интересовался

вопросом, много ли Советскому Союзу потребуется времени для полной мобилизации своих вооруженных сил и каково состояние его транспортных средств (железнодорожного, автомобильного и дорожного)»¹⁶⁴. В этот приезд вместе с Канарисом и Пикенброком находился начальник отдела абвер III Франс Бентивеньи, поездка которого была связана с проверкой работы подчиненной ему группы, осуществлявшей в Таллинне закордонные мероприятия по контрразведывательной линии. Чтобы избежать «неумелого вмешательства» гестапо в дела контрразведки абвера, по настоянию Канариса между ним и Гейдрихом было достигнуто соглашение о том, что во всех случаях, когда полиция безопасности будет проводить какие-либо мероприятия на эстонской территории, предварительно должен быть поставлен в известность абвер. Со своей стороны Гейдрих выдвинул требование — СД должна иметь в Эстонии самостоятельную резидентуру. Понимая, что в случае открытой ссоры с влиятельным шефом имперской службы безопасности абверу будет трудно рассчитывать на поддержку Гитлера, Канарис согласился «потесниться» и принял требование Гейдриха. Вместе в тем они условились, что все мероприятия СД в области вербовки агентуры в Эстонии и переброски ее в Советский Союз будут согласовываться с абвером. За абвером сохранялось право сосредоточения в своих руках и оценки всей разведывательной информации, касающейся Красной Армии и Военно-Морского Флота, которую нацисты получали через Эстонию, как, впрочем, и через другие страны Прибалтики и Финляндию. Канарис решительно возражал против попыток сотрудников СД действовать вместе с эстонскими фашистами в обход абвера и направлять в Берлин непроверенные сведения, которые нередко через Гимmlера поступали к Гитлеру.

Как явствует из доклада Лайдонера президенту Эстонии Пятсу, последний раз Канарис находился в Таллинне осенью 1939 года под чужим именем. В связи с этим встреча его с Лайдонером и Пятсом была обставлена по всем правилам конспирации.

В сохранившемся в архивах РСХА докладе управления Шелленберга сообщалось, что оперативная обстановка для разведывательной работы по линии СД в предвоенный период и в Эстонии, и в Латвии была аналогичной. Во главе резидентуры в каждой из этих стран стоял официальный сотрудник СД, находившийся на нелегальном положении. К нему стекалась вся собранная резидентурой информация, которую он переправлял в центр по почте с применением тайнописи, через курьеров на немецких морских судах или по каналам посольства. Практическая деятельность разведывательных резидентур СД в Прибалтийских государствах оценивалась Берлином положительно, особенно в части приобретения источников информации в политических кругах. Большую помощь СД оказывали проживавшие здесь выходцы из Германии. Но, как отмечалось в упомянутом выше докладе VI управления РСХА, «после вступления русских оперативные возможности СД претерпели серьезные изменения. Руководящие деятели страны сошли с политической арены, осложнилось и поддержание связи с ними. Возникла острая нужда в поиске новых каналов для передачи разведывательной информации в центр. Пересылать ее на судах стало невозможно, поскольку корабли тщательно обыскивались властями, а за членами команд, сходящими на берег, велось неослабное наблюдение. Пришлось отказаться также от пересылки сведений через свободный порт Мемель (ныне Клайпеда Литовской ССР. — *Ред.*) при помощи сухопутного сообщения. Рискованно было также использовать и симпатические чернила. Пришлось решительно взяться за прокладывание новых каналов связи, а также за поиск свежих источников информации». Резиденту СД в Эстонии, выступавшему в служебной переписке под кодовым номером 6513, все же удалось вступить в контакт с вновь завербованными агентами и задействовать старые источники информации. Поддержание регулярной связи со своей агентурой было весьма опасным делом, требовавшим

¹⁶⁴ Примерно в это же время в Эстонию на три или четыре дня приезжал начальник штаба германских сухопутных войск генерал Гальдер. Его также интересовали сведения о Советском Союзе. Он выяснял мобилизационные способности и возможности страны, уточнял данные относительно транспорта, людских резервов, запасов оружия, производственной мощности военных предприятий, состояния авиации. Подробнее см.: Барков Л. В дебрях абвера. Таллинн, 1971. С. 49.

исключительной осторожности и ловкости. Резидент 6513 тем не менее смог очень быстро разобраться в обстановке и, несмотря на все трудности, добыть нужные сведения. В январе 1940 года он получил дипломатический паспорт и стал работать под прикрытием референта германского посольства в Таллинне.

Что касается Финляндии, то, согласно архивным материалам вермахта, на ее территории активно действовала «Военная организация», условно называвшаяся «Бюро Целлариуса» (по имени его руководителя — немецкого военного разведчика Целлариуса). Она была создана абвером с согласия финских военных властей в середине 1939 года. Канарис и его ближайшие помощники Пикенброк и Бентивеньи начиная с 1936 года неоднократно встречались в Финляндии и Германии с начальником финской разведки полковником Свенсоном, а затем со сменившим его полковником Меландером. На этих встречах они обменивались разведывательной информацией и отработывали планы совместных действий против Советского Союза. «Бюро Целлариуса» постоянно держало в поле зрения Балтийский флот, войска Ленинградского военного округа, а также части, дислоцировавшиеся в Эстонии. Его активными помощниками в Хельсинки являлись Добровольский, в прошлом генерал царской армии, и бывшие царские офицеры Пушкарев, Алексеев, Соколов, Батуев, прибалтийские немцы Майснер, Мансдорф, эстонские буржуазные националисты Веллер, Кург, Хорн, Кристьян и другие. На территории Финляндии Целлариус располагал достаточно широкой агентурной сетью среди различных слоев населения страны, занимался вербовкой шпионов и диверсантов среди осевших там русских белоэмигрантов, бежавших из Эстонии националистов и прибалтийских немцев.

Пикенброк на допросе 25 февраля 1946 года дал подробные показания о деятельности «Бюро Целлариуса», сообщив, что капитан первого ранга Целлариус проводил разведывательную работу против Советского Союза под прикрытием германского посольства в Финляндии. «С финской разведкой, — заявил он, — у нас давно существовало тесное взаимодействие, еще до моего прихода в абвер в 1936 году. В порядке обмена разведывательными данными мы систематически получали от финнов сведения о дислокации и численности Красной Армии».

Как следует из показаний Пикенброка, впервые он посетил Хельсинки с Канарисом и начальником отдела абвер I штаба сухопутных сил «Ост» майором Штольцем в июне 1937 года. Совместно с представителями финской разведки они произвели сопоставление и обмен разведывательными сведениями о Советском Союзе. Одновременно передали финнам вопросник, которым те должны были руководствоваться в дальнейшем при сборе разведывательных сведений. Абвер интересовали прежде всего дислокация частей Красной Армии, объектов военной промышленности, в особенности в районе Ленинграда. Во время этого посещения они имели деловые встречи и беседы с германским послом в Финляндии фон Блюхером и военным атташе генерал-майором Россингом. В июне 1938 года Канарис и Пикенброк вновь посетили Финляндию. В этот свой приезд они были приняты финским военным министром, который выразил удовлетворение тем, как развивается сотрудничество Канариса с начальником финской разведки полковником Свенсоном. В третий раз они были в Финляндии в июне 1939 года. Начальником финской разведки в это время был Меландер. Переговоры протекали в тех же рамках, что и предыдущие. Заблаговременно проинформированная руководителями абвера о предстоящем нападении на Советский Союз финская военная разведка в начале июня 1941 года предоставила в их распоряжение имевшиеся у нее сведения в отношении Советского Союза. Тогда же абвер приступил с ведома местных властей к осуществлению операции «Эрна», связанной с заброской с территории Финляндии в прибалтийский регион эстонских контрреволюционеров в качестве шпионов, радиоагентов и диверсантов.

Последний раз Канарис и Пикенброк посетили Финляндию зимой 1941/42 года¹⁶⁵.

¹⁶⁵ Следует иметь в виду, что к апрелю 1941 года заметно возросла активность в установившемся сотрудничестве между германским и финским генеральными штабами, выражающаяся в совместной разработке оперативных планов войны против СССР. Предполагалось, что финско-немецкие части перережут Карелию, чтобы сохранить за собой никелевые рудники Путсамо (ныне поселок Печенга Мурманской области), которым

Вместе с ними был начальник контрразведки (абвер III) Бентивеньи, выезжавший с целью инспектирования и оказания практической помощи «военной организации», а также для разрешения вопросов сотрудничества между этой организацией и финской разведкой. Совместно с Меландером они определили границы деятельности Целлариуса: он получил право самостоятельно вербовать агентуру на финской территории и перебрасывать ее через линию фронта. После завершения переговоров Канарис и Пикенброк в сопровождении Меландера отправились в город Миккели, в ставку маршала Маннергейма, выразившего желание лично встретиться с шефом германского абвера. К ним присоединился руководитель немецкой военной миссии в Финляндии генерал Эрфурт.

Сотрудничество с разведывательными службами союзных и оккупированных стран в борьбе против СССР, несомненно, приносило определенные плоды, но от него нацисты ждали большего.

«Абвер накануне войны, — пишет О. Рейле, — оказался не в состоянии покрыть Советский Союз хорошо действующей разведывательной сетью из удачно расположенных секретных опорных пунктов в других странах — Турции, Афганистане, Японии или Финляндии»¹⁶⁶. Созданные еще в мирное время опорные пункты в нейтральных странах — «военные организации» были либо замаскированы под экономические фирмы, либо включены в немецкие миссии за границей. Когда началась война, Германия оказалась отрезанной от многих источников информации, и значение «военных организаций» весьма возросло. До середины 1941 года абвер вел систематическую работу на границе с СССР с целью создания своих опорных пунктов и насаждения агентуры. Вдоль германо-советской границы была развернута широкая сеть технических средств разведки, с помощью которых осуществлялся перехват переговоров, ведущихся по радио.

В связи с установкой Гитлера на всемерное развертывание деятельности всех секретных служб Германии против Советского Союза остро встал вопрос о координации, особенно после того, как между РСХА и генеральным штабом германских сухопутных войск было заключено соглашение о придании каждой армии специальных отрядов СД, называвшихся «айнзатцгруппами» и «айнзатцкомандо»¹⁶⁷.

В первой половине июня 1941 года Гейдрих и Канарис созвали совещание офицеров абвера и командиров частей полиции и СД («айнзатцгрупп» и «айнзатцкомандо»)¹⁶⁸. На нем, кроме отдельных специальных докладов, были сделаны сообщения, в общих чертах освещавшие оперативные планы предстоящего вторжения в СССР. Сухопутные войска были представлены на этом совещании генерал-квартирмейстером, который, касаясь технической стороны сотрудничества секретных служб, опирался на проект приказа, выработанный по согласованию с шефом СД. Канарис и Гейдрих в своих выступлениях затронули вопросы взаимодействия, «чувства локтя» между частями полиции безопасности, СД и абвером. Спустя несколько дней после этого совещания оба они были приняты рейхсфюрером СС Гиммлером, чтобы обсудить предложенный ими план мероприятий по оказанию придавалось важное значение // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 212.

¹⁶⁶ Rede O. Geheime. Ostfront. München, 1963. S. 295.

¹⁶⁷ Показания Лахузена на судебном процессе в Нюрнберге приподняли завесу над многим до того не известным о деятельности этих отрядов. Согласно его свидетельствам, подтвержденным затем документально, «айнзатцгруппы» и «айнзатцкомандо» создавались с единственной целью — совершения массовых убийств десятков тысяч людей, в частности на оккупированной советской территории, до того как система уничтожения не была усовершенствована путем введения в строй газовых камер и печей крематориев.

¹⁶⁸ Одну из таких групп, совершавшую тяжчайшие преступления в СССР, возглавлял Штаймле, работавший до этого в разведывательной резидентуре СД в Западной Европе. После войны в ходе процесса по делу «айнзатцгрупп» он был приговорен американским судом к смертной казни, но, как и во многих других подобных случаях, после нескольких лет заключения в тюрьме для военных преступников в Ландсберге его освободили.

противодействия советской разведке.

Свидетельством размаха, который приняла деятельность служб «тотального шпионажа» против СССР накануне войны, могут служить такие обобщающие данные: только в 1940 году и первом квартале 1941 года в западных районах нашей страны было раскрыто 66 резидентур немецко-фашистской разведки и обезврежено более 1300 ее агентов.

В результате активизации служб «тотального шпионажа» объем собираемых ими сведений о Советском Союзе, требовавших анализа и соответствующей обработки, постоянно увеличивался, и разведывательная льность, как того и добивались нацисты, становилась все более всеобъемлющей. Возникла необходимость вовлечения в процесс изучения и оценки разведывательных материалов соответствующих научноисследовательских организаций. Один из таких институтов, широко используемых разведкой, располагавшийся в Ванцзее, представлял собой крупнейшее собрание различной советской литературы, в том числе справочной¹⁶⁹. Особая ценность этого уникального собрания заключалась в том, что оно содержало обширную подборку специальной литературы по всем отраслям науки и экономики, изданную на языке оригинала. Штат сотрудников, в который входили известные ученые из различных университетов, в том числе выходцы из России, возглавлял один профессор-советолог, грузин по происхождению. В распоряжение института передавалась добываемая разведкой обезличенная секретная информация, которую он должен был подвергнуть тщательному изучению и обобщению, используя имеющуюся справочную литературу, и вернуть в аппарат Шелленберга со своей экспертной оценкой и комментариями¹⁷⁰.

Другой научно-исследовательской организацией, также тесно сотрудничавшей с разведкой, был Институт геополитики. Он тщательно анализировал собранные сведения и совместно с абвером и управлением экономики и вооружений штаба верховного командования вермахта составлял на их базе различные обзоры и справочные материалы. О характере его интересов можно судить хотя бы по таким подготовленным им до нападения на Советский Союз документам: «Военно-географические данные о европейской части России», «Географические и этнографические сведения о Белоруссии», «Промышленность Советской России», «Железнодорожный транспорт СССР», «Балтийские страны (с планами городов)».

В рейхе в общей сложности было около 400 научно-исследовательских организаций, занимавшихся социально-политическими, экономическими, научно-техническими, географическими и прочими проблемами иностранных государств; все они, как правило, были укомплектованы специалистами высокой квалификации, знающими все аспекты соответствующих проблем, и субсидировались государством по свободному бюджету. Существовал порядок, согласно которому все запросы Гитлера — когда он, например, требовал сведений по какому-либо конкретному вопросу — рассылались нескольким различным организациям для исполнения. Однако подготавливаемые ими доклады и справки часто не удовлетворяли фюрера в силу их академичности. В ответ на полученное задание институты выдавали «набор общих положений, возможно верных, но несвоевременных и недостаточно четких».

Чтобы устранить раздробленность и разноречивость в работе научно-исследовательских организаций, повысить их компетентность, а главное — отдачу, а также обеспечить должный контроль за качеством подготавливаемых ими заключений и экспертных оценок по

¹⁶⁹ На основании исследований, проведенных в 1942 году институтом в Ванцзее, руководители СД были предупреждены о том, сведения экономического характера, опубликованные в свое время в советской печати, следует считать недостоверными, пущенными в оборот с целью дезинформации.

¹⁷⁰ В последующие годы специалисты этого института будут регулярно наведываться в оккупированные восточные районы и путем личных наблюдений, изучения при содействии СД обстановки черпать на месте материал, необходимый для проведения исследований, связанных с выработкой мер по укреплению оккупационного режима.

материалам разведки, Шелленберг позже придет к выводу о необходимости создания в своем управлении автономной группы специалистов с высшим образованием. На основе предоставляемых в их распоряжение материалов, в частности по Советскому Союзу, и с привлечением соответствующих научно-исследовательских организаций эта группа наладит изучение сложных проблем и выработку на этой основе углубленных рекомендаций и прогнозов для политического и военного руководства страны.

Аналогичной работой был занят и «Отдел иностранных армий Востока» генерального штаба сухопутных войск. Он концентрировал идущие из всех разведывательных, а также других источников материалы и периодически составлял для высших военных инстанций «обзоры», в которых особое внимание обращалось на численный состав Красной Армии, моральное состояние войск, уровень командного состава, характер боевой подготовки и т. д.

Таковы место нацистских секретных служб в целом в военной машине гитлеровской Германии и размах их участия в подготовке агрессии против СССР, в разведывательном обеспечении будущих наступательных операций.

ЦЕЛЬ— БЛИЦКРИГ

К подготовке вооруженного нападения на Советский Союз германский империализм приступил задолго до того, как оно было совершено. Политический замысел агрессии давно созрел в умах фашистских главарей, неотступно и последовательно стремившихся к расширению «жизненного пространства» Германии и успевших к тому времени поработить многие государства Европы. И вот как это происходило.

РАЗВЕДКА И ПЛАНЫ СОЗДАНИЯ «ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ НА ВОСТОКЕ»

Задачу насильственного захвата европейской части СССР в целях образования германской империи в континентальной Европе Гитлер выдвигал еще в 1927 году в своей книге «Майн кампф», открыто звавшей к походу на Восток, нападению на Советский Союз. «Если мы сегодня говорим о новых землях и территориях в Европе, — писал он, — мы обращаем свой взор в первую очередь к России»¹⁷¹. При этом давние претензии кайзеровской Германии на территории ее восточных соседей были сдобрены ярким антикоммунизмом и расистской идеологией вроде того, что «сама судьба указывает своим перстом на большевистскую Россию». «Новое жизненное пространство на Востоке, — вещал рейхсфюрер СС Гиммлер, — открывает сферу деятельности, обширнее и заманчивее которой еще не было в немецкой истории». Для претворения в жизнь давно вынашивавшихся Гитлером бредовых планов образования германской империи на Востоке путем военного разгрома СССР был создан «всесокрушающий» вермахт — самая сильная во всем капиталистическом мире армия, щедро оснащенная новейшей для того времени военной техникой.

Уже в середине 30-х годов, как можно судить по архивным материалам, а также служебным дневникам и мемуарам деятелей вермахта, политическое и военное руководство Германии в решении вопросов внутренней и внешней политики исходило из варианта «А», под которым подразумевалось вооруженное вторжение в СССР.

Те, кто планировал полигику агрессий и определял решение связанных с этим политических и экономических проблем, естественно, испытывали огромную потребность в разведывательной информации. Роль разведки в процессе стратегического планирования и принятия решений на государственном уровне чрезвычайно возросла. Всем службам «тотального шпионажа» было предписано всемерно форсировать сбор сведений о Красной Армии и советской оборонной промышленности, заняться проверкой данных, добытых

¹⁷¹ Цит. по: Советская Россия. 1988. 19 июня.

ранее. Они были призваны приступить к созданию всех необходимых предпосылок для разведывательного обеспечения основных направлений будущей восточной кампании.

Доминирующая роль в этом принадлежала абверу, которого прежде всего интересовали стратегические военные возможности нашей страны. По каналам разведки тщательно выяснялись состояние обороны приграничных районов, а также дислокация военно-промышленных предприятий, аэродромов, электростанций, транспортных узлов, вокзалов, морских и речных портов, мостов, арсеналов и складов, которые с началом военных действий должны были стать объектами бомбардировок и диверсий.

Со второй половины 30-х годов Советский Союз объявляется главным противником секретных служб фашистской Германии. Даже нападение на Польшу, а затем военная кампания в Северной Европе не ослабили разведывательного интереса к нашей стране и нисколько не отразились на активности нацистских секретных служб, которая продолжала оставаться довольно высокой.

Невзирая на то что 23 августа 1939 года был подписан советско-германский договор о ненападении, а в конце сентября того же года заключен договор «О дружбе и границе» между СССР и Германией, самой важной своей задачей, как и прежде, Гитлер считал военный разгром социалистического государства, завоевание нового «жизненного пространства» для немцев вплоть до Урала.

С захватом в 1939 году Польши фашистская Германия и Советский Союз становятся соседями. Наличие общей сухопутной границы и тот факт, что немецкая и наша армии оказались лицом к лицу, естественно, облегчали абверу и СД осуществление разведывательных операций против СССР, позволяли им вести работу «ближним методом». На стороне нацистских секретных служб было и то несомненное преимущество, что в ходе двух лет военных действий в Западной Европе, предшествовавших нападению на Советский Союз, они вполне вписались в военные авантюры главарей третьего рейха, накопили немалый опыт подрывных действий на чужих территориях, создали кадры профессиональных разведчиков «новой школы», наконец, приспособили свои организации и тактику действий к условиям военного времени. Расширению возможностей СД для работы против СССР в определенной степени способствовало и то обстоятельство, что с оккупацией Польши нацистам удалось прибрать к рукам часть архивов польской разведки. В распоряжении Шелленберга, который сопровождал Гимmlера, обеспечивавшего безопасность Гитлера во время его поездки в Варшаву, оказалась обширная картотека польской агентурной сети за рубежом, в том числе находившейся в западных областях Украины и Белоруссии¹⁷². Были приняты меры к установлению местонахождения агентов и переориентации их на действия в интересах фашистской Германии.

«С начала польской кампании, — пишет Г. Буххейт, — Советский Союз попал в орбиту пристального внимания абвера. До этого СССР представлял собой скорее политический фактор, и все, что было связано с ним или коммунистическим движением в целом, считалось компетенцией СД. После захвата Польши военная разведка, несмотря на строгий пограничный контроль со стороны русских и языковой барьер, сумела достичь определенных результатов».

Прежде разведывательные операции против Советского Союза, связанные с агентурным проникновением в страну, проводились, как утверждают бывшие руководящие деятели абвера, «нерегулярно, от случая к случаю, когда для этого открывалась реальная возможность», не связанная с большим риском и определенно сулящая успех. По признанию П. Леверкюна, засылать в то время из Германии в СССР своих доверенных лиц и тайных агентов немецкой военной разведке удавалось крайне редко. Преодолевать же польскую границу было гораздо легче.

К концу 30-х годов совершенно четко обозначились основные направления

¹⁷² В процессе изучения архивных материалов было, кроме того, установлено, что платными агентами польской разведки являлись более 400 немцев, проживавших в рейхе. Все они были немедленно арестованы и вскоре казнены.

деятельности абвера, который становился важной составной частью военной машины фашистской Германии, исходным пунктом шпионско-диверсионных действий против СССР. Перед ним была поставлена задача в ускоренном порядке освежить имевшиеся сведения о ходе вооружения Красной Армии и мероприятиях командования по развертыванию войск на случай военной угрозы, о дислокации штабов и крупных соединений. Поскольку трудности сбора такого рода информации усугублялись, как утверждали в абвере, еще и сильными морозами, стоявшими в СССР зимой 1939/40 года, поначалу германская военная разведка оказалась практически не в состоянии выяснить, хотя бы приближенно, численность частей Красной Армии и их дислокацию прежде всего на территории Белоруссии, которая рассматривалась командованием вермахта в качестве главного театра будущих военных действий, где, как были уверены нацисты, им удастся разбить и уничтожить главные силы советских войск.

Но раскрученный механизм разведки набирал силу. По свидетельству бывших представителей оперативного руководства верховного главнокомандования вермахта, за сравнительно короткий срок — с конца польской кампании до июня 1940 года — абверу удалось, используя географическую близость к Советскому Союзу, обновить некоторые сведения о боеспособности Красной Армии. Часть добытой информации касалась военно-промышленных объектов и экономических центров СССР, повышенный интерес к которым был вызван необходимостью создания благоприятных условий для решения задачи второго этапа боевых действий, когда война должна была, как планировала нацистская верхушка, из фазы уничтожения Красной Армии перейти в фазу экономического подавления страны. Это предполагало еще до зимы 1941 года захват в ходе преследования остатков отступающей Красной Армии или по крайней мере уничтожение основных жизненно важных промышленно-экономических центров (Москвы, Ленинграда, Донбасса, нефтяных районов Северного Кавказа), необходимых для воссоздания разгромленных вооруженных сил. Однако, если верить свидетельствам очевидцев, адмирал Канарис смог представить лишь ограниченную, а иногда и неточную информацию, ибо «агентура абвера неизменно обезвреживалась в СССР». Согласно признаниям руководителей абвера, представителям немецкой военной разведки в Кракове, Любляне и Кенигсберге при всем старании «не удалось проникнуть в глубь России».

Резкое повышение разведывательной активности против Советского Союза относится к моменту капитуляции Франции, когда, по мнению высшего нацистского руководства, был надежно обеспечен тыл будущей войны и в распоряжении Германии оказалось достаточно материальных и людских ресурсов для продолжения военных действий. Ведь, как известно, после окончания войны с Францией Германия в военно-экономическом отношении не была ослаблена. Ее вооруженные силы сохранили свою боеспособность, а военная промышленность, получившая возможность поставить себе на службу экономический потенциал 12 захваченных государств Европы, работала на полную мощность. Но дело не только и не столько в капитуляции Франции. В сущности все преступные акты агрессии гитлеровской Германии до 22 июня 1941 года, связанные с насильственным подчинением других стран ее господству, были не чем иным, как подготовительным этапом к вооруженному нападению на Советский Союз. Гитлер хотел обеспечить для своих войск наиболее выгодные стратегические позиции, которые позволили бы ему уверенно и без большого риска начать борьбу с Советской страной. Для этого-то он аннексировал Австрию, расчленил Чехословакию, напал на Польшу, затем постарался вывести из строя Францию, чтобы обеспечить себе надежный тыл. Словом, Гитлер решил воспользоваться благоприятным исходом войны на Западе и, не делая продолжительной паузы, внезапно двинуть уже заведенную военную машину, за два года привыкшую к легким победам, в сторону Советского Союза, чтобы, как рассчитывали нацисты, в кратковременной кампании добиться решающего успеха. Известно содержание беседы Гитлера с Кейтелем и Йодлем сразу после окончания французской кампании 1940 года, в которой он заявил: «Теперь мы показали, на что способны. Поверьте, поход против России будет в сравнении с этим простой

детской игрой».

Гитлеровский генералитет, руководствуясь указанием фюрера, данным на секретном совещании 23 ноября 1939 года, приступил к разработке соответствующих стратегических планов.

Летом 1940 и в начале 1941 года подготовка к вооруженной агрессии против СССР приобрела особенно широкий размах, став в полном смысле слова комплексной. Она охватила экономическую, дипломатическую и идеологическую сферы и, особенно, военную и разведывательную.

Это и понятно: Советский Союз являлся для германского империализма главным препятствием на пути к распространению своего неограниченного господства на другие страны и народы. Гитлер понимал, что гарантия установления владычества над Европой, к чему он стремился, в решающей степени зависит от исхода германо-советской войны.

Полная картина планирования и подготовки агрессии против СССР открылась позднее, когда были опубликованы материалы Международного военного трибунала в Нюрнберге, мемуары политических и военных деятелей, руководителей разведывательных служб, а также документы секретных архивов.

ГОТОВЯСЬ К«МОЛНИЕНОСНОЙ ВОЙНЕ»

Как уже упоминалось, согласно установкам главаря нацистской партии Гитлера и его сообщников, вооруженная агрессия против СССР должна была стать особой «войной за жизненное пространство на Востоке», в ходе которой они и не думали считаться с гражданским населением. В этой захватнической войне открыто делалась ставка на физическое истребление большинства советских людей. Преступные намерения немецких империалистов по отношению к советскому народу были зафиксированы в так называемом «генеральном плане» «Ост», автором которого являлось главное имперское управление безопасности.

В мае 1940 года план, обраставший с каждым новым обсуждением дополнительными идеями и подробностями, был представлен Гитлеру «как фюреру и верховному главнокомандующему вермахтом» и утвержден им в качестве директивы, которая обязывала немецкое командование воспрепятствовать в ходе военных действий планомерному отходу советских войск и добиваться полного истощения военного и военно-промышленного потенциала СССР. Таким образом, вопрос о развязывании вооруженной агрессии против Советского Союза к этому времени был уже решен в высших сферах нацистской партии и генералитета вермахта и перешел в область практической подготовки вторжения, в которой важнейшую роль была призвана сыграть разведка.

Четко оглаженный механизм планирования военных действий и отработки конкретных вариантов их ведения вновь был запущен в июле 1940 года. В соответствии с приказом Гитлера и с учетом выработанных РСХА руководящих принципов, а также разведывательных сведений, представленных абвером и СД, главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал Браухич взялся за окончательную шлифовку детального стратегического и тактического плана нападения на Советский Союз, работа над которым протекала в обстановке строжайшей секретности. В последующем этот план, разработанный РСХА при активном участии центрального аппарата абвера и его групп при штабах видов вооруженных сил, подвергся скрупулезному изучению и уточнению в высших военных инстанциях. В конце июля 1940 года Гитлер собрал в Бергофе всех своих главных генералов. На этом совещании были четко обозначены цели войны и определены сроки выступления войск. Резюмируя итоги данного совещания, Гитлер заявил: «Россия должна быть уничтожена. Срок — весна 1941 года. Операция только тогда будет иметь смысл, если мы одним ударом разгромим страну». Итак, агрессия против Советского Союза планировалась и готовилась как молниеносная военная кампания, которая, как подчеркивал Гитлер, сможет быть победоносно завершена благодаря фактору внезапности.

Там же, в Бергофе, до руководителей абвера и СД была доведена директива фюрера: используя агентурные каналы, прозондировать возможность получения согласия Финляндии и Турции стать союзниками Германии. Чтобы поощрить вступление этих стран в войну, Гитлер готов был уступить им некоторые территории СССР «после победоносного завершения кампании» на Востоке.

Имеется множество документальных свидетельств того, насколько интенсивной была подготовка фашистской Германии к войне с Советским Союзом. «В конце сентября 1940 года, — заявил генерал Цукертор, занимавший важный пост в вермахте, — я лично имел случай убедиться в том, что приготовления к нападению на СССР шли полным ходом. Я побывал тогда у начальника штаба группы армий „Ц“, которой командовал генерал-фельдмаршал Риттер фон Лееб. При этом по чистой случайности в поле моего зрения попала огромная карта с нанесенным на нее планом развертывания немецких войск в районе советской границы и нападения их на Советский Союз. Там были указаны дислокация немецких частей и цели наступления каждой».

Не менее весомыми являются признания, сделанные на этот счет генералом Пикенброком: «Я должен сказать, что уже с августа — сентября 1940 года со стороны отдела иностранных армий генерального штаба стал заметно нарастать поток разведывательных заданий абверу по Советскому Союзу... Задания эти, безусловно, были связаны с подготовкой войны против России»¹⁷³. Управление разведки и контрразведки вермахта, утверждал Пикенброк, «уже с 6 сентября 1940 года изо всех сил готовило во всех областях шпионажа и подрывной деятельности нападение на СССР»¹⁷⁴.

Доказательства активного участия абвера в планировании и подготовке вооруженной агрессии против Советского Союза приводились и в показаниях генерала Франца фон Бентивеньи, данных им на Нюрнбергском процессе. Согласно свидетельствам Бентивеньи, в августе 1940 года Канарис строго конфиденциально предупредил его о том, что Гитлер вплотную приступил к осуществлению плана похода на Восток, что соединения германских войск постепенно втайне перебрасываются с запада к восточным границам и размещаются на исходных позициях предстоящего вторжения в Россию. Информировав об этом, начальник абвера предложил немедленно приступить к созданию предпосылок для широкого развертывания разведывательной работы на территории СССР, обратив особое внимание на важность сбора информации, позволяющей прогнозировать возможные темпы количественного и качественного наращивания сил Красной Армии, а также реальные сроки осуществления переориентации и практического перевода советской промышленности на решение военных задач.

Генерал Пикенброк показал на том же процессе в Нюрнберге, что в конце декабря 1940 года он вместе с адмиралом Канарисом был на очередном докладе у фельдмаршала Кейтеля в Брехсгадене. По окончании доклада начальник штаба оперативного руководства верховного главнокомандования вермахта генерал-полковник Йодль пригласил их в свой кабинет и объявил, что летом 1941 года Германия начнет войну с Россией. Несколько дней спустя Канарис предупредил Пикенброка, что нападение на СССР назначено на 15 мая. В январе 1941 года Канарис на совещании начальников отделов абвера уточнил дату выступления немецких войск¹⁷⁵.

¹⁷³ ЦГАОР СССР, ф. 3853/7445, оп. 1, д. 1664, л. 7.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Изменения в сроках вторжения произошли под влиянием того, что партнеру Гитлера по агрессии Муссолини никак не удавалось овладеть Грецией, где итальянские войска натолкнулись на серьезное сопротивление. Фюрер решил оказать ему помощь и отвлек для этого часть своих войск, предназначавшихся поначалу для нападения на СССР. Другую часть сил Гитлер бросил для захвата Югославии. В приказе, отданном Кейтелем 3 апреля 1941 года, указывалось, что «время начала операции „Барбаросса“ вследствие участия в операции на Балканах отодвигается по меньшей мере на четыре недели».

В архивах, где хранятся трофейные материалы гитлеровской Германии, обнаружены отчеты начальника отдела абвер II генерала Лахузена, адресованные лично Канарису, из которых следует, что этот отдел, как и другие подразделения абвера, был неразрывно связан с подготовкой фашистской агрессии против нашей страны.

СЛУЖБЫ «ТОТАЛЬНОГО ШПИОНАЖА» В ПЛАНЕ «БАРБАРОССА»

После того как была выработана единая точка зрения по всем основным вопросам ведения войны против СССР и приняты важнейшие решения на этот счет, 18 декабря 1940 года Гитлер подписал знаменитую директиву № 21 о нападении на Советский Союз (план «Барбаросса»). Приготовления к агрессии приказано было закончить к 15 мая 1941 года. Директива являлась настолько секретной, что была отпечатана всего в девяти экземплярах. В тайные стратегические планы войны была посвящена лишь сравнительно небольшая группа генералов и офицеров верховного командования и руководители органов разведки. В директиве содержалось предписание германским вооруженным силам быть готовыми «еще до окончания войны с Англией быстрым ударом разгромить Россию». Гитлер был твердо убежден, что сможет сокрушить Советский Союз в результате одной быстротечной операции¹⁷⁶.

Цель кампании формулировалась так: «На севере быстрый выход к Москве — захват столицы в политическом и экономическом отношении имеет решающее значение». «Овладение этим городом, — подчеркивалось в плане „Барбаросса“, — означает как с политической, так и с экономической точки зрения решающий успех, не говоря уже о том, что русские в этом случае лишатся важнейшего железнодорожного узла». Гитлеровцы рассчитывали, что с падением Москвы им удастся парализовать функционирование аппарата государственной власти, лишить его возможности восстановления разгромленных вооруженных сил и, таким образом, судьба кровопролитной схватки будет решена — Советский Союз капитулирует перед Германией, и война быстро закончится.

Альфред Розенберг, главный идеолог нацистской партии и вновь назначенный «рейхсминистр по делам оккупированных восточных территорий», так писал по поводу финала войны: «Мы развернули „крестовый поход“ против большевизма не ради того, чтобы навеки избавить от него русских, а для того, чтобы обеспечить себе возможность беспрепятственно вершить германскую мировую политику и гарантировать опасность рейха... Поэтому война с целью создания неделимой России исключается». Задача Германии, утверждал глава нацистского карательного аппарата рейхсфюрер СС Гиммлер, «не только раздел России на малые государства, но и распространение немецкой сферы влияния далеко за Урал».

Вслед за директивой № 21 и во исполнение ее были изданы подробнейшие наставления службам «тотального шпионажа», которым вменялось в обязанность прежде всего максимально расширить масштабы сбора разведывательных данных об СССР. Главный их интерес сосредоточивался вокруг выяснения производственных мощностей оборонной промышленности для развертывания военного производства и разработки новых, совершенных образцов боевой техники и сроков принятия их на вооружение. Перед ними также ставилась задача к моменту нападения на Советский Союз обеспечить насаждение на советской территории по пути предстоящего продвижения немецких войск «опорных пунктов» путем заброски в страну своей агентуры.

Зимой и весной 1941 года подготовка к вторжению достигла кульминационной точки. В нее к этому времени были вовлечены все основные звенья военного и разведывательного ведомств фашистской Германии. У Браухича и Гальдера непрерывно проводились

¹⁷⁶ «Нужно признать, — пишет западногерманский историк Г. —А. Якобсон. — что в этом мнении он был не одинок. В то время подобное убеждение разделяли в высших военных кругах не только в Германии, но также в США и Англии» // Jacobson Н. Л. 1935— 1945. Der zweite Weltkrieg in Chronik und Documenten. Dannstadt, 1959. S. 471.

совещания. Сюда то и дело приглашались главнокомандующие групп армий, начальники их штабов, руководители абвера. Один за другим навещались представители финской, румынской и венгерской армий. В штабах согласовывались и уточнялись планы проведения военных операций. 20 февраля 1941 года в генеральном штабе сухопутных войск состоялось обсуждение оперативных планов групп армий, которые были признаны вполне приемлемыми. Генерал Гальдер записал в этот день в своем служебном дневнике: «Наше совместное обсуждение увенчалось самыми лучшими результатами».

В штабах групп армий в феврале — марте 1941 года состоялись многочисленные учения и военные маневры, на которых поэтапно проигрывались возможные варианты действий войск и порядок организации их снабжения. Большая военная игра с участием начальника генерального штаба сухопутных войск генерала Гальдера, командующих и начальников штабов армий была проведена в штабе группы армий «А» («Юг») в Сен-Жермене близ Парижа; отдельно проигрывались действия танковой группы Гудериана. После доработки планы групп армий и отдельных армий были доложены 17 марта 1941 года Гитлеру. «Нападение на Россию», — заявил фюрер, рассматривая эти планы, — начнется сразу же, как только закончатся наши сосредоточение и развертывание. Это займет примерно неделю... Это будет массированное наступление высочайшего класса. Пожалуй, самое мощное из всех, какие когда-либо знала история. Случай с Наполеоном не повторится...»¹⁷⁷

Осуществляя неослабный контроль за ходом планирования наступательных операций армейских групп и армий, генеральный штаб постоянно требовал от абвера предоставления сведений о количественных и качественных показателях, характеризующих Вооруженные Силы СССР, о состоянии советской экономики, транспортной системы, капиталовложениях в оборонные отрасли, составе и оснащенности военной техникой группировки Красной Армии на западных границах, характере укреплений в приграничных округах. Отдел аэрофоторазведки штаба ВВС планомерно производил съемку пограничных районов СССР. Однако несмотря на усилия, предпринятые адмиралом Канарисом и начальником отдела Иностранной армии Востока полковником Кинцелем по активизации немецкой разведывательной сети за границей, им не удалось обеспечить поступление точной и достоверной информации в том объеме, который устраивал бы генеральный штаб. В дневнике генерала Гальдера часто встречаются заметки, указывающие на отсутствие ясности в общей картине дислокации группировок советских войск, на недостаток достоверной информации об укреплениях и т. д. Генерал Блюментритт, близко стоявший тогда к верховному командованию вермахта, сетовал на то, что при подготовке к войне было очень трудно составить сколько-нибудь точное представление о Советской России и ее вооруженных силах.

УСТАНОВКА — ОБЕСПЕЧИТЬ ВНЕЗАПНОСТЬ НАПАДЕНИЯ

Как и при разработке печально знаменитого плана «Барбаросса», так и при его реализации немецкий генеральный штаб и службы «тотального шпионажа» неотступно следовали «основополагающей концепции» Гитлера. Суть этой концепции фюрер выразил перед вторжением на территорию СССР в таких словах: «Один-единственный удар должен уничтожить врага. Воздушные налеты, неслыханные по своей массированности, диверсии, террор, акты саботажа, покушения, убийства руководящих лиц, сокрушительные нападения на все слабые пункты вражеской обороны внезапно в одну и ту же секунду... Я не остановлюсь ни перед чем. Никакое так называемое международное право не удержит меня от того, чтобы использовать предоставляющееся мне преимущество»¹⁷⁸.

¹⁷⁷ См.: За рубежом. 1989. № 26. С. 17.

¹⁷⁸ Цит. по: Гус М. С. Безумие свастики. М., 1973. С. 216.

Таким образом, основная установка нацистской верхушки при подготовке войны против СССР заключала в себе непреложное требование, чтобы удар был нанесен в условиях стратегической внезапности, которая поставила бы советские войска в критическое положение.

Предполагалось в сравнительно короткий срок подтянуть с запада и сосредоточить вдоль всей границы СССР почти пятимиллионную армию с огромным количеством танков, орудий, автомашин и другой новейшей военной техники. Генеральный штаб в соответствии с директивой Гитлера еще 6 июля 1940 года приступил к интенсивной переброске войск и техники с запада на восток¹⁷⁹.

Ставшая известной впоследствии статистика показывала, что если на 21 июля 1940 года в Польше и Восточной Пруссии находилось 15 дивизий, то к 7 октября их насчитывалось уже 30, а через неделю, то есть 15 октября, генерал Гальдер записал в своем служебном дневнике: «Теперь у нас на русской границе 40, а скоро будет 100 дивизий». С января 1941 года масштабы переброски резко возросли, а в марте—апреле эшелоны с немецкими войсками и техникой шли к советским границам непрерывным потоком. С мая командование вермахта стало отправлять к восточным границам по военному графику до 100 эшелонов в сутки. Только из Франции в Польшу надо было передислоцировать несколько армий численностью около 500 тысяч человек. К середине июня развертывание немецкой армии вторжения было практически закончено. Фашистская Германия, длительное время готовившаяся к нанесению удара по Советскому Союзу, к этому моменту сосредоточила у западных границ огромнейшие вооруженные силы, занявшие исходные позиции для броска. В общей сложности в их составе было 190 полностью укомплектованных дивизий (вместе с сателлитами), 3500 танков, 4 тысячи самолетов, 50 тысяч орудий и минометов. На территории Польши развернулось строительство дорог и мостов, возводились склады, готовились запасы, улучшалась система связи, противовоздушной обороны.

Чтобы иметь возможность обрушиться на Советский Союз внезапно, важно было проделать все скрытно, в глубокой тайне и для этого, как и планировалось, прибегнуть к применению целого набора приемов и методов маскировки, присущих агрессору. В планы нападения на СССР, тщательно оберегавшиеся нацистской контрразведкой, был посвящен строго ограниченный круг лиц. Специальной директивой Гитлер обязал главный штаб вермахта и руководителей секретных служб, прежде всего абвер и СД, обеспечить прикрытие немецкого продвижения на восток и, насколько возможно, сделать его незаметным. Во исполнение этой директивы штаб оперативного руководства еще в начале сентября 1940 года издал документ следующего содержания, адресованный руководству абвера:

«Верховное главнокомандова Ставка фюрера ние 6. 9. 1940

Штаб оперативного руководства 7 экз.

Отдел обороны страны экз. № 4

№ 33264/40 Совершенно секретно

Только для командования

Содержание: материалы для разведывательной службы. Согласно документу III отдела управления военной разведки за № 398/40 от 26. 8. 1940 оперативному отделу генерального штаба сухопутных войск № 150231/40 от 2. 9. 1940. Управление военной разведки и контрразведки.

В ближайшие недели концентрация войск на востоке значительно увеличится. К концу октября необходимо добиться положения, указанного на прилагаемой карте. Перегруппировки у (границ) России ни в коем случае не должны создавать впечатление, что мы подготавливаем наступление на восток. В то же время Россия должна понять, что в генерал-губернаторстве, в восточных провинциях и в протекторате находятся сильные и боеспособные немецкие войска,

¹⁷⁹ Этому предшествовало обсуждение Браухичем и Гальдером 16 июня 1940 года вопроса о переброске на восток 15 дивизий.

и сделать из этого вывод, что мы готовы в любой момент достаточно мощными силами защитить наши интересы на Балканах на случай русского вмешательства.

В работе собственной разведки, как и в возможных ответах на запросы русских, следует руководствоваться следующими основными принципиальными положениями.

1. Маскировать, по возможности, общую численность немецких войск на востоке распространением слухов и известий о якобы интенсивной замене войсковых соединений, происходящей в этом районе. Передвижения войск обосновывать их переводом в учебные лагеря, переформированием и т. п.

2. Создавать впечатление, будто основное направление в наших перемещениях приходится на южные районы генерал-губернаторства, на протекторат и Австрию и что концентрация войск на севере сравнительно невелика.

3. Завышать уровень и оценку состояния вооружения соединений, особенно танковых дивизий.

4. Распространять соответствующим образом подобранные сведения для создания впечатления, что после окончания западного похода противовоздушная оборона в восточном направлении стала значительно эффективнее и что зенитная защита всех важных объектов укрепляется за счет трофейной французской техники.

5. Работы по улучшению сети шоссейных и железных дорог и аэродромов объяснять необходимостью развития вновь завоеванных восточных областей, ссылаясь при этом на то, что они ведутся нормальными темпами и преследуют главным образом экономические цели.

В какой мере отдельные подлинные данные, например о нумерации полков, численности гарнизонов и т. п., могут быть переданы абверу для использования их в контрразведывательных целях, решает главное командование сухопутных войск.

За начальника штаба верховного Главнокомандующего Йодль».

В директиве Гитлера, датированной 31 января 1941 года, подчеркивалось, что выдвижение сосредоточенных войск к границе должно произойти в последний момент и явиться неожиданным для противника. Как и во всех предыдущих военных операциях нацистской Германии, это делалось с целью застать жертву агрессии врасплох, лишить ее возможности подготовиться к отражению нападения.

Направлял и координировал действия различных ведомств рейха по обеспечению секретности и оперативно-стратегической маскировки подготавливаемой вооруженной агрессии многоопытный адмирал Кана-рис, знавший все ходы и выходы, все пружины и рычаги нацистского правительственного аппарата¹⁸⁰. Именно руководителю управления разведки и контрразведки вермахта, превращенного в главный центр дезинформации, было поручено всесторонне продумать и решить вопрос о механизме распространения ложных сведений о силах и средствах, которые должны быть задействованы для того чтобы скрыть масштабы переброски войск к рубежам СССР, ввести в заблуждение общественное мнение как внутри Германии, так и за ее пределами и таким образом отвлечь внимание от преступных намерений нацистской верхушки.

Как установил затем Международный военный трибунал, обеспечение внезапности вооруженного нападения на Советский Союз нацистская верхушка рассматривала в качестве неперемного условия быстрого разгрома Красной Армии непосредственно на западных границах. Естественно, это направление деятельности абвера стало одним из важнейших накануне развязывания войны.

Группа профессионалов управления разведки и контрразведки вермахта в соответствии

¹⁸⁰ Канарису приходилось заниматься этим и раньше. Известно, например, что за месяц до аннексии Австрии он по поручению Гитлера лично руководил мероприятиями по дезинформации, направленными на то, чтобы замаскировать агрессивные приготовления Германии.

с приказом верховного главнокомандования от 26 августа 1940 года¹⁸¹, возложившим на абвер задачу «тщательной маскировки сосредоточения и развертывания немецких войск на германо-советской границе», опираясь на уже накопленный опыт, предложила комплекс практических мер по дезинформации. Поскольку эти меры затрагивали многие стороны жизни рейха, они были рассмотрены и утверждены самим Гитлером.

Прежде всего, было признано необходимым поддерживать видимость добрососедских отношений между Германией и Советским Союзом. Все проводившиеся в то время политические акции по сколачиванию антисоветского военного блока должны были держаться в строжайшей секретности. В решении, принятом на совещании у Гитлера 3 февраля 1941 года, прямо говорилось о том, что соглашения с соседними государствами, принимающими участие в операции, не могут быть заключены до тех пор, пока существует какая-либо необходимость в маскировке. Представителям Германии в переговорах с союзниками по агрессии запрещалось касаться деталей плана «Барбаросса». К проведению предварительных мероприятий по осуществлению данного плана привлекался ограниченный круг лиц. Одновременно была усилена охрана границ с СССР. Из немецкой пограничной полосы были выселены все жители, подозревавшиеся в симпатиях к Советской стране. Широко развертывалась контрразведывательная работа в местах сосредоточения немецких войск. В самой Германии и в оккупированных ею странах под контроль органов контрразведки были взяты все, кто потенциально своими действиями мог угрожать секретности военных приготовлений. Специальным правительственным распоряжением от 2 апреля 1940 года категорически воспрещались все виды связи со странами, объявленными враждебными фашистской Германии. Ограничивалось передвижение между рейхом и захваченной немецкими войсками территорией. На постоянный или временный выезд с этих территорий в Германию и обратно требовалось специальное разрешение. Был издан ряд предписаний, направленных на ужесточение паспортного режима, условий пребывания иностранцев в Германии и т. д.

Согласованное и методичное претворение этих мер в жизнь призвано было сбить с толку людей и, таким образом, пустить по ложному следу советскую разведку, затруднить возможность «разгадать намерение немцев совершить нападение». Любопытные обобщающие свидетельства на этот счет приведены в мемуарах В. Шелленберга. «Час большого генерального наступления, — писал он. — ошутимо становился все ближе. Много усилий потребовала маскировка нашего выступления против России. Предстояло обезопасить от шпионов особо уязвимые места — сортировочные станции и переходы через границу. Кроме того, необходимо было перекрыть информационные каналы противника; мы пользовались ими только для того, чтобы передавать дезинформирующие сведения, например, о переброске войск и грузов на запад для подготовки возобновляемой операции „Морской лев“. Насколько Советы верили в эту дезинформацию, можно судить по тому, что еще 21 июня русские пехотные батальоны, стоявшие в брест-литовской цитадели, занимались строевой подготовкой под музыку»¹⁸².

15 февраля 1941 года Гитлер издает новую строго секретную «Директиву по дезинформации», обязывавшую главный штаб германских вооруженных сил и абвер предпринять дополнительные меры по усилению маскировки приготовлений к операции «Барбаросса» во избежание раскрытия их советской разведкой.

Обосновывая в этой директиве значение кампании по дезинформации для нанесения внезапного удара мощными стратегическими резервами, Гитлер указывал, что она будет проходить две тесно связанные между собой стадии.

¹⁸¹ В развитие этого приказа Канарис издал специальную директиву, согласно которой главная роль в его выполнении отводилась абверу III, шеф которого фон Бенгивеньи 21 марта 1941 года докладывал штабу оперативного руководства вермахта об особых мерах, предпринятых возглавляемым им отделом по маскировке передвижений немецких войск в сторону Советского Союза.

¹⁸² Schellenberg W. The Labyrinth. Memoirs. P. 197—198.

На первой стадии (ориентировочно с 15 февраля до 16 апреля 1941 года) главным содержанием кампании должен был стать комплекс дезинформационных мер, направленных на то, чтобы убедить советскую разведку в том, что перегруппировка немецких сил не связана со средоточением их в восточной части страны, а представляет собой обычный планомерный «обмен» войсками. Все должно было выглядеть таким образом, будто некоторые соединения отводятся на восток для отдыха и учебы, а свежие войска, дислоцированные там, подтягиваются с орудиями и снаряжением на запад в связи с предстоящей операцией «Марита» (вторжение в Югославию)¹⁸³. Для решения задач этого этапа главному штабу вермахта поручалось, в частности, определить, на протяжении какого времени предполагаемые перевозки воинских частей по железной дороге можно выдавать как нормальный обмен войсками в данном районе.

На второй стадии (с апреля 1941 года до момента вторжения немецких войск на территорию СССР) стратегическое развертывание вооруженных сил должно было изображаться как дезинформационный маневр, предпринимаемый якобы с той целью, чтобы усыпить бдительность англичан, отвлечь их внимание от ведущихся приготовлений перед вторжением на Британские острова. На этой стадии абверу предстояло решить вопрос, каким образом и пользуясь какими каналами следует продвинуть в советскую разведку ложную информацию о том, будто военно-морской флот и авиация Германии, в последнее время воздерживавшиеся от участия в боевых действиях, накапливают силы перед крупномасштабным решительным броском на Англию. Для этого, как свидетельствовал бывший заместитель начальника абвера II полковник Штольце, «был намечен перевод значительной части германского военно-морского флота в порты на французском и немецком побережье Северного моря, а также концентрация авиационных соединений на французских аэродромах»¹⁸⁴. Непосредственно перед нападением на Советский Союз предполагалось начать движение немецких судов в сторону Англии, чтобы создать видимость начала операции по высадке на Британские острова. Все это, вместе взятое, должно было подтверждать главный тезис, будто в 1941 году основной целью немецко-фашистского командования являлся разгром Англии. На введение в заблуждение советской разведки были рассчитаны и такие акции, как приспособление школ, театров, учреждений на северо-западном и северном побережье Франции для размещения войск и госпиталей, создание морских баз в портах Палис и Бордо, выселение жителей городов северного побережья Франции.

Одновременно «Директива по дезинформации» предписывала: «Несмотря на значительное снижение активности в осуществлении операции „Морской лев“, необходимо делать все возможное для того, чтобы в собственных войсках крепло убеждение, что приготовления к высадке десанта в Англию продолжают, хотя предназначенные для этого войска отводятся до какого-то момента в тыл». Важно также, подчеркивалось в директиве, как можно дольше держать в заблуждении относительно фактических намерений даже те войска, которые отобраны для участия в военных действиях непосредственно на Восточном фронте.

В начале мая 1941 года в Крампнице, около Потсдама, под председательством заместителя начальника штаба оперативного руководства вермахта генерала Варлимонта состоялось специальное совещание, рассмотревшее вопрос о том, в какой мере

¹⁸³ Очевидно, этим и объясняется тот факт, что перед представительством абвера в Тильзите была поставлена тогда задача организацией фиктивного перемещения немецких войск замаскировать подготовку военной кампании на востоке. Как рассказали об этом через много лет архивные документы, один из агентов представительства, действовавший на советской границе в районе Литвы, имел задание изыскать через свое окружение возможность довести до штаба Прибалтийского военного округа информацию о том, будто в ближайшие дни крупные немецкие военные контингенты вновь переводятся из Восточной Пруссии в Бельгию и Францию.

¹⁸⁴ ЦГАОР СССР, ф. 21, оп. I, д. 1666, л. 50-51.

обеспечивается маскировка готовящегося нападения на СССР и что следует предпринять для усиления ее эффективности на заключительном этапе подготавливаемой агрессии. В этом представительном по своему составу совещании приняли участие ответственные сотрудники штаба оперативного руководства, начальник отдела вермахта полковник Рудольф, руководящие деятели абвера Лахузен и Штольце, крупные чины из командования видов вооруженных сил.

В программе дезинформационных мер, рассчитанных на создание нужной общей картины, особое место занимала акция, с помощью которой Гитлеру удалось ввести в заблуждение высшее советское руководство. Как стало известно, в начале 1941 года, когда, несмотря на принятые меры предосторожности, поток исходивших из разных источников сигналов о сосредоточении крупных соединений немецких войск в Польше возрос особенно сильно, обеспокоенный этим И. В. Сталин обратился с личным посланием к Гитлеру, в котором писал, что создается впечатление, что Германия собирается воевать против Советского Союза. В ответ Гитлер прислал И. В. Сталину письмо, тоже личного характера и, как он подчеркнул в тексте, «доверительное». Гитлер не отрицал, что в Польше действительно сконцентрированы крупные войсковые соединения. Но при этом утверждал, будучи уверен, что это его откровение не пойдет дальше Сталина, что сосредоточение немецких войск на польской территории преследует иные цели и ни в коем случае не направлено против Советской страны. И вообще, он намерен строго соблюдать заключенный пакт о ненападении, в чем ручается своей честью главы государства. В «доверительном» письме Сталину Гитлер нашел аргумент, которому, как говорил впоследствии маршал Г. К. Жуков, Сталин, по-видимому, поверил: фюрер писал, что территория Западной и Центральной Германии «подвергается мощным английским бомбардировкам и хорошо просматривается с воздуха. Поэтому он был вынужден отвести крупные контингенты войск на Восток...»¹⁸⁵. И сделал это будто с той целью, чтобы иметь возможность скрытно перевооружить и переформировать их там, в Польше, перед решительным броском на Англию.

Словом, делалось все для того, чтобы укрепить советское руководство во мнении, что сосредоточение крупных немецких войск на германо-советской границе — всего лишь отвлекающий маневр в связи с мероприятиями по плану «Морской лев» и что до разгрома Англии, по крайней мере до середины 1942 года, Гитлер не будет в состоянии повернуть войска на восток. И, как мы знаем теперь, это нацистам вполне удалось и дорого обошлось нашей армии и народу. В результате нанесения спланированного Гитлером удара огромной силы, оказавшегося совершенно неожиданным для советского руководства, в первый— же день войны было уничтожено только самолетов 1200, причем подавляющее большинство на аэродромах. Этот удар не мог не вызвать определенный нервный шок в наших войсках.

Итак, хотя общий смысл кампании сводился к тому, чтобы дезориентировать общественное мнение и за создаваемой «дымовой завесой» утаить приготовления к вооруженному нападению, основные маскировочные действия развивались в двух направлениях.

Первое преследовало цель внушить народу и армии собственной страны, что Германия и в самом деле серьезно готовится к высадке десанта на побережье Британских островов и вообще намерена начать против Англии «большую войну». (Правда, Гитлер еще в июле 1940 года и позже в кругу своих приближенных неоднократно высказывал мысль, что десантная операция является весьма рискованным предприятием и что прибегнуть к ней можно лишь в случае, если бы не нашлось никаких иных путей для сокрушения Англии.) Причем, хотя практически Гитлер давно отказался от этой идеи, она в качестве средства дезинформации продолжала использоваться довольно широко. И, как потом стало известно, безуспешно: в реальность планов высадки десанта верили и в самой Германии, и за ее пределами.

Второе направление, как будет видно из дальнейшего изложения, заключало в себе

¹⁸⁵ Волкогонов Д. Накануне войны // Правда. 1988. 20 июня.

целый комплекс мероприятий, связанных с распространением ложных сведений о якобы исходящей от Советского Союза угрозе безопасности рейха.

И СНОВА ПРИЕМ С «ПРЕВЕНТИВНОЙ ВОЙНОЙ»

История убеждает, что каждое правительство-агрессор стремится во что бы то ни стало дезинформировать мировую общественность, создать видимость, что к непосредственным военным действиям его принуждают обстоятельства — интересы самообороны. Пожалуй, трудно отыскать случай, когда какое-либо государство прямо, откровенно призналось бы в том, что оно решилось на неспровоцированную агрессию, на развязывание войны ради завоевания чужих территорий. Особенностью гитлеровской военной стратегии являлось прежде всего то, что вооруженное нападение на другие страны осуществлялось без объявления войны, но при активном использовании устраиваемых разведкой провокаций, затеваемых с единственной целью — получить повод для агрессии. Ведь утверждало же гитлеровское правительство, будто конфликт с Польшей был спровоцирован ею, и причиной войны нацисты объявили смехотворное стремление «не допустить окружения Германии». Наряду с описанной нами акцией в Гливице нацисты тогда же готовили и другую аналогичную провокацию. Как выяснилось в ходе следствия по делу задержанного в Варшаве агента-террориста, засланного СД, в Польшу во второй половине августа 1939 года проникло из Германии несколько лазутчиков с заданием совершать убийства крестьян из состава немецкого национального меньшинства, чтобы Берлин смог возложить ответственность за это на поляков.

Для оправдания захвата немецко-фашистскими войсками в апреле 1940 года Дании и Норвегии в ход была пущена самая неуклюжая, какую можно только придумать, версия: эту откровенную агрессию пытались представить как «меру защиты» названных стран от вторжения англичан. При этом абверу и СД, в основу действий которых был положен все тот же патентованный метод немецкого нападения, было предложено ни в коем случае не давать основание к тому, чтобы можно было заключить, что Германия стремится создать здесь опорные пункты для своих будущих военных операций.

«Мы и впредь будем говорить всему миру, — заявлял Гитлер, — что были вынуждены захватить определенный район для обеспечения порядка и безопасности». И в последующие годы свою агрессивную политику нацистские главари обосновывали подобным же образом. Точно так было и при нападении фашистской Германии на Советский Союз. Действуя в соответствии с одобренной Гитлером программой дезинформации, Канарис развертывает целенаправленную кампанию по распространению ложных слухов о якобы все возрастающей угрозе безопасности рейха со стороны Советского Союза, вооруженные силы которого «готовы вот-вот нанести превентивный удар по Германии». Будто бы «именно военные приготовления СССР поставили Гитлера перед необходимостью принять меры к укреплению обороны на Востоке, вынудили его прибегнуть к „радикальному ответу на нависшую опасность“¹⁸⁶.

Поскольку кампания по дезинформации приобретала исключительно важное значение, все, что было связано с ней, находилось постоянно в центре внимания самого Гитлера и верховного главнокомандования вермахта. Для распространения нужных слухов широко использовались средства массовой информации, дипломатическая переписка, а также

¹⁸⁶ Лживые утверждения о «превентивном» характере войны с СССР, об угрожавшей якобы опасности Германии развенчиваются уже тем неоспоримым фактом, что оборонительные мероприятия планом «Барбаросса» вообще не предусматривались. Сформулированная в нем цель, которую третий рейх преследовал в войне с Советским Союзом, уже сама по себе характеризовала этот план как подготовку чистойшей вооруженной агрессии и экономического покорения СССР. «Итак, главная задача — разрезать этот громадный пирог на удобные куски, чтобы мы могли, во-первых, удержать его в своей власти, во-вторых, управлять им и, в-третьих, эксплуатировать его» — такую запись сделал 16 июля 1941 года тогдашний личный секретарь Гитлера М. Борман в протоколе совещания в узком кругу.

агентурная сеть нацистской разведки за рубежом. Дезинформацией, сработанной в недрах абвера, снабжались немецкие военные миссии в нейтральных странах и военные атташе этих стран в Берлине. Штаб оперативного руководства вермахта специально дал поручение абверу ввести в заблуждение советского военного атташе в Берлине, с тем чтобы отвлечь его внимание от передвижений германских войск близ границы Советского Союза.

Действия нацистских служб «тотального шпионажа» сводились к тому, чтобы «подкрепить» конкретными фактами и сделать всеобщим достоянием версию о превентивном характере нападения на СССР, содействуя тем самым решению поставленной Гитлером главной задачи: переложить ответственность за возникновение кровопролитного конфликта на Советское правительство. Например, в очень популярном в то время в Германии «недельном обозрении» (еженедельные выпуски кинохроники. — Ф. С.) сотрудники отдела пропаганды вермахта неизменно демонстрировали кадры, показывающие советские войска и оснащение Красной Армии. Нацисты не делали тайны из того, что эта мера была рассчитана на создание впечатления, «как велика опасность, идущая с Востока». Заявляя о том, что будто бы «сегодня на нашей границе стоят 150 русских дивизий» и что «Москва развертыванием своих сил нарушила положение договора о дружбе, совершив „подлое предательство“¹⁸⁷, нацисты в подтверждение инсценировали высказывания «советских офицеров» о якобы предпринимаемой подготовке «запланированного советского наступления».

Подводя некоторые итоги широко развернувшейся накануне и в ходе вторжения кампании по дезинформации, в которой наряду с абвером активное участие принимало также главное имперское управление безопасности, шеф последнего Гейдрих докладывал 7 июля 1941 года: «Согласно сообщениям, повсеместно с успехом распространяется мысль о том, что от Советского Союза исходила некая „угроза“ для рейха и что фюрер снова нанес удар в нужный момент».

Теперь доподлинно известно, что интенсивно проводившаяся дезориентация в сочетании со скрытностью переброски и сосредоточения войск позволили германскому командованию добиться ощутимых результатов в обеспечении внезапности вторжения на территорию СССР и тем гарантировать себе очевидные преимущества в начальный период войны.¹⁸⁸

Суммируя изложенное выше, можно сделать вывод, что не слишком считавшиеся с международно-правовыми нормами и даже демонстрировавшие полное пренебрежение к ним высшие руководители нацистского режима, прибегая с помощью абвера и СД к различным приемам маскировки своих экспансионистских замыслов, делали все для того,

¹⁸⁷ В таком же духе было выдержано содержание меморандума, врученного в Кремле германским послом в Москве графом Шуленбургом 22 июня 1941 года. «Имперское правительство... — говорилось в этом документе, — заявляет, что Советское правительство в нарушение взятых на себя обязательств... осуществило концентрацию и развертывание на границе с Германией своих вооруженных сил, готовых к нападению. Тем самым Советское правительство нарушило договоры с Германией и демонстрирует намерение нанести удар в спину Германии, ведущей борьбу за существование... В этой связи фюрер отдал германскому вермахту приказ воспрепятствовать этой угрозе всеми имеющимися в его распоряжении силами и средствами» // См.: За рубежом. 1989. № 26. С. 17.

¹⁸⁸ Как мы знаем теперь, случилось это из-за серьезных просчетов, допущенных советским руководством в оценке намерений правящей верхушки фашистской Германии в отношении СССР. Боязнь дать нацистам повод для войны (здесь и известное Заявление ТАСС от 16 июня 1941 года) фактически поставила Красную Армию и советский народ перед внезапностью нападения. К моменту вторжения агрессора советские войска не были приведены в состояние должной боевой готовности. Превращение страны в единый боевой лагерь приходилось вести в тяжелейших условиях, когда армия отступала по 20 и более километров в сутки. Эти и другие ошибки способствовали созданию противнику решающих преимуществ долговременного действия. «Внезапный переход в наступление в таких масштабах притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, т. е. характер самого удара, во всем объеме нами не был предусмотрен», — сал Г. К. Жуков.

чтобы переложить ответственность за развязывание войны на других¹⁸⁹. Объяснение этому следует, очевидно, искать прежде всего в том, что хотя война в то время и считалась законным средством осуществления политики, однако в мировом общественном сознании оправданной признавалась лишь оборонительная война. Агрессивная же война была поставлена международным правом вне закона.

Второе, не менее существенное обстоятельство, отмечаемое западными авторами до сих пор, заключается в том, что руководители третьего рейха сознавали опасность того, что признание агрессивной сущности собственных устремлений отрицательно скажется на моральном духе солдат вермахта и союзников. Разве можно было раскрыть перед миром, собственным народом, что речь идет о физическом истреблении миллионов людей, захвате чужих земель и богатств. В день внезапного нападения на нашу страну Гитлер как фюрер и верховный главнокомандующий вермахтом в приказе-обращении «К солдатам Восточного фронта», вступавшим в войну против Советского Союза, внушал, что СССР проводил агрессивную политику и теперь Германия вынуждена принять ответные акции. «Главное состоит в том, — заявил Гитлер 16 июля 1941 года своим сообщникам, — чтобы не говорить всему миру о наших целях. Это не нужно. Важно, чтобы мы сами знали, чего хотим».

КАК СЛУЧИЛОСЬ, ЧТО ОБМАН УДАЛСЯ?

Теперь уже достоверно известно, что задачу, которую политическое руководство рейха ставило перед нацистской разведкой — скрыть от внешнего мира приготовления фашистской Германии к нападению на Советский Союз, — ей решить не удалось.

Советские органы государственной безопасности, пограничные войска, военная разведка не только правильно оценивали военно-стратегические замыслы гитлеризма, но и в нужное время оказались в курсе сосредоточения немецко-фашистских войск на западной границе, довольно точно определяли предполагаемые

сроки начала военных действий. С лета 1940 года они регулярно представляли ЦК ВКП(б) и Советскому правительству информацию о ходе военных приготовлений фашистской Германии против СССР. Достаточно сослаться хотя бы на твердо установленные факты и подлинные документы, хранящиеся в архивах ЦК КПСС, Комитета государственной безопасности и Министерства обороны СССР.

Рассмотрим их хронологически. Еще в середине 1940 года достоянием советской внешнеполитической разведки стали данные о том, что министерство путей сообщения Германии по заданию генерального штаба вермахта занималось расчетами пропускной способности и выяснением других возможностей железных дорог в связи с предстоящей переброской войск с Западного на готовившийся Восточный театр военных действий.

9 августа 1940 года стало известно о том, что «на побережье Балтийского моря от Штеттина и Свиномюнде до Мемеля строятся подземные сооружения и артиллерийские укрепления. Укрепления возводятся в лесах и хорошо маскируются. В порту Свиномюнде построены новые причалы, оборудованные по последнему слову техники, подъездные пути и причалы скрыты под водой в бетонированных каналах. В Мемельском канале строятся причалы для кораблей с большой осадкой. По ночам в Мемеле проводится стягивание германских войск к литовской границе. Немецкие офицеры и солдаты и проживающие в Мемеле немцы изучают русский язык и практикуются в русской разговорной речи...»¹⁹⁰.

В октябре 1940 года на основании материалов, полученных от агентов советской разведки «Старшины» и «Корсиканца» (немецких антифашистов, работавших в генеральном

¹⁸⁹ Напомним, что так было, в частности, в сентябре 1939 года, когда по заданию Гитлера СД и абвер инсценировали нападение германских подданных в польской униформе на радиостанцию в верхнесилезском промышленном городе Гливице.

¹⁹⁰ Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 201—202.

штабе ВВС и министерстве хозяйства Германии), инстанции были проинформированы о военных приготовлениях Германии. «... „Корсиканец“... — указывалось в этом сообщении, — в разговоре с офицером штаба верховного командования узнал, что в начале будущего года Германия начнет войну против Советского Союза... Целью войны является отторжение от Советского Союза части европейской территории СССР от Ленинграда до Черного моря и создание на этой территории государства, целиком зависимого от Германии... Офицер штаба верховного командования (отдел военных атташе), сын бывшего министра колоний... заявил нашему источнику... (бывший русский князь, связан с военными немецкими и русскими кругами), что, по сведениям, полученным им в штабе верховного командования, примерно через шесть месяцев Германия начнет войну против Советского Союза»¹⁹¹.

6 ноября органами государственной безопасности СССР была представлена обобщенная справка о военных приготовлениях Германии по состоянию на 15 октября 1940 года. В справке, в частности, говорилось, что против Советского Союза сосредоточено в общем итоге свыше 85 дивизий, то есть более одной трети сухопутных сил германской армии. Характерно, подчеркивалось в справке, что основная масса пехотных соединений (до 6 дивизий) и все танковые и моторизованные дивизии расположены в приграничной с СССР полосе в плотной группировке. Кроме того, 12—13 дивизий (в том числе две танковые) в Австрии, 5—6 пехотных дивизий в Чехии и Моравии и 6—8 пехотных дивизий в Норвегии.

25 декабря 1940 года военный атташе при советском посольстве в Берлине получил анонимное письмо о готовящемся нападении фашистской Германии на СССР с изложением плана военных действий. Как показали последующие события, план этот был близок к реальному.

Тогда же советская разведка сообщила правительству о существенных деталях «плана Барбаросса», предполагаемом развертывании немецких вооруженных сил у советских западных границ. В информации, одновременно направленной в Генеральный штаб СССР, говорилось: «Выступление Германии против Советского Союза решено окончательно и последует в скором времени. Оперативный план наступления предусматривает молниеносный удар по Украине и дальнейшее продвижение на восток...»

В феврале 1941 года советской разведке стало известно намерение Гитлера отложить вторжение на Британские острова до завершения военной кампании на востоке. Спустя несколько дней удалось получить сведения о конфиденциальной встрече румынского военно-фашистского диктатора Антонеску с видным немецким чиновником Берингом, во время которой обсуждались детали участия Румынии в антисоветской агрессии.

Тогда же, в феврале 1941 года, в ЦК ВКП(б) было направлено поступившее из Берлина от «Корсиканца» сообщение о том, что «военно-хозяйственный отдел статистического управления Германии получил от верховного командования распоряжение о составлении карт расположения промышленных предприятий СССР по районам»¹⁹². Карты должны были служить в качестве ориентировки при выборе объектов воздушной бомбардировки и диверсионных операций.

В начале марта 1941 года агент советской разведки в Берлине через чиновника комитета по четырехлетнему плану добыл информацию о том, что группе работников комитета дано задание срочно составить расчеты запасов сырья и продовольствия, которые Германия может получить в результате оккупации европейской части СССР. Тот же источник сообщил, что начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Гальдер рассчитывает на безусловный успех и молниеносную оккупацию немецкими войсками Советского Союза и прежде всего Украины, где, по оценке Гальдера, успеху операции будет способствовать хорошее состояние железных и шоссейных дорог. Гальдер считает легкой

¹⁹¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 202—203.

¹⁹² Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 205.

задачей также оккупацию Баку и его нефтяных промыслов, которые немцы якобы смогут быстро восстановить после разрушений от военных действий. По мнению Гальдера, Красная Армия не в состоянии будет оказать надлежащего сопротивления молниеносному наступлению немецких войск и русские не успеют даже уничтожить запасы. 6 марта об изложенных материалах были проинформированы ЦК ВКП(б), Совет Народных Комиссаров СССР и Наркомат обороны.

11 марта 1941 года до сведения инстанций были доведены данные, полученные нашей контрразведкой из английского посольства в Москве. Согласно этим данным, «6 марта английский посол Криппс собрал пресс-конференцию, на которой присутствовали английские и американские корреспонденты Чоллертон, Ловелл, Кассиди, Дюранти, Шапиро и Магидов. Предупредив присутствующих, что его информация носит конфиденциальный характер и не подлежит использованию для печати, Криппс сделал следующее заявление: «... советско-германские отношения определенно ухудшаются... Советско-германская война неизбежна. Многие надежные дипломатические источники из Берлина сообщают, что Германия планирует нападение на Советский Союз в этом году, вероятно летом. В германском генеральном штабе имеется группа, отстаивающая немедленное нападение на СССР. До сего времени Гитлер пытается избежать войны на два фронта, но если он убедится, что не сможет совершить успешного вторжения в Англию, то он нападет на СССР, так как в этом случае он будет иметь только один фронт...»

Отвечая на вопросы, Криппс заявил, что германский генеральный штаб убежден, что Германия в состоянии захватить Украину и Кавказ, вплоть до Баку, за две-три недели»¹⁹³.

22 марта 1941 года советская разведка доложила правительству о секретном распоряжении Гитлера приостановить выполнение заказов СССР.

24 марта 1941 года советскими органами государственной безопасности было получено из Берлина и представлено в ЦК ВКП(б) сообщение следующего содержания: «Работник министерства авиации Германии в беседе с нашим источником сообщил, что в германском генеральном штабе авиации ведется интенсивная работа на случай военных действий против СССР. Составляются планы бомбардировок важнейших объектов Советского Союза. Предполагается в первую очередь бомбардировать коммуникационные мосты с целью воспрепятствовать подвозу резервов. Разработан план бомбардировки Ленинграда, Выборга и Киева. В штаб авиации регулярно поступают фотоснимки советских городов и других объектов, в частности г. Киева...»

Среди офицеров штаба авиации существует мнение, что военное выступление против СССР якобы приурочено на конец апреля или начало мая. Эти сроки связывают с намерением немцев сохранить для себя урожай, рассчитывая, что советские войска при отступлении не смогут поджечь еще зеленый хлеб»¹⁹⁴.

К 25 марта 1941 года были собраны данные о переброске в район советской границы 120 немецких дивизий.

26 марта 1941 года советскими органами государственной безопасности была перехвачена шифротелеграмма турецкого посла в СССР Хайдара Актая министерству иностранных дел Турции, в которой сообщалось: «Судя по заслуживающему внимания донесению, которое шведский посланник в Берлине послал своему правительству и копию которого мне удалось получить... немцы считают, что акция против России стала настоящей необходимостью. Этим и объясняется значительное усиление германских войск, находящихся на русской границе. Окончательно установлено, что за последние 2—3 недели на русской границе производится значительная концентрация войск. Шведские инженеры, работающие в окрестностях Варшавы, лично констатировали, что к русской границе каждую ночь направляются в большом количестве германские моторизованные

¹⁹³ Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С 207.

¹⁹⁴ Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С 207.

части. Политические круги Берлина полагают, что нападение на Россию будет произведено сухопутными силами, а на Англию — крупными воздушными соединениями и подводным флотом; говорят даже, что для этого на ния готовятся три армейские группы: Варшавская группа под командованием маршала фон Бока, Кенигсбергская группа под командованием маршала фон Рунштедта, Краковская группа под командованием маршала фон Лееба. Для обеспечения быстрой победы над советскими армиями будет применен план молниеносного наступления из трех вышеупомянутых пунктов. Целью этого наступления будет Украина; возможно также, что оно распространится до Уральских гор.

Сообщая вам вышеизложенную информацию, которая заслуживает доверия, как и другие распространявшиеся здесь за последнее время сведения о том, что немцы готовятся напасть на Россию, прошу держать их в секрете»¹⁹⁵.

В апреле 1941 года агент «Старшина» сообщил из Берлина: «Штаб германской авиации на случай войны с СССР наметил к бомбардировке первой очереди ряд пунктов на советской территории с целью дезорганизации подвоза резервов с востока на запад и нарушения путей снабжения, идущих с юга на север... Военные действия против СССР предполагают начать с бомбардировки этих пунктов при активном участии пикирующих бомбардировщиков.

Кроме того, бомбардировке в первую очередь должны подвергнуться советские аэродромы, расположенные по западной границе СССР.

Немцы считают слабым местом обороны СССР наземную службу авиации и поэтому надеются путем интенсивной бомбардировки аэродромов сразу же дезорганизовать ее действия»¹⁹⁶.

10 апреля 1941 года Советскому правительству также была направлена разведывательная сводка о содержании беседы Гитлера с принц-регентом Югославии Павлом, из которой следовало, что Гитлер решил начать военные действия против СССР в конце июня 1941 года. В те же дни по каналам военной разведки поступило сообщение Рихарда Зорге, документально подтвердившего намерения фашистской Германии и конкретные сроки ее нападения на СССР.

В начале мая 1941 года от закордонной агентуры советской военной разведки стало известно об инспектировании частей германских войск, находившихся на территории генерал-губернаторства и в Восточной Пруссии, и рекогносцировке в пограничной полосе высшими чинами армии. 5—7 мая Гитлер, Геринг и Редер присутствовали на маневрах германского флота в Балтийском море в районе Гдыни. В середине мая Гитлер прибыл в Варшаву в сопровождении шести высших офицеров германской армии и 22 мая приступил к инспектированию войск в Восточной Пруссии.

6 июня 1941 года органы государственной безопасности СССР доложили ЦК ВКП(б) разведывательные данные о сосредоточении на западной границе Советского Союза четырехмиллионной немецкой армии, а несколькими днями позже о том, что группировка немецких войск, расположенных в Восточной Пруссии, получила приказ занять к 12 июня исходные позиции для наступления на СССР.

11 июня 1941 года советский разведчик, находившийся в числе служащих немецкого посольства в Москве, сообщил о секретном распоряжении Берлина готовить персонал посольства к эвакуации в семидневный срок и незамедлительно приступить к уничтожению архивных документов¹⁹⁷.

¹⁹⁵ Там же. С. 207-208.

¹⁹⁶ Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 213.

¹⁹⁷ Обращало на себя внимание то обстоятельство, что в течение последних месяцев, предшествовавших началу войны, многие сотрудники официальных немецких учреждений и их семьи покидали Москву. Когда нападение стало фактом, нацистские власти, воспользовавшись этим сокращением численности персонала своих представительств, объявили руководству советского посольства в Берлине, что выпускают на родину лишь 120 человек — ровно столько, сколько осталось немецких граждан в СССР.

В середине июня 1941 года со ссылкой на сведения, полученные от надежного источника, работающего в штабе германской авиации, органы государственной безопасности СССР информировали ЦК ВКП(б) о том, что «все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены и удар можно ожидать в любое время...

Объектами налетов германской авиации в первую очередь явятся: электростанция «Свирь-3», московские заводы, производящие отдельные части к самолетам (электрооборудование, шарикоподшипники, покрышки), а также авторемонтные мастерские...

... В военных действиях на стороне Германии активное участие примет Венгрия. Часть германских самолетов, главным образом истребителей, находится уже на венгерских аэродромах.

... Важные немецкие авиаремонтные мастерские расположены: в Кенигсберге, Гдыне, Грауденце, Бреславле, Мариенбурге. Авиамоторные мастерские Милича в Польше, в Варшаве — Очачи и особо важные — в Хейлигенкейле... »¹⁹⁸. Источник, работающий в министерстве хозяйства Германии, сообщает, что произведено назначение начальников военно-хозяйственных управлений «будущих округов» оккупированной территории СССР. В министерстве хозяйства рассказывают, что на собрании хозяйственников, предназначенных для «оккупированной» территории СССР, выступал также Розенберг, который заявил, что «понятие Советский Союз должно быть стерто с географической карты»¹⁹⁹.

За неделю до возникновения вооруженного конфликта по каналам советской разведки был получен образец розданного немецким солдатам разговорника, содержание которого выдавало действительные устремления руководителей рейха. В нем значились, например, такие фразы: «Русс, сдавайся», «Кто есть председатель колхоза?.. » и т. п.

Как видно из приведенных документов и фактов, чекистские органы и военная разведка с середины 1940 года по 22 июня 1941 года получали по своим каналам обширную и достоверную информацию о предстоящей агрессии, в частности о накоплении стратегических резервов для внезапного удара, и своевременно докладывали об этом ЦК ВКП(б) и Советскому правительству. Но случилось так, что информация, полученная по разведывательным каналам, как и предупреждения, идущие из других источников, в том числе от Черчилля, не вызвала доверия у политического руководства страны, а предвзятость позиции И. В. Сталина помешала ему дать сложившейся ситуации правильную оценку²⁰⁰. что, как известно, и предопределило тяжелые потери советского народа в начальный период войны.

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

Перед самым нападением на Советский Союз верховное главнокомандование вермахта провело одно из последних инструктивных совещаний с руководящими работниками абвера.

¹⁹⁸ Возможно, Хайлигенбайль, ныне Мамоново Калининградской области.

¹⁹⁹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 221.

²⁰⁰ Советское руководство, как можно сейчас судить, в принципе считало само собой разумеющимся, что немцы держали у наших границ крупные части, зная, что мы в свою очередь держим на границе немалое количество войск. Что касается предупреждений Черчилля, то И. В. Сталин находил вполне логичным стремление англичан столкнуть нас с немцами и поскорее втянуть в войну, к которой мы, по его убеждению и по существу, еще не были достаточно хорошо подготовлены. Он считал также, что провокации возможны не только со стороны англичан, но и со стороны некоторых немецких генералов, склонных, по его мнению, к превентивной войне и готовых поставить Гитлера перед совершившимся фактом. См.: Военно-исторический журнал. 1987. № 9. С. 52—53.

Речь шла о вкладе военной разведки в быстрое достижение победы над Советами в уже подготовленной войне. Рассуждая, будто все уже позади и только еще предстоявшее гигантское сражение выиграно, начальник штаба оперативного руководства вооруженными силами генерал-полковник Йодль, самый главный военный советник Гитлера, сформулировал новые требования к разведке. На нынешнем этапе, сказал он, генеральный штаб меньше всего нуждается в информации о доктрине, состоянии, вооружениях Красной Армии в целом. Задача абвера — внимательно следить за изменениями, происходящими в войсках противника на глубину пограничной зоны. От имени верховного командования Йодль фактически отводил абвер от участия в стратегической разведке, ограничив его действия узкими рамками сбора и анализа конкретной, чуть ли не сиюминутной оперативно-тактической информации.

Скорректировав программу своих действий в соответствии с этой установкой, Пикенброк занялся организацией целенаправленного шпионажа. Были тщательно отработаны задачи каждого подразделения абвера, запланировано вовлечение в разведывательные операции возможно большего числа агентов. Специальные и общевойсковые разведывательные подразделения отдельных армий и армейских групп усилили заброску агентуры через демаркационную линию, определенную секретными протоколами пакта 1939 года. Это были преимущественно лазутчики, прошедшие обучение в школах абвера, существовавших в Штеттине, Кенигсберге, Берлине и Вене еще до нападения фашистской Германии на СССР. Выросла общая численность сети задействованных агентов — она исчислялась сотнями. Время от времени целые группы немецких солдат, переодетых в красноармейскую форму, под руководством офицеров-разведчиков переходили границу для рекогносцировки на местности²⁰¹. Как и определялось в инструктаже Йодля, проникновение на советскую территорию не было глубоким, задача заключалась лишь в том, чтобы собрать информацию о самых последних изменениях, происходящих в дислокации советских войск и военных объектов. Действовало негласное правило: не перемещаться в глубинные районы России, не тратить время и силы на сбор сведений о совокупной мощи Советской страны, в которых немецкое верховное командование, уже считавшее себя полностью готовым к нападению, не испытывало особой нужды. Зафиксирован даже такой маловероятный с точки зрения здравого смысла случай. Один агент направил в Берлин, как ему казалось, важное донесение: «Когда Советскому государству придется вступить в противоборство с сильным противником, Коммунистическая партия с поразительной быстротой потерпит крах, утратит способность контролировать положение в стране и Советский Союз развалится, превратившись в группирование независимых государств». Оценка содержания этого донесения в центральном аппарате абвера как нельзя лучше характеризовала настрой вермахта. Руководство абвера признало выводы агента «весьма точными».

Исследователю, который спустя почти полвека анализирует систему «тотального шпионажа» гитлеровской разведки, бросается в глаза отсутствие логики в установке Йодля, данной им от лица верховного главнокомандования, и в том, как скрупулезно выполняли ее военные, пренебрегая стратегическими целями. В самом деле, зачем, ставя конкретную задачу, жестко ограничивать ее границы и фактически отказываться от дальнейшего пополнения сведений о мощи, вооружениях Красной Армии, настроениях личного состава, наконец, о военно-промышленном потенциале страны. Разве не понимали в Берлине, что предстоит война не только армий, но и государств, не только оружия, но и экономики? Мы теперь знаем: понимали. Но заранее оценили свои возможности и возможности противника как несопоставимые величины. На стороне нападающего — отобилизованность и внезапность, ощущение непобедимости после стольких побед в Европе в 1939 — 1941 годах, экономический и промышленный потенциал всех оккупированных государств. А у

²⁰¹ В апреле 1941 года была осуществлена попытка перебросить группу из 16 немецких солдат, переодетых в военную форму саперов Красной Армии, на территорию Белоруссии. Она попала в поле зрения патруля советских пограничников. В завязавшейся перестрелке 11 немцев были убиты, 5 захвачены.

противника? Обезглавленная сталинскими репрессиями армия, незавершенная реконструкция вооруженных сил, «непрочное многонациональное государство», способное (по расчетам Гитлера) рассыпаться под первыми же ударами. Добавим к этому психологический эффект пакта «Молотов — Риббентроп». Давно известно, что нацисты с самого начала ни в грош не ставили этот договор, продолжая форсированную подготовку к войне.

Итак, основные усилия абвер сосредоточил на разведывательном обеспечении боевых операций войск, имея в виду задачи первого этапа плана «Барбаросса». Дело, разумеется, не ограничивалось одним лишь сбором шпионских сведений. Стремясь содействовать успешному осуществлению начальных наступательных операций, абвер развернул и террор против командиров и политработников Красной Армии, разрушительные акции на транспорте и, наконец, идеологические диверсии, направленные на подрыв морального состояния советских солдат и местного населения. Но территорию, на которой должны были осуществляться все такого рода операции, предстояло ограничить прифронтовой зоной. Показательно, что директива Йодля имела долговременные последствия, о которых вскоре после капитуляции на допросе 17 июня 1945 года генерал-фельдмаршал В. Кейтель, являвшийся с 1938 года начальником штаба верховного главнокомандования Германии, вынужден был констатировать: «В ходе войны данные, поступившие от нашей агентуры, касались только тактической зоны. Мы ни разу не получали сведений, оказавших бы серьезное воздействие на развитие военных операций. Например, нам так и не удалось составить картину, насколько повлияла потеря Донбасса на общий баланс военного хозяйства СССР». Разумеется, в столь категорическом утверждении начальника штаба верховного командования немецких вооруженных сил следует усматривать и попытку переложить ответственность за провалы на фронте на абвер и другие службы «тотального шпионажа».

ДИРЕКТИВА ЙОДЛЯ В ДЕЙСТВИИ

Все вышесказанное не позволяет приписывать Йодлю авторство директивы, в силу которой на неопределенный период абвер получал беспрецедентную свободу действий любого характера на суженной территории. Указание начальника штаба оперативного руководства верховного командования вооруженных сил лишь в самой концентрированной, сжатой форме отражало господствующее настроение в политическом руководстве Германии — 22 июня 1941 года оно начинало «блицкриг», «безусловно обещающий успех».

Как можно судить на основании архивных документов, на предвоенные недели и первые недели военных действий приходится заброска через демаркационную линию, а затем и за линию фронта наибольшего числа заблаговременно подготовленных агентов абвера и СД. В 1941 году по сравнению с 1939 годом объем заброски увеличился в 14 раз²⁰². Некоторые итоги этой работы подвел Канарис в докладной записке верховному командованию вермахта от 4 июля 1941 года, то есть уже через две недели после начала вероломной агрессии: «В распоряжение штабов немецких армий направлялись многочисленные группы агентов из коренного населения — из русских, поляков, украинцев, грузин, финнов, эстонцев и т. п. Каждая группа насчитывала 25 (или более) человек. Во главе этих групп стояли немецкие офицеры. Группы использовали трофейное советское обмундирование, военные грузовики и мотоциклы. Они должны были просачиваться в наш тыл на глубину 50—300 километров перед фронтом наступающих немецких армий, с тем чтобы сообщать по радио результаты своих наблюдений, обращая особое внимание на сбор сведений о русских резервах, о состоянии железных и прочих дорог, а также о всех мероприятиях, проводимых противником»²⁰³.

²⁰² Л. де Ионе. Немецкая «пятая колонна» во второй мировой войне. С. 353.

²⁰³ Vortragsnotiz des Admirals Canaris. 1941. 4. VII.

Акцент Канариса на заброске агентурных групп может рассматриваться как свидетельство уверенности гитлеровского руководства в том, что с первыми неудачами советских войск на границе и дальше на довольно большую оперативную глубину наступит время «развала государства». Отсюда и «национальный состав забрасываемой агентуры и большое количество шпионско-диверсионных групп, сформированных из личного состава специализированного соединения «Бранденбург-800», и вооруженные банды буржуазных националистов. Но и в этот период преобладали агенты-одиночки. Под видом беженцев, бойцов Красной Армии, выходящих из окружения, красноармейцев, отставших от своих частей, они сравнительно легко просачивались в ближайшие тылы советских войск. В одиночку, естественно, засылались и крупные агенты абвера, направляемые для выполнения какого-либо особо важного задания.

В течение первой половины 1941 года агентуре абвера удалось собрать немало информации о составе советских войск в зоне предстоявших боевых сражений и в ближайшем тылу. Успешно действовали несколько диверсионных групп и отрядов. Только за 14 дней августа 1941 года на Кировской и Октябрьской железных дорогах они совершили семь диверсионных актов. Диверсанты неоднократно нарушали связь между штабами частей и соединений Красной Армии. Объективно успеху абвера в выполнении директивы Йодля способствовала обстановка на фронте, неблагоприятно складывавшаяся в начальный, трагический период войны не в последнюю очередь из-за просчетов советского политического руководства. Сказалось, несомненно, и то обстоятельство, что органы государственной безопасности СССР еще не *обрели* опыта работы в обстановке военного времени. Многие особые отделы наполнялись кадрами уже в нелегких условиях отступления, окружения немцами целых соединений и даже армий. Анализ форм и методов подрывной деятельности вражеской агентуры запаздывал, многие оперативные мероприятия били мимо цели.

Тем не менее к концу 1941 года в результате сокрушения гитлеровской операции «Тайфун» нацистская стратегия блицкрига терпела серьезное поражение. В этом все больше убеждались и сами нацистские главари, для которых сопротивление советского народа и его Красной Армии оказалось шоком после «странной войны» в Европе и особенно после скоротечного завоевания Франции в 1940 году²⁰⁴.

«По докладу наших разведывательных органов, а также по общей оценке всех командующих и руководящих лиц генерального штаба, — указывал Кейтель на упоминавшемся выше допросе, — положение Красной Армии к октябрю 1941 года представлялось следующим образом: в сражении на границах Советского Союза были разбиты главные силы Красной Армии; в основных сражениях в Белоруссии и на Украине немецкие войска разгромили и уничтожили основные резервы Красной Армии; Красная Армия более не располагает оперативными и стратегическими резервами, которые могли бы оказать серьезное сопротивление... Русское контрнаступление, бывшее для Верховного командования полностью неожиданным, показало, что мы глубоко просчитались в оценке резервов Красной Армии»²⁰⁵.

Разгром немецко-фашистских войск под Москвой поставил Германию перед перспективой затяжной войны, в которой решающее значение приобретали возможность и способность воюющих сторон постоянно наращивать свои силы.

Германский генералитет параллельно с ведением операций на главном и единственном пока для себя фронте тщательно отработывал планы продолжения антисоветской агрессии, по-прежнему значительное место в них отводилось «тотальному шпионажу», но центр

²⁰⁴ «Когда началась зимняя катастрофа 1941—1942 гг., — говорится в дневнике генерального штаба вермахта, — фюреру и генерал-полковнику (Йодлю. — Авт.) стало ясно, что кульминационный пункт пройден и... больше нельзя достичь победы» // Хаффнер Т. С. Самоубийство германской империи. М., 1972. С. 60.

²⁰⁵ Цит. по: Нева. 1990. № 5. С 197—198.

тяжести в этой сфере уже пытались перенести на глубокий советский тыл, увеличивая «пространственный» размах своих операций. Представители командования и военной разведки подготовили документ «Расчет сил для операции против промышленного района на Урале». В нем говорилось: «... боевые действия в общем и целом будут развиваться по железнодорожным и шоссейным путям. Для осуществления операции желательна внезапность, все четыре группы выступят одновременно, чтобы возможно скорее достичь промышленного района, а затем — судя по обстановке — либо удерживать занятые рубежи, или оставить их, предварительно разрушив все жизненно важные объекты»²⁰⁶.

В переориентации служб «тотального шпионажа» значительную роль сыграли результаты инспекционной поездки Канариса и его ближайших помощников на Восточный фронт, предпринятой в сентябре 1941 года по указанию Гитлера. Знакомясь с работой подчиненных абверу подразделений, Канарис пришел тогда к выводу, что сопротивление, на которое наткнулся блицкриг, поддержка мировым общественным мнением мужественной борьбы советского народа против фашистской агрессии, требуют серьезного пересмотра разведывательной стратегии в целом и многих тактических приемов в частности.

Возвратившись в Берлин, Канарис издал приказ, обязывавший все подразделения абвера принять меры к стремительному наращиванию разведывательной активности за пределами прифронтовой полосы, целеустремленно и упорно продвигаться в глубинные районы Советского Союза. Повышенный интерес проявлялся к Кавказу, району Волги, Уралу и Средней Азии. В тылу Красной Армии предполагалось усилить диверсионную и террористическую деятельность. Осуществление на советской территории серии широко задуманных шпионско-диверсионных операций по ослаблению тыла имело целью способствовать созданию перелома в вооруженном конфликте в пользу агрессора, вплоть до достижения рейхом «крупного военного успеха».

Руководители секретных служб не делали тайны из того, что цели «колонизации» Советского Союза, которые преследовал Гитлер, преступные по своей сути, предполагали использование столь же преступных методов и средств. «Для завоевания России, — пишет видный американский историк У. Ширер, — недозволенных приемов не было — допустимы были все средства»²⁰⁷. Заведомо были выброшены за борт ограничения, налагаемые международным правом. Так, в приказе фельдмаршала Кейтеля от 23 июля 1941 года указывалось, что всякое сопротивление будет караться не путем судебного преследования виновных, а путем создания такой системы террора со стороны вооруженных сил, которая будет достаточна для того, чтобы искоренять у населения всякое намерение сопротивляться. От соответствующих командиров приказ требовал применения драконовских мер.

Нацисты сознательно шли на нарушение международного права, решительно насаждая насилие, обман и провокации, поощряя массовые убийства мирного населения. И секретные службы, на которые возлагалась организация «тотального шпионажа» в самых его чудовищных проявлениях, не случайно спустя пять лет были признаны преступными.

ОПЕРАЦИЯ «ЦЕППЕЛИН»: ЦЕЛИ И СРЕДСТВА

Одно из центральных мест в системе мер, детально разработанных Шелленбергом и Скорцени на новом этапе германо-советской войны, занимала операция «Цеппелин». Шелленбергу и Скорцени принадлежала не только сама идея операции. По приказу Гейдриха они непосредственно руководили ее подготовкой и проведением. Как выяснилось потом из документов, для координации действий в операции в феврале 1942 года в главном имперском управлении безопасности был образован специальный орган (под тем же кодовым наименованием, что и сама операция).

²⁰⁶ Цит. по: Безыменский Л. А. Укрощение «Тайфуна». С. 44.

²⁰⁷ См.: От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. М., 1988. С. 41.

Какие же обязанности возлагались на этот новый разведывательный орган? Как сказано в приказе рейхсфюрера СС Гимmlера от 15 февраля 1942 года, руководство страны предписывало «Цеппелину» программу масштабных военно-политических действий. Как будто речь шла не о разведывательной службе, а о государстве в государстве. Во-первых, от «Цеппелина» требовали произвести... «расшифровку» морально-политического единства СССР; во-вторых, ослабить экономические возможности Советского Союза путем диверсий, саботажа, террора и других средств.

Важно отметить, что содержание приказа рейхсфюрера СС было косвенным признанием того факта, что для нацистской разведки (и, более того, для гитлеровского руководства) политико-моральное единство советского народа оставалось сложным шифром. Непонимание природы советского общества, источников его силы явилось, как мы покажем дальше, одним из главных просчетов гитлеровского руководства. Но «Цеппелин» был задействован, и к тому времени, которое мы разбираем, усилия его участников были направлены на выяснение: в чем источник сил советского народа, как добиться подрыва его единства, какими мерами достичь дестабилизации экономики? «Цеппелин» тесно взаимодействовал с абвером, главным штабом командования немецкой армии и имперским министерством по делам оккупированных восточных областей. Подрывные акции осуществляли четыре зондеркоманды, укомплектованные опытными разведчиками. К их формированию были привлечены разведывательно-диверсионные школы «Цеппелина», размещавшиеся в то время в местечке Яблонна (под Варшавой), в Евпатории и Осипенко, в местечке Освитц (близ Бреславля), а также под Псковом, недалеко от деревни Печки. Начиная с 1942 года сеть разведывательно-диверсионных школ как на территории Германии, так и особенно в оккупированных странах расширяется непрерывно. Заметно шлифуется система подготовки агентов, предназначенных к засылке в глубокий советский тыл. Наиболее перспективные из них после завершения курса в школе проходили своеобразную специализацию в лагерях «Цеппелина».

Отделения и вербовочные пункты «Цеппелина» возникли во многих лагерях для советских военнопленных, которые со временем становились основной базой пристального изучения контингента, способного, по мнению нацистского командования, послужить мощным источником агентурных резервов.

Начало реализации плана «Цеппелин» совпало с развертыванием гигантской битвы на Волге. Обе стороны, еще, может быть, не осознавая в полной мере, во что выльется Сталинградское сражение, не могли не понимать, что, во всяком случае, оно становится одной из вех противостояния Германии и Советского Союза. Разведывательное обеспечение сражения такого масштаба не могло оставаться на прежнем уровне. Перед абвером поставили задачу двойного рода. Во-первых, наладить регулярное снабжение высшего политического и военного руководства страны информацией, которая позволила бы разгадать замыслы советского командования, в частности хотя бы пунктирно обозначить, где и какими силами будут нанесены очередные удары по немецким позициям. В отличие от намерения ограниченных рамок уже упоминавшегося предвоенного инструктажа Йодля теперь ставилась задача разведывательного изучения перемен в инфраструктуре на гораздо большую глубину, заговорили о необходимости добывать данные обо всем, что касалось мобилизации и стратегического развертывания резервов Вооруженных Сил СССР, их морального состояния, уровня дисциплины и выучки. Требовали не только оценить состояние обороны и концентрацию технических средств на направлении главного удара, но и выяснить возможности советской экономики справляться с неотложными нуждами войск в условиях, когда продолжается массовое перемещение промышленных предприятий и научно-исследовательских институтов в восточные районы страны. Во-вторых, во взаимодействии с СД абверу предстояло развернуть активную диверсионную деятельность в промышленности и на транспорте с целью разрушения коммуникаций, транспортных узлов, вывода из строя шахт, электростанций, оборонных заводов, хранилищ горюче-смазочных материалов, продовольственных складов.

Все это означало, что абвер переходил к еще более наступательным формам борьбы. Основным орудием в ней должна была стать агентура, соответственно подготовленная, экипированная и проинструктированная, всепроникающая, располагающая эффективными и надежными каналами связи. Дело складывалось так, что, в частности, Канарис, которому «виделось нечто куда более масштабное», требовал отходить от принципов агентурной работы, традиционно сложившихся в германской разведке. Вспомним, что полковник Николаи, согласно исповедуемому им принципу, предпочитал иметь дело с одиночными агентами, обладавшими высокими профессиональными качествами, которые делали их способными проникать в высшие круги и жизненно важные центры стран, являвшихся объектами разведки. На подготовку таких лазутчиков, на их внедрение и обеспечение не жалели ни сил, ни средств. И, как правило, такие затраты оправдывались. Что касается преемников и учеников Николаи, то, втянувшись в крупномасштабную тайную войну с противником, совсем непохожим на тех, с которыми приходилось встречаться до того в Европе, и в этой новой для них обстановке они искали выход в насаждении массовой, всеохватывающей агентурной сети, оказались сторонниками и фактическими создателями системы «тотального шпионажа». Массовая вербовка агентуры, небывалые размеры ее заброски рассматривались в тот период доказательством способности руководителей гитлеровской разведки анализировать, познавать изменяющиеся условия и приспособливаться к ним.

Вот что рассказывали о поездке Канариса на Восточный фронт в июне 1943 года. В Риге, в резиденции, где он остановился, были собраны руководители абверштелле и полевых разведывательных органов, начальники разведывательно-диверсионных школ. Каждый докладывал о своей работе. Подводя итоги, Канарис положительно оценил деятельность отдела абвер III — на него произвело впечатление сообщение начальника абверкоманды-104 майора Гезенрегена о массовых арестах и расстрелах русских, не принимающих «новый порядок». Канарис так и сказал: «Служба нашей контрразведки помогает фюреру укреплять новый порядок». Что касается первого и второго отделов абвера в группе армий «Норд»²⁰⁸, то их действия он оценил как неудовлетворительные. «Наш отдел агентурной разведки и диверсионная служба, — сказал он, — утратили наступательный дух, на чем я настаивал всегда. Мы не имеем агентуры в советских штабах, а она должна быть там. Я решительно требую массовой засылки агентуры. Мною создано вам столько школ, сколько нужно...»²⁰⁹ Это заявление, несмотря на хвастливый тон, соответствовало истине: пополнение агентуры шло в то время из 60 школ и учебных центров, развернутых в самой Германии, в побежденных странах Европы и на временно оккупированной территории СССР.

Широкие масштабы, которые в абвере приобрели вербовка, обучение и засылка агентуры в тыл Красной Армии, привели к тому, что управлять всей этой машиной из одного центра становилось все труднее. Так родилась идея иметь представительства центрального аппарата абвера ближе к театру военных действий, то есть на оккупированной советской территории. Такие представительства в срочном порядке были созданы в Таллинне, Каунасе, Риге, Вильнюсе и Минске.

Сохранились документы, дающие наглядное представление не только о том, какие конкретные задачи решались в ходе операции «Цеппелин», но и как строилось взаимодействие разведки с командованием вермахта.

Особое место занимают среди этих свидетельств так называемые «рабочие записи»

²⁰⁸ Приданная группе армий «Норд» абверкоманда-104 имела свои разведывательно-диверсионные школы в Валге и Стренчи, где одновременно обучалось 150 агентов. Но для заброски в тылы Ленинградского, Волховского, Калининского фронтов абверкоманда использовала агентов, проходивших подготовку и в других школах, в частности в Варшавской, Борисовской и Бранденбургской. Переброска агентов через линию фронта осуществлялась с аэродромов в Пскове, Риге, Смоленске. Связь с ними поддерживала мощная радиостанция «Марс». В подчинении абверкоманды-104 были две абвергруппы.

²⁰⁹ Цит. по: В поединке с абвером. С. 148.

штандартенфюрера Отто Скорцени. «Любимец фюрера», как величали Скорцени в ближайшем окружении Гитлера, не профессиональный историк или мемуарист и даже не обычный очевидец событий тех лет. Это один из самых видных организаторов и самых дерзких участников тайной войны против СССР. Более того, время показало, что Скорцени во многих событиях второй мировой войны играл ключевую роль. Протеже Бормана, близкий друг Кальтенбруннера еще с того времени, когда они жили в Вене, тогда они оба считали себя «палладинами» фюрера, готовыми принять за него смерть. Не случайно вместе с Кальтенбруннером и Мюллером Скорцени участвовал в допросах и истязаниях генералов, подозреваемых в причастности к антигитлеровскому заговору 20 июля 1944 года. Из послужного списка Скорцени можно узнать, что в СД в разные годы он являлся начальником разведывательной школы, руководил диверсионным отделом в РСХА, выполнял личные и самые щекотливые поручения Гейдриха. (Одним из таких поручений, наделавших немало шума, был подбор среди узников концлагерей граверов и художников, которые наладили изготовление фальшивых английских банкнот.) Но наиболее дерзкой и получившей поистине мировой резонанс была осуществленная при активном участии Скорцени операция по освобождению из плена Муссолини (выбор его на роль главного исполнителя операции был сделан самим Гитлером). В критический для Москвы период — в первой половине октября 1941 года Скорцени находился в двух десятках километров от столицы. Ему было поручено возглавить «технический отдел», предназначенный для захвата зданий ЦК и МК партии, НКВД, Центрального телеграфа в момент вторжения в Москву гитлеровских войск.

Что же мы находим в архивных документах, вышедших в свое время из-под пера Скорцени?

«В первую очередь, — говорится в одной из записей, — следует нанести удары по русским коммуникациям, то есть железнодорожным линиям, мостам и шоссейным дорогам... Поскольку аналогичные операции планировались и отделом иностранных армий востока генерального штаба сухопутных войск, были проведены совместные совещания. На них я вновь встретился с генералом Кребсом, ставшим к тому времени начальником штаба генерал-полковника Гудериана. Он представил меня генералу Гелену, которому и была поручена разработка чисто практической стороны этого дела»²¹⁰.

Смысл координации действий командных инстанций и руководителей разведывательных служб, которого мы касались выше, заключался в том, чтобы всемерно активизировать шпионско-диверсионную деятельность против СССР.

Как показывает официальная немецкая конфиденциальная статистика, в 1942 году в специальных школах и учебных пунктах абвера и СД одновременно проходило подготовку до 1500 человек. Обучение длилось от полутора (для так называемых обычных шпионов) до трех (для шпионов-радиостов и диверсантов) месяцев. Вместе взятые, все разведывательные школы, пункты и курсы за год выпускали примерно около 10 тысяч шпионов и диверсантов.

В 1942 году и последующие годы войны в рамках операции «Цеппелин» происходило наращивание темпов и масштабов подготовки и заброски шпионско-диверсионных и террористических групп, прошедших специфическую подготовку. Их задача состояла в том, чтобы, оказавшись на территории своей республики, сколотить бандитско-националистические формирования для осуществления террористических актов против советского и партийного актива, распространять панические слухи среди гражданского населения, собирать сведения военно-политического и экономического характера, готовить диверсии в жизненно важных сферах. Появление подобных групп на территории Казахской ССР было зафиксировано в августе 1943 года. Опираясь на помощь местных националистических элементов, они должны были развернуть агитацию среди населения за отделение Казахстана от Советского Союза и за образование самостоятельного государства под протекторатом Германии.

В октябре 1943 года в Вологодскую область «Цеппелин» заслал группу из пяти

²¹⁰ Skorzeny O. Geheimkommando Skorzeny. Hamburg, 1950. S. 86—87.

диверсантов. Они должны были подобрать там нечто вроде базовой посадочной площадки для приема немецких самолетов с агентурными группами, которые направлялись для проведения серии диверсий по трассе Северной железной дороги, чтобы сбить интенсивный ритм ее работы. Понять всю опасность этой, как мы бы сейчас сказали, дорогостоящей комплексной диверсионной программы можно, лишь если иметь в виду, что довольно длительное время именно эта магистраль несла на себе львиную долю всей работы по подтягиванию к фронту воинских частей и боевой техники.

Представление о подготовке командования Северо-Западного фронта к ликвидации крупной демьянской группировки немцев, как стало впоследствии известно, гитлеровское командование получило от своей агентуры, которая проникла в советский тыл в Новгородской области. Туда, кроме того, было заброшено около 200 диверсантов — им предстояло вывести из строя железнодорожные линии на участках Бологое — Старая Русса и Бологое — Торопец. Лазутчикам удалось совершить здесь ряд диверсионных актов с тяжелейшими для наших войск последствиями. Правда, большинство участников этих групп удалось обезвредить.

30 диверсантов из соединения «Бранденбург-800» проникли в тыл Красной Армии под видом советских военнослужащих во время наступления немецких войск на Северном Кавказе. Одна группа взорвала мост в районе Минеральных Вод, другая — захватила мост в районе Пятигорска и удерживала его до подхода немецких танков, третья — проникла в Майкоп и, создав пробку на мосту, внесла дезорганизацию в ряды отходящих войск Красной Армии.

Примерно в то же время «Цеппелин» работал над осуществлением операции под кодовым наименованием «Шамиль». В тыл Красной Армии в район Грозного был выброшен с самолета отряд из 25 диверсантов под руководством лейтенанта Ланге для захвата нефтеперегонного завода. Но еще при спуске на парашютах отряд был обстрелян и выполнить свою задачу не смог.

Архивные материалы, относящиеся к операции «Цеппелин», указывают на то, что в первой половине 1943 года абвер, СД и гестапо продолжали наращивать свою активность. Масштабы заброски агентуры в советский тыл выросли почти в полтора раза по сравнению с 1942 годом. К этому времени было дополнительно создано девять разведывательно-диверсионных школ, возникли новые ветви служб «тотального шпионажа»: на советско-германском фронте функционировало более 130 разведывательных организаций. Одной из них, действовавшей с территории Венгрии, руководил видный деятель СД Вильгельм Хеттль²¹¹. Согласно его свидетельству, в течение последних 18 месяцев войны он «переправил много агентов в Россию». Ценным агентам, работавшим за линией фронта, назначалось огромное по тем временам вознаграждение — в среднем пять тысяч долларов в месяц.

Представление об операции «Цеппелин» как одной из важнейших, можно сказать, стержневой в системе «тотального шпионажа» против нашей страны не будет полным, если не иметь в виду еще одну сторону ее деятельности — контрразведывательные операции против партизанского движения, что могло приобрести самостоятельное значение только на советской земле, где война против гитлеровского нашествия буквально с первых недель вторжения войск противника приобрела всеобщий характер, стала поистине народной войной.

Абвер III, гестапо и СД сравнительно быстро отреагировали на партизанское движение,

²¹¹ В. Хеттль — крупный австрийский профессиональный разведчик, перешедший на службу в СД в 1938 году и работавший впоследствии в VI управлении РСХА под началом Шелленберга. В первые годы войны находился в Вене в отделении немецкой секретной службы советником по делам стран Юго-Восточной Европы. Имел непосредственное отношение к выработке планов подрывной деятельности гитлеровцев против Чехословакии и Югославии, а также, несмотря на существование в ту пору союзнических отношений с Германией, против Румынии и Венгрии. В 1943 году возглавил отдел безопасности в Берлине, всячески активизируя организацию военно-политического шпионажа против СССР.

возникшее не только на всей временно оккупированной территории Советского Союза, но практически чуть ли не во всех районах. Под обстрелом находились коммуникации противника, под угрозой нападения — его бесчисленные гарнизоны в городах, районных центрах и селах, карающая народная рука над головами предателей, сотрудничавших с оккупантами. В задачу немецкой агентуры входило устанавливать наличие и численность партизанских соединений, степень их оснащённости военной техникой и обеспечения боеприпасами, выяснять основные и запасные места базирования, способы связи между отрядами и с центром, сеять среди рядовых бойцов недоверие к командирам, своевременно предупреждать разведцентр о датах намечаемых вылазок и боевых операций, наконец, уничтожать руководителей партизанского движения. Отмечено несколько случаев, когда гитлеровцы создавали лжепартизанские отряды, которые грабили, убивали советских людей, пытаясь таким образом скомпрометировать партизан. Особое значение придавалось добыванию документальных доказательств о планах советского командования по дальнейшему развертыванию партизанской борьбы.

ГИТЛЕР УКРЕПЛЯЕТ ВЕДОМСТВО ШЕЛЛЕНБЕРГА

Несмотря на известный успех летнего наступления немецких войск на Восточном фронте в 1942 году, вермахту на пути продвижения в глубь советской территории на юге пришлось, вопреки прогнозам абвера и СД, преодолевать все большее противодействие Красной Армии. Полной неожиданностью для гитлеровского командования оказался тот факт, что ему не удалось уничтожить танковую мощь советских войск — перемещенные на восток заводы уже начали пополнять армейские части новыми машинами, среди которых были успевшие уже прославиться и получить признание как самые лучшие танки в мире Т-34. Партизанская война сковывала множество немецких частей, снятых с линии фронта. Эти и многие другие факты были косвенным свидетельством и того, что казавшаяся вполне отлаженной система «тотального шпионажа», несмотря на усиление операцией «Цепелин», все чаще давала сбои.

В крупном разговоре, который произошел в те дни между Гиммлером и Шелленбергом, рейхсфюрер СС, раздраженный неудачами СД, дал понять, что «Гитлер недоволен результатами добывания разведывательной информации о положении в России и решительно настаивает на приведении внешнеполитической разведки в соответствие с требованиями войны».

Оправдываясь, Шелленберг ссылаясь на ошибки и упущения своих предшественников по руководству управлением, на образовавшиеся еще в прошлые годы «узкие места» в организации и формировании личного состава внешнеполитической разведки. «Для борьбы с таким великаном, как Россия, — говорил Шелленберг, — необходима разветвленная агентурная сеть. Каналы связи, которые нам удалось проложить через Швецию, Финляндию, Балканы и Турцию, действуют неплохо, но их явно недостаточно для того, чтобы можно было гарантировать поступление достоверной информации, необходимой для составления общих обзоров обстановки, представляемых политическому и военному руководству страны. Да и находящиеся в СССР и других странах немецкие эмигранты, с которыми мы поддерживаем контакты, сообщают всего лишь разрозненные сведения»²¹².

Для «исправления положения» Шелленберг предложил комплекс мер. Главным было требование пополнить аппарат разведки двумя-тремя тысячами специально обученных сотрудников с хорошим знанием иностранных языков. Далее, Шелленберг настаивал на том, чтобы управлению была предоставлена не стесненная какими-либо условиями возможность зачислять этих людей в заграничные штаты, что позволило бы расширить резидентуры СД во многих странах, к чему он все это время стремился²¹³. Наконец, Шелленберг вел речь о

²¹² Schellenberg W. The Labyrinth. Memoirs. P. 262.

²¹³ Сотрудники внешнеполитической разведки зачислялись в штаты министерства иностранных дел и

необходимости предоставить управлению в гораздо больших размерах совершенное оборудование и технику, включая самые современные виды оружия, а также самолеты. Особенно он настаивал на пополнении средств радиосвязи, без чего невозможно было обеспечить своевременное получение информации от агентуры, находившейся в тылу советских войск по плану «Цеппелин» или в другом «массовом порядке».

Выслушав Шелленберга, рейхсфюрер СС недвусмысленно заявил: «Русские — смертельный враг, но мы должны разгромить их, пока не появились новые враги»²¹⁴. Рейхсфюрер СС обещал Шелленбергу всестороннюю поддержку. Одновременно он распорядился подготовить всеобъемлющий доклад о состоянии разведывательной работы СД в Советском Союзе, с которым намеревался ознакомить Гитлера. Не этим ли и подобными докладами был в том же году инспирирован чудовищный приказ Гитлера от 18 октября 1942 года? Он определял порядок обращения с захваченными тайными агентами противника. В приказе предписывалось: «... все до единого участника скрытых операций команды противника должны уничтожаться независимо от того, были они при захвате в военной форме или в гражданской одежде, вооружены или нет, вели бой или спасались бегством... В случае необходимости оставив одного-двух человек для допроса, их следует незамедлительно расстреливать после окончания допроса».

Как можно судить по немецким архивам, дневниковым записям офицеров разведки различного ранга, мемуарной литературе, подрывная деятельность против СССР осуществлялась в то время СД по трем основным направлениям. Первое было связано с укреплением зарубежных опорных пунктов немецкой разведки почти во всех европейских столицах, а также с более эффективным, чем раньше, использованием особо перспективных агентов, находившихся в СССР (один из них, по утверждению Шелленберга, поддерживал довольно длительное время шпионскую связь с двумя офицерами штаба крупного соединения советских войск). Вторым направлением было участие в операции «Цеппелин», прежде всего и главным образом в подборе в лагерях для советских военнопленных и в прифронтовой полосе кандидатов на вербовку для массовой заброски в тыл Красной Армии с целью шпионажа, осуществления диверсий и выполнения заданий по политическому разложению населения. Немецкие службы пытались вербовать агентуру из местных жителей, оказавшихся в оккупации, забрасывать их в глубокий тыл под предлогом бегства от оккупантов. Третье направление предусматривало усиление антипартизанской борьбы посредством внедрения в партизанские соединения агентуры гестапо. Когда еще при Гейдрихе перед СД ставили задачу усилить разведывательную работу против СССР, отмечалось, что «Гитлер придает особое значение получению информации о распоряжениях Сталина по развертыванию партизанской войны».

Последующие события показали, что рейхсфюрер СС выполнил практически все свои обещания. Шелленбергу была предоставлена свобода действий в претворении программы усиления внешнеполитической разведки и расширения ее возможностей, прежде всего для действий против Советского Союза и других стран антигитлеровской коалиции. В конце 1942 года в VI управлении РСХА образуется специальная группа (обучение)²¹⁵. Ее начальником стал еще мало кому тогда известный Отто Скорцени. В Нидерландах, в направлялись в германские миссии за границей, где пользовались дипломатическим иммунитетом (в то же время они не подчинялись руководству этого ведомства). Согласно архивным документам, такими же возможностями располагал и абвер. Так, в секретном распоряжении Риббентропа, адресованном 11 сентября 1941 года Канарису, говорилось: «Как это делалось и до сих пор, в дальнейшем необходимо оказывать абверу всяческое содействие в деле устройства его сотрудников в аппарат заграничной службы...»

²¹⁴ Schellenberg W. The Labyrinth. Memoirs. P. 262.

²¹⁵ Позднее она была преобразована в подразделение по выполнению особо важных поручений, главным образом диверсионно-террористического характера. Одним из таких умело спланированных и высокопрофессионально исполненных заданий явилось освобождение Муссолини, захваченного народными повстанцами.

местечке Шевенинг возникла разведывательная школа СД, готовившая управлению Шелленберга агентов-нелегалов для работы во многих странах мира. Система обучения в этой школе была позаимствована у английской Интеллидженс сервис. Вначале будущие нелегалы проходили общую подготовку, которая включала навыки вождения автомашин любой марки, а также мотоциклов и даже управление локомотивами, изучение правил дорожного движения в странах их возможного пребывания. Все это считалось обязательным. Затем следовали тренировки в прыжках с парашютом и в самостоятельном изготовлении средств проведения диверсий с использованием легкодоступных подручных материалов. Нелегалы осваивали фотографию, практиковались, в частности, в технике отделения экспонированного светочувствительного слоя пленки в случае необходимости скрыть ее содержание.

С учетом личности нелегала и характера возлагавшихся на него заданий тщательно и во всех подробностях отрабатывалась легенда, под которой ему предстояло выступать. В подкрепление легенды готовились соответствующие фальшивые документы, личные письма, фотографии.

Много внимания уделялось деталям легенды, в частности таким, как метка на нижнем белье, фасон обуви или что-нибудь другое, в обыденной жизни не привлекающее, казалось бы, никакого внимания. В РСХА стремились добиваться такого положения, чтобы нелегал в любой ситуации безупречно знал «свой маневр», мог, что называется, во сне безошибочно воспроизвести детали своей биографии и данные, касающиеся его семьи, других родственников, особенно если эти данные поддавались проверке (например, адреса, описание местности и т. д.). Нелегал должен был свободно описать предприятие, где он якобы работал, соседей, которые жили по указанному им адресу. Он обязан был не только в совершенстве владеть языком страны, где ему предстояло работать, но и твердо держаться одного какого-либо диалекта, присущего населению определенной территории. Важно было знать особенности «своего» региона, ориентироваться в обычаях и нравах местных жителей, чтобы какой-либо оплошностью не возбудить подозрений.

При совершенствовании своей службы люди Шелленберга много сделали для обеспечения агентуры новыми техническими средствами связи с центром. Условия войны сужали привычные каналы передачи шпионских донесений (по почте через нейтральные государства, посылкой тайных курьеров и т. д.). Большое значение технические подразделения СД стали придавать конструированию и производству безотказно действующих раций, а следовательно, и подготовке разведчиков нового профиля — агентов-радиостов. Даже в самых маленьких разведывательных группах и пунктах это были, как правило, люди, знавшие лишь одну заботу: обеспечивать безупречную связь в нужное время и защитить свои передатчики от обнаружения их радиоконтрразведкой противника. С течением времени и развитием радиодела рации становились все меньше, диапазон их действия все больше, а сами передачи все устойчивее. К описываемому времени переносные рации умещались в небольшом чемоданчике: приемник, передатчик и запас питания. Несмотря на относительно малую мощность (20, 40, 60 ватт), они устойчиво принимали и передавали сообщения на значительные расстояния.

Расширение радиотехнической подготовки, необходимость тщательного обучения агентов-радиостов потребовали немалых дополнительных расходов. На их покрытие была выделена с ведома Гитлера огромная в тогдашних условиях сумма — 30 миллионов марок.

При содействии Гимmlера Шелленбергу удалось значительно оживить деятельность «пунктов связи», созданных им в свое время в недрах имперских министерств и ведомств — иностранных дел, экономики, продовольствия, вооружения, связи, пропаганды, транспорта и образования. Это были центры компетентной информации по решающим стратегическим позициям, и они послужили опорной базой внешнеполитической разведки.

Особенно ценной, как признал потом Шелленберг, была поддержка министерства транспорта во всех специальных вопросах его компетенции: железнодорожное хозяйство, имеющие стратегическое значение туннели, мосты, как возможные объекты диверсии. С

помощью «пункта связи» в министерстве транспорта были собраны обширный статистический материал и технические характеристики транспорта многих стран мира. Они послужили надежным руководством для разведывательных и диверсионных групп, в частности сыграли важную роль при выработке и реализации диверсионной программы операции «Цеппелин».

«Пункт связи» в министерстве экономики, которое являлось крупнейшим держателем валюты в Германии, создал Шелленбергу условия наибольшего благоприятствования в части получения валюты на покрытие постоянных и эпизодических расходов, связанных с созданием и расширением заграничной разведывательной сети СД. Именно «пункт связи» этого министерства выполнял деликатные поручения службы безопасности по переводу денежных сумм фирмам, под прикрытием которых действовала разведка, или поддержанием валюты и важными видами сырья тех фирм, на содействие которых надеялась СД.

Имперское министерство связи интересовало службу Шелленберга прежде всего с точки зрения возможности совершенствования технических средств связи между центром и зарубежной и зафронтальной агентурой. Многочисленные конструкторы и инженеры научно-исследовательского отдела министерства работали над созданием радаров коротковолновой техники малогабаритных устройств.

С имперским министерством иностранных дел Шелленберг имел договор о всестороннем сотрудничестве, в том числе и в первую очередь в части, касавшейся предоставления должностей прикрытия для сотрудников СД, действовавших за рубежом в составе разведывательных резидентур. Подписанный самим Риббентропом, этот договор открывал перед СД возможность получения направляемыми за границу разведчиками дипломатического статуса, свободного доступа к официальной радиосвязи посольств и миссий, содействия в пересылке служебной корреспонденции в Берлин. Оговорено было также право создания и оборудования специальных каналов радиосвязи для нужд агентурной разведки.

Наконец, пользуясь поддержкой рейхсфюрера СС Гиммлера, руководитель внешнеполитической разведки осуществил крупные кадровые перестановки в своем ведомстве.

Получив значительное пополнение, Шелленберг достаточно умело воспользовался этим приливом свежих сил. Опытных агентов он переместил из столицы в оперативные зоны, то есть непосредственно в места действий разведки. А в берлинском центре и его филиалах на территории Германии их заменили новые сотрудники, пришедшие из СД и СС, — в основном с высшим образованием или окончившие специальные курсы.

ПОПЫТКА ЛОВИТЬ РЫБКУ В МУТНОЙ ВОДЕ

Справедливая, хотя и запоздавшая реабилитация жертв сталинских репрессий открыла советским людям глаза на существо сфальсифицированных судебных процессов 30-х годов, когда было истреблено великое множество патриотов, на которых навесили ярлыки шпионов и диверсантов, агентов буржуазных разведок. Чудовищный трагизм тогдашней ситуации заключался в том, что многие поверили этим иезуитским судилищам — страна действительно испытывала давление враждебного окружения, а с приходом Гитлера к власти антисоветская направленность его агрессивных планов не вызывала никакого сомнения. Действительная немецкая агентура продолжала ловить рыбку в мутной воде. Внедренные по методу полковника Николаи высококвалифицированные разведчики делали свое дело: в этом можно было убедиться уже по точности первых захваченных у немцев в начале войны топографических карт, по перечням оборонных объектов, куда прежде всего будущие захватчики намеревались направить свои удары, и по заранее подготовленным спискам «подлежащих уничтожению враждебных элементов» в Советском Союзе. Масштабы готовившегося вторжения, политические амбиции и экономические расчеты были столь непомерны, что ограничиваться в агентурном обеспечении блицкрига методом полковника

Николай казался им по меньшей мере недостаточным. Нужна была адекватная «агентурная политика», набор агентурного инструментария самого разного применения: шпионы, способные оценить обстановку и своевременно ориентировать руководство; сигнальщики для обозначения целей бомбардировки; подрывники на путях отступления советских войск; распространители панических слухов среди мирного населения; наемные убийцы для совершения террористических актов против государственных деятелей и видных военных; лазутчики, ориентированные на проникновение в партизанские отряды, и т. д. и т. п.

Мы знаем, что задолго до начала войны в глубине Германии уже работали разведывательные школы, нацеленные на Советский Союз, отрабатывались источники рекрутирования агентуры, цель которой — помочь немецким войскам возможно более успешно.

Каковы же эти источники? Как они использовались? Как видоизменялись в ходе войны? В какой мере они оправдали гитлеровские надежды?

ДОВОЕННАЯ ЭМИГРАЦИЯ И НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ

Разработав теоретические основы своей борьбы за «жизненное пространство», гитлеризм — ударная сила империалистического реванша в потерпевшей военное поражение Германии периода между первой и второй мировыми войнами — разбросал свои агентурные щупальца в главные страны всех континентов Земли. При всем при этом, как мы уже отмечали, основным, все усиливающимся направлением разведывательной деятельности было антисоветское направление. Источником, откуда в незначительной мере в веймарские времена, в неизмеримо больших масштабах — после прихода Гитлера к власти все довоенные годы они пытались черпать кадры для разведывательной работы, служили немецкие колонии и жившие в Германии русские эмигранты. Главным резервом агентуры против СССР были зарубежные антисоветские центры, стремившиеся сплотить так называемых белоэмигрантов, людей, бежавших или выдворенных из Советской России в первое послереволюционное время. Накануне второй мировой войны самая крупная колония русских эмигрантов находилась в Париже, затем следовали пражская, берлинская и белградская²¹⁶. Сохраняя за границей свои организации, издавая десятки газет, располагая военными формированиями, контрреволюционная эмиграция и ее политические группировки старались оказывать влияние на внутреннее и международное положение Советской страны.

До начала 30-х годов зарубежные центры белой эмиграции находились преимущественно под покровительством английской, французской и польской разведок. Но с приходом к власти Гитлера главари этих центров, видевшие цель своей жизни в уничтожении социалистического государства, признали в германском фашизме наиболее реальную для этого силу. Они быстро сменили ориентацию, пошли в услужение нацистской разведки, взявшей их на полное содержание. Они стали старательно собирать под антисоветскими лозунгами представителей многих национальностей сначала в условиях эмиграции, а с первых месяцев войны — и в разных подвергшихся временной оккупации районах страны.

Наибольшую активность в подрывной работе против Советского Союза проявляла буржуазная «Организация украинских националистов» (ОУН), главари которой установили первые контакты с нацистами на идейной почве еще за несколько лет до прихода Гитлера к власти. Уже в 1931 году ОУН призывала украинских националистов «стать густой казацкой

²¹⁶ Точные данные о размерах русской эмиграции, исповедовавшей различные религии, представлявшей многие национальности и социальные группы, отсутствуют, но, по оценкам специалистов, численность белоэмигрантов составляла полтора-два миллиона человек. Цифру «два миллиона» В. И. Ленин назвал и на X съезде РКП(б) в выступлении 9 марта 1921 года // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 49.

лавиной на стороне Гитлера, который проложит дорогу на Восток»²¹⁷. С установлением фашистской диктатуры ОУН полностью перешла на платную службу к гитлеровской разведке. В январе 1934 года по приказу инспектора германской полиции Дильсена берлинская организация украинских националистов была введена в структуру гестапо на правах особого отдела. Началось формирование националистических военизированных отрядов, формально приравненных даже к гитлеровским штурмовым отрядам. Руководил отрядами украинских националистов офицер гестапо Ярыга-Рымарт, он же Карлати, известный в кругах ОУН как Рико-Ярый²¹⁸. Шпионаж, диверсии, террор по отношению к командному и политическому составу Красной Армии стали основными формами деятельности оуновцев. Наиболее ценных агентов из этой среды, например полковника гитлеровской армии Коновальца, сотрудничавшего с абвером еще с 1925 года, инструктировал лично Канарис. «Военная разведка, — как признает потом Шелленберг, — с успехом использовала главарей украинских националистов Мельника, Бандеру»²¹⁹.

Бывший заместитель начальника отдела абвер II полковник Э. Штольце позднее расскажет на Нюрнбергском процессе, что еще перед нападением на Советский Союз он лично получил от своего шефа Лахузена задание создать и возглавить специальную группу под кодовым наименованием «А». Назначение группы — подготовка кадров для осуществления диверсионных актов и организации пораженческой пропаганды в советском тылу. Лахузен ознакомил Штольце с приказом оперативного штаба вермахта, обязывавшим абвер II в случае удара Германии по СССР использовать свою агентуру для разжигания национальной розни между народами Советского Союза. «Приняв к исполнению этот приказ, — показывал далее Штольце в Нюрнберге, — я связался с находившимися на службе у германской разведки украинскими националистами и другими участниками националистических фашистских формирований, которых привлек для участия в решении поставленной передо мной задачи. В частности, лично дал указание руководителям украинских националистов германским агентам Мельнику (кличка „Консул-1“) и Бандере инспирировать сразу же после нападения Германии на СССР провокационные выступления на Украине в целях дезорганизации и ослабления ближайшего тыла советских войск, а также для того, чтобы убедить международное общественное мнение в происходящем якобы распаде советского тыла»²²⁰.

Штольце лишь подтвердил то, что было известно еще до войны. В 1940 году органами государственной безопасности СССР был разоблачен и арестован Думанский — переброшенный в Советский Союз представитель Бандеры, один из членов руководства украинских буржуазных националистов. Думанский показал на допросе: «Организация украинских буржуазных националистов контактирует свою работу с гестапо. Поставляя нацистской разведке шпионские сведения о силах Красной Армии и промышленно-экономической мощи СССР, наша организация получает от немецких властей всевозможные субсидии в виде оружия и оборудования мест убежища против Советской власти... „Организация украинских националистов“, преследуя цель свержения Советской власти на Украине, рассчитывает на помощь со стороны Германии и поэтому, отвечая требованиям германского империализма, полностью находится на содержании гестапо».

Из сохранившихся в архивах отчетов, адресованных Канарису, видно, что сотрудники абвера вербовали доверенных лиц и в среде белорусской, грузинской и армянской реакционной эмиграции. После восстановления в 1940 году Советской власти в

²¹⁷ Цит. по: Терлиция М. Правнуки погани. Киев, 1960. С. 103.

²¹⁸ Вопросы истории. 1965. № 5. С. 22

²¹⁹ Schellenberg W. The Labyrinth. Memoire. Н. 202.

²²⁰ ЦГАОР СССР, ф. 3853/7445, оп. 1. д. 1664, л. 15 — 17.

Прибалтийских республиках СД и абвер предприняли усилия для сколачивания и активизации антисоветских действий литовских, эстонских и латышских националистов.

На территории Польши по заданию СД и абвера зарубежные эмигрантские центры создавали вооруженные отряды для заброски в Прибалтийские республики, на Украину и Белоруссию²²¹. Сотрудники гитлеровских секретных служб совершали многочисленные поездки по странам Европы с целью выискивания среди рассеянной по миру разношерстной, в большинстве своем еле-еле сводившей концы с концами белой эмиграции лиц, которых можно было бы использовать для нелегальной засылки в СССР. Не вполне доверяя эмигрантам по причинам, о которых пойдет речь дальше, СД и абвер, чтобы принудить завербованных к выполнению взятых обязательств, обращались с членами эмигрантских семей в Германии и в контролируемых ею странах как с заложниками.

С нападением на нашу страну нацисты под воздействием новых факторов вынуждены были пересмотреть свое отношение к использованию этого источника рекрутирования агентуры. Не отказаться от него, а более тщательно подходить к индивидуальному отбору. Дело в том, что вероломное нападение Германии на СССР обострило не прекращавшуюся в этой среде внутреннюю борьбу, которая много лет размывала эмигрантскую массу. Значительная часть ее, не порывавшая нравственных связей с народом, отстаивавшим родную землю, заняла достойную патриотическую позицию. Немало обнаружилось и таких, кто, встав на путь борьбы против гитлеровцев, участвовал в Соппротивлении в странах Западной Европы. Но и в среде эмигрантов, остававшихся на антисоветских позициях, начало войны внесло новые веяния: многие из них к этому времени вошли в состав организаций, увидевших возможность в ходе германо-советской войны осуществить собственные политические цели («Независимая Россия», «Самостийная Украина»). Так, например, на следующий день после падения Львова в июне 1941 года в семи километрах от него в селе Винники состоялось сессионное собрание Организации украинских националистов во главе с Ярославом Стецко, которое провозгласило создание украинского правительства. Когда об этом доложили Гитлеру, он пришел в ярость, справедливо усмотрев в этом серьезную угрозу его собственным колонизаторским планам. Чтобы с самого начала пресечь всякое подобие такой «самостоятельности», он издал директиву: сформированное «правительство» немедленно подвергнуть аресту и приступить к тайной ликвидации активных функционеров ОУН. Хотя директива имела пометку «по прочтении уничтожить», один ее экземпляр сохранился в сейфе начальника львовского гестапо и после освобождения города нашими войсками был обнаружен и изъят чекистами.

Но не только подъем патриотических настроений, с одной стороны, и действия в обход гитлеровцев — с другой, побудили руководителей нацистских секретных служб менять свое отношение к вербовке агентуры из среды старой эмиграции. Был еще один чисто профессиональный мотив, предупреждавший против широкого привлечения этой категории людей к выполнению тайных заданий на территории СССР: немало провалов постигло засланных в нашу страну агентов из числа эмигрантов. Когда в абвере и СД проанализировали эти провалы, то выяснилось, что даже те из эмигрантов, кто оставался убежденным противником Советской власти и готов был верой и правдой сотрудничать с нацистами, не могли принести ожидаемой пользы — они быстро попадали в поле зрения чекистских органов. Причиной тому служили многолетняя оторванность этих людей от страны, плохая ориентированность в условиях советской действительности. Правда, некоторые, если им удавалось проникнуть в тыл Красной Армии и добраться до пункта назначения, действовали, даже несмотря на немалый возраст, дерзко, не смущаясь и

²²¹ Что касается русских эмигрантов, проживавших в Германии, то, как пишет Шелленберг, «это был значительный „ресурс“, из которого могла рекрутировать агентов советская разведка. Со своей стороны мы намеревались использовать этот источник и в собствен-ых целях, перевербовывая многих работающих на Советы агентов и организуя их работу по системе троек...» // Schellenberg W. The Labyrinth. Memoirs. P. 139.

серьезного риска²²².

ТЕХНИКА ВЕРБОВОЧНОЙ РАБОТЫ

В кругах гитлеровской ставки бытовал такой афоризм: «Россию можно победить только Россией»²²³. Относился он к характеристике разных сторон жизни Советского государства: к возможности использования в своих интересах таких явлений, как многонациональный характер населения нашей страны; тяжелые последствия сталинского разгрома армейских кадров; недовольство людей разными непопулярными административными мерами органов Советской власти. Применительно к деятельности разведки этот афоризм означал необходимость привлечь попавших в беду советских людей для нанесения ущерба их же собственной стране. «Тотальный шпионаж» против СССР порождение германской разведки в годы второй мировой войны — можно было осуществить лишь руками тысяч и тысяч попавших в плен воинов Красной Армии. Не останавливаясь подробно на рассмотрении хорошо теперь известных причин первых тягостных поражений наших войск, важно для разбираемой нами темы констатировать: 22 июня 1941 года на СССР обрушился огромной силы удар почти двухсот хорошо вооруженных и отмотилизованных немецко-фашистских дивизий, и на огромном пространстве от Заполярья до Черного моря советские войска, ведя тяжелые оборонительные бои, вынуждены были отступать. Они несли колоссальные потери, а сотни тысяч солдат и офицеров, честно выполнявших свой долг, в не зависящих от их воли обстоятельствах попали в плен. До июля 1941 года, по официальному признанию, пленных было 724 тысячи. На правобережье Днепра летом было пленено еще 665 тысяч. Наконец, относящееся к первому периоду войны крупное поражение под Брянском и Вязьмой увеличило число советских военнопленных на 663 тысячи человек²²⁴.

Участь солдат и офицеров Красной Армии, захваченных фашистами, была крайне трагичной. Вопреки общепризнанным нормам международного права, всем конвенциям и договорам, касавшимся обращения военнопленными, они были обречены на голод и лишения, на истребление за колючей проволокой концентрационных лагерей. Огромное число попавших в плен уничтожалось по политическим мотивам и расистским законам. Их использовали в качестве «живого щита» боевых операциях, для разминирования минных полей, они служили лабораторным материалом для преступных «медицинских экспериментов». Не счесть умерших от голода и болезней, забитых до смерти и расстрелянных на дорогах только потому, что, обессилев, они не в состоянии были двигаться. По данным последнего времени, через ужас гитлеровских концлагерей прошло 18 миллионов советских граждан, и только в лагерях, размещавшихся на оккупированной советской территории, эсэсовцы уничтожили около 4 миллионов человек.

Такое отношение к советским военнопленным не было следствием лишь произвола местных военных властей. Это была государственная политика. Варварское обращение с нашими людьми, проявленная при этом жестокость в полной мере отвечали духу программы

²²² В августе 1941 года были задержаны и избиты два лазутчика. Один — царский полковник в возрасте 65 лет, другой 60-летний казачий сотник. Оба в Германии сотрудничали с гестапо. После прохождения специальной подготовки в разведывательной школе с началом боевых действий были заброшены в тыл Красной Армии. Шпионы раздобыли повозку и, смешавшись с потоком отходивших советских граждан, двигались на восток, собирая при этом необходимые немцам сведения. С потоком беженцев им предстояло проникнуть в Москву, установить связь с немецким резидентом, находившимся здесь на нелегальном положении, и под его руководством готовить диверсии на оборонных заводах.

²²³ Thorwald S. Wen Sie vertierten wollen. Stuttgart. 1952. S. 82 — 83.

²²⁴ По данным СС, в годы войны всего было пленено 5 237 660 советских солдат и офицеров. Кроме того, число наших граждан, угнанных в Германию, достигло примерно 5 миллионов человек.

«колонизации» Советского Союза, открыто провозглашенной нацистской верхушкой. Существуют указания на то, что директива Гитлера о поголовном истреблении пленных комиссаров Красной Армии, работников органов безопасности, представителей советской интеллигенции и военнослужащих еврейской национальности была официально сообщена высшим командирам и начальникам штабов вермахта на совещании 30 марта 1941 года, то есть за три месяца до нападения на СССР. Об этом, в частности, показал Ф. Гальдер на Нюрнбергском процессе 22 ноября 1945 года. «Война в России, — заявил Гитлер на этом совещании, — будет такой, которую нельзя будет вести по рыцарским правилам. Это будет борьба идеологий и расовых противоречий, и она будет вестись с беспрецедентной и неутомимой жестокостью. Все офицеры должны отвергнуть от себя устаревшую идеологию... Я категорически требую, чтобы мои приказы беспрекословно выполнялись. Немецкие солдаты, виновные в нарушении международных правовых норм... будут прощены»²²⁵. При этом Гитлер заявил, что отношение к советским военнопленным не должно связываться положениями Женевской конвенции 1929 года по той причине, что Советский Союз в ней не участвует²²⁶.

В сентябре 1941 года генерал-фельдмаршал Кейген. издал распоряжение «Об обращении с советскими военнопленными во всех лагерях для военнопленных». Содержание и тон этого распоряжения смутили даже выдавшего виды начальника абвера Канариса. Он направляет Кейтелю докладную записку, в которой обращает его внимание на произвол в лагерях, голод, массовые расстрелы. И конечно же совсем не потому, что считал это преступным с точки зрения международного права. Канариса тревожило другое: жестокое отношение к военнопленным неизбежно должно было привести к усилению сопротивления советских воинов, которые, зная, что их ждет в случае пленения, предпочтут плену смерть в бою. Но возражение Канариса не возымело никакого действия. Будто в ответ ему прозвучал приказ начальника управления по делам военнопленных верховного командования вермахта генерала Рейнеке от 8 сентября 1941 года. Он категорически требовал от солдат самой беспощадной расправы с советскими военнопленными. «Тот, кто не будет энергично применять оружие, как к тому обязывает данный приказ, — угрожал Рейнеке, — понесет наказание».

Нужно ли объяснять, как вся философия отношения к пленным, сама обстановка в концлагерях, перемалывание тысяч и тысяч пленных на глазах их несчастных товарищей сказывались на физическом состоянии и душевном настрое остальных. Трудно отрешиться от мысли, что к нагнетанию такой обстановки приложили руку многочисленные функционеры нацистской разведки разных рангов — она открывала перед ними возможности вербовки практически неограниченного количества агентуры.

Вербовочная работа в концлагерях и тюрьмах шла буквально днем и ночью. Сначала она продвигалась медленно, но скоро нацисты набили руку, и темп и результативность ее стали, по их собственной оценке, более высокими. Успех, как казалось, следовал за успехом. Касаясь технологии вербовочной работы, нацисты открыто заявляли, что отбираемых кандидатов из числа советских военнопленных надо было прежде всего ошеломить, сбить с толку. Действовали по принципу: чем наглее ложь, тем больше вероятность, что ей поверят. Это, по замыслу нацистов, облегчало дальнейшую психологическую и идеологическую обработку избранных жертв и достижение конечного результата — получения «добровольного» согласия на тайное сотрудничество.

Но уже на первой стадии операции «Цеппелин» выяснилась ненадежность значительной части завербованных таким путем агентов, в том числе тех, кого привлекали к

²²⁵ Shirer W. The Rise and Fall of the Third Reich. London, 1961.

²²⁶ В Женеве с 1 по 27 июля 1929 года состоялась международная конференция 47 государств, принявшая новую конвенцию о режиме содержания военнопленных. «С военнопленными, — говорилось в статье 2 этой конвенции, — следует всегда обращаться гуманно, в особенности защищая их от насилий, оскорблений и любопытства толпы. Применение к ним репрессий воспрещается».

сотрудничеству прямо в прифронтовой полосе. Будучи брошены в тыл Красной Армии, многие из них либо не выходили на связь с разведцентрами, надеясь уклониться от контроля противника, либо добровольно являлись с повинной в органы Советской власти.

Усвоив этот отрицательный опыт, нацисты пришли к выводу, что одного «добровольного согласия» оказавшегося в плену советского военнослужащего сотрудничать с ними мало. Для закрепления вербовки надо было поставить человека в положение, когда бы он почувствовал, что обратного хода нет.

Смысл вербовочной тактики сводился при этом к тому, чтобы принудить вербуемого к нарушению воинского долга и заставить его сообщить известные ему сведения о Красной Армии и ее командном составе, что можно было бы интерпретировать как выдачу врагу военной тайны. Другой прием: с помощью откровенной провокации опорочить его, превратив в источник информации об антифашистски настроенных солдатах. Наконец, наиболее верный путь связать ему руки участие в карательных операциях против партизан и местного населения на оккупированной территории²²⁷.

Создавая косвенные или прямые «улики» против беззащитного пленного, нацисты рассчитывали завязать на его шее тугий узел зависимости от новоявленных покровителей, что, по нацистским представлениям, гарантировало: перейдя линию фронта, человек не осмелится пойти с повинной к Советской власти. Между тем чекисты в военное время встречались не с одним таким явившимся с повинной. Справедливости ради надо отметить, что далеко не во всех случаях удавалось принять правильное решение при такой встрече. Одним не хватало профессионализма, чтобы развязать завязанный нацистами узел, другие под тяжестью тогдашней военной ситуации исповедовали лишь один известный им обвинительный уклон. Но было в органах госбезопасности немало и таких работников, которые брали на себя смелость поставить и обосновать правильный диагноз. Тогда соединение решимости недавнего военнопленного, избравшего агентурную заброску как единственный шанс возвратиться на родину, и чекиста, способного отличить друга от недруга, приводило к провалу очередной вражеской операции.

Было бы поэтому неверным считать, будто нацистам действительно удалось превратить советских военнопленных в абсолютно надежный источник пополнения своей тайной агентуры.

Выше говорилось о философии отношения нацистов к советским пленным. Но не менее вредную роль сыграло бытовавшее тогда с легкой руки руководства Главного политического управления РККА мнение, согласно которому все попавшие в плен или без вести пропавшие воины огульно объявлялись изменниками Родины со всеми вытекавшими из этого ужасными последствиями²²⁸. Такой порочный взгляд, несомненно, был на руку врагу, поскольку он облегчал гитлеровской разведке запугивание и идеологическую обработку наших людей. Еще более тяжелую роль сыграл приказ № 270 Верховного главнокомандования, придавший клеветнической позиции Главного политического управления РККА силу закона. Напомним его содержание. «Если... говорилось в нем, — часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдать в плен — уничтожить их всеми средствами, как наземными,

²²⁷ Так оказался в агентурной сети сын репрессированного из Полтавской области Литвиненко Д. П. В плен он сдался добровольно и, когда немцы предложили ему сотрудничать, охотно согласился. Вербовка Литвиненко была закреплена следующим образом: сначала его использовали в розыске местных коммунистов и комсомольцев. После того как он обнаружил двоих, их тут же расстреляли. Надежно «привязав» таким образом предателя, нацисты переправили его через линию фронта, где он принялся было за выполнение полученного задания, но был разоблачен.

²²⁸ Известно, что в сводках Совинформбюро никогда не указывалось число пленных, просто писали: «пропал без вести». В 1941 — 1942 годах тогдашним руководством ГлавПУРа РККА была даже выведена формула: «Каждый, кто попал в плен, — предатель Родины». Бесчеловечная жестокость этой формулы состояла в лежащем в ее основе недоверии к солдатам и офицерам Красной Армии, в несправедливом предположении, что все они попали в плен из-за собственной трусости. Таким образом, было попрано достоинство всех честно воевавших и перенесших потом трагедию плена.

так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи». Командиров и политработников, «... сдавшихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту, как семьи нарушивших присягу и предавших свою родину дезертиров». Легко понять, как использовали этот приказ в своих целях руководители немецких разведывательных органов.

И еще одно соображение. В последние годы в некоторых органах массовой информации можно было встретить безапелляционное осуждение чекистских действий в отношении немецкой агентуры из числа советских военнопленных — «бесконечные проверки на дорогах», фильтрация, придание суду. С позиций прошедшего времени тогдашние «узелки» кажутся легко распутываемыми. Но это совсем не просто, в чем легко убедиться, детально ознакомившись с примерами вероломства противника, использовавшего горестную судьбу военнопленных в интересах «тотального шпионажа», в частности в рамках операции «Цеппелин».

Вероломство и беспримерная жестокость позволили разведывательным центрам противника сравнительно быстро, хотя и не без труда, решить количественную сторону проблемы рекрутирования агентуры из числа советских военнопленных. Но сумма добровольно согласившихся работать на врага или сломленных условиями концлагерей «агентов-новобранцев» сама по себе не составляла дееспособной агентурной сети. Ее предстояло еще сформировать.

ШКОЛЫ ДИВЕРСАНТОВ И ШПИОНОВ

Большое количество завербованных будущих лазутчиков надо было пропустить через обучение в специальных разведывательных школах и на курсах. Опираясь на опыт разведывательных школ, существовавших в Германии до нападения на СССР, в присоединенной Австрии, в оккупированных Варшаве, Гааге и Белграде, абвер и СД в первые же месяцы войны развернули подобные учреждения на оккупированной советской территории. Первые такие школы возникли в Риге, белорусском городе Борисове, в местечке Катынь под Смоленском, позже — в Харькове, Орле, Курске. Преподавательский и инструкторский состав школ формировался главным образом, особенно первое время, из числа офицеров абвера и СД, считавшихся «знатоками России». Как правило, они свободно владели русским языком, были хорошо знакомы с условиями советской жизни, так как находились в нашей стране на разведывательной работе, числясь многие годы служащими дипломатических и иных официальных представительств Германии. Часть постоянного персонала школ составляли агенты немецкой разведки из числа русских эмигрантов (правда, доступ их к строго охраняемым тайнам, особенно связанным с обеспечением агентуры личными документами, по соображениям конспирации был ограничен). Позднее в качестве инструкторов были привлечены несколько бывших офицеров Красной Армии. Но это было исключением из общих правил и касалось лишь тех военнопленных, которых нацистам удалось прочно «прибрать к рукам».

Важнейшее место в программе обучения занимало освоение агентом методов подрывной работы — всякий раз для каждого в зависимости от характера предстоящего задания, то есть в соответствии с профилем его будущего использования.

Но были общие вопросы, которые изучали все, независимо от специфики будущей задачи. Это — организация советских вооруженных сил, уставы, наставления и вооружение Красной Армии, инженерное дело, топография и тактика, строевая подготовка и парашютизм.

Будущих диверсантов обучали способам подрыва поездов (прежде всего воинских эшелонов с живой силой, боевой техникой и боеприпасами), разрушения железнодорожного полотна, мостов, линий высоковольтной передачи и других сооружений стратегического значения. Теоретические знания закреплялись практическими прикладными занятиями в полевых условиях, приближенных к реальной обстановке. Много времени уделялось

пользованию оружием, методам бесшумного захвата и умерщвления жертв нацистской разведки.

Тех, кому предстояло вести наблюдение за передвижением войск по прифронтовым железным и шоссейно-грунтовыми дорогам или заниматься шпионажем в более широком плане, подробно инструктировали, какие сведения прежде всего могут интересовать разведку, где и каким образом можно их добывать, как обзаводиться нужными знакомыми и источниками информации. Они изучали радиодело, шифры, коды. Часть агентов, кроме того, была ориентирована на изучение «оперативной обстановки» в районе своего местонахождения, условия легализации новых групп лазутчиков. Им надлежало искать места, подходящие для парашютной доставки вспомогательных шпионских и диверсионных средств и снаряжения агентуре, приступившей к выполнению заданий; отыскивать площадки для приземления новых партий агентов-парашютистов, а также убежища для их укрытий на первое время. Общим для всех агентов было задание любой ценой, не останавливаясь ни перед чем, добывать подлинные личные документы, продовольственные аттестаты, вещевые книжки, бланки со штампами и печатями воинских частей.

Имея дело с людьми, по их представлениям сдавшимися в плен под влиянием нацистской пропаганды, офицеры абвера и СД большое значение придавали «идеологическому закреплению» агентуры. Шла интенсивная антисоветская обработка, которая в общем-то находила известную почву, особенно в первый период войны, породившей растерянность среди определенной части красноармейцев и командиров. Слушателей разведывательных школ вовлекали в антисоветские организации типа «Союза борьбы за освобождение России» и «Национально-трудового союза».

Важнейшей целью антисоветской обработки агентов, как ее понимали руководители абвера и СД, было внушить мысль, что они не просто шпионы в обыденном смысле этого слова, а «русские, украинские, грузинские патриоты, ведущие борьбу за лучшее будущее своей страны и своего народа».

В некоторых школах имела хождение памятка под любопытным названием — «Размышления разведчика». Она содержала напутствия и советы, о которых агент не должен забывать, отправляясь на задание. В ней, в частности, говорилось:

«Запомни раз и навсегда, что отныне ты воин тайного фронта, что на твоём пути будут одни трудности и преграды, которые ты должен умело и эффективно преодолеть. Забудь своё прошлое. В основе твоей жизни лежит легенда. Твоя работа требует от тебя силы воли и твердого характера, а поэтому, не откладывая, берись за устранение своих уязвимых сторон. Важное значение в твоём деле может иметь случай, поэтому никогда не упускай удачного случая. Возьми для себя за правило не выделяться из окружающей среды, подстраиваться под массу... Не вербуй себе в помощники неразвитых людей. Но в то же время не забывай, что под глупой физиономией может скрываться золотой человек. Никогда не назначай встречи в одном и том же месте, в одно и то же время. Если ты хочешь что-либо узнать о постороннем, говори с собеседником так, чтобы не чувствовалось твоих наводящих вопросов. Если ты хочешь чем-то поделиться, подумай: „Я это скажу через пять минут“. По прошествии этого срока ты убедишься, что у тебя пропало желание откровенничать. Развивай свою память и наблюдательность. И научись молчать, ибо способность молчать и запоминать будет твоим первым и лучшим помощником. Если ты любишь женский пол, то никогда не влюбляйся и чаще меняй женщин. Имей в виду, что объект твоей любви может оказаться на службе в контрразведке, и тогда ты пропал».

Среди слушателей разведывательно-диверсионных школ постоянно распространялась антисоветская литература и враждебная нашей стране периодическая печать. Вместе с тем преподаватели держали своих слушателей и в курсе подлинных событий, происходящих в Советском Союзе, правильно считая, что без подобной ориентации агенту трудно будет рассчитывать на успех. Для агентов, писал впоследствии Шелленберг, «устраивались доклады и лекции, сопровождаемые показом диапозитивов, и даже поездки по Германии с целью ознакомления с условиями жизни немцев, которые они могли бы сравнить с

жизненным уровнем русских. Тем временем преподаватели и доверенные лица изучали истинные политические взгляды этих людей: они выясняли, привлекают ли их только материальные выгоды, или они на самом деле вызвались служить нам из политических убеждений»²²⁹.

Не полагаясь только на школы и их преподавателей и инструкторов, на заключительной стадии подготовки агентуры, перед самой заброской в советский тыл, к делу часто подключались руководящие деятели СД и абвера. Перед заброской шпионских и диверсионных групп, имевших особо важные задания, высшие чины разведки лично встречались с агентами, чтобы убедиться, насколько они надежны и подготовлены к выполнению заданий. Как правило, такие инспекционные встречи сопровождались обильными выпивками, не в последнюю очередь в надежде, что таким образом можно будет легче «развязать языки».

Интересные подробности одной из таких встреч приводит Шелленберг. Два бывших офицера, москвичи, попавшие в августе 1941 года в плен под Брянском, «прошли у нас многостороннюю специальную подготовку и как наиболее интеллигентные и осведомленные люди были намечены для участия в операции „Цепелин“. Я навестил их в одной из берлинских квартир, где они проживали под видом гражданских лиц. Один из них — в прошлом офицер генерального штаба, оказался человеком, способным мыслить творчески, а в его товарище инженере больше проявлялось эмоциональное начало. В ходе нашей беседы выяснилось, что оба они, несмотря на негативное отношение к советской системе в принципе, все же считают, что в конечном счете Россия выиграет войну... Первый обосновывал свое мнение выдающимися организаторскими способностями Сталина, второй под воздействием алкоголя высказывался еще более определенно: „Вам, немцам, не одолеть ни русского народа, ни русских пространств“²³⁰. Поскольку, по мнению СД, надежность того и другого агента не вызвала сомнений, этим их высказываниям не придали серьезного значения. Шелленберг не касается дальнейшей судьбы перешедших на их сторону двух офицеров. Очевидно, ему, а тем более его подчиненным льстила сама мысль, что «творчески мыслящие русские» готовы работать на нацистов. Кроме того, руководители многих школ спешили выгодно отчитаться перед начальством и в силу этого хватались за каждую мало-мальски эффективную кандидатуру. Как это обстоятельство сработало на пользу советской стороне, можно судить по результатам одной из чекистских операций, проведенных против смоленской (в поселке Красный Бор) разведывательной школы противника.

В июне 1942 года для проникновения в эту одну из наиболее активно действовавших диверсионных школ в центре России был внедрен советский разведчик Михайлов. Как и рассчитывали, на подходе к Смоленску он был задержан гитлеровцами. Его подвергли тщательному допросу и поместили в вяземский лагерь для военнопленных. Там в числе других военнопленных его вербовали в «Русскую национальную армию». Михайлов согласился, полагая, что так он сможет быстрее оказаться в поле зрения разведки. И не ошибся. Вскоре его, только что добровольно появившегося «с той стороны», стали обрабатывать абверовцы. Они «склонили» его к тайному сотрудничеству и отправили в диверсионную школу. За время пребывания там — с августа 1942 по февраль 1943 года — Михайлову удалось войти в доверие, завязать дружеские отношения и перетянуть на свою сторону 12 соучеников. Перед отправкой в советский тыл он снабдил их паролем для явки в органы государственной безопасности. Вместе с другим советским разведчиком, Борисовым, Михайлов сорвал несколько спланированных нацистами диверсионных акций. Через известное время Михайлов благополучно вернулся из вражеского логова. Борисов, остававшийся в школе, продолжал выполнять задания советской контрразведки. Добытые им сведения о планируемой карательной операции против белорусских партизан в районе

²²⁹ Schellenberg W. The Labyrinth. Memoirs. P. 264.

²³⁰ Schellenberg W. The Labyrinth. Memoirs. P. 268.

Суража позволили партизанам нанести предупредительные удары по карателям. За успешное выполнение заданий Михайлов и Борисов были награждены орденом Красного Знамени.

Мы отвлеклись рассказом о Михайлове и Борисове не для того, чтобы показать одну из удачных чекистских операций. Мораль этого примера состоит в том, что и над методологией формирования и обучения агентуры в разведывательно-диверсионных школах довлела тень доктрины блицкрига: наша победа predetermined руководством фюрера, и потому ради массивного агентурного давления на противника можно пренебречь даже некоторыми, до того казавшимися незыблемыми заповедями разведки.

В самом деле масштабы «тотального шпионажа» сами по себе, что называется, с порога отметали былую практику индивидуального обучения и тренировки будущих агентов. Если бы в веймарские времена профессиональному разведчику показали бы класс, в котором за партами сидят 8—10 или 15 будущих нелегалов, он подумал бы, что ошибся дверью. А тут десятки людей видят друг друга, беседуют друг с другом неделями и даже месяцами. Правда, они живут под вымышленными фамилиями или кличками, но в тесном армейском общении это мало меняет дело. Хотя вся теория международного шпионажа говорит против того, чтобы один агент знал другого, в условиях войны, в частности при проведении операции «Цеппелин», этот принцип секретные службы фашистской Германии сплошь и рядом игнорировали. Засылаемым в советский тыл «надежным и перспективным по своим возможностям» агентам абвер и СД часто давали выход на других своих агентов — «связь для спасения», которой они могли бы воспользоваться в случае острой необходимости и особенно при возникновении кризисной ситуации (иссякли деньги, выбыла из строя рация, сложности с убежищем и т. п.).

Насколько облегчили такая «школьная структура» и другие просчеты немецкой разведки контрразведывательную работу советских органов речь пойдет дальше. Сейчас же важно отметить, что сама по себе сеть школ была одновременно и сильной и слабой стороной операции «Цеппелин» — этого станового хребта «тотального шпионажа» против Советского Союза. Уязвимым оказалось и пренебрежение некоторыми «старыми принципами».

Известно, что всякую разведывательную статистику нужно принимать с должной осторожностью. Помимо таких объективных обстоятельств, как профессиональная тайна, наличие множества секретных служб, подразделений, пунктов, изменение их дислокации и условий работы под влиянием военных успехов и неудач, на правдивости статистики сказываются и субъективные факторы — квалификация руководителей органов, наконец, их служебная добросовестность. Кроме того, не исключена и намеренная дезинформация. Тем не менее есть данные, что если в 1941 году по сравнению с 1939 годом заброска немецкой агентуры в нашу страну (особенно, конечно, в тыл отступающих советских войск летом и осенью этого года) выросла в 14 раз, то в 1942 году — в 31, а в 1943 году — в 43 раза.

Давала свои плоды развернутая сеть разведывательно-диверсионных школ. Только в одном 1942 году через них прошло более 7 тысяч шпионов и около 2, 5 тысячи диверсантов и радистов. Ссылаясь на немецкие архивы, западные авторы утверждают, что только один абвер в операции «Цеппелин» ввел в действие в 1942 году около 20 тысяч агентов (вдвое больше, чем в 1941 году). За первые шесть месяцев 1943 года число их по сравнению с предшествовавшим годом возросло тоже почти вдвое.

Обращало на себя внимание то, что агентурные группы, особенно диверсионные, имели большую численность, а их заброска происходила через сравнительно короткие интервалы.

По документальным данным абвера, только одно из его подразделений — «абверкоманда-104» — с октября 1942 по сентябрь 1943 года, забросило в тыл Красной Армии 150 групп шпионов и диверсантов численностью от трех до десяти человек каждая. «Из 150 групп, говорится в документе, — почти все попали в руки русских... Вернулось только две группы... Военные сведения, добытые возвратившимися, не представляли никакой ценности». Но разговор об эффективности этих забросок впереди.

ЛЕГЕНДЫ И ЗАДАНИЯ

По окончании теоретического курса и практических занятий для каждого агента отрабатывались задание и легенда прикрытия. Их обстоятельно инструктировали, на этот раз, конечно, порознь. Случалось и так, что у некоторых агентов было две и даже три легенды — этого требовали условия, в которых они могли оказаться по ходу дела. Для заброски агентов на советскую территорию во время войны использовалась эскадрилья «Гартенфельд». Агентов сбрасывали на парашютах и снабжали топографическими крупномасштабными картами с нанесенным маршрутом движения из района приземления. Некоторые агенты нелегально переходили линию фронта, просачиваясь через боевые порядки советских войск. Наилучшей маскировкой считалась привычная для обыкновенного глаза форма и документы советских военнослужащих, как правило, подкрепленные личными письмами и иногда даже фотографиями, соответствующими легенде. Чаще всего агенты выступали в прифронтовой полосе под видом интендантов, представителей воинских частей или организаций, обслуживающих армию, а в глубоком тылу в роли фронтовиков, находящихся в командировке или краткосрочном отпуске и т. д. Некоторым из этих агентов, принимая во внимание, что для выполнения поставленных перед ними задач наверняка потребуется посторонняя помощь, давали адреса, где они могли бы остановиться и даже обжиться. По соображениям конспирации (особенно в тех случаях, когда задание предусматривало установление связи с агентами, оставленными нацистами на освобожденной нашими войсками советской территории), они должны были время от времени менять местожительство, а также свои имена, используя имевшиеся запасные комплекты фальшивых документов. Вооружение лазутчиков составляло табельное оружие Красной Армии — ППШ, пистолеты, гранаты, кинжалы, ножи.

В 1943 году немцы заметно усилили переброску агентуры, действовавшей по легенде о побеге из плена. Это были мелкие группы — от двух до шести человек. Абвер или СД способствовали организации такого побега, включая своих агентов в число патриотически настроенных военных. Расчет был прост: при необходимости эти военнопленные, не подозревающие об истинном лице своих новых «товарищей», подтвердят их показания о совместном побеге из плена.

Помимо агентурных групп продолжалась заброска агентов-одиночек. Они проникали в наш тыл под видом беженцев, выходящих из окружения бойцов Красной Армии, солдат, отставших от своих частей. В марте 1942 года в населенном пункте Абхазской автономной республики было обнаружено несколько агентов (часть из них явилась с повинной). Как стало ясно из их показаний, абвер и СД стали придавать большее значение индивидуальной подготовке агентов из числа советских военнопленных, особенно в тех случаях, когда это было связано с выполнением каких-то важных заданий. Сразу же после вербовки они получали гражданскую одежду и жили большей частью на частных квартирах, где и проходили индивидуальное обучение. Это были одиночки, не знавшие о существовании друг друга, их поведение и настроение контролировались настолько тщательно, что вероятность измены с их стороны, как считали в Берлине, сводилась к минимуму. Согласно архивным материалам, одному из таких агентов удалось, выдав себя за бежавшего из плена, благополучно пройти проверку обстоятельств пленения и поведения в плену и спустя некоторое время получить назначение в штаб фронта, откуда он впоследствии смог передать разведцентру важные сведения о Красной Армии.

В рамках операции «Цеппелин» в 1942—1943 годах СД осуществила заброску с территории Турции в южные районы СССР и за Урал агентов из числа военнопленных восточных национальностей, представителей кавказских и тюркских народностей. Некоторое время им удавалось собирать и передавать немцам информацию, с которой гитлеровцы знакомили и руководителей турецкой разведки. После того как были схвачены несколько лазутчиков, в дело вмешался Наркомат иностранных дел СССР. Турецкое правительство, которому были предъявлены документальные доказательства соучастия в шпионской

деятельности против нашей страны, заверило, что позаботится о том, чтобы в дальнейшем проникновение немецких агентов в СССР с территории Турции не происходило.

Еще один аспект операции «Цеппелин» — охота за документами и сведениями из официальных и других советских источников, чтобы выяснить наиболее уязвимые места на важнейших промышленных объектах в системе снабжения, уничтожив которые можно было парализовать экономическую поддержку армии. Этой цели отвечали многие задания диверсионной агентуры, засылаемой на советскую территорию. Ведавший этим участком «Цеппелина» Отдел планирования пытался даже самостоятельно предпринимать операции. Однако недостаток самолетов, предоставляемых в распоряжение СД, лишал, по признанию ее руководителей, возможности наносить уничтожающие удары по промышленным объектам СССР, хотя в техническом и профессиональном отношении вся необходимая для этого подготовительная работа была выполнена с большой тщательностью.

Отсутствием авиационной поддержки объясняли и то, почему СД не удалось довести до конца спланированную уже операцию — сбросить в районе выявленных важных целей снаряд Фау-1, которым после отделения от самолета-носителя должен был управлять пилот-смертник (в СД существовал небольшой резерв таких летчиков). Налетам должны были подвергнуться прежде всего промышленные комплексы в Куйбышеве, Челябинске, Магнитогорске, а также некоторые оборонные объекты за Уралом. Цели уничтожающей бомбардировки были определены опытными специалистами на основе данных, собранных СД и абвером главным образом в ходе осуществления операции «Цеппелин». Но эти широко задуманные и технически обоснованные планы рухнули, натолкнувшись на сокращавшиеся с каждым месяцем возможности немецкой авиации, силы которой все больше поглощал фронт. Приходилось ограничиваться мелкими операциями в тылу Красной Армии вроде взрывов наземных трансформаторов и мачт высоковольтных линий.

Но, как признал впоследствии Шелленберг, «все это были лишь булабочные уколы, почти не отражавшиеся на боеспособности русской армии». Результативность действий агентуры, заброшенной в советский тыл, оставалась невысокой. Не в последнюю очередь потому, что операция «Цеппелин» натолкнулась на серьезное и квалифицированное противодействие советской контрразведки, о чем речь пойдет дальше.

СВЯЗЬ И ЭКИПИРОВКА

Во все времена решающим условием успешной деятельности разведчика была и остается надежная связь с центром. В военной обстановке, когда ситуация может мгновенно и радикально изменяться, а своевременно добытые данные о предполагаемом маневре противника способны спутать все его карты, значение четко работающей связи возрастает во сто крат. Руководители немецкой разведки предпринимали немало усилий, чтобы привлечь к этому участку немалые материальные средства и конструкторские силы. Если вспомнить, что полвека назад радиотехника была практически в зачаточном состоянии, надо отдать должное европейской промышленности, снабжавшей гитлеровскую агентуру надежными по тем временам средствами связи. В каждой группе агентов, включающей обычно 5—7 человек, непременно имелся радист с коротковолновой приемопередающей радиостанцией, шифрами и дешифровальными блокнотами²³¹.

Еще задолго до операции «Цеппелин» абвер и СД работали над тем, чтобы, с одной стороны, обеспечить разработку надежно функционирующих агентурных радиопередатчиков, а с другой — организовать в короткие сроки подготовку значительного числа квали-

фицированных радистов, обратив особое внимание на отработку скорости и четкости

²³¹ Парадокс: часть агентов отказывалась от услуг радиста, ссылаясь на то, что наличие рации делало ее владельца уязвимым, поскольку служило неопровержимым доказательством его причастности к шпионской деятельности. Они предпочитали переписку с применением симпатических чернил на условные почтовые адреса внутри страны.

передачи. Достижения научно-технического прогресса привели к тому, что радиопередатчики со временем стали такими малогабаритными, что их легко было переносить, не вызывая подозрений, уверенно прятать и трудно обнаруживать. Тогда же удалось создать шифры, которые нелегко поддавались раскрытию. Такой способ радиосвязи потеснил все другие (личные встречи, курьеров, использование тайников) и стал преобладающим. Тем более что в ту пору относительная безопасность радиосвязи объяснялась и низким уровнем развития методов пеленгации передатчиков.

Рафии чаще всего помещались в маленьком чемодане и имели то преимущество, что без особого труда можно было постоянно менять места выхода в эфир. Запеленговать же их было трудно, особенно если, как правило, очень короткие сеансы передачи или приема велись из леса. Передовые пункты связи радиогруппы абвера I устойчиво принимали агентурные радиопередачи в твердо обусловленные часы.

Первое время техническая подготовка агентов-радиостов была обособлена, строжайше засекречена и проводилась в основном в крупных разведывательных школах (под Берлином, в районе Варшавы, Белграда и Гааги). К моменту начала операции «Цеппелин» обучение радиоделу было налажено и в других школах, в том числе развернутых на оккупированной советской территории.

До переброски агента-радииста через линию фронта его манеру, индивидуальные особенности работы на ключе записывали на пленку. «Радиопочерк» потом можно было распознать так же, как соответствующие специалисты определяют почерк по рукописи или обнаруживают пишущую машинку, на которой напечатан исследуемый документ. Такой контроль был предусмотрен для того, чтобы разведцентр во время радиосеанса связи с агентом был абсолютно уверен, что передачу ведет именно он, а не подставное лицо.

В каждой разведывательно-диверсионной школе имелось особо засекреченное структурное подразделение, занимавшееся изготовлением для агентов разного рода документов в полном соответствии с легендой, под которой будущему лазутчику предстояло выступать за линией фронта. Это были солдатские книжки и удостоверения личности командиров, вещевые, денежные и продовольственные аттестаты, справки из госпиталей и многое другое. В первый период войны подбор таких документов не составлял большого труда — много всяких бланков попало в руки противника среди трофейного имущества, оставленного советскими частями при отступлении или которое было оставлено учреждениями, эвакуировавшимися под огнем противника. Однако со временем менялись старые и появлялись новые формы документов и бланков, становился иным характер печатей, создавались и расформировывались воинские и гражданские учреждения, менялась их дислокация. Все это надо было учитывать при подборе и изготовлении документов агентуры, предназначенной для заброски в тыл советских войск. Пришедший с повинной водопроводчик катынской разведывательной школы, обучавшийся в ней перед заброской, подробно информировал чекистов о существовании на территории школы тщательно засекреченной мастерской по изготовлению документов. Он по долгу службы бывал в ней, был хорошо знаком с руководителем мастерской, гравером-умельцем из числа сдавшихся в плен командиров Красной Армии. Кроме того, он сообщил, что одно из его заданий после переброски было: добывать любые подлинные советские документы и бланки и доставлять их в школу.

С течением времени запасы старых бланков иссякли, а такие умельцы, как катынский гравер, не поспевали за масштабами требований «Цеппелина». Руководители абвера и СД организовали серийное производство бланков фальшивых советских паспортов, партийных билетов, солдатских книжек, не говоря уже о простейших бланках (продовольственные аттестаты, госпитальные справки, заключения медицинских комиссий и т. п.). Дело в конце концов дошло и до изготовления фальшивых советских орденов.

Анализ архивных материалов указывает на то, что в большей своей части разведывательные операции против СССР, и в частности связанные с достаточно широким использованием советских военнопленных, гитлеровские секретные службы готовили с

особой тщательностью. Как правило, у агентов была практически безупречная экипировка, прочная легенда, подкрепленная надежными, хотя и фальшивыми документами. Безукоризненно сработанные удостоверения личности, командировочные предписания, обраставшие отметками этапно-заградительных комендатур, продовольственные аттестаты способны были ввести в заблуждение большинство людей, проверявших документы. Нужен был профессиональный навык, чтобы обнаружить фальшь в документации.

Можно привести немало свидетельств того, как абвер и СД привлекали себе в помощь специалистов самого различного профиля для решения бесчисленного множества мелких и крупных проблем материально-технического обеспечения успешной деятельности агентуры.

Так, для тайнописи специалисты-химики разработали состав, который невозможно было обнаружить ни химическими реактивами, ни с помощью инфракрасных лучей. Главным компонентом этого состава была... кровь самого агента. В случае необходимости агент укалывал себе палец, выдавливая каплю крови на кончик пера, где она смешивалась с раствором, и смесь для написания тайных донесений была готова. Сначала строчки были красного цвета, но через несколько минут исчезали. Только тот, кто знал тайну применяемого состава, мог проявить написанное и восстановить текст.

Военные инженеры изобрели специальные приспособления, с помощью которых миниатюрные мины нажимного действия прикреплялись нацистскими диверсантами к шейке рельса, так что с движущегося паровоза их обнаружить было практически невозможно. Искусно камуфлировалась и взрывчатка — ее упаковывали в виде брикетов пищевых концентратов.

Необходимо оговориться, что сравнительно частые ссылки на архивные материалы вовсе не означают, что только сейчас, по прошествии стольких лет, советской контрразведке стали известны многие хитрости немецкой разведки. В той или иной степени чекистам удавалось проникать во многие вражеские акции, не только осуществленные, но и готовящиеся. С первых дней войны шло скрупулезное и систематическое изучение планов и методов противника, что в ряде случаев и создало предпосылки для успешного противостояния шпионской и диверсионной деятельности его агентуры.

Рассмотрим это хотя бы на двух контрразведывательных операциях не просто прикладного, а более широкого, методологического значения.

Выше указывалось, что система подготовки агентуры из числа советских военнопленных имела и свою сильную сторону (практически безграничное количество обученного шпионажу и диверсиям человеческого материала), и свою слабую сторону (слишком много людей знали друг друга и, несмотря на все предосторожности, были посвящены в некоторые детали жизни и службы в разведке других своих соучеников). Это обстоятельство было использовано для совершенствования работы. Каждого разоблаченного или явившегося с повинной агента опрашивали тщательнейшим образом обо всех встреченных в школе людях: откуда они, каков их возраст и приметы, как они себя называли, какие особенности были в их подготовке, как скоро кончался срок их обучения и т. д. и т. п. Поначалу это могли быть только имя, возраст и словесный портрет. Затем какая-то физическая примета, деталь, относящаяся к довоенному местожительству, профессии, составу семьи и т. д. Потом (в результате опроса третьего, четвертого, пятого соученика) первоначальные сведения обрастали новыми. Приходило время, когда об агенте, еще, может быть, находящемся в школе, чекисты знали достаточно много, чтобы представить себе, где и как его искать. В архивах советских органов безопасности сохранилась многотомная розыскная книга, позволившая обезвредить не одну сотню вражеских агентов.

Или другое пособие, пользование которым облегчало разоблачение многих опасных агентов. Появилось оно вскоре после того, как гитлеровцы начали сами печатать паспорта и партбилеты, изготавливать бланки других документов, наладили производство советских орденов. Изъятый у разоблаченных агентов каждый такой документ или орден сопоставлялся с подлинными, и неизбежно обнаруживались несовпадающие признаки: не точно повторенный шрифт, иная плотность эмали на ордене и многое другое. Достаточно было при

проверке документов у человека раскрыть такой паспорт на определенной странице, где выявлен признак несоответствия с подлинным, чтобы убедиться — в руках фальшивка.

Эти и другие операции советской контрразведки и создали заслон, в значительной мере сказавшийся на признанной даже таким авторитетом, как Шелленберг, низкой эффективности операции «Цеппелин». Ее поражение означало, в сущности, крах доктрины «тотального шпионажа», этого чудовищного порождения третьего рейха.

СТАВКА НА ВОЕННОПЛЕННЫХ — РАСЧЕТЫ И ПРОСЧЕТЫ

Первоначальная эйфория, охватившая руководящие круги немецкой разведки после того, как они приобрели в лице сотен тысяч пленных красноармейцев и командиров огромный источник рекрутирования агентуры, как уже было сказано, прошла довольно быстро. Настоящие профессионалы, столкнувшись с тем, как трудно шла вербовка этого контингента, поняли, что среди советских военнопленных было не так уж много таких, кто готов был всерьез связать свою жизнь с вражеской разведкой и наносить ущерб собственной стране.

Конечно, в огромной массе советских военнослужащих, попавших в плен, оказались люди разные. Были среди них и антисоветски настроенные, и добровольно перешедшие на сторону врага, и неустойчивые, и, наконец, просто паникеры, трусы, бывшие уголовники.

Сейчас, очевидно, можно с полным основанием утверждать, что первоначальному успеху вербовочных акций абвера и СД не могло не способствовать и то обстоятельство, что какая-то часть наших людей была потенциально подготовлена для контактов с любым военным противником задолго до начала войны. Жестокая сталинская административная система, чудовищные перегибы периода коллективизации, безжалостно суровые приговоры судов даже по такому поводу, как пресловутый колосок, унесенный полуголодным человеком с поля (печально знаменитый закон от 7 августа), или 20-минутное опоздание на работу (был и такой указ в предвоенные годы), не говоря уже о массовых репрессиях 1937—1938 годов, объективно стали питательной средой, порождавшей будущих пособников любого противника советского строя. Само собой разумеется, абверу и СД нетрудно было найти подход к таким лицам и, склонив их к сотрудничеству, использовать во враждебных Советскому Союзу целях. Агенты из такой среды представляли серьезную опасность для нашей страны прежде всего тем, что на них возлагалось выполнение наиболее сложных заданий диверсионно-террористического характера. Известны многие случаи, когда, чтобы завладеть личными документами советских военнослужащих, они шли на убийства. При захвате таких агентов они, как правило, оказывали отчаянное сопротивление, пуская в ход все оружие, которым были снабжены. Но относительно к общей массе военнопленных число таких людей было сравнительно невелико.

Дело, однако, не только и не столько в этом. Просчет секретных служб фашистской Германии — это признали потом и сами их руководители — состоял в том, что они переоценили степень влияния драматически сложившихся обстоятельств первого этапа войны, при которых многие солдаты и командиры оказались в плену, на все дальнейшее их поведение и отношение к «победителям». Считалось, так, во всяком случае, прикидывали в Берлине, что советские граждане, сдавшиеся или захваченные в плен, самым ходом военных событий подготовлены к союзу с нацистской разведкой.

Это было заблуждением. Во-первых, как теперь достоверно известно, подавляющее большинство попавших в плен советских воинов, несмотря на ужасающий террор, дикое зверство, остались непокоренными, мужественными борцами против фашизма. Немало было таких, кто предпочел смерть в гитлеровских концлагерях и тюрьмах сделке с совестью. Во-вторых, многие военнопленные, как вскоре стало ясно, не выдержав неимоверного психического и физического воздействия, хотя и давали согласие сотрудничать с разведкой врага, в действительности и не помышляли выполнять ее задания. Считая себя обреченными, они в самом предложении видели выход из тяжелого положения, в котором оказались в

плону. Альтернатива, рассказывали многие, оказавшись снова среди своих, одна — смерть за колючей проволокой. А согласие на вербовку предоставляло шанс вырваться из фашистской неволи — ведь даже беспримерные по дерзости побег из плена редко кому удавались. А тут возникала надежда, пусть иллюзорная, с трудно предсказуемыми последствиями, но позволяющая рассчитывать на возможность прийти к своим, воссоединиться с семьей на родной земле. Ради этого некоторые, чтобы привлечь внимание абверовских вербовщиков, сознательно выдавали себя за выходцев из кулацких семей, священнослужителей, приписывали себе несуществовавшие судимости, громогласно высказывали обиду на Советскую власть. Оценим по достоинству их поведение, добавив, что многие из них отдавали себе отчет: в обстановке унижающей человека всеобщей подозрительности к бывшим военнопленным в собственной стране их ждет суровое наказание по законам того времени за «измену Родине» и «предательство».

Примером такой решимости советского человека, оказавшегося в немецком плену, может служить явка с повинной агента-радиста Панина, заброшенного абвером на территорию Московской области. До войны он работал и жил в Горьком, а летом 1941 года добровольно ушел на фронт. Часть, в которой он проходил службу, попала в окружение, и вскоре многие ее военнослужащие были захвачены в плен. По словам Панина, в плену он непрестанно думал о побеге, чтобы вернуться в строй, но довольно долго обстоятельства складывались неудачно. Однажды он был вызван в комендатуру лагеря, где после продолжительной беседы ему предложили поступить в разведывательную школу немцев. «Сперва, — заявил Панин, — я готов был плюнуть вербовщику в морду, потом меня осенила мысль, а может быть, это начало пути возвращения к своим. Не сказал ни „да“, ни „нет“ и был отпущен. Вернувшись же в барак, пожалел, что не согласился».

Но и вербовщик не считал разговор законченным. Он вызывал Панина еще несколько раз, и тот, сделав вид, что доводы вербовщика подействовали, в конце концов согласился пойти в разведывательную школу. «Самым трудным было, — заявил Панин на допросе, — не возбудить ни в ком подозрений относительно моих истинных намерений. Я старался соблюдать дисциплину, ни с кем не сблизился и даже в самолете боялся чем-либо выдать себя. С облегчением вздохнул, лишь когда надо мной раскрылся парашют». Оставшись один, он взвалил на спину рацию и другое шпионское снаряжение, вышел к ближайшему селу, разыскал председателя колхоза. Тот к вечеру доставил его в райотдел НКВД.

Искренность поступка Панина не вызвала сомнений, и было решено попытаться завязать через него «радиоигру»²³² с разведцентром. Специалисты подробно расспросили, как шло обучение в разведывательной школе, кто являлся его шефом по технической подготовке, разобрались в кодах и шифрах и уже собирались было выйти от имени Панина в обусловленное время в эфир. Но тот воспротивился такому решению: «Я довольно долго работал с шефом. Его рация была в Смоленске, а я в Красном Бору. Он не раз хвалил меня за мой, как он говорил, особенный радиопочерк. И если на ключе будет работать другой, он легко догадается. Доверьтесь мне, я вас не подведу»²³³.

С доводами Панина посчитались, и в обусловленный разведывательным центром день и час радист вышел на связь. Сообщил, что группа в момент приземления рассеялась на большом расстоянии друг от друга, судьба остальных ему неизвестна. Сам же он сумел обосноваться в Волоколамске, в доме одной старушки, успел собрать некоторую информацию, которую готов передать.

Центр одобрил действия Панина и, условившись об очередном сеансе связи, закончил первый контакт с ним в эфире. В процессе дальнейшей игры к противнику ушел большой объем сообщений, специально подготовленных чекистами с участием специалистов

²³² «Радиоигра» — использование захваченного радиста, давшего согласие на сотрудничество с органами госбезопасности СССР, для дезинформации разведки противника.

²³³ Пограничник. 1989. № 12. С. 26.

Генерального штаба. Насколько обдуманно это делалось, можно судить по тому, что, например, описанные Паниным «передвижения войск» на случай проверки противником нашли бы подтверждение в результате определенных действий, инсценированных на железной дороге командованием военных сообщений Наркомата обороны СССР.

«Радиоигра» развивалась успешно. «Находчивость» и «старания» Панина были *высоко оценены* разведывательным центром. В одном из сеансов связи его уведомили о том, что германское командование «за регулярное сообщение ценных сведений и проявленную храбрость при выполнении задания» удостоило его высокой награды — «Железного креста». Участие в оперативной игре было довольно продолжительным. Наступило время, когда по техническим параметрам у радики должно было иссякнуть питание. В Волоколамск был вызван «курьер», доставивший батареи. При возвращении «курьера» через линию фронта он был арестован. Но игра продолжалась. После завершения операции Панин, честно выполнивший свой гражданский долг и принеший этим пользу Родине, был награжден медалью «За отвагу».

Приведенные примеры объясняют частично, почему даже сами инициаторы операции «Цепелин» в конечном счете невысоко оценивали эффективность использования советских военнопленных. Они считали, что достигаемые оперативные результаты далеко не оправдывают затрачиваемых усилий и средств. «Нас ожидало здесь, признает потом Шелленберг, — гораздо большее число неудач»²³⁴.

Еще более определенно высказывался по этому поводу Бентивеньи: «В отношении вербовки агентов из числа советских военнопленных я хотел бы заметить, что, с моей точки зрения, затраты сил на отбор, обучение завербованных агентов, а также их численность ни в коей мере не соответствовали весьма малым, на мой взгляд, результатам».

Просчет, заключавшийся в ставке на военнопленных, СД и абвер пытались восполнить усилением вербовочной работы среди населения оккупированных немецкими войсками районов советской территории, отдавая предпочтение уголовникам. Но и эта затея не достигает цели. В такой обстановке возник новый чудовищный план: использовать в качестве диверсантов подростков. Он основывался на вполне понятном расчете: подростки-диверсанты вряд ли могут привлечь внимание советской контрразведки. Да и население будет снисходительно к детям.

В районе города Касселя создается диверсионная школа для подростков. Для поиска кандидатов в концлагеря, в населенные пункты оккупированной советской территории и особенно в не успевшие эвакуироваться детские дома направляются специальные команды вербовщиков из СД. В школе будущим диверсантам упорно вдалбливают, что они дети Великой Германии, что Советской России уже не существует. Их опекают «заботливые» инструкторы и наставники, которые видят свою задачу не только в привитии подопечным навыков диверсионной работы, но в их всестороннем развращении. В школе охотно поощряются и даже инспирируются драки, всемерно проповедуется культ силы, детей учат быть жестокими.

В ночь с 28 на 29 августа и 1 сентября 1943 года большую группу подростков на парашютах сбрасывают в тыл Красной Армии — от Калинина до Харькова. Каждый из забрасываемых одет в поношенную одежду, в торбах у них запас продуктов и взрывчатка, заделанная в небольшие куски каменного угля. Эти куски они должны были подбрасывать в тендеры паровозов или склады угля. Но эта, казалось бы, тщательно подготовленная операция также терпит провал.

Вот что говорилось по этому поводу в одном из документов чекистского аппарата Тульской области:

«Сообщение о явке двух диверсантов-подростков.

1 сентября 1943 года в штаб воинской части г. Плавска явились два

²³⁴ Schellenberg W. The Labyrinth. Memoirs. P. 271.

подростка: Михаил, 15 лет, и Петр, 13 лет. Они заявили, что заброшены вместе с другими диверсантами-подростками для подбрасывания взрывчатки в тендеры паровозов. Обучались на даче под г. Касселем».

Миша рассказывает: «... почти все бывшие детдомовцы, зная, что им надо будет совершать диверсии, договорились втихомолку не выполнять задания немцев, не вредить своим, а сразу явиться в любой штаб Красной Армии и все рассказать...»

И действительно, как правило, подростки сами являлись в воинские части, милицию, органы государственной безопасности, сдавали диверсионное снаряжение и парашюты, сообщали все о себе, о соучениках и школе, где проходили обучение²³⁵.

ОПАСНЫЕ АКЦИИ

Приведенная выше немецкая статистика, даже если принять ее с известной скидкой на достоверность, все же свидетельствует о том, что в ходе операции «Цепелин» нацисты не только подготовили, но и использо-

вали в своих целях большое, если не сказать огромное, количество агентуры. Использовали с разным коэффициентом полезного действия. Эта агентура принесла немало вреда воюющему советскому народу: и шпионской информацией, доставленной немецкому военному командованию, и диверсионными операциями в прифронтовой полосе и тыловых районах, и террористическими актами против командного состава армии и партизанских отрядов. Словом, немало гитлеровской агентуры оказалось действенным орудием антисоветской войны.

На кавказском направлении, судя по некоторым отрывочным данным, с января до ноября 1942 года было разоблачено и обезврежено около 170 агентов абвера. На сталинградском — только за сентябрь, октябрь 1941 и первую половину 1942 года удалось пресечь деятельность почти 200 вражеских агентов. Но совершенно очевидно, что далеко не все переброшенные через линию фронта явились с повинной, а тем более — далеко не все агенты, действовавшие упорно и умело, были обезврежены. Сами авторы «Цепелина» считали более успешной ближнюю агентурную разведку (на глубину до 50 километров). Здесь, если верить архивным данным, возвращалось обратно 10 процентов переброшенных агентов. Значит, каждый десятый в той огромной массе, которую готовили в рамках «Цепелина», так или иначе вел свою подрывную работу.

Утверждают, что за годы Великой Отечественной войны чекистские органы обезвредили в тыловых районах страны несколько тысяч гитлеровских лазутчиков, в том числе 1750 агентов-парашютистов. Но значит ли это, что никому из заброшенных в наш тыл немецких агентов не удалось миновать контрразведывательный заслон? Разумеется, не значит.

Известно, например, что в ряде случаев успешно действовали диверсионные группы абвера и СД. Только за 14 дней августа 1941 года на Кировской и Октябрьской железных дорогах было совершено семь диверсионных актов. Диверсантам удавалось неоднократно серьезно нарушать связь между штабами войсковых соединений Красной Армии. В ночь на 17 октября 1944 года на железнодорожном перегоне Лановцы — Корночевка агенты абвера совершили крупную диверсию, и движение на магистрали было задержано на пять суток.

Происки нацистской агентуры привели к выявлению и разгрому некоторых подпольных патриотических организаций (в Виннице, Симферополе и других местах, подвергшихся оккупации немецко-фишистскими войсками). С ее помощью нацистам

²³⁵ Вскоре советской контрразведке удалось полностью парализовать деятельность диверсионной школы подростков в Касселе. Для решения этой задачи в район дислокации школы был заслан наш разведчик. Ему удалось успешно легализоваться там, завязать знакомство с заместителем начальника школы и склонить последнего на свою сторону. Кончилось дело тем, что заместитель начальника школы содействовал выводу в расположение войск Красной Армии всех подростков, проходивших на тот момент обучение в школе.

удалось ликвидировать или обезглавить несколько партизанских отрядов. Используя полученные абвером III агентурные данные, каратели настигли и зверски убили командира партизанского отряда в Рузе под Москвой чекиста Солнцева С. И., опознали и повесили одного из руководителей угодско-заводского партизанского отряда председателя Угодско-Заводского исполнительного комитета Гурьянова М. А. Впоследствии оба они были посмертно удостоены звания Героя Советского Союза.

Организаторов «Цеппелина» преследовали и довольно частые провалы. Они, естественно, выбивали абвер и СД из привычной колеи, но тем не менее операция «Цеппелин», как они считали, должна, «чего бы это ни стоило, достичь своей цели».

В августе 1944 года было решено направить в Москву агента для совершения дерзкой диверсии в ставке Верховного Главнокомандования. Выбор пал на некоего Таврина, добровольно перешедшего на сторону врага и успевшего зарекомендовать себя активным участием в провокациях против советских военнопленных. Игра была затеяна, что называется, «по большому счету». После долгих размышлений пришли к выводу, что Таврин должен выступить представителем военной контрразведки («Смерш») в ранге не ниже заместителя начальника отдела дивизии, по званию — майором. Наконец, Героем Советского Союза. Для большей уверенности в исходе операции Таврина сопровождала женщина-агент, значившаяся по документам секретарем отдела. Были разработаны детали легенды для того и другого агента, подготовлены необходимые документы, в том числе фальшивая газетная вырезка с публикацией Указа Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Таврину звания Героя Советского Союза. Тут же был и портрет «героя».

Ранним утром 5 сентября 1944 года на мотоцикле с коляской двое военнослужащих — мужчина и женщина — держали курс из села Карманово Смоленской области в направлении Ржева. На гимнастерке военного кроме Золотой Звезды Героя Советского Союза и ордена Ленина красовались и другие боевые награды. Но лазутчиков уже поджидали чекисты. Дело в том, что еще задолго до заброски Таврина нашей контрразведкой были получены агентурные данные, что в одном из оккупированных прибалтийских городов портной высокой квалификации, связанный с нашими людьми, получил от одного немца заказ на пошив кожаного пальто. Заказ был необычным. Требовали сшить пальто по фасону, который предпочитают обычно русские, смущала также и секретность, которой обставлялся заказ. За заказчиком начали следить. Вскоре по эту сторону фронта произошло другое событие, внешне не связанное с первым, но приковавшее к себе внимание. Была захвачена группа заброшенных в советский тыл немецких агентов, имевших задание подготовить место для посадки самолета и встретить его. От имени радиста группы была завязана оперативная игра с разведцентром и добыты важные сведения. Получено сообщение о времени прибытия самолета на обусловленную группой площадку. Но штурман почему-то не смог выйти на цель, и самолет совершил посадку в другом пункте. Это и было село Карманово Смоленской области. Так как поиск охватил большую территорию, вскоре был обнаружен пятнистый мотоцикл с коляской на дороге в направлении Ржева. Его уверенно вел майор с Золотой Звездой Героя. Он остановил машину по первому же требованию, вел себя спокойно — так, очевидно, велика была его вера в легенду, подкрепленную надежными документами и другим камуфляжем. При беглом осмотре любой патруль действительно нашел бы документы на имя майора Таврина в полном порядке.

Последовал диалог. В ответ на вопрос офицера, откуда мотоциклисты держат путь, майор назвал селение, отстоявшее от места встречи на 200 километров. Но вот что бросилось в глаза: почти всю ночь шел дождь, мотоцикл был не менее четырех часов в дороге, а одежда пассажиров была сухой и чистой. Таврин и его спутница были задержаны. При обыске в мотоцикле были обнаружены портативная рация, аппарат «Панцер кнакке» — складное оружие реактивного действия с девятью снарядами калибра 30 миллиметров, пробивающими броню толщиной до 35—40 миллиметров на расстоянии до 300 метров. Были еще в запасе семь пистолетов разных систем, магнитная мина с прибором для дистанционного взрыва. Как выяснилось в ходе следствия, Таврин перешел на сторону врага 30 мая 1942 года в

районе Ржева. В 1943 году был завербован германской разведкой. С сентября 1943 года по август 1944 года проходил подготовку под руководством начальника Восточного отдела СД Грейфе, а затем его преемника Хенгельгаупта. В ночь на 5 сентября вместе со своей напарницей и мотоциклом был переброшен через линию фронта на самолете, приспособленном для посадки на грунт.

Тяжелыми последствиями обернулась для руководителей операции «Цеппелин» неудача организации «Боевого союза русских националистов», который особенно активно использовался в борьбе против партизан. Во главе одного из карательных подразделений «Дружины» был поставлен оказавшийся в плену полковник Красной Армии. «Дружина» помогала СД отбирать кандидатов для засылки за линию фронта, предварительно проверять их надежность.

С «Дружиной», согласно архивным данным СД, произошло то, чего меньше всего ожидали нацисты: во время прочесывания одной занятой партизанами местности отряд неожиданно напал на сопровождавших его эсэсовцев и перебил всех до единого. Оказывается, руководителю «Дружины», пользовавшемуся расположением шефов гестапо, удалось установить связь с советской разведкой. Довольно долго он обрабатывал своих подчиненных, чтобы склонить их порвать с гитлеровцами. Уничтожив эсэсовцев, полковник на самолете, поднявшемся с партизанского аэродрома, улетел в Москву, увозя с собой секретную документацию СД, а его подчиненные присоединились к партизанскому отряду. Вспоминая об этом случае, «нанесшем тяжелый удар» по престижу СД, Шелленберг утверждал, будто не раз предупреждал Гимmlера, предлагая отстранить полковника от участия в операции против партизан. «Я, — пишет Шелленберг, — неоднократно беседовал с ним и не мог отделаться от неприятного чувства, что его антисоветские настроения пошатнулись. Манера, в которой он критиковал ошибки, совершенные германским руководством в отношении России вообще, делая особый упор на изображение немецкой пропагандой русских как „людей низшей расы“, в отношении ее населения и военнопленных, в частности, носила оттенок, вызывавший подозрения».

Результаты деятельности «Цеппелина» в зоне боевых действий были в конечном итоге тоже неадекватны затраченным усилиям и возможностям вовлеченных в нее людских контингентов. Об этом можно судить хотя бы по тому факту, что немецкие секретные службы, несмотря на все старания, оказались в неведении о подготовке, масштабах и целях важнейших операций, проведенных Красной Армией после знаменитой Курской битвы. В июне 1944 года 1-й Прибалтийский, 1, 2 и 3-й Белорусские фронты выступили против центральной группировки гитлеровских войск и разгромили ее. Между тем немецкое командование, полагаясь на данные абвера, ожидало наступления основных сил Красной Армии на южном крыле. 13 июня 1944 года, за 10 дней до начала наступления советских войск в Белоруссии, в «Цеппелине» твердо решили, что этого наступления следует ждать не ранее чем через неделю. Не было точно определено и направление главного удара.

Привлечение на сторону советской контрразведки некоторых явившихся с повинной или разоблаченных немецких агентов позволило использовать возможности операции «Цеппелин» в направлении прямо противоположном ее истинной цели. По этой, если можно так выразиться, обратной связи, главным образом в виде «радиоигр», немецкое командование получало немало специально подготовленной дезинформации. В результате удавалось, в частности, отвлекать воздушные налеты вражеской авиации от многонаселенных городов и оборонных заводов и направлять их на аэродромы, где была возможность встретить ее должным образом. В январе 1943 года в абвер удалось продвинуть дезинформацию о формировании в Горьком резервной армии.

Здесь уместно особо отметить, что «радиоигры» были в годы Отечественной войны одной из эффективных форм контрразведывательного противостояния подрывной деятельности германской разведки. Именно в «радиоиграх» эта работа нашла свое наиболее яркое наступательное выражение, а многие чекисты проявили глубоко творческое отношение к «войне умов», развернувшейся в драматических условиях тяжелейшего

столкновения, развязанного нацистами.

Использование агентов-двойников было известно в международной практике шпионажа и до возникновения радиосвязи. Но в «радиоиграх» оно приобрело неизмеримо большую динамичность, потребовало от чекистов принимать в короткие сроки неординарные решения. Довольно часто это приводило к существенным оперативным результатам, оказавшим значительное влияние даже на ход и исход военных действий различного масштаба. Именно с помощью «радиоигр» советским контрразведчикам удавалось проникать в планы конкретных операций абвера и СД. Так, в ночь на 21 декабря 1944 года в лесном массиве юго-западнее железнодорожной станции Оленино были захвачены четыре немецких парашютиста сразу же после приземления и тем самым предотвращено выполнение опаснейшей по возможным последствиям шпионской акции. Информация о времени и месте выброски этих агентов была вычислена в процессе анализа поручений, полученных агентом-радистом, работавшим иод диктовку советских органов контрразведки. В другом случае был обезврежен диверсионный отряд численностью 24 человека под руководством капитана немецкой военной разведки фон Шеллера. О намерении абвера провести эту операцию стало известно, прежде чем была произведена сама выброска.

Если заброшенный в тыл Красной Армии агент был в глазах нацистов достаточно надежным, перед советской контрразведкой в результате его перевербовки объективно открывалась возможность навязать противнику свою волю, в том числе и для заманивания на советскую территорию «курьеров» и «связников». Дело в том, что в условиях военного времени срок действия многих документов агента, в том числе командировочного удостоверения для передвижения в советском тылу, был ограничен. Разведцентр практически не мог обойтись без того, чтобы периодически направлять агенту новые документы, деньги, производить замену источников питания радиации, которые тоже имели свой оптимальный срок действия.

Для перебазирования осевшего в нашем тылу агента в новый район или пункт, почему-либо заинтересовавший абвер или СД, нужны были паспорт, свидетельство об освобождении от воинской службы, трудовая книжка, справка о возвращении из эвакуации или какой-либо другой документ в зависимости от личности агента, конкретной ситуации, места и времени действий. Практически доставить эти документы можно лишь с помощью «курьера». Например, в результате эффективного использования в «радиоигре» агента-радиста, перевербованного в 1943 году в Вологде, удалось под убедительными предложениями выманить в разное время на советскую территорию и обезвредить 22 диверсанта. Кроме того, по этому каналу в разведку противника систематически передавались ложные сведения о передвижении воинских частей и боевой техники по Северной железной дороге. Учитывая тогдашнее решающее значение данной дороги в общем объеме перевозок, эта дезинформация позволила ввести немецкие штабы в заблуждение относительно намерений советского командования²³⁶.

Другой пример. В сентябре 1944 года советской контрразведкой была захвачена группа агентов абвера с радиостанцией. Радист изъявил готовность помочь органам госбезопасности. Через его радиостанцию, условно названную «Бандурой», в центр регулярно передавалась дезинформация. Укрепившись в глазах центра, радист передал «просьбу» группы о подкреплении. Не заподозрив подвоха, центр запросил о надежном месте выброски четырех агентов. Такое место было подобрано в районе Андреаполя, где в основном протекала деятельность «Бандуры». В момент приземления агенты были обезоружены. Их захват был соответственно обставлен, и «радиоигра» продолжалась не без успеха. Спустя два месяца в этом же районе был принят с самолета и захвачен агент-курьер, доставивший для группы «Бандура» оружие, боеприпасы, обмундирование, продовольствие

²³⁶ Поскольку дезинформация, чтобы казаться достоверной. Должна была включать какую-то долю правды, пусть микроскопическую, работу в этом направлении органы безопасности вели, как уже отмечалось, в тесном контакте с соответствующими подразделениями Генерального штаба.

и медикаменты.

На упоминавшемся уже допросе генерал-фельдмаршал Кейтель показал весной 1945 года, решаясь проводить Курскую операцию, «мы ни в коем случае не ожидали, что Красная Армия не только готова к отражению нашего удара, но и сама обладает достаточными резервами, чтобы перейти в мощное наступление»²³⁷. Можно только догадываться, какую роль в создании таких умонастроений у руководителей нацистской разведки, а через них у армейских командующих и штабистов сыграла та информация, которую по чекистским планам передавали задействованные здесь накануне Курской битвы девять агентов-радиостов, включенных в «радиоигру» с абвером и СД.

Чекистам — организаторам «радиоигр» принадлежит немалая заслуга и в том, что, как показал Кейтель, во время Сталинградского сражения немецкое командование думало: «... если взять еще одну дивизию, еще один артиллерийский полк Резерва Главного Командования, еще один саперный батальон, еще одну артиллерийскую батарею, то город вот-вот будет в наших руках. В соединении с недооценкой и незнанием противника, — резюмировал Кейтель, — все это привело к сталинградскому окружению»²³⁸.

Обобщенное представление о том, насколько эффективной формой борьбы с секретными службами фашистской Германии явились «радиоигры», дают следующие данные, обнаруженные в 1988 году. Во время Великой Отечественной войны чекисты располагали в «радиоиграх» с нацистской разведкой 80 захваченными агентурными радиостанциями, что позволило в общей сложности обезвредить 400 вражеских агентов, в том числе и кадровых сотрудников. Помимо большого объема переданной дезинформации, оказавшей во многих случаях влияние на принятие ошибочных решений в немецких штабах разного уровня, имело значение и такое важное практическое соображение: получая по этим каналам в достаточном объеме, как им казалось, нужную информацию, абвер и СД, естественно, не видели смысла в том, чтобы тратить силы на создание еще одной параллельной шпионской сети. В определенной степени это гарантировало от появления в СССР новых агентурных звеньев, обнаружение которых потребовало бы от чекистов много времени, огромных усилий и не во всех случаях сулило успех.

* * *

Авантюристическая по самой своей сути операция «Цеппелин» не могла привести к успеху, точно так же как исторически был обречен на провал весь замысел гитлеровской агрессии против Советского Союза. Абвер и СД были разгромлены на советско-германском фронте — главном и долгое время единственном фронте второй мировой войны — в конце концов как часть огромной военной машины фашистской Германии. Но важно отметить, что крах «Цеппелина» оказался катастрофой для всей стратегии и тактики нацистского «тотального шпионажа». И в этом смысле необходимо подчеркнуть, что борьба с гитлеровской разведкой накануне и в период войны потребовала огромных усилий со стороны Советского государства. В этом единоборстве главная тяжесть легла на чекистский аппарат.

Перед советской контрразведкой встала задача — парализовать деятельность СД и абвера, свести на нет результаты операции «Цеппелин», перехватить инициативу в остром поединке с опытным и хитрым противником и попытаться использовать какую-то часть засылаемых им агентов в своих интересах. К началу 1943 года удалось достигнуть определенных результатов. Советская контрразведка не только имела достаточно полное представление об организации секретных служб гитлеровской Германии, их кадрах и повседневной практике, но в известной степени, как было показано, была осведомлена и об

²³⁷ Цит. по: Нева. 1990. № 5. С. 199.

²³⁸ Цит. по: Нева. 1990. № 5. С. 198.

их конкретных планах и намерениях в отношении нашей страны. К этому времени оперативное мастерство чекистских органов, основанное на тщательном обобщении складывавшегося опыта войны, достигло такого уровня, что становилось практически возможным агентурное проникновение в центры и школы абвера и СД, где предназначенные для заброски в СССР шпионы и диверсанты проходили подготовку.

Это составляло на том этапе одну из важнейших задач, решение которой осложнялось хотя бы уже тем, что советской контрразведке противостояли признанные во всем мире специалисты по организации всякого рода ловушек для агентуры иностранных разведок.

Насколько позволяют судить дела, раскрытые в тот период, и абвер, и СД строго следовали традиции, уходящей своими корнями к временам полковника Николаи, постоянно подчеркивавшего, что «благоразумная недоверчивость — мать безопасности». Все лица, вступавшие при тех или иных обстоятельствах в непосредственный контакт с нацистской разведкой, подвергались самой основательной проверке и перепроверке с помощью различных уловок.

Как это делалось, можно проиллюстрировать на примере дела Овчинникова, который в первые годы войны был заслан органами советской контрразведки на территорию Германии и удачно там легализовался.

Высоко оценив оперативные возможности Овчинникова, чему во многом способствовала легенда, разработанная для него чекистами, абверовцы склонили его к сотрудничеству и решили отправить в тыл Красной Армии.

Когда после якобы успешно выполненного задания Овчинников возвратился в Германию, ему была учинена многоступенчатая проверка с единственной целью — установить, не связан ли он с советскими органами безопасности.

Зондерфюрер Зингер, которому была поручена работа с Овчинниковым, в течение двух дней выслушивал его подробный рассказ о пребывании на советской территории и об условиях выполнения полученного задания, делая при этом какие-то заметки в блокноте. В заключение Овчинникову было предложено изложить свое сообщение в письменном виде, очевидно для сопоставления.

Затем он был приглашен на квартиру к сотруднику абвера Себастьяну, успевшему, и, вероятно, не без цели, коротко сойтись с ним. Предварительно угостив Овчинникова водкой, абверовец своими вопросами дал разговору нужное направление: Овчинникову пришлось воспроизвести даты, обстоятельства, факты, сообщенные им прежде Зингеру.

Следующий этап проверки был связан с подключением к работе с Овчинниковым агентов абвера «Антон» и «Дмитрия», действовавших, несомненно, под контролем Зингера. Старательно спаивая земляка русской водкой, они под видом того, что им якобы скоро предстоит выполнять точно такое же задание в советском тылу, подробно опрашивали Овчинникова о том, с какими трудностями столкнулся он на территории СССР и что, по его мнению, следует предпринять, чтобы обойти препятствия. Словом, фактически заставляли Овчинникова повторить то, что он устно и письменно сообщал до этого.

В то же время, боясь, очевидно, ненароком насторожить Овчинникова и тем самым затруднить дальнейшую проверку, руководство абвера доводит до его сведения, что командование вермахта он произведен в лейтенанты и награжден двумя медалями «За храбрость», — мера, явно рассчитанная на то, чтобы отвлечь его внимание от проводившейся вокруг него работы.

На следующем этапе проверки абверовцы прибегают к такому трюку: Зингер во время очередной встречи с Овчинниковым интересуется, почему он до сих пор не женат. Тот сообщает ему, что проводит время с Таней, работавшей в одной из лабораторий абвера, но о женитьбе пока не помышляет. С этого момента Зингер не упускает случая, чтобы завести разговор о женитьбе и убедить Овчинникова в необходимости в интересах дела форсировать события, и тот в конце концов уступает настояниям шефа.

Наскоро сыграли свадьбу, ассигновав для этого из средств абвера 750 марок и снабдив жениха ящиком водки и 25 продовольственными пайками. Жена не скрывает повышенного

интереса к делам мужа, задавая ему порой провокационные вопросы. Однажды в интимном разговоре она прямо спросила его: «Почему ты работаешь против своих?», имея в виду под «своими» абверовцев.

Но и этим дело не ограничилось. За неделю до отправки Овчинникова на задание в тыл Красной Армии Зингер, вручив ему изготовленные в лаборатории абвера фальшивые документы, имевшие серьезные изъяны, просил его тщательно осмотреть их. Решили таким путем определить, насколько Овчинникова беспокоит вопрос о собственной безопасности на территории СССР. Разгадав подоплеку этой затеи зондерфюрера, Овчинников заявил, что «с такими документами появляться нельзя», и потребовал заменить их. Участие Овчинникова в крупной операции против «Цеппелина» обеспечило в конечном счете получение чекистами важной информации о деятельности СД и абвера против нашей страны.

Несомненно, борьба с вражеской агентурой была бы более эффективной, если бы органы государственной безопасности СССР в предвоенные годы занимались только своим прямым делом, а не вовлекались в антинародные репрессии ради поддержки культа личности. «Культ личности, — отмечалось в докладе, посвященном 72-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, — до неузнаваемости исказил институты советского народовластия. Правоохранительные органы, в том числе органы госбезопасности, были во многом превращены в орудие сталинского произвола. Безжалостный механизм репрессий уничтожил цвет большевистской партии, обескровил все слои советского общества. Под его жернова попала и плеяда чекистов — учеников и соратников Ф. Э. Дзержинского»²³⁹. В обстановке развязанного Сталиным террора многие чекисты сохранили верность социалистическим идеалам, сами стали жертвами чудовищного произвола: в результате ложных обвинений в 30-е, 40-е и начале 50-х годов подверглись репрессиям более 20 тысяч чекистов.

На первом этапе войны обескровленные сталинскими репрессиями органы государственной безопасности СССР, естественно, уступали гитлеровской разведке в профессиональном уровне, и в техническом оснащении, но, преодолевая трудности, набирали силу, наносили противнику поражение за поражением.

Оценивая деятельность секретных служб фашистской Германии накануне и в период Великой Отечественной войны, один из ее руководителей писал: «Надо заметить... что мы не выполнили поставленной перед нами задачи. Это зависело не от плохой агентурной работы немцев, а от высокопрофессиональной работы русских, от хорошей бдительности не только военнослужащих, но и гражданского населения...»

В предвоенный период советские органы госбезопасности, как это будет показано дальше, владели ценной информацией о военно-политических планах империалистических государств и даже располагали точными сведениями о готовившейся фашистской агрессии, но этими данными политическое руководство СССР пренебрегло, в результате чего был нанесен тяжелый урон интересам Отечества.

В военное лихолетье, в период ожесточенных сражений под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге важную роль сыграли представленные чекистами советскому командованию сведения о составе и дислокации войск вермахта, их вооружении и оснащенности, потерях врага и его резервах. Совокупность планомерно осуществлявшихся советскими органами безопасности оперативных мер, решающее значение в которых отводилось «радиоиграм», помогла убедить разведку противника, а через нее и руководство вермахта в отсутствии под Москвой в декабре 1941 года необходимых резервов. Контрнаступление Красной Армии явилось для немецкого командования неожиданным. В период битвы за Москву, победа в которой имела ключевое значение для всего дальнейшего хода войны, нацистам, несмотря на все старания их секретных служб, не удалось ни помешать переброске советских войск на фронт по московской транспортной сети, ни предотвратить своевременное прибытие сибирских дивизий, привыкших к суровой зиме и хорошо экипированных для боевых

²³⁹ Правда. 1989. 5 нояб.

действий в зимних условиях, ни парализовать саму Москву как прифронтовой район.

В феврале — июне 1942 года агентурным путем были получены ценные сведения о немецких войсках на южном крыле фронта (в Харьковской, Донецкой, Киевской, Полтавской и других областях). Тогда же были добыты важные документы, раскрывающие группировку противника на центральном участке фронта. В мае 1943 года был захвачен в тылу противника офицер разведотдела штаба ВВС центральной группы армий, на основании показаний которого удалось выяснить планы подготовки немецкого наступления на Курской дуге. Бывший директор Центрального разведывательного управления США Аллен Даллес писал, что «информация, которую добывали советские разведчики во время второй мировой войны, содействовала военным усилиям Советов и представляла собой такого рода материал, который является предметом мечтаний для разведки любой страны»²⁴⁰.

НА ПУТИ К БАНКРОТСТВУ

По традиции германская военная разведка и контрразведка располагала наиболее квалифицированными кадрами профессионалов, сыгравшими, как мы убедились в этом, далеко не последнюю роль в осуществлении политики агрессии, в планировании, подготовке и ведении войны против Советского Союза и антигитлеровской коалиции в целом.

Абвер I в период с 1936 по 1943 год возглавлял Ганс Пикенброк, выходец из богатой католической семьи, участник первой мировой войны, который начал сотрудничать с немецкой военной разведкой в 1921 году, в бытность своей службы в рейхсвере. Его связи с абвером в еще большей степени упрочились с переходом в гитлеровский вермахт, где ему вскоре было присвоено звание майора, в 1937 году — подполковника и в 1940 году — полковника. Среди своих коллег по работе в военной разведке и контрразведке Пикенброк, отличавшийся высоким интеллектом и широким кругозором, слыл одной из наиболее заметных и влиятельных после Канариса фигур, другом которого он являлся. Неудивительно, что Канарис считал его своей «правой рукой», «непосредственным заместителем во всех случаях и по любым поводам». В качестве тайного эмиссара нацистской верхушки Пикенброк, наделенный чрезвычайными полномочиями и пользовавшийся полным доверием Гитлера, исколесил всю Европу, побывал на Ближнем Востоке, навещал и временно оккупированные районы Советского Союза. Как следует из показаний небезызвестного А. Розенберга¹, данных им во время Нюрнбергского процесса, Пикенброк весной 1940 года был направлен Гитлером в Осло, чтобы довести до главаря местных фашистов Квислинга приказ фюрера, обязывающий его обеспечить переход «пятой колонны» к практическим действиям — к моменту вступления немецких войск в Данию и Норвегию она должна была парализовать сопротивление их народов гитлеровской агрессии. Пикенброку периодически поручались и другие тайные миссии, связанные с активизацией пронацистских сил в странах, которым грозило нападение фашистской Германии. Рьяный и многоопытный исполнитель преступной воли фюрера, он умел обставить выполнение «деликатных» поручений таким образом, что ему всегда удавалось остаться в тени, за кулисами инспирированных им бурных событий, а при возникновении опасности вовремя замести следы. Это качество особенно ценил в Пикенбroke Гитлер, одаривший его за верную службу нацистскому режиму многими высокими наградами, в том числе «Золотым германским крестом» и «Дубовыми листьями» к «Рыцарскому кресту».

После того как в 1943 году представленные Гитлеру абвером разведывательные данные в отношении Советского Союза оказались неточными, что повлекло за собой серьезные просчеты в стратегическом планировании верховного командования вермахта, Пикенброк был смещен со своей должности и отправлен на фронт. В марте того же года он принял командование пехотным полком, затем командовал в чине генерал-лейтенанта 208-й пехотной дивизией на германо-советском фронте, где и был взят в плен. (В кругах абвера

²⁴⁰ А. Даллес. Искусство разведки. М., 1964. С. 112.

считали, что пребывание Пикенброка на фронте позволило ему избежать неминуемого ареста, которому подверглись Канарис и его ближайшие помощники спустя несколько дней после провала заговора против Гитлера 20 июля 1944 года.)

В 1945 году Пикенброк предстал перед советским военным трибуналом и как военный преступник был приговорен к тюремному заключению. В 1955 году он в качестве неамнистированного заключенного был передан властям ФРГ, однако тотчас же оказался на свободе. Бонн не только отпускает грехи бывшему гитлеровскому генералу, ему устанавливается высокая пенсия и выдается большая денежная компенсация. В 1959 году Пикенброк скончался в Эссене в возрасте 66 лет.

Начальником абвера II, сменившим на этом посту в 1939 году полковника Гельмута Гроскурта, был Эр-вин Эдлер фон Лахузен-Вивремонт, уроженец Вены, кадровый военный. Он закончил еще до 1914 года австрийскую академию генерального штаба и был зачислен во 2-ю венскую дивизию в должности офицера разведки. В начале 1936 года уже в звании полковника переводится в генеральный штаб австрийской императорской армии и начинает работу в только что восстановленной к тому времени службе военной информации, где занимает одну из руководящих должностей.

Сразу же после аншлюса — насильственного присоединения Австрии в марте 1938 года — Лахузен появляется в Берлине и в нарушение присяги своему отечеству в числе первых офицеров австрийской армии обращается к начальнику германского генерального штаба генерал-полковнику Беку с просьбой о приеме его на службу в вермахт. Просьба эта с ведома Гитлера была удовлетворена, и Лахузена, присягнувшему на верность германскому рейху и лично фюреру, был предоставлен в абвере пост заместителя начальника отдела секретной информации, которым руководил тогда Пикенброк. Насколько можно судить по материалам архивов, столь высокое доверие, оказанное австрийцу Лахузена, в значительной степени объяснялось тем, что, как старший офицер австрийской военной разведки, он был хорошо известен руководителям абвера по его прежней работе в Вене, благодаря которой он после встречи с Канарисом в Берлине перед аншлюсом оказался в центре тогдашних событий²⁴¹. Учитывались при этом услуги (и немалые), которые Лахузен оказал германскому вермахту в подрыве сил сопротивления и боеспособности армии собственной страны, содействуя тем самым беспрепятственному вторжению гитлеровских войск в Австрию. Принимались во внимание также опыт и возможности Лахузена как крупного профессионала, хорошо знавшего особенности разведывательной работы в Чехословакии, Венгрии и странах Балканского полуострова. Лахузена удалось сплести здесь агентурную сеть, поставлявшую ему шпионские сведения, в которых остро нуждался тогда абвер в связи с планируемой агрессией. Был здесь и еще один аспект: Лахузен, как выходец из офицерского корпуса старой австрийской армии, для которой был характерен многонациональный состав, удачно вписывался в проводившиеся абвером мероприятия в отношении национального меньшинства. Все это, разумеется, сказалось на положении, которое уже накануне второй мировой войны занял Лахузен в абвере и в нацистской иерархии. Ему был доверен один из важнейших постов в управлении разведки и контрразведки вермахта — начальника отдела абвера II (специальные задания и саботаж), который он возглавлял с 1938 по 1943 год. Лахузен непосредственно нес ответственность за то, что в создаваемых им наставлениях называлось «организацией диверсий, путчей, подстрекательством к беспорядкам и проведением антиправительственной пропаганды».

До начала войны в Европе оставалось еще около года, а Лахузен, как об этом свидетельствуют архивные материалы абвера, уже разработал план диверсий на территории

²⁴¹ Дело в том, что уже в тот период с согласия высших властей Австрии существовал порядок, согласно которому происходил регулярный обмен добываемой военной информацией как между разведывательной службой Австрии, в которой служил Лахузен, и немецким абвером, так и между австрийской императорской армией и германским вермахтом в целом. Информация, передаваемая абверу в процессе этого сотрудничества, касалась, в частности, положения в странах, граничащих с Австрией, — Чехословакии, Венгрии, Югославии, Италии и Швейцарии, работе против которых абвер придавал тогда, по понятным причинам, особое значение.

США, который намечалось осуществлять постепенно. На первом этапе реализации этого плана внимание абвера II было сосредоточено на сборе с помощью агентуры и других средств сведений о возможных объектах диверсии, на основании которых должен был быть составлен подробный перечень таких объектов. Агентуре, кроме того, вменялось в обязанность представить списки, характеристики и карты всех больших американских городов, а также «стратегических объектов, расположенных вдоль железных дорог», вроде моста Хелл гейт на Ист-ривер в Нью-Йорке и поворота «Подкова» на Пенсильванской железной дороге в Алтоне. Расчет при этом делался на то, что вывод из строя таких ключевых объектов «лишит Пенсильванию железнодорожного транспорта и, следовательно, полностью парализует ее угольную промышленность». Один из агентов абвера, действуя в соответствии с поручением Лахузена, добыл и прислал в Берлин схему и чертежи устройства водопровода в Нью-Йорке, другой — водопровода в Лос-Анджелесе вместе с чертежами фильтровальных станций, третий — список всех важных для военной промышленности предприятий в восточной части США и карту Лонг-Айленда с нанесенными на нее 52 площадками для гольфа, которые могут быть использованы как идеальные посадочные площадки для немецких самолетов.

На втором этапе задуманной Лахузеном операции планировалось осуществить серию вербовок американских граждан немецкого происхождения и после специальной подготовки в Германии внедрить их на такие стратегические объекты в США, как электростанции, системы водоснабжения, военные заводы, телефонные станции²⁴². Всех вновь завербованных агентов, годных для диверсионной работы в Соединенных Штатах, Лахузен предлагал свести в отдельные группы, которыми должны были руководить присланные из Германии «групповики».

Как руководитель одного из наиболее важных направлений деятельности абвера, Лахузен становится ближайшим помощником и доверенным лицом Кана-риса. Вместе с ним или замещая Канариса в его отсутствие, он принимал участие во многих военных и политических совещаниях на самом высшем уровне, проходивших под председательством Гитлера, где обсуждались планы подготовки и осуществления вооруженных агрессий. В частности, согласно собственному признанию Лахузена, сделанному им на Нюрнбергском процессе, он наряду с Кейтелем, Йодлем и Канарисом участвовал в целой серии оперативных совещаний генералитета, имевших место начиная с 12 сентября 1939 года в специальном военном поезде Гитлера. На этих «рабочих совещаниях» — так они были названы в ходе судебного процесса — шел разговор о предстоящей бомбардировке Варшавы как о политическом акте, заранее предрешенном Гитлером и Герингом, а также о спланированной ими акции массового уничтожения и расстрелов польской интеллигенции — «оплота национального движения». Участники совещаний обсуждали поставленную перед ними задачу под углом зрения ее практического осуществления, особенно это касалось техники исполнения и сил, которые должны были понадобиться для этого. (Дело в том, что акция массового уничтожения приобретала все более широкий размах и требовала совершенной техники.) Генералу Лахузену были известны и многие другие преступные замыслы нацистского руководства и верховного главнокомандования вермахта, в претворении которых в жизнь ему принадлежала активная роль. За верную службу он был награжден Гитлером орденом «Золотой германский крест». После годичного пребывания на германо-советском фронте Лахузен в декабре 1944 года оставляет службу в абвере и получает новое назначение — становится по личному распоряжению Гитлера главой «разведывательного бюро» XII военного округа (Вена)²⁴³; ему присваивается звание генерал-майора. В мае

²⁴² В июне 1942 года Лахузеном были подготовлены и направлены в США на двух подводных лодках восемь агентов абвера с заданием парализовать американскую авиационную промышленность путем уничтожения завода по выработке искусственного криолита в Филадельфии, а также алюминиевых заводов в штате Нью-Йорк, Ист-Сент-Луисе (штат Иллинойс) и Алкоа (штат Теннесси). Как потом будет утверждать Лахузен, эта операция предпринималась по личному указанию Гитлера.

²⁴³ Насколько велико было доверие, оказанное Лахузену, свидетельствует тот факт, что он был посвящен в

1945 года Лахузен сдался американским войскам. Желая угодить своим новым шефам, войти к ним в доверие и заслужить их прощение, он решил подробно рассказать обо всем, что ему в силу занимаемого положения было известно об абвере, его кадрах — явных и тайных — и совершенных преступлениях, признаться в своем участии в них. Но ни англичане, ни американцы не возбудили дело против Лахузена, являвшегося, несомненно, крупным военным преступником. Вскоре он оказался на свободе «в благодарность за существенную помощь, оказанную западным союзникам». Выхлопотав генеральскую пенсию, Лахузен удалился в горы Тироля. Известно, что он, как и другие ведущие деятели абвера, вел в годы войны служебный дневник, оригинал которого каким-то образом исчез во время Нюрнбергского процесса над главными военными преступниками. До своей смерти в возрасте 58 лет, последовавшей в 1955 году в Инсбруке, Лахузен продал одному из нью-йоркских издательств написанные им мемуары, отрывки из которых были опубликованы в США в 1958 году²⁴⁴.

Ближайшим сподвижником Лахузена в организации диверсионных акций против государств, в отношении которых нацистской верхушкой замыслились или велись военные действия, был полковник Эрвин Штольце, официально занимавший пост заместителя начальника отдела абвера П. Проработавший в абвере более двух десятков лет, чуть ли не с самого его основания, он принадлежал к числу наиболее опытных специалистов по диверсии. Сотрудничество Штольце с немецкой военной разведкой началось еще в годы первой мировой войны: в его обязанность входил тогда допрос военнопленных и перебежчиков с целью получения разведывательных данных по вопросам, интересовавшим командование фронта. В 1923 году при активном содействии административного отдела министерства рейхсвера, куда Штольце был направлен службой трудоустройства бывших офицеров, его зачислили на работу в абвер, и это определило его карьеру на многие годы. До 1936 года он как сотрудник абвера I специализировался преимущественно на шпионаже против государств Восточной и Юго-Восточной Европы; конкретно его деятельность распространялась на Чехословакию, Венгрию, Румынию, Югославию, Грецию, Болгарию и другие — вплоть до западных областей Советского Союза²⁴⁵. В 1937 году, когда гитлеровская Германия стала на путь форсированной подготовки к войне, Штольце переключился со шпионажа на еще более опасный вид подрывных действий — организацию диверсий, за которые в то время особенно энергично ратовал Канарис, вплотную приступивший к насаждению диверсионных групп за «линией будущего фронта». Как хорошо зарекомендовавший себя в этом деле, Штольце в феврале 1944 года поднимается на ступеньку выше по служебной лестнице: он становится в главном имперском управлении безопасности руководителем сектора, ведавшего вопросами диверсионной работы. Не переставая до последнего момента верить в возможность перелома хода военных действий в пользу фашистской Германии, в «конечную победу» Гитлера, Штольце продолжал развивать лихорадочную деятельность по организации шпионско-диверсионных операций в тылу наступающих на Берлин советских вооруженных сил. Его агенты, оснащенные рациями и другим шпионским снаряжением и подрывными средствами, все еще давали о себе знать в Словакии, Югославии и Польше. Один из них под видом радиоинженера легализовался в

детали плана, зреющего в ставке фюрера, относительно превращения высокогорной территории Австрии в «неприступную альпийскую крепость», о чем шла речь выше.

²⁴⁴ Как совершенно справедливо отмечает известный историк и публицист Юлиус Мадер, публикуя с сокращениями мемуары Лахузена, Пентагон преследовал цель, чтобы ни один бывший агент гитлеровской Германии, перешедший на службу какого-либо государства НАТО, не мог «содрогнуться от его показаний».

²⁴⁵ Как покажет потом Штольце на следствии, в числе специальных агентов, которых ему удалось привлечь к работе против СССР, были бежавшие на Запад в годы Октябрьской революции Достовалов, в прошлом царский генерал, Дурново, бывший царский полковник, основавший по заданию нацистской разведки опорный пункт в Белграде, и капитан в отставке Кляйн, плацдармом для шпионских действий которого стал Каунас.

Швеции, чтобы вести оттуда шпионаж против советских Прибалтийских республик. Часть агентов должна была временно укрыться в Испании и ждать указаний. В критические дни Штольце пытался сплести шпионскую и диверсионную сеть в Восточной Германии и в районе Берлина, ориентируя своих агентов на развертывание подрывных действий в послевоенный период. Кроме того, ему предстояло обеспечить выполнение одного важного задания руководства РСХА: надо было помочь отягощенным преступлениями сотрудникам этого ведомства избежать справедливого гнева народов, которых они подвергли страданиям и лишениям. «В начале 1945 года, — показал Штольце на допросе в органах государственной безопасности СССР 14 июля 1947 года, все секретные службы получили приказ Шелленберга, обязывающий их на случай вступления в Берлин Советской Армии подготовить фиктивные личные документы и снабдить ими своих сотрудников. После этого все они должны были перейти на нелегальное положение и до особых распоряжений не обнаруживать себя. Вся оперативная документация в случае возникновения опасности подлежала уничтожению. Я выполнил этот приказ». Захваченный в плен советскими войсками, он предстал перед Верховным судом СССР и был осужден как военный преступник.

Во главе абвера III стоял Франц Эккарт фон Бентивеньи, выходец из семьи кадрового офицера, связанный тесными узами со средой немецкого юнкерства. В 1914 году по окончании реального училища Бентивеньи добровольно отправился на фронт в качестве кандидата в офицеры; два года спустя ему было присвоено звание лейтенанта. В общей сложности около трех десятилетий он непрерывно прослужил в кайзеровской армии, рейхсвере и вермахте, накопив значительный опыт в военно-разведывательном деле. В начале 30-х годов Бентивеньи прошел курс обучения в генеральном штабе рейхсвера. С 1936 по 1944 год работал в абвере: сначала в должности начальника разведотдела при штабе XII военного округа в Висбадене, а с осени 1938 года — офицера разведки генерального штаба. После кратковременного прохождения службы в штабе пехотной дивизии (там он также занимался вопросами разведки) весной 1939 года ему присваивают звание подполковника и направляют в генеральный штаб, где он получает пост начальника абвера III и работает в этой должности вплоть до 1944 года. По свидетельству бывшего абверовца Оскара Райле. Бентивеньи, принадлежавший к числу самых доверенных лиц Канариса, как и Пикенброк, относился к тем, кто наряду с самим Канарисом многое знал о секретных планах и делах абвера.

В 1941 году к моменту нападения Германии на СССР Бентивеньи имел уже звание полковника, а в августе 1944 года ему присваивается звание генерал-майора. (Это в то время, когда, в связи с покушением на Гитлера, возможность продвижения по службе ставилась в прямую зависимость от результатов проверки гестапо политической благонадежности кандидата и верности нацистской клике.) Незадолго до назначения командиром 81-й пехотной дивизии на германо-советском фронте, входившей в состав группы армий «Курляндия», он производится в генерал-лейтенанты.

За успешную организацию шпионско-диверсионных акций Бентивеньи был отмечен Гитлером многими орденами, большую часть которых он получил во время германо-советской войны. В знак признания его «заслуг» на этом поприще он был награжден и орденами союзных в то время с гитлеровской Германией стран. После разгрома группы армий «Курляндия» Бентивеньи попадает в плен к советским войскам. И как особо опасный военный преступник в апреле 1952 года был приговорен Верховным судом СССР к 25 годам заключения (с зачетом предварительного заключения с мая 1945 года). В октябре 1955 года он был передан западногерманским властям как неамнистированный военный преступник. В ФРГ Бентивеже как Пикенброк и многие другие переданные из СССР военные преступники) был помилован и отпущен на свободу. Более того, он получил из государственной казны значительную сумму и генеральскую пенсию. В 1958 году умер в Висбадене в возрасте 61 года.

Картина того, что представляло собой руководящее ядро абвера, будет неполной, если

не рассказать о главе ведомства шпионажа и диверсии гитлеровского вермахта Вильгельме Канарисе, возглавлявшем абвер на протяжении десяти лет.

Канарис родился 1 января 1887 года в семье богатого инженера, директора сталелитейного завода. Предки Канариса прожили много лет в Северной Италии, прежде чем переселиться в Германию. После окончания реальной гимназии в 1905 году в возрасте 18 лет он становится кадетом королевского военно-морского флота, а в 1907 году направляется на крейсер «Бремен» в качестве адъютанта командира корабля. Крейсер «Бремен», курсировавший под немецким флагом у берегов Южной и Центральной Америки, должен был во время волнений в латиноамериканских странах защищать интересы немецких компаний. После недолгого пребывания на родине Канарис вновь отправляется в заграничное плавание. На этот раз на борту крейсера «Дрезден», решавшего ту же задачу, что и «Бремен», но в восточной части Средиземноморья-на Балканах. Весной 1915 года «Дрезден» получил пробоину в заливе Камберлен, и основные члены экипажа были интернированы чилийскими властями на острове Хуана Фернандеса. Пробыв в неволе несколько месяцев, Канарис совершил дерзкий побег и через Анды добрался до Вальпараисо. Получив там паспорт на имя Рида Розаса, он на голландском корабле прибыл в Германию через Плимут и Роттердам²⁴⁶.

Летом 1916 года с тем же чилийским паспортом ему удалось, невзирая на блокаду англичан, проскользнуть в Испанию, где он был зачислен в штат немецкого посольства в качестве помощника военно-морского атташе. Поставленная перед Канарисом задача состояла в том, чтобы выявить на испанских базах лиц, согласных работать на немецкий военно-морской флот и, в частности, готовых вести наблюдение за движением (особенно через Гибралтар) транспорта союзников и нейтралов. Он должен был также, используя свои связи, склонить местные компании к участию в снабжении немецких подводных лодок, заходящих в испанские порты, топливом и продовольствием. Это рискованная миссия, выполнение которой нельзя было возложить ни на военно-морского атташе Германии, ни на его немецкий персонал. Между тем наполовину англичанин — наполовину чилиец Рид Розас вполне подходил для этого. Благодаря хорошему знанию испанского языка и умению обходиться с людьми Канарису удалось создать успешно функционировавшую организацию, действовавшую на территории Испании и Португалии. (Завязанные им связи среди испанцев оказались полезными и через 20 лет.)

Вскоре он был отозван в Германию, чтобы принять командование подводной лодкой, которая базировалась в Каттаро. В то время у него было много друзей в австрийских военно-морских силах, и он отлично разбирался в австрийских проблемах.

После Ноябрьской революции 1918 года в Германии Канарис, страшившийся революционных потрясений, охотно принял предложение о работе в личном аппарате военного министра «кровавой собаки» Г. Носке и в качестве его адъютанта участвовал в подавлении «спартаковцев» в Берлине, выдвинувших лозунг «Вся власть Советам!». Был тесно связан с реакционной военщиной и ее террористическими организациями, с помощью которых учинялась расправа с революционным движением в Германии. Стоял за кулисами подлого убийства в 1919 году видных деятелей германского и международного рабочего движения Р. Люксембург и К. Либкнехта.

В последующие годы Канарис, продолжая службу в германском военно-морском флоте, завязал тесные связи с национал-социалистами, горячо поддерживал их антикоммунистические воззрения. Сначала он служит в штабе эскадры на Балтийском море, затем переводится на крейсер «Берлин»²⁴⁷. В дальнейшем работает в штабе начальника морского управления военного министра, ведая вопросами развития и вооружения

²⁴⁶ Kahn D. Hitler's Spics. P. 226 — 227.

²⁴⁷ По воле случая в числе молодых членов экипажа «Берлина» находился Рейнгард Гейдрих, которому через некоторое время суждено было стать шефом РСХА и злейшим врагом Канариса.

подводного флота. К этому времени получают общее признание «исключительная работоспособность» Канариса и «на редкость высокие качества, делающие его пригодным для занятия высокого поста»; отмечается особая компетентность в вопросах военно-политического характера применительно к военно-морским силам.

В одной из характеристик Канариса, датированной 1 ноября 1926 года, говорилось: «... чувствуя до тонкостей психологию и национальные особенности иностранцев, обладая к тому же поразительным знанием многих языков, Канарис умеет отличным образом устанавливать контакты (от самого маленького человека до знаменитостей) и завоевывать в кратчайшие сроки их доверие. Когда он имеет задание установить такой контакт, то никаких преград для него не существует; ничто не может удержать; нет такого неприступного бастиона, куда бы он не смог проникнуть к интересующему его лицу, а затем, одержав быструю победу, строить по-детски невинную мину». В июне 1929 года Канарис был произведен в капитаны II ранга и вскоре назначен начальником штаба эскадры в Северном море, а некоторое время спустя — в октябре 1932 года — становится командиром линкора «Шлезвиг». Вскоре после прихода Гитлера к власти Канарис начал выступать перед личным составом линкора с восхвалением национал-социалистских идей и, как писал один из его начальников, «в результате тщательной подготовки и высоких умственных способностей добился в этой области заметных успехов»²⁴⁸. Он не упускал возможности завязать знакомства среди влиятельных лиц новой фашистской иерархии.

На «Шлезвиге» Канарис прослужил два года, затем в самый ответственный для своей карьеры момент потерпел неудачу. Ему не удалось получить должность командира боевого корабля, на что он твердо рассчитывал. Руководство не дало ему нужных рекомендаций, считая, что он скорее склонен к «военно-политической, чем к военной, карьере и, хотя являлся храбрым командиром, мало подходил для высокого руководящего поста в военно-морском флоте»²⁴⁹. Имело, видимо, значение и то, что Канариса недолго любили тогдашний главнокомандующий военно-морским флотом Э. Редер и ряд других влиятельных офицеров ВМС, среди которых он слыл «большим лицемером». Ему пришлось довольствоваться постом командира военно-морской базы в Свинемюнде. Но через несколько недель после его прибытия к новому месту службы освободилась должность начальника абвера. Занимавший этот пост Патциг не поладил с гестапо²⁵⁰. Уходя, он рекомендовал командованию на этот пост Канариса. И хотя поначалу Редер не был склонен к назначению Канариса, Патциг легко убедил его, обратив внимание на то, что в противном случае командование военно-морскими силами упустит контроль над абвером, поскольку он не видит другой подходящей кандидатуры среди моряков.

1 января 1935 года капитан I ранга Канарис становится начальником управления разведки и контрразведки (абвера) при военном министерстве, а с 1938 года при верховном командовании вооруженных сил. К моменту его прихода абвер, по оценке западных исследователей, уже представлял собой «хорошо налаженный и точно направляемый организм».

Учтя печальный опыт Патцига, не сумевшего наладить отношения с СД, Канарис свое пребывание на посту начальника абвера начинает с того, что, порвав всякое общение с Патцигом, приступает к налаживанию личных связей с людьми аппарата Гимmlера. 17 января 1935 года он проводит трехчасовую встречу с Гейдрихом, на которой они

²⁴⁸ Kahn D. Hitler's Spies. P. 229.

²⁴⁹ Ibidem.

²⁵⁰ Для смещения Патцига был еще и другой повод: военному министру фон Бломбергу, ставленнику Гитлера, стало известно, что используемые абвером высотные разведывательные самолеты сфотографировали польские порты и укрепления. Этот факт в случае его огласки, как считал Бломберг, ставил под угрозу «блестящий внешнеполитический шаг Гитлера — заключение договора о ненападении с ненавистной Польшей, который обеспечивал фюреру крепкие тылы» // Kahn D. Hitler's Spies. P. 226 — 227.

договариваются о разграничении функций между абвером, гестапо и СД. (Спустя два года — 21 декабря 1936 года эта договоренность получает официальное оформление в виде соглашения «О разделе сфер влияния»²⁵¹.) Из этой первой деловой встречи Гейдрих вынес впечатление, что «маленький адмирал», как величали Канариса в кругах вермахта, хотя «человек несомненно умный и ловкий», однако ему «не составит особого труда преследовать его в джунглях» третьего рейха, где Гейдрих был одним из самых крупных хищников. Правда, позднее, когда шеф СД увидел Канариса в деле, то понял, что недооценивал своего противника. «Это старая лиса, — предупреждал Гейдрих подчиненных — будьте с ним очень осторожны»²⁵². Канарис же, как можно судить по его записи в дневнике, со своей стороны, оценив острый ум Гейдриха, решил, что с этим жестоким фанатиком «надо быть всегда начеку, чтобы не угодить ему в когти». Он испытывал какой-то «инстинктивный, животный страх перед ним». «Его чуть раскосые глаза, холодный пронизывающий взгляд, — говорится в дневниковой записи Канариса, — невольно вызвали ощущение внутреннего беспокойства»²⁵³.

Как видный деятель германской военной разведки, Канарис приложил руку ко многим планам и делам, укреплявшим военную мощь сначала кайзеровской, а затем гитлеровской Германии. Политике агрессии он был до конца привержен, отдавал ее осуществлению свой опыт крупного профессионала-разведчика, свои немалые способности к политическим интригам. В этом типичном представителе штабной военщины высокого ранга, немало позаимствовавшем из опыта прежней немецкой секретной службы, Гитлер нуждался для укрепления своей власти, претворения в жизнь программы завоевания нового жизненного пространства, подрыва военно-экономического потенциала будущих жертв агрессии. И не ошибся: Канарис был ревностным исполнителем его воли в провоцировании в середине 30-х годов международных кризисов, таивших в себе военную опасность и в конце концов приведших к мировой войне, — вторжение в рейнскую демилитаризованную зону, аншлюс Австрии, захват Чехословакии и другие. И в этом смысле обязанности Канариса выходили за пределы повседневного руководства работой абвера. Гитлер нередко использовал его в качестве личного эмиссара: Канарис вел переговоры с румынским диктатором генералом Антонеску в Бухаресте, диктатором Испании генералиссимусом Франко в Мадриде, главой фашистской партии и фашистского правительства Муссолини в Риме. В годы второй мировой войны Канарис подтвердил свою приверженность фюреру и его политике насилия созданием широко разветвленной, успешно справляющейся со своими задачами шпионско-диверсионной сети в странах Европы, Азии, Африки и Америки, сети, оказавшей значительные услуги фашистской Германии.

Как часто прибегал Гитлер в то время к услугам Канариса и возглавляемого им ведомства шпионажа и диверсии, можно судить хотя бы по такому малоизвестному факту — в канун начала претворения в жизнь своей агрессивной политики фюрер виделся с ним чаще, чем когда-либо с момента прихода его в абвер. Вот некоторые данные, зафиксированные в журнале встреч Гитлера: между декабрем 1935 года и мартом 1936 года он принимал

²⁵¹ Это соглашение вошло в историю секретных служб фашистской Германии под названием «10 заповедей». В соответствии с ним круг интересов абвера ограничивался, по настоянию Гейдриха, чисто военной областью, и он не должен был вторгаться в сферу политической разведки. Последняя объявлялась исключительно прерогативой СД, которая, в свою очередь, обязалась попадающие в ее руки военные данные тотчас же, без использования, направлять командованию вермахта. Но такое разграничение функций существовало только на бумаге. Информация военного характера, поступавшая в СД, в действительности не шла для согласования в абвер и генеральный штаб, где она могла бы дополнять картину военного положения, а представлялась непосредственно Гитлеру, причем часто с явным намерением показать, насколько СД работает лучше, чем абвер.

²⁵² Brissaud A. The Nazi Secret Service. London, 1974. P. 132 — 133.

²⁵³ Kahn D. Hitler's Spies. P. 225.

Канариса 17 раз, причем всегда с глазу на глаз. Совершенно очевидно, что ставшие тогда столь частыми не подлежащие огласке их «сокровенные» беседы были вызваны необходимостью обсуждения захватнических планов в Европе, в которых абверу отводилась важная роль. Не встречая должного отпора со стороны западных держав, гитлеровцы начали действовать более открыто, устраняя все, что хоть в какой-то мере мешало осуществлению их агрессивных замыслов.

Первым объектом нацистской агрессии явилась Рейнская область. Гитлер считал, что не сможет начать осуществление своих военных планов на Востоке, пока он связан Локарнским соглашением, которое обязывало Германию согласиться с демилитаризацией Рейнской области²⁵⁴.

Решив послать немецкие войска в Рейнскую демилитаризованную зону, Гитлер 2 мая 1935 года приказал тогдашнему военному министру генералу Бломбергу приступить к штабной проработке вариантов вооруженного вторжения. Группа отобранных специалистов, каждый из которых дал письменное обязательство держать в строжайшей тайне данное им поручение, в срочном порядке разработала оперативный план вторжения, получивший кодовое наименование «Упражнение» (он имел еще название «Операция Шулунг»). Во второй половине июня 1935 года полковник Йодль представил его на рассмотрение имперского совета обороны²⁵⁵. Осуществление плана, однако, откладывалось: нужен был повод²⁵⁶. Гитлера сдерживал слишком большой риск затеваемой операции. Великобритания, Франция и Италия, несмотря на всю непоследовательность занятой ими позиции, все же в той или иной форме давали понять, что нарушение статуса демилитаризованной зоны вдоль Рейна может повлечь за собой ответные действия с их стороны. Приходилось считаться и с доводами Бломберга, который неоднократно предупреждал фюрера о том, что его генералы не уверены в успехе, по их твердому мнению, рейхсвер пока еще по-настоящему не окреп и плохо оснащен для подобной операции. Наконец, нельзя было не принять во внимание и тот факт— о чем 26 декабря 1936 года докладывал Гитлеру Канарис, ссылаясь на полученные им из «особо надежных источников» агентурные данные, — что между штабами французской и английской армий ведутся переговоры, связанные с обеспечением координации их действий в случае возникновения в Рейнской области чрезвычайного положения.

Но прошло какое-то время, и 11 февраля Канарис обратился к Гитлеру за аудиенцией: он торопился довести до сведения фюрера содержание информации, только что полученной от парижского резидента абвера. Информация эта, так обрадовавшая Гитлера, имела смысл многозначный и важный: она позволила ему ощутить реальную возможность претворения в жизнь своего плана. Поэтому реакция на нее была мгновенной. Не успел Канарис покинуть апартаменты Гитлера, как в рейхсканцелярию был вызван Бломберг, и ему было приказано в самое ближайшее время приступить к операции «Упражнение». 27 февраля Бломберг доложил Гитлеру, что подготовка к вторжению в Рейнскую область завершена, и получил указание приступить к осуществлению операции через неделю, в субботу 7 марта.

²⁵⁴ Германии, согласно 42-й и 43-й статьям Версальского мирного договора, с целью затруднить ее нападение в будущем на Францию запрещалось иметь или возводить военные укрепления в демилитаризованной зоне, на левом берегу Рейна и в 50-километровой полосе на его правом берегу, а также содержать или сосредоточивать здесь вооруженные силы, проводить военные маневры и т. д. Этот запрет был подтвержден в 1925 году Локарнским соглашением, под которым стоит и подпись правительства Германии.

²⁵⁵ Информировав 26 июня 1935 года имперский совет обороны о предварительных мерах, принятых командованием по указанию Гитлера к введению войск в Рейнскую область, Йодль потребовал, чтобы все распоряжения по этому вопросу отдавались только в устной форме.

²⁵⁶ В качестве повода ремилитаризации Рейнской области Гитлер избрал ратификацию французским парламентом советско-французского договора, которую нацисты интерпретировали как «действие, направленное против безопасности Германии».

Предполагалось, что сначала на левый берег перейдут три пехотных батальона, причем если Франция предпримет ответные действия, им предписывалось немедленно вернуться назад.

Небезынтересна такая деталь: за пять дней до этой даты, 2 марта 1936 года, Бломберг передал приказ фюрера начальнику генерального штаба генералу Беку и главнокомандующему генералу Фритшу. Фритш заявил, что все, чем он располагает, — это 35 тысяч солдат и офицеров, из которых можно в лучшем случае сформировать одну боеспособную дивизию. Бек со своей стороны предупреждал, что французы в состоянии быстро отомобилизовать 20 прекрасно оснащенных Дивизий и разгромить слабые части Фритша. Генералы сообщили Гитлеру о своих сомнениях, но тот, основываясь на докладе Канариса, ответил:

— Я знаю, что делаю. У меня есть абсолютно надежные сведения, что французы не двинут против нас ни одного солдата. Но вы убедитесь не только в этом. Освободив Рейнскую область из-под версальского ига, мы поставим мир перед свершившимся фактом, на том дело и кончится²⁵⁷.

Вскоре началось скрытое продвижение германских войск, насчитывавших в своих рядах 30 тысяч немецких солдат, к границам Рейнской области. Операция, как того требовала директива имперского министра обороны, «должна была быть проведена неожиданным ударом с молниеносной быстротой».

Как это видно из материалов секретных архивов абвера, среди обильной информации, поставляемой в те дни Канарисом Гитлеру, внимание фюрера особенно привлекло одно донесение. Оно исходило от агента абвера, судя по всему, занимавшего высокий пост в министерстве иностранных дел Франции, «Непременной составной частью французских военных планов, — говорилось в этом донесении, — является обязательное участие англичан. Начальник французского генерального штаба генерал Гамелен заявил министру иностранных дел Фландену, что он не может (или не хочет) посылать войска в Рейнскую область, если не присоединятся англичане»²⁵⁸. Такую же точку зрения высказывал министр иностранных дел Германии, предшественник Риббентропа, Нейрат, который заверил Гитлера, что англичане вовсе не намерены оказывать французам помощь, на чем настаивает генерал Гамелен. Столь категоричное утверждение Нейрата, слышавшего весьма осторожным дипломатом, основывалось на многочисленных сообщениях немецкого посла в Лондоне Леопольда фон Хеша, находившегося в Англии с 1932 года и располагавшего там надежными источниками информации, вхожего в «коридоры власти, вплоть до королевской семьи». «Запад не выступит» — таков был основной смысл его донесений. Как видим, и министр иностранных дел подтверждал точность сообщения Канариса.

Как же развивались события дальше?

Издав приказ о начале вторжения, Гитлер, понимавший, насколько рискованной была эта авантюра, крайне нервничал (как он заявит потом, 48 часов после вступления немецких батальонов в зону были самыми напряженными в его жизни). Это и понятно. Ведь объяви Франция, к примеру, мобилизацию, направь она хотя бы один полк в Рейнскую область, немецким батальонам не оставалось ничего другого, как только ретироваться. (Германия в то время была еще не в состоянии вести войну с Францией даже с минимальными надеждами на успех; соотношение сил все еще было в пользу французской армии.) Гитлер не мог не отдавать себе отчета в том, что разрыв Локарнского соглашения, а потом отвод батальонов назад, другими словами, политический и военный провал задуманного предприятия означал бы как в международном, так и внутреннем плане крушение его режима, а для него самого — быть может, политическую смерть²⁵⁹. «У нас. — признавал Йодль впоследствии, — было

²⁵⁷ Фараго Л. Игра лисиц. Эпизоды агентурной борьбы. С 63.

²⁵⁸ Там же.

²⁵⁹ Подробнее см.: Проэктор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели. С. 112.

неспокойное чувство игрока, поставившего на карту всю свою карьеру»²⁶⁰. И вот через 48 часов к Гитлеру пришло понимание того, что его отчаянный маневр удался. Франция, открытой конфронтации с которой Берлин побаивался и до поры до времени хотел избежать ее, не объявляла мобилизацию. Ни один французский солдат не пересек границы. Англия не поддержала Францию. И первым, кто в трудной для Гитлера ситуации укрепил его в убеждении, что французская армия без поддержки англичан не сделает и шага к Рейнской демилитаризованной зоне, был не кто иной, как глава абвера Канарис.

Спустя 13 дней после начала событий Совет Лиги Наций приступил к голосованию вопроса: нарушила ли Германия границы Рейнской зоны? Большинство членов Совета все же нашло в себе смелость утвердительно ответить на этот вопрос, уточнив, однако, что их ответ не означает «порицания» или «осуждения» Германии, а является лишь «констатацией факта». Совет Лиги Наций принял резолюцию, которая ограничилась признанием факта нарушений Германией статьи 34 Версальского договора и Локарнского соглашения. Словом, нарушитель договоров, явно преследовавший захватнические цели, остался безнаказанным.

Операция же «Упражнение» и ее результаты имели для будущего фашистской Германии огромное значение. Во-первых, прочно обосновавшись на данной территории после ее захвата, Гитлер, как показали выборы в рейхстаг, существенно укрепил положение нацистского режима и свои собственные позиции внутри страны. Во-вторых, разорвав условия Локарнского договора, нацисты обрели возможность направить агрессию в сторону Восточной Европы. Правильным оказался прогноз событий, данный VII Конгрессом Коминтерна (лето 1935 года). «Германские фашисты, — говорилось в принятой им резолюции, — являющиеся главными поджигателями войны, стремящиеся к гегемонии германского империализма в Европе, ставят вопрос об изменении европейских границ посредством войны, за счет своих соседей. Авантюристические планы германских фашистов простираются весьма далеко и рассчитаны на военный реванш против Франции, на раздел Чехословакии, на аннексию Австрии, на уничтожение самостоятельности Прибалтийских стран, которые они стремятся превратить в плацдарм для нападения на Советский Союз...»

После захвата демилитаризованной Рейнской области акции абвера и особенно его шефа Канариса резко возросли.

На следующем этапе развития гитлеровской агрессии Канарис сыграл важную роль в разжигании гражданской войны в Испании, где он еще в свое время пустил прочные корни и обзавелся влиятельными друзьями. В тесном сотрудничестве с испанской разведкой, возглавляемой другом Канариса генералом Кампосом Мартинесом, абвер покрыл всю страну густой агентурной сетью, наладил полезные линии связи и создал несколько фиктивных фирм, служащих «крышей» для разведчиков и их финансовых операций. Благодаря близким отношениям между Канарисом и Франко, местная разведка, так называемая «Сирена», фактически превратилась в филиал абвера. В Испании всю свирепствовал германский «Легион Кондор».

По мнению западных исследователей, связь, существовавшая почти в течение десяти лет между фюрером и начальником разведки и контрразведки вермахта, можно было бы назвать «браком по рассудку». Вначале, и это было широко известно, Гитлер относился с определенной симпатией к морскому офицеру, прошедшему испытания первой мировой войны, человеку, стяжавшему славу «хитроумного Одиссея», и отдавал должное его выдающимся умственным способностям, «богатству уловок и дьявольской изворотливости». С другой стороны, и Канарис, «политический игрок», мастер закулисных интриг, в течение многих лет легко находил подход к фюреру и при желании мог даже оказывать на него влияние. Определенную роль, по утверждению сослуживцев Канариса, играло здесь то обстоятельство, что руководитель абвера особое значение придавал «разведывательной политике», то есть использованию добываемой информации в качестве политического орудия. Во всей своей деятельности по руководству военной разведкой он исходил из

²⁶⁰ Цит. по: История дипломатии. Т. III. С. 626.

непреложной установки, что знание не только военных, но также политических тайн, особенно секретов противника, должно служить основой для достижения абвером политического влияния. Он был полон решимости употребить добываемую информацию в качестве средства оказания прямого воздействия на внешнеполитический и военный курс третьего рейха. И это ему, особенно на первом этапе, вполне удавалось. По выражению давнего сослуживца Канариса Ганса Гизевиуса, «в шефе абвера в еще большей степени, чем его необыкновенное понимание политической реальности, было развито интуитивное ощущение иррациональных процессов». «Я редко встречал человека, — говорил Гизевиус, — который так точно знал, во что выльются те или иные события...» В таком же духе оценивали Канариса и другие его сподвижники, знавшие этого сдержанного и скрытного человека многие годы по службе в абвере. По их словам, это был осторожный, зоркий, терпеливый хищник, опасный своим даром далекого предвидения, своей удивительной способностью нащупать каким-то инстинктом правильную линию в самых запутанных случаях и «затейливых комбинациях». И с этим до какого-то времени вынужден был считаться шеф РСХА Гейдрих, выжидавший удобный случай для нанесения удара Канарису. В одной из доверительных бесед с Шелленбергом на охоте Гейдрих так оценивал тогдашнюю ситуацию: «У меня такое ощущение, что Канарис выдал врагу срок начала нашего наступления на Западе — 10 мая 1940 года. Но я не хотел бы сейчас обращаться к фюреру со своими подозрениями, еще не время. Но придет день, когда Канариса постигнет возмездие... До той поры нужно ждать и собирать документы»²⁶¹.

Соотношение сил в тот период между начальником главного имперского управления безопасности и шефом абвера было еще более или менее равным. Гейдрих продолжал накапливать материалы против Канариса, которые должны были, по его выражению, составить содержимое его «зарядного ящика»; Канарис же в свою очередь бережно хранил в своем сейфе тайное оружие для контратаки. Кроме подробной справки о дисциплинарных проступках Гейдриха в бытность службы последнего в военно-морском флоте он обладал копиями личных документов, содержавших опасные свидетельства о «неполадках» в родословной Гейдриха: одна из его бабок была еврейкой; это означало, что свидетельства Гейдриха об арийском происхождении были подложными. Однако ни Гейдрих, ни Канарис не желали окончательного разрыва тонкой нити, которая соединяла этих двух, пожалуй, самых видных деятелей немецкой разведки, рьяных сподвижников Гитлера. Но абверу и его начальнику явно не везло, и это было на руку Гейдриху.

В начале 1940 года произошел крупный провал по военной линии: оперативный план немецкого наступления на Западе попал в руки противника. Гитлер бушевал. Свой гнев он, естественно, направил против абвера, отвечавшего за безопасность армии, ее *тылов*, проводимых ею операций, в обязанности которого вменялось прежде всего не допустить утечки информации к врагу, сохранить в тайне состав войск, их подготовку к наступлению и дату начала задуманной операции.

Немецкий офицер, имевший приказ доставить план наступления в одну из комендатур вермахта на Западе, повстречал в Мюнстере, где он оказался проездом к месту назначения, своего давнего приятеля, майора военно-воздушных сил. Тот уговорил его прервать поездку и достойно отметить встречу. Свидание друзей превратилось в веселую пирушку, и в итоге курьер опоздал на поезд. Чтобы наверстать упущенное время, майор ВВС вызвался лично доставить своего друга в Кельн на небольшом самолете. Однако погода в эти утренние часы была неблагоприятной, самолет из-за недостаточной видимости сбился с курса и в конце концов должен был совершить вынужденную посадку на территории Бельгии, близ Мехельна. Попытка сразу же уничтожить секретные документы особой важности не удалась — офицер и летчик в момент приземления самолета были захвачены бельгийской полицией. Закончилась неудачей и вторая попытка — сжечь бумаги в печи полицейского участка, куда были доставлены задержанные. Печь была основательно заполнена углем, и брошенные в

²⁶¹ Schellenberg W. The Labyrinth. Memoire. P. 205.

нее документы, оказавшись поверх его, лишь частично обгорели. Бельгийцы вполне могли разобрать каждое предложение в них и, следовательно, раскрыть содержание самого плана. Но местное военное командование усмотрело в этом инциденте намерение нацистов ввести его в заблуждение.

Гитлер тем временем сразу же заподозрил измену и готов был отдать приказ о немедленном физическом устранении офицеров. Однако в ходе расследования не были получены доказательства преднамеренной государственной измены. Канарису стоило немалых усилий убедить Гитлера в том, что дело здесь в халатности и ни в чем другом. Но рассеять до конца подогреваемое Гейдрихом недовольство фюрера положением дел с обеспечением абвером сохранности тайн вермахта ему так и не удалось.

Напряженность в отношениях между Гейдрихом и Канарисом особенно стала нарастать спустя несколько месяцев после захвата Бельгии немецкими войсками. Поводом послужил «прокол», допущенный военной разведкой. Абверу удалось нащупать нелегальную ветвь английской разведки с выходом на французских и советских агентов. Одновременно на нее натолкнулась и служба СД. Была достигнута договоренность, что два сотрудника из аппарата Шелленберга попытаются использовать эту возможность в плане внедрения в разведывательную сеть противника. Однако случилось так, что вопреки этой договоренности офицер распорядился арестовать в различных пунктах группу подозрительных лиц, в число которых попало и семь лучших агентов СД. В результате этой поспешности вся шпионская сеть противника, над которой нависала серьезная опасность, была, как и следовало ожидать, немедленно реорганизована и «добыча, которая, казалось, находилась уже в наших руках, — ускользнула», — писал с сожалением об этом деле Шелленберг. Воспользовавшись этим, Гейдрих энергично потребовал четкого разграничения компетенций между разведывательными службами главного имперского управления безопасности и вермахта²⁶². (Заметим попутно, что практически это разграничение было произведено только через год. Дело в том, что, несмотря на все старания Шелленберга сделать внесенный им проект привлекательным в глазах Гимmlера и Гейдриха, направленным на расширение их личной власти, тот и другой осторожничали, считая, что создание единой независимой разведывательной организации может нанести им ущерб как в личном, так и в политическом плане.)

Для недовольства Гитлера Канарисом имелись и другие мотивы. В июле 1940 года, впервые после оккупации Франции, Гитлер, раздраженный упорными отказами англичан пойти «на мировую», решил отомстить им: он задумал захватить Гибралтар, заблокировать пролив и таким образом вынудить их «убраться из западной части Средиземного моря». Было решено создать базы для подводных лодок в испанских портах Африки и на Канарских островах. По требованию Гитлера и в соответствии с его директивой за № 32 от 11 июня 1941 года, предписывавшей вермахту обеспечить «блокирование западного входа в Средиземное море путем захвата Гибралтара», был разработан план вооруженного нападения, назначенного на ноябрь 1942 года, скрытый под кодовым названием «Феликс». В кругу своих ближайших приспешников Гитлер позднее предложил в случае необходимости

²⁶² В связи с этим Шелленбергу было поручено разработать так называемую «Программу десяти пунктов» (до этого, как уже отмечалось, разведывательные службы рейха в отношениях друг с другом руководствовались «десятью заповедями образца 1937 года»). Программа должна была по-новому определить систему взаимодействия этих служб и скорректировать распределение сфер их «влияния». Расчет строился на том, что таким образом удастся «потеснить» ведомство Канариса, лишить его значительной части полномочий. Но предложения Шелленберга шли дальше: он отстаивал идею создания единой германской разведывательной службы с подчинением непосредственно главе государства. Деятельность такой централизованной службы, ответственной за оперативное обеспечение высшего политического и военного руководства рейха разведывательной информацией, должна охватывать все аспекты жизни враждебных и нейтральных стран: политику, военное дело, экономику и технику. Чтобы создаваемая служба имела большую возможность сосредоточить все свои усилия и средства именно на этой стороне дела, признавалось целесообразным отделить ее как от полиции безопасности, так и от внутренней разведки СД, которые сами по себе приобретали все большее значение в связи с ухудшением внутривнутриполитического положения Германии.

распространить эту операцию и на Испанию.

Проведение необходимой подготовительной работы, включая рекогносцировку гибралтарских укреплений. Гитлер возложил на Канариса, располагавшего широкими связями среди испанцев и имевшего влияние даже на самого Франко, приходу к власти которого он в свое время всячески содействовал. Выражалась надежда, что шефу абвера, быть может, удастся вовлечь в затеваемую авантюру и Испанию. Канарис развил настолько лихорадочную деятельность, что вскоре вышел далеко за рамки отведенной ему роли. Он стремился взять на себя руководство всей операцией, начиная с черновой работы по организации шпионажа, обеспечения возможных участков сосредоточения войск, складов снабжения, линий связи, охраны дорог и кончая командованием штурмовыми частями.

22 июля Канарис во главе разведывательной группы посетил предместье Гибралтара с целью изучения местности, выявления препятствий, которые могут возникнуть в ходе этой широкомасштабной операции, и разработки плана самого штурма. Одновременно он приступил к формированию штурмового отряда из солдат диверсионного полка «Бранденбург». Как потом будут отмечать немецкие эксперты, никогда еще за всю историю шпионажа осуществление подобной миссии не возглавлялось непосредственно столь крупными боссами секретной службы — самим шефом управления разведки и контрразведки вермахта и его ближайшими помощниками. Они не один раз наведывались в Испанию, чтобы держать под своим контролем развертывание операции «Феликс».

К концу 1940 года нацисты уже имели детальную карту всего района предстоящих действий. Однако огромная работа, проделанная на этой стадии, оказалась в результате бесполезной, поскольку в январе 1941 года, осознав, очевидно, опасность быть втянутыми в войну, испанцы после всякого рода проволочек и тайных маневров попросту заявили о своем отказе участвовать в операции, и ее пришлось отменить. Но достаточно мощная разведывательная организация, созданная в процессе подготовки к захвату Гибралтара, сохранялась и продолжала действовать на обоих берегах западной части Средиземного моря. Наблюдение за Гибралтарским проливом велось из двух вилл в Альхесирасе, оборудованных лучшими по тому времени оптическими и электронными приборами германского производства. Абверовская группа наблюдателей в Танжере занимала два здания и круглосуточно несла дежурство. Деятельность ее широко разветвленной шпионской сети, насчитывающей 357 агентов, направлялась опытными офицерами разведки. Группа опиралась на постоянную помощь представительств абвера в Мадриде и Лиссабоне.

Однако за спиной нацистов активно действовала английская Интеллидженс сервис, занимавшаяся не столько сбором разведывательной информации, сколько тайной войной с абвером. Англичане успешно внедряли своих людей в его агентурную сеть, обезвреживали засылаемых им агентов, вели за абверовцами неослабную слежку, продвигали дезинформацию, и все это с единственной целью — сорвать операцию «Феликс» и помешать наблюдению за проливом.

Несмотря на то что «команда Канариса», расположившаяся в этом районе, находилась в состоянии постоянной повышенной боевой готовности, она тем не менее оказалась не способной предупредить Берлин в октябре 1942 года о подготовке союзников к вторжению в Северную Африку, в результате чего их экспедиционные войска достигли мест высадки практически незамеченными. Провал абвера нанес серьезный удар не только по его репутации, прежде всего значительно пострадал и без того пошатнувшийся престиж самого Канариса. Заметим, что положение, ко всему прочему, усугублялось еще и тем, что к тому времени у абвера появился серьезный соперник в лице набравшего силу главного имперского управления безопасности и, в частности, службы безопасности, возглавляемых Гейдрихом и Шелленбергом.

Канарис жил в постоянной тревоге — и не скрывал этого от близких ему коллег, — что Гейдрих своим дерзким ходом рано или поздно оттеснит его от руководства военной разведкой или возвысится над ним.

В конце 1942 года Гейдрих всерьез вынашивает мысль «свалить» Канариса.

Неожиданно подвернулся и повод для этого.

В связи со специально предпринятой английскими «командос» операцией на участке между Дьеппом и Гавром абверу был нанесен жесточайший удар. Англичанам удалось захватить находившееся на вооружении гитлеровской радиослужбы усовершенствованное оборудование, с помощью которого она могла на большом расстоянии фиксировать направление полета вражеских самолетов, способствуя тем самым обеспечению охраны главных воздушных путей, в особенности в Северной и Западной Европе. Для захвата уникальной аппаратуры была осуществлена заброска десанта, участникам которого удалось демонтировать ее, остатки сфотографировать, а основные детали доставить в Лондон. Последствия английской акции были настолько ощутимы, что они породили смутение и беспокойство буквально на всех уровнях нацистской иерархии, включая верхние эшелоны. Назначили расследование, которое не только выявило крупные недостатки в системе немецкой обороны в целом, но и, как того хотелось Гейдриху, вскрыло факты серьезных упущений в организации маскировки и защиты оборудования, ответственность за которые опять-таки несла военная контрразведка. Начались работы по ликвидации ущерба, и в связи с этим встал вопрос об использовании достижений в данной области других стран. Гитлер поставил задачу выяснить, насколько далеко продвинулись в этом отношении англичане. Технические отделы разведки ВВС доложили командованию о результатах проведенных ими исследований трофейных приборов, Канарис же не высказал на этот счет никаких соображений, пытаясь отговориться уклончивыми объяснениями. Гитлер, проинформированный Гиммлером, выразил недовольство поведением адмирала; однажды он даже спросил рейхсфюрера СС, как он вообще терпит Канариса с его «глупой болтовней». Гитлер, которому, как он выразился, «надоело выслушивать болтовню адмирала», склонен был уволить его по служебному несоответствию²⁶³.

Положение Канариса осложнилось еще и тем, что против него ополчился в то время и Риббентроп, имевший давние с ним счеты. Начало этому было положено еще в феврале 1938 года в начале третьей недели его пребывания на посту министра иностранных дел, когда произошел провал шпионской группы абвера в США, раскрывший перед мировой общественностью недозволенные методы осуществления нацистами своей внешней политики²⁶⁴. Возмущенный этим, но в значительно большей степени разъяренный тем, что абвер, как ему стало известно, является поставщиком Гитлеру негативной информации о деятельности возглавляемого им внешнеполитического ведомства, Риббентроп решил апеллировать к самому фюреру. Он был уверен, что факт провала может послужить убедительным доказательством профессиональной несостоятельности абвера, наносящего своими необдуманными действиями непоправимый ущерб интересам Германии. Но попытка эта не увенчалась успехом — Гитлер с пренебрежением отклонил жалобу Риббентропа. Дело в том, что к этому времени Канарис уже успел доказать фюреру, что арестованные в США шпионы не имели отношения к абверу. Кроме того, на Гитлера, судя по документам захваченных секретных архивов, произвело сильное впечатление заявление Канариса, специально рассчитанное на соответствующую ответную реакцию. «Все эти немцы, —

²⁶³ Согласно свидетельству Шелленберга, в эти дни Гиммлер в разговоре с ним интересовался, как бы он отнесся к тому, чтобы взять на себя и руководство военной разведкой. Но, получив отрицательный ответ, рейхсфюрер СС больше не возвращался к этому вопросу.

²⁶⁴ Речь идет о шпионской группе «Краун», руководитель которой Г. Румрих, военнослужащий США, добровольно предложивший в 1936 году свои услуги немецкой разведке, являлся одним из лучших агентов абвера в Америке. В период с мая 1936 по февраль 1938 года он регулярно снабжал нацистов важной информацией стратегического характера, в которой нуждался вермахт для разработки планов агрессии. Достаточно сказать, что ему удалось раздобыть шифр для связи между кораблями ВМФ и береговыми батареями, уставы, справочники, чертежи орудий зенитной артиллерии, размещенной на территории США, мобилизационные планы. Провал Румриха, причиной которого стали несовершенные способы связи, привел к аресту 12 человек и шумной кампании в американской прессе // Фараго Л. Игра лисиц. Эпизоды агентурной борьбы. С. 45 — 53.

патетически заявил он, — патриоты и преданные национал-социалисты, единственная цель которых состояла в том, чтобы послужить новой Германии». Польщенный этим — на что и рассчитывал Канарис, — Гитлер в конфликте Риббентропа с Канарисом стал на сторону абвера. Риббентроп же, затаив злобу на начальника абвера, с тех пор пользовался каждой возможностью, чтобы нанести ему удар.

Таким образом, у Гейдриха в рассмотренной выше ситуации, казалось бы, была «возможность добить» Канариса. Тем более что к этому времени не без участия противников Канариса в разведывательных кругах рейха утвердилось мнение, что из-за отсутствия большого интереса с его стороны к чисто организационной стороне дела абвер в какой-то момент превратился в громоздкую службу с чрезмерно раздутым административным аппаратом. В частности, считалось, что силы и средства вспомогательных подразделений абвера, имевшиеся в военных округах, были никак не совместимы с выполняемыми ими задачами. И в результате военная разведка приобрела вид неповоротливой бюрократической машины с непомерно разбухшими штатами, пожирившей массу средств. Но это вовсе не означало, что в целом абвер, у руководства которым стояли специалисты высокого класса, действовал неэффективно. Понимая это, Гейдрих проявлял пока сдержанность, считая, очевидно, что время для этого еще не пришло. Похоже, что играли здесь роль и обстоятельства, которых мы коснемся ниже.

Для полноты политического портрета адмирала Канариса прибавим к сказанному то, что он питал патологическую ненависть к Советскому Союзу, страшился повторения революционных потрясений в Германии в случае поражения Гитлера в войне. Возглавляемый и направляемый им на протяжении десяти лет абвер, как и вермахт в целом, являлся вернейшим инструментом гитлеровской политики агрессии и насилия. Вся практическая деятельность адмирала Канариса на посту главы управления военной разведки и контрразведки вермахта, все исходившие от него директивы со всей очевидностью свидетельствовали об этом. Вот одна из многих иллюстраций такого рода.

Осенью 1941 года Канарис, оценивая Ленинград как «объект нападения» вермахта, доказывал, что после капитуляции города можно было бы разрешить Соединенным Штатам вывезти ленинградское население за океан. Но куда проще, считал он, «герметически закупорить Ленинград, разбить его артиллерией и авиацией, дать населению провести голодную зиму, а весной 1942 года войти в черту города, чтобы взорвать то, что осталось»²⁶⁵.

В середине 1943 года фельдмаршал Кейтель, постоянно выступавший в защиту своего начальника военной разведки, решил, очевидно, прийти на помощь адмиралу и, чтобы отвлечь внимание Гитлера, устроил «смену караула» в абвере, заменив руководителей основных, ключевых отделов. Но тут произошло одно событие, осложнившее и без того трудное положение Канариса. Несколько ведущих сотрудников нацистской военной разведки в Анкаре переметнулись на сторону англичан. В результате оказалась дезорганизованной вся разведывательная работа Германии на Ближнем Востоке, и восстановить эффективно действовавшую до этого агентурную сеть в Турции было уже невозможно.

В начале февраля 1944 года Гитлер нашел «штрафной счет» адмирала Канариса настолько весомым, что решил сместить этого когда-то сильного человека в рейхе с занимаемой им должности и вообще отстранить его от работы в разведке. Удар несколько смягчили, назначив его руководителем управления экономической войны в штабе верховного командования. К тому времени и сам абвер оказался в трудном положении. Гестапо выявило в его центральном аппарате группу антинацистов и вело тщательное расследование. «Флиртуя с недовольными фашистским режимом, — пишет об этом периоде деятельности шефа абвера Л. Фараго, — Канарис вместе с тем продолжал верой и правдой служить нацистам. Однако поставляемая его управлением информация своей

²⁶⁵ Цит. по: Безыменский Л. А. Конец одной легенды. С. 48.

двусмысленностью и неопределенностью вызывала все усиливающуюся критику со стороны командования вооруженными силами и нацистского аппарата»²⁶⁶. Шелленберг уже располагал материалами, компрометирующими абвер и лично Канариса, но выжидал, пока решающий удар не нанесет ему Риббентроп, другой его противник. Формально решение об освобождении Канариса объяснялось необходимостью в условиях военного времени объединить все разведывательные службы страны, включая абвер, под единым руководством.

Таким образом, к весне 1944 года Кальтенбруннеру удалось не только убрать с дороги адмирала Канариса, но окончательно поглотить шпионско-диверсионный аппарат верховного главнокомандования вермахта и таким образом «прибрать к рукам» все службы «тотального шпионажа».

КАЗНЬ АДМИРАЛА КАНАРИСА

В отличие от таких гитлеровских генералов шпионажа и диверсий, как Пикенброк, Лахузен, Бентивеньи и Штольце, адмиралу Канарису не удалось пережить вторую мировую войну, а случилось это так.

23 июля 1944 года Шелленбергу, находившемуся в служебном помещении военной разведки, позвонил начальник гестапо Мюллер. В типичной для него манере он резким голосом произнес: «Безотлагательно отправляйтесь на квартиру Канариса, сообщите ему, что он арестован, и тотчас же доставьте его в Фюрстенберг». Адмиралу следовало объяснить, что он будет находиться в Фюрстенберге до тех пор, пока, как выразился начальник гестапо, «все не выяснится». (Мюллер и Кальтенбруннер в те дни занимались расследованием покушения на Гитлера, совершенного 20 июля 1944 года и в связи с этим руководили операцией по взятию под стражу заподозренных лиц.) Как будет утверждать Шелленберг много лет спустя в своих мемуарах, он, выслушав тогда распоряжение Мюллера, запротестовал было, заявив, что не намерен брать на себя роль чиновника-исполнителя, и пригрозил даже обратиться по этому поводу к Гиммлеру. «Не забывайте, — парировал его заявление Мюллер, — что не рейхсфюрер, а Кальтенбруннер и я получили приказ фюрера расследовать заговор. За неподчинение вам придется жестоко поплатиться».

«Я сразу все понял, — пишет далее Шелленберг, — и, поразмыслив немного, решил подчиниться»²⁶⁷. Переговорив с гауптштурмфюрером СС бароном фон Фелькерзамом, который знал Канариса и когда-то служил под началом адмирала, Шелленберг предложил ему сопровождать его.

Шелленберг и Фелькерзам выехали в район Шлахгензее, где проживал Канарис. Дверь открыл сам адмирал. В квартире у него в это время находились барон Каульбарс и один из родственников адмирала-Эрвин Дельбрюк. Канарис попросил гостей на несколько минут покинуть комнату и, обращаясь к Шелленбергу, сказал: «Я так и думал, что это будете Вы».

После объяснения Шелленбергом цели своего появления адмирал заявил: «Обещайте в ближайшие дни устроить мне встречу с Гиммлером. Остальные Кальтенбруннер и Мюллер — всего лишь мясники, жаждущие моей крови». Шелленберг заверил адмирала, что непременно выполнит его просьбу, а затем официальным тоном произнес: «Если господину адмиралу угодно сделать другие распоряжения... Я буду ждать в этой комнате в течение часа — за это время Вы можете предпринять все, что Вам заблагорассудится. В своем рапорте я укажу, что Вы направились в спальню, чтобы переодеться»²⁶⁸.

Поняв, на что намекает Шелленберг, Канарис ответил: «Нет, о побеге не может быть и

²⁶⁶ Фараго Л. Игра лисиц. Эпизоды агентурной борьбы. С. 286.

²⁶⁷ Schellenberg W. The Labyrinth. Memoirs. P. 357.

²⁶⁸ Schellenberg W. The Labyrinth. Memoirs. P. 358.

речи. Самоубийством кончать я также не собираюсь. Я уверен в своей невинности и надеюсь на Ваше обещание». После выяснения некоторых практических вопросов адмирал поднялся на второй этаж и через некоторое время вернулся переодетым, с небольшим саквояжем в руке. Выхав из города, они повернули в сторону Фюрстенберга и вскоре прибыли в месторасположение школы пограничной полиции. Там их встретил бригаденфюрер Трюммлер. Стараясь при виде таких высоких персон соблюсти военный этикет, он осведомился, будут ли они ужинать вместе. Канарис просил Шелленберга не покидать его сразу. В казино полицейской школы в этот момент находилось около 20 генералов и старших офицеров, доставленных туда по подозрению в причастности к организации покушения на Гитлера; было принято решение содержать их «под домашним арестом». Встреченные всеобщим оживлением, Шелленберг и Канарис сели за отдельный столик. Беседа вращалась главным образом вокруг того, как Шелленбергу построить разговор с Гиммлером. Сразу же по возвращении в Берлин Шелленберг послал Мюллеру телеграмму: «Я выполнил приказ, отданный Вами сегодня. Подробности Вы узнаете от рейхсфюрера СС».

На следующий день Шелленберг имел продолжительный телефонный разговор с Гиммлером, который сделал вид, что ничего не знает о выпаде против него Мюллера и Кальтенбруннера, и обещал выслушать Канариса. «Впоследствии, — заключает Шелленберг свое повествование о деле Канариса, — рейхсфюрер никогда не рассказывал мне о своей беседе с адмиралом, но она, вероятно, все же состоялась, ибо только этим я могу объяснить, почему вынесение приговора Канарису долго откладывалось и предан казни он был лишь за несколько недель до конца войны». (По мнению Шелленберга, очевидно, здесь сыграло свою роль то обстоятельство, что Гиммлер считал, что адмиралу могли быть известны какие-то подробности его разговора с Шелленбергом в Житомире, где речь шла о возможности тайных переговоров с англичанами или американцами.)²⁶⁹

После многочисленных изнурительных допросов Канарис был оставлен на какое-то время в покое и помещен в концентрационный лагерь Флоссенбург (к северу от Мюнхена). Там он вместе с одним из своих заместителей, полковником Остером, в апреле 1945 года по приказу Гитлера и Кальтенбруннера за оказание содействия заговорщикам был приговорен военноплевым судом СС к смертной казни и 8 апреля казнен: нацисты повесили его на фортепьянной струне, прикрепленной к мясному крюку из скотобойни²⁷⁰. Им необходимо было уничтожить того, кто, очевидно, мог бы рано или поздно представить мировой общественности неопровержимые свидетельства их преступлений, раскрыть до конца несомненно известные ему все их самые темные дела и злодеяния.

События, связанные с провалом заговора 20 июля 1944 года, привели к небывалому усилению власти гестаповского террора над всем третьим рейхом. После покушения на Гитлера зверства нацистов достигли невероятной силы. Гестапо были арестованы более 7 тысяч человек. По некоторым оценкам, 4980 жизней были принесены в жертву в результате провалившегося заговора. После завершения оргии убийств оказались уничтоженными не только руководители заговора. Волна ужаса, распространившись из центра заговора, смыла и многие сколько-нибудь серьезные проявления сопротивления фашизму в рейхе. После

²⁶⁹ В этом же плане со ссылкой на сведения, полученные от Кальтенбруннера, высказывался и хорошо осведомленный в делах СД Хеттль. «После разговора с Гиммлером, — пишет Хеттль, — Кальтенбруннер, естественно, задался вопросом, в чем кроется причина столь странного поведения и что заставляет рейхсфюрера СС и верховного командующего германской полицией покрывать человека, явно занимавшегося антиправительственной деятельностью? Поразмыслив на эту тему, Кальтенбруннер пришел к выводу, что Канарис, судя по всему, располагает какой-то компрометирующей Гиммлера информацией»// Hoetl W. The Secret Front. The Story of Nazi Political Espionage. P. 75.

²⁷⁰ Согласно другой версии, Канарис в отличие от многих других не был казнен потому, что «Кейтель, проявив (редчайший случай) храбрость и своеобразную лояльность», долго тянул с передачей его дела в «народный» суд // Малцужинский К. Преступники не хотят признать своей вины. С. 279.

завершения «процесса» над генералами и старшими офицерами, обвиненными в принадлежности к заговору, начальник РСХА Кальтенбруннер получил от Гитлера крест «За военные заслуги» с мечами.

КОНЕЦ АБВЕРА

Все предвоенные и особенно военные годы были отмечены острым профессиональным соперничеством между набиравшей силу СД и имевший за собой период легких «побед» над политическими противниками гитлеризма в Германии и другими секретными службами третьего рейха. Каждый из органов, участвующих в разведывательном процессе, стремился к максимально возможному упрочению собственных позиций, усилению своей власти, завоеванию привилегий в области ассигнований, людских ресурсов, и это не могло не вести к обострению межведомственной борьбы. Главным конкурентом СД, естественно, являлся абвер, на стороне которого были определенные преимущества. Во-первых, абвер имел долгую историю, что позволило ему успеть обеспечить себе доминирующие позиции в области разведки, а во-вторых, он обладал большим опытом в организации международного шпионажа. Наконец, он находился непосредственно в подчинении командующих видами вооруженных сил и верховного главнокомандования вермахта и поэтому пользовался значительной независимостью, тем более что генералы по традиции оберегали свои привилегии и обособленность. Но слабой стороной абвера — и такое мнение намеренно муссировалось его противниками — было недостаточное, как считали в правящей верхушке, рвение в решении проблем, поставленных войной.

В этих условиях руководителям СД, при всем их огромном желании, было не так-то легко одержать верх над абвером, добиться ограничения сферы его влияния, лишить его самостоятельности, не говоря уже о том, чтобы полностью поглотить. Поэтому СД и абвер неизбежно в чем-то постоянно завидовали друг другу, отчаянно конкурировали, старались не упустить возможности воспользоваться тем или иным просчетом или промахом своего противника.

Конечно же было бы ошибочным, как об этом уже говорилось, преувеличивать значение соперничества. Тем более что для устранения периодически вспыхивавших обострений в отношениях между различными службами «тотального шпионажа» проводились совместные совещания их руководителей. Одно из таких совещаний, в частности, согласно архивным документам абвера, состоялось между 15 и 18 мая 1942 года в Праге. В нем приняли участие начальники отделов абвера, СД, гестапо, криминальной полиции. В центре внимания был вопрос о «программе из 10-ти пунктов», которая в духе тотальной войны разграничивала сферы деятельности и определяла общие задачи секретных служб внутри и вне Германии. Словом, еще до того как служба разведки и контрразведки вермахта была целиком и полностью поглощена аппаратом СД и прежде чем ее начальник адмирал Канарис сам пал ее жертвой, военная разведка и СД тесно сотрудничали друг с другом²⁷¹ независимо от личных антипатий Канариса к этой организации. (Ведь даже в момент своего ареста он не удержался от того, чтобы не назвать Мюллера и Кальтенбруннера «мясниками».) Эту антипатию сглаживали совместная лояльная работа ради победы третьего рейха, единство и согласованность поведения во всем, что связано с беззаветной защитой гитлеризма, боязнь за собственную шкуру и трепет всех военных органов, включая службу разведки и контрразведки вермахта, перед всемогущим аппаратом СД.

Зная, какие влиятельные силы на стороне абвера, Шелленберг не рискнул прямо поставить вопрос о резком ограничении сферы его деятельности и вытеснении, как

²⁷¹ Многие из крупных разведывательных операций, как правило, осуществлялись ими совместно. В частности, 1 сентября 1943 года абвер II, СД и РСХА предприняли совместную акцию по доставке нескольких групп агентов-парашютистов в различные районы Ирана. В задачу этих агентов входило нападение на военные транспорты союзников, разрушение железных и шоссейных дорог.

автономного органа из «разведывательного сообщества» страны. Он сделал это, предварительно выдержав жестокую схватку, под предлогом необходимости приспособления немецкой разведки к изменившейся в ходе войны обстановке, что вполне отвечало известным Шелленбергу настроениям Гитлера. Эта идея, которую он полностью приписывает себе, сводилась к созданию единой общегосударственной организации разведки, которая должна была вобрать в себя все секретные службы страны без исключения.

Будущее этой организации обсуждалось в ходе целой серии совещаний. Предложения Шелленберга попали в точку. Согласно дневниковой записи Йодля, Гитлер все меньше и меньше доверял вермахту. 12 февраля 1944 года фюрер издал приказ о проведении централизации различных ветвей секретной службы вермахта и СД путем сосредоточения их в главном имперском управлении безопасности. В приказе говорилось:

«1. Создать единую германскую секретную службу сбора и доставки донесений.

2. Руководство этой германской службой сбора и доставки донесений поручаю рейхсфюреру СС. В тех случаях, когда это затрагивает военную разведку и службу абвера, рейхсфюрер СС и начальник штаба ОКВ (верховное командование вермахта Германии. — *Ред.*) принимают необходимые меры с взаимного согласия»²⁷².

Принятое решение было объявлено Гиммлером на общем собрании сотрудников абвера в Зальцбурге. Официально дело представлялось таким образом, что включение военной и политической разведывательных служб в РСХА в виде двух его равнозначных управлений под руководством одного начальника гарантирует возможность более тесного сотрудничества. Кроме того, некоторые равнозначные отделы обоих управлений возглавлялись теперь одним лицом, например VI управление РСХА (группа СД, занимающаяся диверсионными операциями) и вновь созданное при РСХА военное управление «Миль» (группа диверсий, бывший абвер II) — оберштурмбанфюрером СС Скорцени.

Служба экономической разведки полностью вливалась в VI управление. В новых условиях стал возможен временный перевод сотрудников военного управления в VI управление и наоборот, чтобы вполне обеспечить взаимный обмен методами работы и лучшее знание кадров разведывательного аппарата. Считалось, что эти меры позволяют полностью исключить игнорирование обоюдных интересов, параллелизм и противоречия, столь распространенные при прежней структуре. Рейхсфюрер СС как сильная личность сможет успешно отстаивать перед фюрером нужды абвера, ставшие теперь общими. Кроме того, полагали, что благодаря позиции рейхсфюрера СС, обладавшего наибольшей после фюрера властью, обращения абвера будут беспрекословно выполняться другими правительственными органами.

В июле 1944 года управление разведки и контрразведки вермахта было расформировано. В результате упразднения абвера баланс разведывательных сил оказался нарушенным. Большинство подразделений центрального аппарата абвера, все абверштелле в военных округах и прифронтовые абверкоманды влились соответственно в IV и VI управления РСХА, а также во вновь созданное при нем военное управление «Миль». Хотя приказом Гитлера абвер был ликвидирован, верховное командование вермахта сохранило некоторую власть над вновь созданной военной разведывательной службой, а бывшие руководители абвера возглавили эту службу²⁷³. Ее задачу ограничили руководством

²⁷² Цит. по: Мадер Ю. Империализм: шпионаж в Европе вчера и сегодня. М., 1985. С. 202.

²⁷³ Начальник этого управления полковник Ханзен, как и еще несколько бывших сотрудников абвера, оказался замешан в покушении на Гитлера 20 июля 1944 года, что раскрылось несколько позже. После казни Ханзена началось быстрое слияние бывшего отдела заграничной контрразведки верховного командования

операциями, относящимися к экономической войне. Словом, абвер прекратил свое существование еще до конца войны.

Итак, абвер — та его часть, которая имела отношение к разведывательной работе за границей, — был выведен из подчинения генерального штаба вермахта и передан в состав зарубежной службы СД главного имперского управления безопасности министерства внутренних дел, возглавляемого рейхсфюрером СС Гиммлером.

В системе вермахта осталось после реорганизации только несколько подразделений бывшего абвера III, на базе которого был образован новый отдел, ответственный за контрразведывательное обеспечение частей немецкой армии.

Главному имперскому управлению безопасности, таким образом, удалось смять абвер, который обвинили в неэффективности работы в военных условиях и в политической неблагонадежности. Однако, как утверждает Хеттль, «война зашла уже слишком далеко, чтобы объединение дало какие-то положительные результаты».²⁷⁴

Полностью завершить реорганизацию абвера до конца войны так и не удалось, практически она коснулась лишь его руководящих звеньев. Большая часть западных исследователей сходится в мнении, что в результате предпринятой реорганизации каких-либо существенных изменений в методах и формах деятельности немецкой разведки после ее поглощения РСХА не произошло. Абверовские разведчики нервничали. Моральный дух «испытанных рыцарей» тайной войны катастрофически падал.

Гиммлер — этот «зловещий человек с бегающими глазами и маленьким подбородком», претендовавший на роль преемника Гитлера, сконцентрировал теперь в своих руках власть над всеми тайными службами фашистской Германии.

Выполняя директивы Гитлера и своего непосредственного шефа — главы РСХА Кальтенбруннера, Шелленберг в его новом качестве направил главные усилия на расширение масштабов подрывной деятельности полевых органов абвера на советско-германском фронте. Фронтовые подразделения военной разведки призваны были активизировать действия имеющейся в их распоряжении агентуры в тылах наступающих советских армий, обратив особое внимание на организацию диверсионных актов. Летом 1944 года по указанию Гиммлера РСХА создало истребительное соединение войск для организации рейдов в тылах наших войск. Возглавил его Скорцени. В Прибалтике действовал филиал этого соединения, объединивший в своих рядах националистические вооруженные формирования.

Возвращаясь в этой связи к вопросу о функциях, выполнявшихся РСХА, необходимо иметь в виду, что Гитлер, приняв решение о нападении на СССР, для достижения успеха намерен был, как он говорил об этом Гейдриху, прибегнуть к любым средствам. Он, в частности, приказал «использовать подразделения полиции безопасности и СД в этой решающей кампании». Эти силы предполагалось применить в зоне действия сухопутных войск, прежде всего в тыловых, но частично и в прифронтовых районах боевых действий — впервые в немецкой практике. Мнение фюрера поддержали тогда Гейдрих и Шелленберг, так как оно означало усиление позиций полиции безопасности по отношению к вермахту. В тыловых районах в задачи полицейских подразделений должна была входить защита войск от вражеских агентов, а также и охрана железных дорог, аэродромов, казарм и складов с боеприпасами. Новые формы ведения «молниеносной войны» вызвали необходимость сделать эти подразделения моторизованными, чтобы они не отставали от подвижных частей сухопутных войск.

ЗАКУЛИСНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ: ОПЕРАЦИЯ «ВОСХОД СОЛНЦА»

вермахта с VI управлением РСХА.

²⁷⁴ Hoettl W. The Secret Front. The Story of Nazi Political Espionage. P. 15.

Чем, казалось бы, безнадежнее становилось положение гитлеровских войск на советско-германском фронте, тем лихорадочнее были попытки нацистских главарей закончить войну с помощью «политических средств» и таким образом предотвратить крушение третьего рейха, спасти нацизм. Предпринимавшиеся ими на Западе попытки дипломатического «мирного зондажа» и другие закулисные маневры носили неорганизованный, разрозненный характер. На них лежал явный отпечаток растерянности и страха перед неизбежной ответственностью за совершенные против человечества чудовищные преступления. И как бы не разнились между собой в каждом отдельном случае нюансы попыток найти приемлемое решение, общим для всех них являлось признание того, что «войну надо заканчивать политическими средствами».

К настоящему времени советскими и западными исследователями собран, систематизирован, изложен огромный фактический материал, который уточняет подробности и детали тогдашних событий, освещает многие частные вопросы, остававшиеся до сих пор в тени. Сопоставление и анализ этих материалов позволяет шире открыть завесу над той напряженной закулисной игрой, которую вела с Вашингтоном и Лондоном фашистская Германия накануне ее разгрома, в последний период существования гитлеровского режима.

ПУТИ РАЗНЫЕ, НО ЦЕЛЬ ОДНА

На основании сохранившихся свидетельств очевидцев и документов архивов ФРГ можно сделать вывод, что в этой критической для фашистского режима ситуации группа заправил рейха, включая Бормана, Геббельса и других лиц, составлявших ближайшее окружение Гитлера, равно как и сам фюрер, допуская мысль о возможных переговорах с Западом, тем не менее напроць отметили капитуляцию Германии²⁷⁵. Переговоры им нужны были для того, чтобы задержать наступление войск союзников и, воспользовавшись официальным или фактическим перемирием, снять с западного и итальянского фронтов наиболее боеспособные части для переброски их на Восток с целью усиления своих группировок на важнейших направлениях.

Инициаторы акций «мирного зондажа» надеялись также выиграть время, необходимое для всемерного разжигания антисоветских настроений в правящих кругах США и Англии, для раскола антигитлеровской коалиции. Другие представители нацистской верхушки, включая Геринга и Гимmlера, считали в принципе возможным достижение сепаратного антисоветского сговора²⁷⁶. Ради достижения этой цели они готовы были пойти на серьезные уступки: временно отказаться от территорий, захваченных на Западе, и даже, если того потребуют интересы спасения фашистского режима, пожертвовать самим Гитлером. Первым шагом на пути реализации плана сговора с западными державами должно было стать, как они полагали, заключение перемирия на Западе при одновременном продолжении военных действий на Востоке²⁷⁷.

²⁷⁵ Гитлер упорно твердил, что необходимо убедить немецкую армию в том, что «она и помышлять не должна о капитуляции».

²⁷⁶ «У Германии остался один шанс, — говорил Геринг, излагая ближайшему своему окружению план действий. — Мы заключаем перемирие с западными державами, поворачиваем весь Западный фронт и выкидываем русских. Для этого мы еще достаточно сильны. В конце концов между Востоком и Западом развяжется конфликт, и мы можем облегчить его западным державам».

²⁷⁷ Решительно заявила о себе и третья группировка, главная роль в которой принадлежала заправилам военно-промышленных концернов и крупнейших банков Германии, сосредоточивших в своих руках экономическую мощь страны, являвшихся ее подлинными властителями. Представители этой группировки придерживались установки: вторая мировая война Германией проиграна, и задача состоит в том, чтобы, с одной стороны, политическими средствами помешать разрушению немецкого военно-промышленного комплекса, а с

В системе закулисных комбинаций нацистских главарей особое место занимала привлекавшая к себе последние годы большое внимание на Западе акция, известная как «миссия Вольфа» (в недрах американской разведки этой акции было присвоено многообещающее название «Восход солнца»²⁷⁸).

Касаясь оценки значения «миссии Вольфа» в дипломатической истории финала второй мировой войны, можно сказать, что советские и зарубежные историки подвергли тщательному исследованию документальные материалы, свидетельства очевидцев и другие сведения об этих переговорах²⁷⁹ и пришли к твердому убеждению, что в данном случае речь шла не только о капитуляции войск. Эту акцию нельзя рассматривать в отрыве от общего политического контекста действий как американских так и эсэсовских «спасителей» третьего рейха.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА ОПЕРАЦИИ «ВОСХОД СОЛНЦА»

... Теплым мартовским днем 1945 года, когда небо над Цюрихом уже отливало всеми тонами чистой акварельной синевы и солнце весело глядело на черепичные крыши старинного города, в одном из особняков на Генферштрассе — он производил впечатление заброшенного, забытого хозяевами (может быть, потому, что высокие зеркальные стекла окон были затянуты плотными шторами, или потому, что ни во дворе, ни перед домом никого не было видно) — встретились двое: седой профессорского вида человек в очках без оправы, в мятом твидовом костюме, с трубкой во рту, говоривший по-немецки с легким английским акцентом, и белокурый, лет сорока мужчина, чья манера держаться, подтянутость и строгость выдавали в нем военного.

— Мое имя Вольф, Карл Вольф, — сказал белокурый. — Вы, видимо, знаете, что я был одним из тех, кто верил в Гитлера еще задолго до тридцать третьего года... Сегодня мне ясно: поражение неизбежно. Я готов предоставить себя и всю возглавляемую мною организацию в руки западных союзников...

В тот теплый мартовский день о встрече этих двоих знали лишь те, кто был рядом с ними. Придет час, и она станет фактом истории, будет описана в статьях и книгах, к ней будут обращаться ученые и политические деятели. Но тогда это была одна из тех великих тайн, которые свято берегут разведки.

В годы второй мировой войны в Швейцарию, официально остававшуюся нейтральной, потянулись разведчики многих стран мира. Среди них был и будущий глава Центрального разведывательного управления США Аллен Даллес, начавший свою деятельность на поприще разведки еще в первую мировую войну.

Стоит вспомнить, что, когда в апреле 1917 года Соединенные Штаты вступили в вооруженную борьбу на стороне Антанты, Даллес в качестве сотрудника американской дипломатической миссии поселился в Берне и собирал там разведывательные данные о происходящем за линией фронта — в Германии, Австро-Венгрии и на Балканах. «Фактически, — свидетельствует Даллес, — я был в значительно большей степени офицером

другой не допустить оккупации обширных районов Германии Советской Армией. Путь к решению этой задачи они видели в немедленной оккупации германской территории англо-американскими войсками и в полной капитуляции фашистского вермахта перед западными державами. Подробнее см.: Розанов Г. Л. Конец «третьего рейха». М., 1985. С. 126-128.

²⁷⁸ Это название операции дал Аллен Даллес, когда он договорился с Вольфом о частичной капитуляции немецких войск в Италии перед западными державами и надеялся, что в результате этих переговоров взойдет солнце в его понимании // ФельфеХ. Мемуары разведчика. С. 32.

²⁷⁹ Особенно существенный вклад в исследование данной проблемы внес Л. А. Безыменский, имевший редкую возможность услышать обо всем этом из уст самого Вольфа в феврале 1982 года.

разведки, чем дипломатом»²⁸⁰.

В декабре 1918 года Даллес в составе группы советников и консультантов при американской делегации принимал участие в работе Парижской мирной конференции. Он работал над той частью Версальского договора, которая касалась территориального передела мира. Но в не меньшей степени его интересовали проблемы, связанные с положением в Центральной Европе и с революцией в России. Мирные договоры, которые готовила Парижская конференция, должны были, по замыслу ее организаторов, заложить основы системы, направленной не только против побежденных государств, но и против Советской России, против мирового революционного и освободительного движения. И к этой стороне работы конференции Даллес имел самое непосредственное отношение. Среди архивных документов Парижской конференции есть меморандум от 30 декабря 1918 года, написанный Даллесом. «Союзники, утверждалось в нем, не должны воздерживаться от военной интервенции в Россию из опасения, что для такой операции потребуются сотни тысяч солдат»²⁸¹. Этот совет полностью отвечал стремлениям организаторов конференции и общему настроению, царившему в ее кулуарах. Затем последовали разведывательные миссии Даллеса в различные страны: в Германию, Советскую Россию, Турцию. Менялись лишь страны пребывания — объекты приложения сил, но неизменным оставалось главное — подготовка антисоветских комбинаций.

В 1926 году Аллен Даллес решил уйти с правительственной службы и занялся бизнесом. (Время от времени он возвращался на государственную службу, чтобы по поручению правящих кругов принять участие в международных конференциях. В эти периоды ему приходилось встречаться с Гитлером, Муссолини и с руководящими деятелями Англии и Франции.) Его деловая карьера развивалась не менее успешно, чем дипломатическая. Началась она с получения места в одной из крупнейших юридических фирм — «Салливэн энд Кромвелл», занявшей после первой мировой войны прочные позиции на Уолл-стрит, в качестве юрисконсульта ведущих американских монополий. Старшим компаньоном этой фирмы был родной брат Аллена Даллеса Джон Фостер Даллес, впоследствии государственный секретарь США.

Фирма представляла интересы гигантского нефтяного концерна Рокфеллеров «Стандард ойл», имеющего филиалы во многих странах мира. Связанная с крупными промышленными группами, и особенно тесно с финансовой группой Моргана, фирма была близка также и к германским военным концернам, и в частности к «Ферайнингте штальверке» (знаменитый стальной трест Тиссена и Флика), электроконцернам «Роберт Бош» и «И. Г. Фарбениндустри», сыгравшим, как известно, решающую роль в становлении фашистской диктатуры и развязывании гитлеровской агрессии. Фактически братья Даллесы являлись доверенными лицами этих мощных немецких корпораций. Указанное обстоятельство объясняет многое из того, о чем пойдет речь дальше.

Поступив в фирму «Салливэн энд Кромвелл», Аллен Даллес вскоре не только стал ее совладельцем, но и занял важные посты в некоторых связанных с ней монополистических объединениях. Банковский концерн Шредеров, поддерживавший еще более тесные связи с немецкими монополиями, чем фирма «Салливэн энд Кромвелл», и распространивший свое влияние на Англию и Германию, предоставил Даллесу директорские кресла в «Шредер трест компани» и в «Дж. Генри Шредер бэнкинг корпорейшн». Напомним, что глава немецкого филиала международного банкирского дома Шредеров кельнский банкир Курт фон Шредер играл важнейшую роль в финансовых и политических кругах Германии. 4 января 1933 года на вилле Шредеров в Кельне в его присутствии (в то время как сопровождавшие фюрера Гесс и Гиммлер оставались в приемной) Гитлер встретился с фон Папеном, чтобы разработать план передачи власти в руки фашистской клики.

²⁸⁰ Dulles A. The Graft of Intelligenc. New York, 1963. P. 2.

²⁸¹ Цит. по: Эдвардс Б., Дани К. История главного шпиона (Аллен Даллес). М., 1961. С. 16.

26 августа 1943 года, через день после того, как шеф эсэсовцев Гиммлер занял пост министра внутренних дел, Курт фон Шредер направил ему послание. Говоря от имени монополий, что «сильная рука совершенно необходима», он заверял рейхсфюрера: «Мы сделаем все, чтобы помочь вам всеми возможными способами». К посланию был приложен чек на 1 миллион марок.

В 1945 году при вступлении американских войск в Кельн в сейфе Курта фон Шредера были обнаружены документы, свидетельствующие о том, что он был одним из ведущих членов так называемого кружка друзей, собиравшего среди магнатов Рура деньги на финансирование Гиммлера и его отрядов СС.

«Дж. Генри Шредер бэнкинг корпорейшн» была связующим звеном между предприятиями Рокфеллера и тяжелой промышленностью Рура. Когда в 1929 году в США раздались тревожные голоса по поводу тайного вооружения Германии, Аллен Даллес не замедлил выступить в ее защиту, заявив, что делает он это с ведома союзников.

К тому времени, когда разразилась вторая мировая война, Даллес уже был преуспевающим бизнесменом, тесно связанным с деловым миром. Вместе со своим старшим братом Джоном Фостером он сколотил капитал в несколько миллионов долларов. Он даже пытал счастье в политике: примкнув к республиканцам, безуспешно выставлял свою кандидатуру в конгресс. Однако это не повлияло на отношение к Даллесу в кругах правящей верхушки США. Очень скоро его услуги понадобились снова на поприще разведки.

Военная катастрофа, постигшая США в Пирл-Харборе 7 декабря 1941 года в результате внезапного нападения японцев, и последовавшее за этим вступление США в войну потребовали от американского правительства принятия ряда неотложных мер, в частности реорганизации разведывательного аппарата. В дополнение к автономным традиционным органам разведки армии, военно-морских сил и государственного департамента в июле 1942 года была создана централизованная разведывательная организация военного времени — Управление стратегических служб (УСС). Функции УСС не исчерпывались обеспечением разведывательными данными непосредственно военных операций. Уже при его создании недвусмысленно подчеркивалось, что УСС призвано вести политическую и экономическую разведку во всех странах мира, включая и союзные государства.

Американские монополии быстро оценили открывшиеся перед ними возможности использования мощной объединенной разведывательной организации. Поэтому они все определеннее и решительнее нацеливали УСС на обеспечение главенствующих позиций США в послевоенном мире, на расширение американской колониальной империи. Вмешательство монополистического капитала не ограничивалось лишь влиянием на формулирование целей и задач УСС. Ключевые посты в руководстве новым разведывательным механизмом были предоставлены уполномоченным ведущих монополий США.

Даллес-младший был для американских монополий «своим человеком». Неудивительно, что именно он был поставлен осенью 1942 года во главе европейского центра стратегической разведки, расположившегося в Берне.

Выдвижение Аллена Даллеса в УСС и его появление в Швейцарии в переломный момент войны не случайны. Они были продиктованы далеко идущими стратегическими планами, которые вынашивались тогда реакционными силами США: не доводить дело до полного разгрома империалистической Германии, а сохранить ее как военный оплот борьбы против революционного движения и демократии в Европе.

Глава европейского центра УСС Даллес представлял группу влиятельных американских реакционеров, выразителей интересов крупного капитала, которые вели ожесточенную подспудную борьбу против реалистического курса президента Ф. Рузвельта, пытаясь удержать его в рамках «изоляционизма». Установка делалась на то, чтобы попытаться разделаться как с ненавистным для монополистической буржуазии социалистическим государством, так и с Гитлером, который из-за своих претензий на мировое господство стал представлять опасность для американского и английского

империализма.

Дальнейшие события показали, сколь значительна была роль УСС и лично Даллеса в реализации этой политики. Бернский филиал УСС был призван стать своеобразным связующим звеном между американской и нацистской разведками, и именно ему поручалось изыскать тайные возможности заключения сепаратного мира с гитлеровской Германией, хотя эта точка зрения не находила безусловной поддержки в высших правительственных сферах США. Возглавлявшийся Алленом Даллесом бернский филиал УСС начиная с 1943 года неоднократно настаивал на необходимости проведения секретных переговоров с германскими генералами²⁸².

Направляя в Швейцарию человека резко антикоммунистической ориентации, тесно связанного с германским капиталом, влиятельные представители американского монополистического капитала точно рассчитали, какую реакцию это может вызвать в кругах СС и фашистской разведки. Как вспоминал В. Хеттль, штурмбанфюрер VI управления, в Берлине сразу обратили внимание на приезд в Европу Аллена Даллеса, официально числившегося личным представителем главы американской дипломатической миссии в Берне. Из радиодонесений Даллеса шефу УСС генералу Donovanу, перехваченных тогда венграми и переданных в значительной степени расшифрованными гитлеровской разведке, нетрудно было сделать заключение о политическом кредо руководителей европейского центра УСС и его отношении к проблемам послевоенной политики. В кругах СС Даллеса оценили очень высоко, ибо понимали его «безоговорочную, деловую, сознательную вражду с большевиками»²⁸³.

Все было продумано до мельчайших деталей. Коллегами Даллеса в Берне были не только опытные разведчики, но и те, чьи деловые связи с Германией не являлись секретом. Например, в представительстве УСС в качестве старших сотрудников обосновались сын «химического короля» США Меллона Поль Меллон, два сына известного воротилы американского капитала Моргана — Джуниус и Генри, представитель концерна Дюпонов — Альфред Дюпон. Все они занимали ключевые должности в УСС. Вице-консулом США в Цюрихе был Лада-Мокаршо, известный в деловом мире: он являлся вице-президентом нью-йоркского отделения все той же фирмы «Дж. Генри Шредер бэнкинг корпорейшн»²⁸⁴. Особенно заметную роль в окружении Даллеса играл эксперт УСС Геро фон Шульце-Геверниц, натурализованный американец, немец по национальности, иммигрировавший в США, когда нацисты пришли к власти. Он имел в Швейцарии деловые интересы и фамильную собственность. Его отец, известный немецкий ученый, специалист в области международных отношений, был депутатом немецкого рейхстага, где представлял либеральное крыло. Геверниц был женат на дочери рурского барона Гуго Стиннеса-старшего, располагавшего сетью доверенных лиц в деловом мире многих стран. Совершая частые поездки из Берна в Берлин в период, когда США еще не вступили в войну, Геверниц использовал свои влиятельные семейные связи с целью установления «перспективных для разведки» знакомств в политических кругах. Неслучайно поэтому Геверницу была отведена активная роль в закулисных зондажах, проводившихся американской разведкой.

В качестве плацдарма для своей деятельности и американские, и нацистские разведчики избрали сохранявшую нейтралитет Швейцарию, которая представляла собой, как заметил один буржуазный историк, «прекрасную базу для обмена информацией». Завесу над тем, что происходило в этой стране в то время, приоткрывают свидетельства очевидца — бывшего сотрудника VI управления РСХА Хайнца Фельфе, оказавшего впоследствии важные услуги советской разведке. «Для меня тайная враждебность западных держав по

²⁸² Ford C. Donovan of OSS. Boston, 1971. P. 290.

²⁸³ Hagen W. Die geheime Front. Linz — Wien, 1950. S. 456.

²⁸⁴ Мартин Д. Братство бизнеса. М., 1951. С. 98.

отношению к Советскому Союзу не была, конечно, новостью, — пишет Фельфе. — Во время моей работы в VI управлении РСХА я узнал из первых рук о проходивших в Швейцарии секретных переговорах нацистских фюреров с резидентурой Аллена Даллеса с целью подготовки односторонней капитуляции Германии перед западными державами, чтобы дать Гитлеру возможность сосредоточить все силы на Восточном фронте и задержать продвижение русских в центральные части страны»²⁸⁵.

Известно, что еще в феврале 1943 года Аллен Даллес имел встречу с близким к правящей верхушке фашистской Германии князем Гогенлоэ, в ходе которой пытался прозондировать отношение нацистской верхушки к позиции тех американских кругов, которые он представлял. Конспирация этой встречи обеспечивалась тем, что оба ее участника были обезличены: первый выступал как «доктор Балл», второй — как «г-н Паульс». Суть обсуждавшейся ими программы сводилась к следующему: «Германское государство должно остаться существовать как фактор порядка и восстановления, о разделе его или об отделении Австрии не может быть и речи... Путем расширения Польши в сторону Востока и сохранения Румынии и сильной Венгрии следует поддержать создание санитарного кордона против Советов. „Даллес одобрительно отнесся к высказанной Гогенлоэ идее о «государственной и промышленной организации Европы на основе больших пространств, считая, что федеративная великая Германия (подобно США) с примыкающей к ней Дунайской федерацией явится лучшей гарантией порядка и восстановления Центральной и Восточной Европы“.

Как утверждает Фельфе, в бытность его работы в швейцарской резидентуре VI управления РСХА ему удалось внедрить в ближайшее окружение Аллена Даллеса своего агента «Габриэля». Это был молодой, респектабельный немец, который, чтобы привлечь внимание американцев к своей особе, выдавал себя за человека, оппозиционно настроенного к нацистскому режиму.

30 апреля 1943 года «Габриэль» представил в резидентуру донесение о том, что, по словам бывшего рейхсканцлера Вирта, «специальный уполномоченный президента Рузвельта» в разговоре с ним проявил интерес к личности агента. Подробно расспросив Вирта о «Габриэле» и получив удовлетворившую его информацию, он высказал мнение, что тот является именно тем человеком, который ему нужен. Даллес выразил желание встретиться с «Габриэлем», если последний согласится возобновить свои прерванные связи с представителями «кругов Сопротивления» в Германии. После определенных колебаний, продиктованных тактическими соображениями, «Габриэль» дал положительный ответ на это предложение и имел несколько встреч с Даллесом, который для начала просил снабдить его информацией о положении в Германии. В этих беседах Даллес пытался прогнозировать ход развития политической ситуации в Германии и в мире в целом. Даллес, сообщал в одном из своих донесений «Габриэль», «высказал мысль, что следующая мировая война произойдет, конечно, в результате столкновения между двумя самыми могущественными государствами — США и Советским Союзом»²⁸⁶. Очевидно, поэтому Даллеса особенно занимала проблема, в какой степени поражение Германии в войне будет способствовать возникновению «немецкого государства Советов».

По мере развития доверительных отношений между «Габриэлем» и Даллесом последний в откровенных беседах поведал однажды о том, что в своих докладах в Вашингтон он настойчиво проводит мысль о необходимости высадки воздушно-десантных войск союзников в Германии, чтобы не допустить консолидации антифашистских сил, прежде всего в промышленных центрах. По его мнению, с каждым месяцем все больше будет сужаться сфера власти Гитлера и руководство военными действиями полностью перейдет к генералитету. Даллес был уверен, что это явится важным психологическим

²⁸⁵ ФельфеХ. Мемуары разведчика. С. 95.

²⁸⁶ ФельфеХ. Мемуары разведчика. С. 78.

фактором, который будет способствовать успеху подготовки односторонней капитуляции Германии и позволит западным союзникам обеспечить себе в будущем господствующие позиции в послевоенной Европе. Комментируя принятое Англией и США в январе 1943 года в Касабланке решение о том, чтобы не идти на какие-либо переговоры и добиваться «безоговорочной капитуляции» Германии, Даллес подчеркивал, что это решение следует рассматривать всего лишь как средство давления на нацистское руководство рейха. Он говорил о своей готовности в любое время предпринять в Вашингтоне шаги в оправдание необходимости переговоров с представителями той оппозиции в Германии, которую «действительно можно принимать всерьез». Уже сам факт переговоров, по мнению Даллеса, мог послужить для этой оппозиции импульсом к действиям, способным привести к далеко идущим последствиям, которые трудно предвидеть. А пока он занимался сбором сведений и поиском людей, которые могли бы сыграть какую-то роль в будущем становлении Германии, отвечающем политическим интересам США. Такова была ставшая известной нацистским главарям тайна, окутывавшая деятельность возглавляемого Даллесом европейского центра американской стратегической разведки.

В ноябре 1944 года также в Швейцарии Даллес через видных итальянских промышленников Маринетти и Оливетти, взявших на себя роль посредников, получил от представителей СС предложение начать сепаратные переговоры с целью выработки соглашения о прекращении военных действий в Западной Европе и «объединении» сил для продолжения войны на Востоке.

К началу 1945 года Даллес уже наладил контакты с руководящими деятелями РСХА — Шелленбергом, Харстером и даже самим Кальтенбруннером, правой рукой Гимmlера. Каждый из них, действуя самостоятельно, скрытно от других, не без основания полагал, что именно Даллес, имевший связи в мире «высокой политики», может стать наиболее подходящим партнером в организации сепаратных переговоров. На Нюрнбергском процессе Кальтенбруннер подтвердил данные предварительного следствия о своих контактах с западными союзниками в последний период войны, показав, что в качестве посредника в этих контактах был использован упоминавшийся выше эсэсовец Хеттль²⁸⁷. Все сказанное свидетельствует о том, что почва для переговоров, о которых пойдет речь дальше, была уже достаточно подготовлена.

КТО ТАКОЙ ВОЛЬФ?

Наряду с Алленом Даллесом, постоянно мечтавшим о сохранении военной машины третьего рейха и повороте ее против русских союзников на Востоке, обергруппенфюреру СС Карлу Вольфу суждено было стать главным действующим лицом закулисных интриг, вылившихся в операцию «Восход солнца». Поэтому на личности Вольфа и обстоятельствах, в силу которых он выдвинулся на политическую авансцену в Швейцарии, имеет смысл остановиться подробнее.

Ранг обергруппенфюрера был высшим в службе СС, осуществлявшей «охрану внутренней безопасности империи». Такой же ранг имели ближайший помощник Гитлера Борман и Кальтенбруннер, самый влиятельный человек в системе СС после Гимmlера. И только рейхсфюрер Гимmlер был по званию выше Бормана, Кальтенбруннера и Вольфа. На

²⁸⁷ Как будет утверждать впоследствии Хеттль, после Сталинградской битвы Кальтенбруннер уже не сомневался в поражении Германии. Проходившие через него донесения подчиненных, а также информация, получаемая им через своих личных друзей, убеждали его в том, что о победе уже не может быть и речи, и единственное, к чему надо стремиться, — это заключение мира путем переговоров с западными союзными державами. Тем не менее попытки заставить его решиться на это заканчивались, как правило, безрезультатно. Причина, по мнению Хеттля, заключалась в том, что до последнего момента личность Гитлера оказывала на Кальтенбруннера сильнейшее воздействие. Он верил в его дар предвидения и потому не доверял себе. И он продолжал колебаться. Лишь на самом последнем этапе войны он активно включился в деятельность, имевшую целью заключение сепаратного мира. Но было уже поздно.

протяжении многих лет Вольф являлся начальником личного штаба Гиммлера и офицером связи между рейхсфюрером СС и Гитлером, иными словами, между высшим командованием СС и штаб-квартирой фюрера. Одно время он выполнял обязанности офицера связи между Гиммлером и Риббентропом, то есть между СС и министерством иностранных дел. Таким образом, Вольф не был ни командующим войсками, ни полицейским начальником. Скорее он был своего рода дипломатическим или политическим советником при главарях СС.

В прошлом специалист по рекламе Вольф сравнительно легко поднимался по служебной лестнице благодаря, как считали многие, способности оказывать влияние на людей и ладить с ними. Даллес пишет о нем как о человеке, который «способен был сдерживать свои чувства и поэтому обрел в нацистской созвездии темпераментных и бурных личностей особое место, нечто вроде положения министра без портфеля». Вольфа побаивались многие заправилы фашистского режима. Кальтенбруннер и особенно глава политической разведки Шелленберг недолюбливали Вольфа и втайне завидовали ему.

Любопытно в этом отношении свидетельство Шелленберга: «Когда я был откомандирован в поезд особого назначения к Гиммлеру в качестве будущего руководителя контрразведки страны, Гейдрих дал мне несколько советов. „Особенно, — говорил он, — обратите внимание на „Волчонка“, имея в виду генерала СС Вольфа. Без Вольфа Гиммлер редко что-либо предпринимал: все прежде обсуждалось с ним. Вольф, внешне очень импозантный, с хорошими манерами бывшего офицера абвера, входящий в высшие круги общества, охотно использовался Гиммлером на представительских ролях. От него зависело, быть или не быть принятым у Гиммлера“²⁸⁸.

В сентябре 1943 года Вольф был направлен в Италию в качестве главного уполномоченного СС при группе армий «Ц» и наделен правом именоваться личным представителем рейхсфюрера СС в Северной Италии. Он подчинялся непосредственно Гиммлеру. На Вольфа была возложена обязанность охранять и укреплять «порядок» на оккупированной гитлеровцами территории Северной Италии в «республике Сало» (марионеточное государство со столицей в североитальянском курортном городке Сало, основанное Муссолини с помощью штыков немецких оккупантов в сентябре 1943 года), простиравшейся от Неаполя до Бреннерского перевала. Фактическая власть в Северной Италии принадлежала не столько военному руководству, сколько службе СС, являвшейся беспощадным орудием подавления приобретающего все больший размах партизанского движения и антифашистских сил в тылу. С этой целью крупные подразделения войск СС были расквартированы в Генуе, Милане и Турине.

Если германский посол Ран выступал в роли советника Муссолини по политическим и дипломатическим вопросам, то Вольф должен был стать наставником дуче в делах управления и поддержания порядка в стране. И не только наставником: Вольф имел строго конфиденциальное поручение Гиммлера, санкционированное Гитлером, пристально следить за действиями самого Муссолини, а также возглавляемого им правительства.

Но этим функции обергруппенфюрера Вольфа не ограничивались. Ему также вменялось в обязанность поддерживать тесное сотрудничество с генерал-фельдмаршалом Кессельрингом, командующим немецкими вооруженными силами в Италии. В связи с этим Вольфу был присвоен еще один чин — полномочного представителя немецких вооруженных сил в Италии и командующего тыловыми районами.

Это позволяло ему выступать арбитром при возникновении каких-либо споров о приоритете власти в Северной Италии между полицией, СС и военными властями. Словом, как писали о нем американцы, генерал СС Вольф был фактически самым влиятельным немцем в Северной Италии, в руках которого была сосредоточена огромная власть. Его высокому положению как нельзя более соответствовала помпезная обстановка мраморного дворца в Фаназано на озере Гарда, где он обосновался.

Доверие, которым пользовался Вольф у нацистской верхушки, в немалой степени

²⁸⁸ Schellenberg W. The Labyrinth. Memoirs. P. 71.

базировалось на том, что он принадлежал к «старой гвардии фюрера» и уже в 20-е годы участвовал вместе с Гитлером в фашистских погромах в Мюнхене. Существенную роль сыграло здесь, очевидно, и следующее немаловажное обстоятельство, ставшее известным из документов, обнаруженных в папке «Личный штаб рейхсфюрера СС» федерального архива ФРГ. Гиммлер, как явствует из этих документов, был тесно связан с немецкими промышленниками и финансистами. Более того, для субсидирования СС и лично рейхсфюрера был образован «кружок друзей Гиммлера», объединивший около 50 представителей крупнейших монополий и банков страны. Начиная с 1932 года члены «кружка» регулярно переводили на особый счет «Р» миллионные суммы, оседавшие затем в карманах Гиммлера и иных высших чинов СС. Так вот, сбор «пожертвований» и их распределение среди ээсовских бонз был поручен Карлу Вольфу, выступавшему, таким образом, в качестве доверенного лица монополий при Гиммлере и Гитлере.

... А теперь вернемся к началу самой операции, цель которой состояла в том, чтобы путем закулисных переговоров нацистов с Западом, с одной стороны, облегчить военное положение Германии, а с другой, как уже указывалось, — выиграть время для всемерного разжигания антисоветских настроений в правящих кругах США и Англии и подрыва антигитлеровской коалиции.

НА СЦЕНУ ВЫХОДИТ ПАРИЛЛИ

Основанная на документах и свидетельствах очевидцев предыстория этого дела такова. Вечером 25 февраля 1945 года один из руководителей швейцарской разведывательной службы поспешил в Люцерн, чтобы сообщить Даллесу и Геверницу важную информацию. Это был капитан Макс Вайбель, тесно сотрудничавший в годы войны с представителями американской разведки. «Когда в начале 1945 года УСС стало налаживать тайные связи с немецкими генералами, — пишет Аллен Даллес, — именно Вайбель оказывал нам серьезную помощь в установлении контактов, передаче сообщений, а также в таком деликатном деле, как переход через границу, который должен был осуществляться в условиях строжайшей секретности. Будучи высокопоставленным офицером генерального штаба, он имел право давать распоряжения пограничным властям пропускать в страну лиц, которые могли представить интерес для швейцарской разведки»²⁸⁹.

Накануне профессор Макс Гусман, директор частной школы в Цюгерберге, близ Люцерна, свел Вайбеля с прибывшим в Швейцарию камергером папы римского, итальянским промышленником бароном Луиджи Парилли, до второй мировой войны представлявшим в Италии американскую фирму по производству холодильников «Неш-Колдвинейтор». Все, что удалось уяснить из непродолжительной беседы с бароном, — это то, что важные причины вынуждают его искать встречи с влиятельными представителями США. Он даже назвал имя Даллеса и решительно настаивал на том, чтобы Вайбель оказал ему содействие. Не желая сразу вступать в контакт с человеком, который «возможно, мало что мог предложить и выступал от себя лично, на свой страх и риск», Даллес поручил Геверницу выяснить, насколько это серьезно и кто может стоять за спиной Парилли.

Встреча Геверница с Парилли и Гусманом состоялась на следующий день в отеле «Швейцерхоф». Геверниц доложил Даллесу, что, по его мнению, Гусман и Парилли «мало походили на связных фельдмаршала Кессельринга и грозной службы СС в Италии». Попытка выяснить у Парилли, кого он, собственно, представляет и от чьего имени выступает, ничего не дала. Он всякий раз ловко уходил от прямого ответа.

В основном барон говорил об ужасах, которые придется пережить Северной Италии,

²⁸⁹ Dulles A. The Secret Surrender. New York, 1966. P. 27. Капитан Вайбель действовал по прямому указанию своего шефа генерала Р. Массона. Профашист по убеждению, Массон давно находился в тесной связи с гитлеровцами и был платным агентом нацистской разведки под кличкой «Пастух-1». После войны Массон был досрочно уволен со службы.

если немцы, поддавшись «слепой жажде разрушения», «начнут мстить»²⁹⁰. В Швейцарию, но словам Парилли, его привело стремление предотвратить надвигающуюся катастрофу. Он доверительно сообщил, что угроза Гитлера «смести Италию с лица земли» не находит понимания у некоторых высокопоставленных нацистов и, как это ни парадоксально, даже у ответственных сотрудников службы СС. Больше того, кое-кто готов при определенных условиях саботировать проведение этой политики. Под нажимом Геверница Парилли назвал несколько имен. В частности, он упомянул своего давнего друга капитана СС Гвидо Циммера, возглавлявшего разведку и контрразведку в Генуе, а затем переведенного в Милан, одного из руководителей службы СС — штандартенфюрера Эйгена Дольмана и его начальника генерала Вольфа. Так впервые прозвучало имя Вольфа. Кое-что прояснилось: очевидно, кто-то из высшего командования СС был заинтересован во всем этом.

Слова Парилли поначалу не произвели на Геверница большого впечатления. Циммер, всего лишь капитан службы СС, вряд ли был тем человеком, который мог бы помочь добиться капитуляции немецких войск в Италии. А вот имя Дольмана, о котором Геверниц много слышал и раньше, уже кое-что значило. И совсем меняло дело упоминание о Карле Вольфе.

Геверниц решил сразу же внести ясность. Он сказал Парилли, что союзники могли бы начать переговоры о капитуляции с Дольманом и Вольфом, а еще лучше — с Кессельрингом. Парилли несколько растерялся, создалась заминка, и Геверниц готов был поверить, что шансы очень малы. Но Вайбель, настроенный более оптимистично, сообщил Парилли пароль, которым он мог бы воспользоваться для перехода границы, если ему вдруг потребуется предпринять поездку в Швейцарию еще раз.

Вернувшись в Италию 27 февраля, Парилли сразу же направился в Милан к Циммеру, чтобы проинформировать его о результатах поездки. Циммер созвонился с Дольманом, тот прибыл в Милан на следующий день и лично беседовал с Парилли. Посчитав сообщение чрезвычайно важным, Дольман попытался немедленно связаться с Вольфом, но тот находился на совещании в штаб-квартире Кессельринга в Рекоаро. Тогда Дольман сообщил начальнику полиции и охранной службы СС генералу Харстеру в Верону, что Парилли удалось «выйти на американцев». Совещание у Кессельринга к этому времени уже закончилось, и Вольф выехал в свою штаб-квартиру в Фазано. Харстер помчался на полицейской машине навстречу Вольфу и, перехватив его по дороге, рассказал о своем разговоре с Дольманом. Сообщение настолько заинтересовало Вольфа, что он попросил Харстера разыскать Циммера и его начальника Рауфа и передать приказ немедленно прибыть в Фазано.

28 февраля в 18 часов Вольф провел узкое совещание со своими приближенными, где обсудил предложение американцев. Совещание продолжалось около полутора часов. Решение об установлении контакта с американцами было принято сразу же. Все участники были единодушны и в том, что представителем немецкой стороны надо послать Дольмана, хотя он и не присутствовал на совещании. Сопровождать его должен был Циммер.

Характерно, что когда Парилли узнал о том, какую реакцию в штабе Вольфа вызвала переданная им информация, у него возникли серьезные сомнения относительно возможности переговоров американцев с представителями СС. Какое-то время ему даже казалось, что вся эта затея понадобилась американской разведке лишь для того, чтобы скомпрометировать Вольфа как одного из главарей зловещей СС.

И вот спустя пять дней Даллесу сообщили, что Парилли снова в Швейцарии, но на этот раз не один. Эмиссарам Вольфа подыскали безопасное убежище в Лугано. По понятным причинам организаторы операции «Восход солнца» были озабочены тем, чтобы их пребывание в Швейцарии не получило огласки.

Во второй половине дня в субботу 3 марта Вайбель собрал всех участников

²⁹⁰ Группе армий «Ц» было приказано подготовить к разрушению все основные итальянские промышленные предприятия, дорожные и гидротехнические сооружения, газовые заводы и электростанции, все гавани и молы и взорвать их в случае отхода.

предстоящей тайной встречи в одном из немногочисленных ресторанов Лугано. Американцев представлял уполномоченный Даллеса, сотрудник его аппарата в Берне Пол Блюм. Беседу вели в основном Блюм и Дольман. Главная задача оставалась прежней: выяснить, кого в действительности представляли эмиссары. И хотя Дольман лишь вскользь упомянул о своей службе в штабе генерала Вольфа и дал понять, что может попытаться воздействовать на генерала, чтобы склонить его к поездке в Швейцарию, Блюм вынес твердое убеждение, что за всем этим предприятием стоит именно Вольф.

Чтобы убедиться в серьезности намерений и реальных возможностях стоящих за ним лиц, Блюм должен был к концу встречи передать Дольману листок с двумя фамилиями. Речь шла об итальянских буржуазных политических деятелях, схваченных полицией: профессоре Феруччо Парри, видном участнике движения Сопротивления, и майоре Антонио Усмани, одном из главных агентов УСС в Милане. Американцы выдвинули условие: если генерал Вольф действительно рассчитывает на встречу с ними, то должен освободить Парри и Усмани и передать их в распоряжение УСС. Дольман обещал сообщить об этом Вольфу.

ПОЕЗДКА В БЕРЛИН

Какое-то время Даллесу и его помощникам казалось, что они увлеклись, выдвинув такое непомерное требование, и что, очевидно, они видят Дольмана в Швейцарии в последний раз. Но Вольфу в обстановке катастрофического ухудшения военного положения Германии важно было во что бы то ни стало выиграть время. Цель, ради которой затевалась вся эта игра, оправдывала средства, и он готов был пойти на многое, лишь бы наладить контакт с американцами.

Вольф, разумеется, не мог не учитывать, какими тяжелыми последствиями чреват для него тайный сговор с противником, если сведения об этом дойдут раньше времени до соперничающих между собой нацистских главарей. И чтобы застраховать себя, Вольф, которому не раз удавалось достойно выходить из сложных ситуаций, делает такой ход. В ночь с 6 на 7 февраля 1945 года он появился в штаб-квартире Гитлера, рассчитывая как высший руководитель СС и полиции в оккупированной гитлеровцами Северной Италии получить аудиенцию у фюрера. Прием состоялся в имперской канцелярии, но Гитлер был не один. Беседа велась в присутствии Риббентропа, его представителя при ставке фюрера после фон Хевеля, а также связного офицера Гимmlера группенфюрера СС Фегеляйна. Вольф стал горячо убеждать Гитлера, что для выхода из военного тупика, в котором оказалась Германия, необходим поиск новых возможностей, имея в виду заключение сепаратного мира с западными державами. Он информировал фюрера о том, что к нему в последнее время тянутся нити с трех сторон: от Ватикана, англичан и американцев. Такой повышенный интерес к представителю третьего рейха Вольф объяснил тем, что папа римский хочет предстать перед лицом всего католического мира спасителем человечества, англичане, в свою очередь, считают, что послевоенной Европой должны управлять именно они. Что касается американцев, то, по их твердому убеждению, говорил Вольф, желая подчеркнуть наличие противоречий в лагере западных союзников, Англия отжила свой век и теперь ведущая роль должна отойти к Соединенным Штатам. Всех их, заключил Вольф, объединяет стремление не допустить, чтобы Советы одержали верх в этой войне. Свое сообщение обергруппенфюрер закончил обращением к Гитлеру разрешить ему попытаться взять эти нити в свои руки. Согласно более поздним утверждениям Вольфа, фюрер внешне никак не отреагировал на его обращение: он не сказал ни да, ни нет. Но давно и хорошо зная Гитлера, Вольф уловил, что его предложение внутренне воспринято фюрером положительно. Дело в том, что в прошлом — и Вольфу это было известно — такого рода идеи вызвали немедленный отпор и даже взрыв бешенства со стороны Гитлера. На этот раз он молчал, расхаживая по кабинету и пощелкивая пальцами.

Сцена встречи в имперской канцелярии закончилась, по свидетельству Вольфа, тем, что Гитлер, прощаясь с ним, произнес: «Благодарю за доклад, с которым вы прибыли. Это

очень интересно. Действуйте и постарайтесь заручиться максимально благоприятными предложениями». Подумав после над тем, «как интерпретировать слова фюрера, Риббентроп и Вольф пришли к выводу, что поведение фюрера, который, хотя формально и не дал санкции на переговоры с Западом, все-таки дает право начать активные действия»²⁹¹.

По возвращении из Берлина Вольф собрал представителей высшего командования (как армейского, так и войск СС) и дал указание докладывать ему лично о каждой возникающей возможности «выхода» на англичан или американцев. О том, как развивались события дальше, Вольф сообщил после войны в интервью, данном им корреспонденту швейцарской газеты. В нем утверждалось, в частности, что, прибыв из Берлина в ставку Кессельринга в Северной Италии, он узнал, что части фашистской «черной бригады» (войска марионеточного правительства Муссолини в г. Сало на оккупированной гитлеровцами территории) задержали в Комо агента «управления специальных операций» британской разведки Тукера (он же Уиллоуби). Лазутчик имел личное поручение главнокомандующего союзными войсками на Средиземноморском театре английского фельдмаршала Г. Р. Александера войти в контакт с военным министром в «правительстве» Муссолини маршалом Р. Грациани. Вольф настоял на передаче задержанного в свое распоряжение и направил его через Швейцарию обратно к Александеру с заданием выяснить, какие военные и политические требования тот готов выдвинуть немецкому командованию в Италии.

Вольф и его ближайшие сотрудники, осведомленные, что называется, из первых рук о настроениях Даллеса, стремились, как подчеркивает американский историк Дж. Толанд, всемерно играть на антисоветизме и антикоммунизме своих партнеров по сепаратным переговорам. Свое обращение к Александеру Вольф, зная о настроениях определенных кругов Великобритании и США, обосновывал мнимой заботой о судьбе Северной Италии: в случае внезапного прекращения немецкого сопротивления итальянские партизаны-де немедленно сформируют «коммунистическое правительство», и тогда восторжествуют «французские коммунисты на западе, итальянские — на востоке; широкий „красный пояс“ протянулся бы через всю Южную Европу. Единственное решение проблемы, — подчеркивал Толанд, — состоит в том, чтобы договориться об организованной капитуляции немецких вооруженных сил. Тогда западные страны могли бы оккупировать Северную Италию, прежде чем партизаны возьмут там руководство в свои руки»²⁹².

Такой ход рассуждений находил полное понимание у Даллеса. «Если бы мы добились быстрой капитуляции немцев в Италии, — писал он в своих мемуарах, — то овладели бы Триестом — ключом к Адриатике... В противном же случае коммунистические войска, или прорвавшиеся через Венгрию части Советской Армии, или продвинувшиеся вперед из Югославии соединения Тито совместно с прокоммунистическими партизанами займут Триест и, возможно, еще дальше продвинуется на запад».

8 марта Вайбель сообщил Геверницу, что находившиеся в заключении Парри и Усмиани доставлены Циммером из Милана на швейцарско-итальянскую границу в Чиассо, откуда они выехали в Цюрих. Вслед за Парри и Усмиани пересекли границу Вольф и сопровождавшие его Дольман, Циммер и адъютант генерала Веннер — все в штатском. Поездом они направились в Цюрих. На всякий случай их снабдили легендой: Вольф и

²⁹¹ Как потом станет известно, Риббентроп в это время в тайне от других нацистских бонз, и в частности от Вольфа, готовил такую же операцию в Швеции. Еще в январе 1945 года он предложил Хессе, согласно признаниям последнего, «приняться за выполнение сверхважно и сверхсекретного задания: попытаться установить контакт с западными союзниками», предложив им свои услуги для борьбы с Советским Союзом, и с этой целью направил его в Стокгольм. Но случилось так, что сведения о секретных контактах Хессе проникли в шведскую печать. Разразился политический скандал. Гитлер приказал Хессе немедленно прекратить свои попытки.

²⁹² Реакционные круги США и Великобритании рассчитывали, сохранив в тайне сепаратную сделку с нацистами, быстро продвинуться через Италию на север. «Частичная капитуляция на юге, писал У. Черчилль в своих мемуарах, — открывала... нашим армиям возможность вследствие значительно уменьшившегося сопротивления продвинуться до Вены и далее даже до Эльбы или Берлина».

сопровождающие его лица являются членами смешанной немецко-итальянской комиссии, направляющейся в Швейцарию для обсуждения вопроса об использовании портового оборудования в Генуе. Как видим, Вольф действовал с поразительной оперативностью.

Прибывший в этот день в Цюрих Даллес встретился на конспиративной квартире УСС на Генферштрассе с Геверницей. Присутствовавший при этом Вайбель информировал американцев, что нацистов и барона Парилли приняла в своем доме в Цюрихе семья профессора Гусмана, а Парри и Усмани устроены в безопасном месте — их поместили под видом пациентов в известную цюрихскую клинику.

Вскоре на конспиративную квартиру явился Гусман — ему отводилась на переговорах роль посредника — и предложил Даллесу из соображений безопасности встретиться с Вольфом в собственной квартире. Даллес отклонил это предложение и заявил, что, если Вольф желает видеть его, он должен явиться на Генферштрассе, причем без сопровождающих лиц. Гусман обязан был привезти Вольфа, представить Даллесу, а затем оставить их одних. Много лет спустя Даллес вспоминал, что игра стоила свеч и следовало встретиться с Вольфом, хотя при этом было много риска. Последствия могли быть не из приятных.

ПЕРЕГОВОРЫ НАЧАЛИСЬ

Даллес отдавал себе отчет в том, что, если сведения о переговорах с высокопоставленным немецким офицером просочатся в печать, это серьезно скомпрометирует его как официального представителя США, но оправданием такого шага могло служить, как считал Даллес, освобождение из тюрьмы двух итальянских политических деятелей. Совершенно очевидно, что это условие понадобилось Даллесу не только для того, чтобы убедиться в реальности власти лиц, стоявших за спиной Парилли. Опытному игроку нужны были оправдания своей связи с нацистами, с тем чтобы в случае ее огласки спрятать концы в воду.

Как было условлено, около 10 часов Вольф прибыл на Генферштрассе. Переговоры начались. Исходным пунктом сообщения Вольфа было указание на то, что он был одним из тех, кто со дня прихода нацистов к власти и до самого последнего момента глубоко верил в Гитлера и был искренне предан ему. Теперь же твердо осознал, что война проиграна, и считает своим долгом сделать все возможное для заключения сепаратного мира с западными союзниками. «Я командую войсками СС в Италии, — заявил Вольф, — и согласен передать себя и всю возглавляемую мной организацию в руки союзников»²⁹³. При этом он выдвинул следующие условия соглашения: военные действия на итальянском фронте должны немедленно прекратиться, все войска группы армий «Ц» получают возможность организованно отступить в Германию, немецкое командование обязуется при отступлении воздержаться от разрушения промышленных и транспортных сооружений и обеспечить англо-американским войскам свободное продвижение в Северную Италию и Австрию. Заметим, что обеспечение возможности гитлеровским войскам организованно вернуться в Германию нацисты считали одним из важнейших условий соглашения о прекращении военных действий на итальянском фронте. «Таким образом, — говорилось в предложении Вольфа, — дальнейшее существование немецкого порядка, опирающегося на силу, остается гарантированным. Дальнейшая судьба немецко-фашистской армии должна быть определена в последующем ее собственным командованием»²⁹⁴. Даллес готов был принять эти предложения за основу для переговоров.

²⁹³ Как Вольф рассказывал Кессельрингу, из первой же встречи с Даллесом он вынес впечатление, что сложившие оружие немецкие войска будут сохранять свою структуру, чтобы при соответствующих обстоятельствах их можно было использовать на Востоке.

²⁹⁴ Цит. по: Розанов Л. Г. Последние дни Гитлера. М., 1962. С. 3. 3.

Но, чтобы покончить с войной в Италии, продолжал Вольф, мало только стремления службы СС, необходимо привлечь на свою сторону и командующих немецкими вооруженными силами. Он считал, что имеет на Кессельринга большое влияние, и был уверен, что сможет сделать его своим союзником. Это было тем более важно, что соглашение, как подчеркнул Вольф, приобретает законную силу лишь после его утверждения Кессельрингом. Вольф полагал, что посол Ран также окажется полезным. Если Даллес гарантирует немцам надежную связь с верховным командованием союзных войск, он, Вольф, обеспечит приезд в Швейцарию Кессельринга или его заместителя. Даллес уверил Вольфа в своем тесном сотрудничестве с верховным командованием союзников. Считая, что цель достигнута и искомый канал связи найден, Вольф заявил Даллесу, что готов представить по первому же требованию соображения об условиях заключения мира. И хотя в этом предложении не было упоминания о безоговорочной капитуляции, Даллес воспринял его с «благожелательным пониманием»²⁹⁵, заявив, однако, что готов вести переговоры при единственном условии: Вольф не должен вступать в контакт ни с кем из других союзников и гарантировать сохранение факта переговоров в строжайшей тайне. В радиограмме в Вашингтон Даллес рекомендовал незамедлительно приступить к подготовке нескольких офицеров штаба союзных войск на случай, если поступит сообщение о прибытии в Швейцарию Кессельринга или его заместителя для завершения переговоров.

Утром оставшийся в Цюрихе Геверниц имел продолжительную беседу с Вольфом и Дольманом. Были окончательно отработаны детали плана Вольфа: он проведет разговор с Кессельрингом, вместе они выработают проект декларации о прекращении военных действий, которую подпишут Кессельринг, Вольф и Ран. Вольф вновь выразил уверенность, что Кессельринг поддержит его и сможет прибыть в Швейцарию в течение недели, чтобы тайно встретиться с военными представителями США и Англии и скоординировать технические детали сговора. Вольф счел необходимым еще раз подчеркнуть, что он действует независимо от Гиммлера и ни Гиммлер, ни Гитлер ничего не знают о его поездке в Швейцарию.

Та и другая стороны были вполне удовлетворены обнадеживающим началом. Немецкие эмиссары даже прикинули в уме состав «послегитлеровского» кабинета. На пост президента страны они прочили Кессельринга, министра иностранных дел — К. Нейрата, занимавшего эту должность до Риббентропа. Пост министра внутренних дел Вольф оставлял за собой, будучи уверен, что Гиммлер ни при каких условиях в этом качестве не сохранится. В не меньшей степени были удовлетворены достигнутыми результатами американские прямые и косвенные участники переговоров. «Очевидно, Аллен Даллес, — скажет позже Вольф, — находился под таким сильным впечатлением от начала переговоров, что уже 19 марта в местечке Аскона на юге Швейцарии назначил обсуждение офицерами генерального штаба технических вопросов капитуляции. Во время этой встречи мое предложение было расширено: в личном разговоре я должен был склонить Кессельринга распространить капитуляцию в Италии на весь Западный фронт». Вашингтон и Лондон одобрили действия Даллеса²⁹⁶.

На следующий день Даллес получил от фельдмаршала Александра радиограмму, что два старших офицера из штаба союзных войск направлены в Швейцарию. Представительству УСС в Казерте поручалось обеспечить строжайшую секретность затеваемой операции — этой стороне дела придавалось особенно важное значение. Вольф со своей группой возвратился в Италию 9 марта. Он планировал встретиться с Кессельрингом на следующей

²⁹⁵ Rahn R. *Ruheloses Leben*. Dьsseldorf, 1949. S. 285.

²⁹⁶ 10 марта 1945 года начальник имперского генерального штаба Великобритании фельдмаршал А. Брук записал в своем служебном дневнике, что состоялось решение послать в определенный пункт в Швейцарии официальных англо-американских представителей. Александр получил директиву выделить для обсуждения с гитлеровцами «технических деталей соглашения» группу высших офицеров.

неделе²⁹⁷.

Между тем Даллес и Геверниц занялись поисками подходящего места для предстоящих переговоров, стремясь прежде всего не допустить утечки информации. «Одна лишь организация негласного прибытия немецких представителей и обеспечение секретности их встречи, — писал Даллес, — требовала усилий всего персонала, находящегося как в распоряжении Вайбеля, так и в моем подчинении»²⁹⁸.

ОРГАНИЗАТОРЫ ОПЕРАЦИИ В СМЯТЕНИИ

В воскресенье 11 марта Вайбель известил Даллеса, что Парилли вновь появился в Швейцарии. Барон прибыл с важной вестью, сильно встревожившей организаторов закулисных сепаратных переговоров. Оказывается, едва Вольф пересек швейцарскую границу, как к нему подошел специально поджидавший его главный инспектор СС из Милана полковник Рауфф и вручил пакет от Кальтенбруннера. Шеф РСХА настаивал, чтобы Вольф увиделся с ним в Инсбруке.

Тот факт, что Вольф не информировал Берлин о поездке в Швейцарию, вызвал подозрения у Кальтенбруннера. Поздно ночью Вольф, умевший видеть опасность и вовремя замести следы, по телетайпу сообщил Кальтенбруннеру, от которого можно было ждать любых сюрпризов, что не имеет возможности прибыть в Инсбрук в связи с неотложными делами, и просил извинить его.

Боясь, что его поездка в Швейцарию стала известна Гиммлеру, и стремясь обеспечить себе алиби, Вольф решил обратиться к американцам с просьбой освободить из плена близкого друга и любимого адъютанта Гитлера оберштурмбаннфюрера Вунше. Приблизился день рождения Гитлера, и Вольф мог объяснить свою поездку в Швейцарию тем, что хотел сделать фюреру приятный сюрприз.

Утром 13 марта из Казерты телеграфировали, что два военных представителя фельдмаршала Александра приедут в Швейцарию независимо от того, готовы ли немцы вести переговоры или нет. Этими представителями были заместитель начальника штаба войск союзников в Казерте американский генерал Л. Лемнитцер²⁹⁹ и начальник разведки при штабе Александра английский генерал Т. Эйри. Они прилетели в Лион в тот же день. При них находился целый штат сотрудников УСС: радисты, операторы, связные, охранники и другой персонал.

Поздно ночью Даллесу позвонил Вайбель и предупредил о приезде Парилли, доставившего срочное послание от Вольфа. Последний доводил до сведения Даллеса, что, если ему предложат явиться с докладом в Берлин, он откажется ехать под тем предлогом, что на время отсутствия Кессельринга, вызванного в ставку за новым назначением, он не может оставить Италию. Вольф считал также целесообразным попытаться привлечь на свою сторону преемника Кессельринга и намерен был действовать в этом направлении самостоятельно — все зависело от того, кто будет этим преемником. Вольф выражал готовность «очистить аэродромы и побережье для высадки воздушных и морских десантов западных союзников». Упомянув вскользь об обстреле американским штурмовиком его автомашины по дороге из штаба Кессельринга, Вольф просил Даллеса повлиять на авиацию союзников, чтобы в районе восточнее Милана она действовала менее активно. Послание

²⁹⁷ Любопытно, что, когда переговоры начались, Кессельринга срочно откомандировали на Западный фронт. По мнению некоторых зарубежных и советских исследователей, это давало дополнительную гарантию Гитлеру в сепаратных переговорах с Западом.

²⁹⁸ Dulles A. The Secret Surrender. P. 100.

²⁹⁹ В послевоенные годы Лемнитцер занимал пост верховного главнокомандующего войсками НАТО в Европе, а затем возглавлял командование в Корее, был начальником штаба армии и председателем комитета начальников штабов США.

заканчивалось указанием на то, что Вольф ждет ответа Даллеса и в случае необходимости согласен прибыть в Швейцарию в любое время.

В переданном через Парилли ответе Даллес сообщил, что хотел бы видеть Вольфа сразу же, как станет известным, кто займет место Кессельринга и Вольф продумает план дальнейших действий.

В своих мемуарах Даллес не скрывает, что с самого начала операции «Восход солнца» он допускал возможность двойной игры нацистов, рассчитанной на то, чтобы «вбить клин в наши отношения с русскими»³⁰⁰. И все же Даллес всячески форсировал подготовку к переговорам. Политические соображения брали верх над его профессиональной осторожностью.

Ответив на послание Вольфа, Даллес немедленно выехал, чтобы встретить Лемнитцера и Эйри. Генералы проследовали из Лиона в Швейцарию инкогнито: первый под фамилией Никольсон, второй — Макнили, оба в форме сержантов и в сопровождении старших сотрудников УСС. Тайное свидание генералов с обергруппенфюрером СС Вольфом должно было состояться в Асконе, недалеко от Локарно, в уединенном поместье Геверница.

17 марта в Швейцарию прибыл Парилли, уведомивший о том, что Вольф со свитой прибудет на границу рано утром 19-го. Он сообщил также, что вместо Кессельринга на посту командующего немецкими войсками в Италии стал генерал фон Фитингоф, которого Вольф считает своим другом.

Были приняты все меры предосторожности, чтобы оградить прибывающих на тайные переговоры нацистов от опасности. Было решено, что с границы группу Вольфа доставят в автомобиле в частный дом в Лугано. Нацисты войдут в дом, машина уедет, а они через черный ход покинут его и на машинах, принадлежащих УСС, отправятся в Аскону. 19 марта группа сотрудников УСС, разбившись на двойки и тройки, на разных поездах направилась из Берна в Аскону. Вольф и сопровождающие его лица прибыли из Лугано вскоре после одиннадцати.

ВОЛЬФУ ВАЖНО ВЫИГРАТЬ ВРЕМЯ

Как выяснилось в ходе предварительной беседы, приезд в Северную Италию преемника Кессельринга генерала Фитингофа ожидался 19 марта. Сделать Фитингофа сторонником тайных переговоров можно было лишь при условии, если тот будет чувствовать поддержку кого-либо из высокопоставленных представителей вермахта. Кессельринг уже десять дней как уехал из Северной Италии, и Вольф не имел с ним связи, воспользоваться же телефоном он не мог, так как линия прослушивалась гестапо.

«Немецкое командование, — заявил Вольф, — располагает информацией о том, что в конце марта в Италии намечается крупное наступление союзников». Вольфа интересовало, достоверны ли эти сведения, поскольку в случае начала наступления «шансы на успешное проведение капитуляции сведутся к нулю». «Если вы мне дадите пять, а лучше семь дней, — сказал Вольф, — я непременно повидаюсь с Кессельрингом». Любопытна и сама аргументация сроков. Вольф собирался ехать на машине, так как считал, что лететь самолетом слишком рискованно, и, кроме того, он «не располагал горючим» (!) Вольф, руководствуясь указанием Гитлера не форсировать завершение переговоров, с большим упорством отстаивал каждый лишний день, тем более что прекращение военных действий на итальянском фронте позволило бы фашистскому командованию снять четыре дивизии и перебросить их на советско-германский фронт. Словом, ситуация, сложившаяся на итальянском фронте в результате действий Вольфа, работала на планы Гитлера.

Даллес спросил, следует ли принимать в расчет Кальтенбруннера. Явно задетый за живое, Вольф ответил: «Кальтенбруннер сам пытается нащупать нужные каналы для

³⁰⁰ Dulles A. The Secret Surrender. P. 76.

закулисных переговоров. Он не потерпит соперничества»³⁰¹.

Даллес предложил устроить совещание военных представителей, чтобы уладить несколько сложных технических вопросов капитуляции. Местом такого совещания должна была стать штаб-квартира союзнических войск в Казерте. Другой вопрос касался обеспечения надежной связи между представительством УСС, штабом союзников в Казерте и Вольфом в Италии. Даллес стоял за то, чтобы предоставить в распоряжение Вольфа радиста, свободно владеющего немецким языком.

Тайное совещание военных представителей США и Англии с нацистским эмиссаром состоялось в тот же день. Его открыл Лемнитцер, в роли переводчика выступал Геверниц. Даллес поинтересовался у Вольфа, что побуждает его беседовать с Кессельрингом раньше, чем с Фитингофом. «Кессельринг мне ближе, — сказал Вольф, — и в прошлом я не один раз беседовал с ним о путях и средствах прекращения войны»³⁰². Поэтому то, что я собираюсь сказать ему теперь, не будет для него неожиданностью. С Фитингофом я такого вопроса никогда не обсуждал и, зная его консерватизм, развитое чувство долга, я сомневаюсь в успехе, если не заверю его в поддержке Кессельринга, а может быть, и генерала Вестфалия, нового начальника штаба Кессельринга и близкого друга Фитингофа»³⁰³. Лемнитцер спросил, какую реальную помощь может оказать Кессельринг. Вольф ответил, что в случае успеха его миссии Кессельринг посоветует Фитингофу действовать и тогда все исходящее от него, Вольфа, будет выглядеть в глазах Фитингофа весомее. «Не могу сказать, сколько времени это займет, — продолжал Вольф, — но думаю, что даже при удачном стечении обстоятельств это потребует не менее пяти — семи дней, если, конечно, меня не накроют бомбардировщики союзников». На этом совещание закончилось.

Так, 8 марта 1945 года в Цюрихе в нарушение союзнических обязательств начались прямые переговоры между германским и американским уполномоченными. Вольф предложил Даллесу заключить соглашение о прекращении военных действий на итальянском фронте. В случае согласия командование союзными войсками должно было отменить запланированное наступление и предоставить немецкой армии возможность без боев уйти на территорию Германии. В качестве компенсации германская сторона гарантировала англо-американским войскам беспрепятственный проход в долину реки По и к Южным Альпам, а также возможность быстро оккупировать Австрию.

Но в назначенный срок Вольф не появился. 2 апреля вместо него прибыл барон Парилли. Выяснилась одна любопытная деталь: незадолго до этого Вольф перевез свою семью в район южнее Бреннерского перевала. Узнав об этом, Гиммлер во время отсутствия Вольфа переправил ее обратно в Австрию и позвонил Вольфу: «Вы поступили опрометчиво, я взял на себя смелость исправить положение. Теперь ваша жена и дети находятся под моей защитой»³⁰⁴. Гиммлер советовал Вольфу не покидать Италию, что можно было расценить как запрет на выезд в Швейцарию. Оттого-то Вольф и не отважился лично прибыть в Берн. Барон во всех подробностях рассказал Даллесу, Лемнитцеру, Эйри и Геверницу о поездке Вольфа на Западный фронт, о его встрече с Кессельрингом и о последовавших за этим событиях. Вольф спросил Кессельринга, одобряет ли он его идею капитуляции в Италии и готов ли поддержать эту идею капитуляцией на Западном фронте. Кессельринг ответил

³⁰¹ DullesA. The Secret Surrender. P. 118 — 119.

³⁰² Вольф знал, что Кессельринг к этому времени был убежденным сторонником скорейшего сговора с англо-американцами. Он считал, что «20 дивизий, которыми он располагал, давали ему хорошую основу для соглашения о перемирии». Кессельринг готов был тогда даже сам поехать в Швейцарию для встречи с представителями западных союзников.

³⁰³ DullesA. The Secret Surrender. P. 124.

³⁰⁴ FordC. Donovan of OSS. P. 292.

отрицательно. Он мотивировал это тем, что, как новый человек, мало знает генералов, командующих его корпусами и дивизиями, и, кроме того, при нем находятся два хорошо вооруженных эсэсовских полка, которые незамедлительно выступят против него, начини он действовать вопреки приказам фюрера. Однако Кессельринг обещал посоветовать Фитингофу, чтобы он поддержал Вольфа. «Сожалею, что я не в Италии», — сказал в заключение Кессельринг.

Получив согласие Кессельринга на капитуляцию в Италии, Вольф считал, что вполне справился с первой задачей, и уже собирался вернуться в Фазано, когда Гиммлер, узнавший, что Вольф в Германии, вызвал его в Берлин.

КАЛЬТЕНБРУННЕР СТРОИТ КОЗНИ

В Берлине Вольфа проводили в рейхсканцелярию. В сопровождении Кальтенбруннера вошел Гиммлер. Рейхсфюрер СС сказал Вольфу, что знает о его свидании с Даллесом в Швейцарии, состоявшемся 8 марта.

Он выразил неудовольствие тем, что Вольф установил этот контакт без его санкции и специального инструктажа компетентных офицеров СД. Вольф немного успокоился, поняв, что причиной раздражения послужили не подозрения в двойной игре, а профессиональная ревность разведчиков, советами которых Вольф пренебрег. В ходе разговора Вольф убедился, что ни Гиммлер, ни Кальтенбруннер не осведомлены о его визите в Швейцарию 19 марта. Если бы этот факт стал известен Гиммлеру, оправдываться было бы куда сложнее. По вопросам, которые задавались, Вольф догадался, что в действительности Кальтенбруннер знает не так уж много о его контактах с союзниками.

Гиммлер предложил Вольфу на следующий день встретиться с экспертами разведывательной службы Шелленберга и обсудить план совместных действий. Вольфу стало ясно, что его вызов в Берлин подстроен Кальтенбруннером, который, очевидно, хочет вырвать из его рук инициативу переговоров. Жажда личного спасения, какой бы ценой оно ни было куплено, заставляла нацистских главарей метаться в поисках выхода. Понимая это, Вольф решился предложить свои услуги. Он выдвинул такую идею: все трое должны отправиться к Гитлеру и доложить ему, что Вольф наладил связь с Даллесом, а через него с влиятельными кругами США. Располагая такой поддержкой, Вольф попытается убедить Гитлера, что контакты с американцами помогут заключить соглашение о капитуляции немцев в Италии в короткий срок.

Реакция Гиммлера и Кальтенбруннера была мгновенной и совершенно недвусмысленной. Они отказывались поддержать Вольфа, считая, что для этого выбрано неподходящее время: Гитлер пребывал в состоянии крайнего раздражения, всякие разговоры о мире приводили его в ярость, особенно после того, как сорвались неуклюжие переговоры Риббентропа с западными союзниками в Стокгольме, испортившие, по мнению фюрера, все дело.

Сославшись на срочный вызов, Гиммлер вскоре покинул их. Кальтенбруннер привез Вольфа на свою виллу неподалеку от Ванзее, где они позавтракали, стараясь избегать разговоров о капитуляции. Вольф пришел к заключению, что Кальтенбруннер пока не намерен пойти против него, по крайней мере не собирается убирать его со сцены. Кальтенбруннер был скорее уязвлен как профессионал, поскольку Вольф, которого он считал дилетантом в делах разведки, сумел достичь того, чего не удалось сделать ему самому, главе имперской службы безопасности.

Через несколько дней Кальтенбруннер и Вольф снова были у Гиммлера. Рейхсфюрер только что получил распоряжение Гитлера немедленно ночным поездом отправиться в Венгрию и поэтому не имел времени для разговора. Он предложил Вольфу не прерывать отношений с Даллесом, но по собственной инициативе больше в Швейцарии не появляться. «С поездками в Швейцарию покончено. Вы не все знаете!» — заключил рейхсфюрер. Гиммлер и Кальтенбруннер были уверены, что после полученного инструктажа в Баварии

Вольф не отважится далеко зайти в своих действиях, по крайней мере втайне от них.

9 апреля англо-американские войска начали столь долго откладывавшееся наступление на итальянском фронте. В тот же день в Швейцарию вновь прибыл Парилли. Он сообщил, что, поддержав Вольфа в вопросе капитуляции, Фитингоф готов был подписать ее, но на почетных для военных условиях, а именно: в момент объявления капитуляции немцы не покидают строя, они не будут интернированы и посажены за колючую проволоку, им разрешат временно остаться в Италии и произвести ряд работ по восстановлению шоссе и железных дорог. Когда положение стабилизируется, немецких солдат возвратят в Германию, не лишая ремней и штыков. Это будет означать, что капитуляцию они приняли организованно.

Даллес, опьяненный успешным, как ему казалось, развитием контактов с нацистами, наращивал активность. Прежде всего он решил послать в Италию в штаб Вольфа радиста. Представительству УСС в Лионе было поручено отобрать несколько радистов, говорящих по-немецки, из числа подготовленных для заброски в Германию. Выбор остановили на 26-летнем чехе Вацлаве Градецком, получившем кличку «Маленький Уолли». Даллес объявил ему, что он должен передавать сообщения, составленные эсэсовским офицером, и принимать предназначенные для него радиogramмы УСС. 13 апреля Циммер переправил Уолли через границу, доставил его в Милан и поселил на Виа Чимароза в доме 22. Вилла находилась в районе, почти полностью контролируемом эсэсовцами, но доступа в комнату Уолли не имел никто, кроме Циммера и Парилли. На другой день Уолли вышел в эфир. Таким образом, между Даллесом и штаб-квартирой СС в Италии была установлена постоянная связь.

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

13 апреля Даллеса и Геверница вызвали в Париж. Там находился руководитель УСС генерал Донован, который желал знать все подробности операции «Восход солнца».

Даллес и Геверниц во всех деталях познакомили явно чем-то встревоженного генерала Донована и его главного помощника руководителя парижского представительства УСС Форгана с ходом операции. Имевший доступ в правительственные круги на самом высоком уровне и хорошо информированный о закулисной стороне политической жизни Вашингтона Донован рассказал им о настроениях в правящих кругах США и о том, что сведения о тайных переговорах Даллеса с Вольфом дошли каким-то образом до Советского правительства. Было очевидно, что Советское правительство придает данному вопросу серьезное политическое значение. Еще в конце марта И. В. Сталин направил президенту Рузвельту письмо, в котором писал, что ему известно о намерении США за спиной СССР заключить с Германией сепаратный мир. В условиях, когда симпатии и поддержка мировой общественности были целиком на стороне героической Советской Армии, несшей освобождение народам Европы от фашистского порабощения, грубейшее нарушение союзнических обязательств не могло не нанести США морального ущерба и не сказаться на их престиже, как одного из участников антигитлеровской коалиции. Словом, операция, сулившая столь блистательный успех, неожиданно обернулась другой стороной. «Сообщение Донована, — вспоминает Даллес, — удивило и расстроило меня. Правда, в некотором роде утешением служило его заверение, что, если капитуляция будет возможна, США и Великобритания не потерпят, чтобы неудовольствие Советского Союза помешало ее проведению»³⁰⁵.

Хотя намерения и действия Даллеса имели скрытый характер, цели, которые он преследовал, были ясны и недвусмысленны. Сам Даллес оценивал их так: «Если мы вынудим немцев немедленно капитулировать, войска союзников первыми оккупируют Триест — ключ ко всей Адриатике. Если же этого не произойдет, то Советская Армия или Народно-

³⁰⁵ Dulles J. The Secret Surrender. P. 147.

освободительная армия Югославии войдут в Триест раньше нас»³⁰⁶.

Вот что прежде всего и больше всего беспокоило Даллеса. Сетuya на то, что ему лишь после войны стали известны все подробности разногласий между западными союзниками и СССР, Даллес приводит слова адмирала Ли, назвавшего события, связанные с операцией «Восход солнца», «первой желчной перебранкой с русскими в условиях антигитлеровской коалиции».

Твердость Советского Союза и наличие у него обстоятельной информации о действительном положении вещей³⁰⁷ оказали сдерживающее влияние на руководителей западных держав.

На Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19—30 октября 1943 года) было подписано секретное соглашение «О линии поведения в случае получения пробных предложений мира от враждебных стран». В нем говорилось: «Правительства Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки и Советского Союза договариваются немедленно информировать друг друга о всякого рода пробных предложениях мира, которые они могут получить от правительства, отдельных группировок или лиц страны, с которой любая из трех сторон находится в состоянии войны. Правительства трех держав далее договариваются консультироваться друг с другом с тем, чтобы согласовывать свои действия в отношении подобных предложений». Таким образом, в свете этого соглашения переговоры официальных представителей США и Великобритании с гитлеровцами за спиной Советского Союза являлись грубейшим нарушением союзнических обязательств.

11 марта 1945 года американское и английское правительства, опасаясь, что сведения о переговорах могли дойти до советского руководства, решили, что каждое из них официально уведомит его об этом. Посол США в Москве проинформировал НКВД СССР о визите Вольфа к представителям спецслужб при англоамериканских войсках на Средиземноморском театре военных действий; то же самое сделал и английский посол. Правда, в сообщении послов приводились заведомо неправильные исходные данные: пунктом встречи назывался не Цюрих, а Берн; утверждалось, что речь шла всего лишь о подготовке будущих переговоров. Однако допущенная оплошность сделала очевидным лживый характер выдвинутой версии: вместе с текстом официального сообщения английского посольства в НКВД СССР была передана копия телеграммы Александера, из которой следовало, что в Швейцарии велись переговоры и что они продолжаются. При этом советской стороне ничего не сообщалось о подключении к переговорам официальных военных представителей США и Великобритании.

12 марта НКВД СССР заявил, что Советское правительство не будет возражать против переговоров с Вольфом, но при условии участия в них представителя советского командования. Но этого-то и не хотели в правящих кругах США и Англии. Лишь 16 марта госдепартамент США сообщил, что переговоры в Швейцарии всего лишь зондирование почвы и постановка вопроса об участии в них советского представителя преждевременна. Аналогичным было письмо и английского правительства. В тот же день НКВД СССР направил ответные письма, в которых заявлял, что нежелание допустить участие представителя советского командования в переговорах явилось неожиданным и непонятным с точки зрения союзнических отношений. Ввиду этого Советское правительство считает невозможным дать свое согласие на переговоры американских и британских представителей с генералом Вольфом и настаивает на том, чтобы уже начатые переговоры были прекращены. 21 марта государственный секретарь Стеттиниус, военный министр Стимсон,

³⁰⁶ Dulles A. The Secret Surrender. P. 147.

³⁰⁷ Маршал Г. К. Жуков приводит в этой связи такой факт. Когда в Ставке планировалась Берлинская операция, И. В. Сталин, показав сообщение о закулисных переговорах гитлеровских агентов с официальными представителями союзников, заметил: «Думаю» Рузвельт не нарушит ялтинской договоренности, но вот Черчилль, этот может пойти на все» // Жуков. Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 642.

посол Гарриман и адмирал Ли пришли к выводу, что Соединенные Штаты «не должны уступать давлению русских», и поэтому решили представить Советскому правительству дело так, будто на переговорах с Вольфом 19 марта «ничего существенного не произошло».

Вопрос о переговорах генерала Вольфа с англоамериканцами стал предметом переписки Председателя Совета Министров СССР И. В. Сталина с президентом США Ф. Рузвельтом и премьер-министром Великобритании У. Черчиллем. «Я согласен на переговоры с врагом, — писал Сталин Рузвельту 29 марта 1945 года, — только в том случае, если эти переговоры не поведут к облегчению положения врага, если будет исключена для немцев возможность маневрировать и использовать эти переговоры для переброски своих войск на другие участки фронта, и прежде всего на советский фронт... Задача согласованных операций с ударом на немцев с запада, с юга и с востока, провозглашенная на Крымской конференции, состоит в том, чтобы приковать войска противника к месту их нахождения и не дать противнику возможности маневрировать, перебрасывать войска в нужном ему направлении. Эта задача выполняется Советским командованием. Эта задача нарушается фельдмаршалом Алек-сан дером». Понятно, что такая ситуация, писал Сталин Рузвельту 3 апреля 1945 года «никак не может служить делу сохранения и укрепления доверия между нашими странами».

Принципиальная позиция Советского правительства, вытекавшая из достигнутой ранее договоренности, что никто не должен вступать в какие бы то ни было переговоры и заключать мир с агрессорами отдельно друг от друга и без общего всех трех держав согласия, вынудила правительства США и Великобритании дать указание о прекращении дальнейших контактов с Вольфом.

Что же было дальше? 15 апреля Даллес и Геверниц возвратились в Берн с парижской встречи с Донованом, полные решимости уговорить Фитингофа, а если он не согласится — его генералов.

Прибывший в тот же день в Лугано Циммер доложил, что 12 апреля он и Вольф посетили Фитингофа, который принял их весьма прохладно. Оказывается, незадолго до этого в разведотдел итальянского корпуса в Генуе, входившего в состав немецкой армии, явился неизвестный в штатском. Отрекомендовавшись майором английской армии, он сказал, что уполномочен фельдмаршалом Александером передать Фитингофу устное послание. Фитингоф, заявил он, допустил непростительную ошибку, начав переговоры с американцами, а не с англичанами, которые, как европейцы, лучше разбираются в проблемах, касающихся Европы. Неизвестный просит довести его слова до сведения Фитингофа, предупредив, что придет за ответом через несколько часов, но больше его никто не видел. Фитингоф понял, что контакты с американцами уже не тайна. Были, по словам Циммера, и другие настораживающие вести. Гиммлер не спускал глаз с Вольфа. 14 апреля он позвонил ему и приказал немедленно прибыть в Берлин. Вольф сумел выкрутиться, убедив рейхсфюрера, что его присутствие в Италии совершенно необходимо. Затем Вольф написал письмо Гиммлеру. Зная настроение нацистской верхушки в Берлине, возлагавшей серьезные надежды на разрыв между основными державами, ведущими войну против Германии, Вольф предлагал рейхсфюреру приехать в Италию, чтобы действовать совместно. Получив ночью 15 апреля письмо Вольфа, Гиммлер позвонил ему и сказал: «Мне не нужны письменные доклады. Я хочу говорить с вами лично». Тщательно взвесив все «за» и «против», Вольф вылетел в Берлин.

В РЕЙХСКАНЦЕЛЯРИИ

Отправляясь в Берлин, Вольф отдавал себе отчет, что поездка таила большую опасность. На аэродроме в Берлине его встретил профессор Гебхард, личный врач и ближайший помощник Гиммлера. Он отвез Вольфа в свою клинику в Гогенлихене, где его ожидал Гиммлер. При всем старании рейхсфюреру не удалось скрыть своего состояния. Было заметно, что он еще сильнее, чем во время их мартовской встречи, нервничает,

лихорадочно ищет выход. Когда Гиммлер начал разносить Вольфа, обвинив его чуть ли не в государственной измене, тот показал письмо посла Рана, адресованное фюреру. Ран дал понять, что контакты с союзниками (он не указывал, кто их наладил) могут быть полезны Гитлеру, так как, возможно, позволят приостановить наступление союзников в Италии. Письмо предназначалось именно на тот случай, если Вольфа вызовут в Берлин для объяснений. Поскольку и Гиммлеру, и Кальтенбруннеру было известно, что Ран пользуется абсолютным доверием Гитлера, они не могли с этим не считаться. Очевидно, письмо сыграло свою роль. Прочитав его, Гиммлер несколько утихомирился.

Днем появился Кальтенбруннер и, как и ожидал Вольф, наотрез отверг его предложение о капитуляции. Он заявил, что располагает неопровержимыми доказательствами измены Вольфа, о чем и доложил фюреру. Однако Вольфу показалось, что Кальтенбруннер имел при себе папку с документами. В ней, как потом выяснилось, содержалась неполная информация о переговорах с американцами, которую РСХА удалось получить через свою агентуру в Италии и Швейцарии.

Спор затянулся до полуночи. Вольф, чтобы закончить разговор в свою пользу, прибег к уловке: он сказал, что намерен сейчас же отправиться к Гитлеру, и предложил Гиммлеру и Кальтенбруннеру присоединиться к нему, чтобы в их присутствии дать объяснения фюреру. Гиммлер отказался, заявив, что, после того как войска под его командованием понесли в Восточной Германии огромные потери, он не пользуется у Гитлера прежним доверием.

Кальтенбруннер и Вольф прибыли в Берлин в ночь с 17 на 18 апреля. Присутствие шофера мешало продолжить разговор в пути. Автомобиль остановился у здания рейхсканцелярии, где находился бункер Гитлера. Перед входом Вольф, воспользовавшись тем, что они были одни, припугнул Кальтенбруннера, сказав, что, если тот снова начнет обвинять его в тайных переговорах и показывать фюреру донесения своих агентов, он заявит, что уже сообщал о контактах с Даллесом Гиммлеру и Кальтенбруннеру во время предыдущего приезда в Берлин, но они настояли скрыть это от Гитлера.

Рано утром 18 апреля они появились в бункере и стали ждать в приемной перед личными апартаментами фюрера. Вскоре появился Гитлер. Он направлялся в конференц-зал, где военные руководители обычно собирались на традиционные «обсуждения положения». Он был удивлен, заметив Вольфа, однако предложил ему подождать.

Около пяти часов утра пригласили Вольфа. Во время разговора Гитлера с Вольфом Фегеляйн и Кальтенбруннер хранили молчание. Подробности этой беседы были восстановлены Вольфом позднее, когда всех остальных участников этой встречи уже не было в живых. Трудно судить о достоверности сведений, сообщенных Вольфом, особенно если учесть, что беседа протекала в атмосфере подозрительности и соперничества, когда каждый из нацистских лидеров заботился прежде всего о том, как спасти себя, и больше всего боялся быть обойденным другим. Согласно этим сведениям, Гитлер внешне держался по отношению к Вольфу дружелюбно, хотя был настроен критически. Он расценил близость генерала к союзникам, о которой ему доложил Кальтенбруннер, как «колоссальное игнорирование власти», но не стал обвинять Вольфа в самовольных действиях. Фюреру, по словам Вольфа, не понравилось, что тот «замешан в жизненно важном для всего рейха политическом деле, будучи осведомленным о положении лишь на одном южном участке фронта и поэтому лишенным возможности понять, как его односторонние действия могут повлиять на тотальный план Гитлера»³⁰⁸.

Вольф пустился в подробные объяснения ситуации. Он напомнил Гитлеру, что, когда он был у него в прошлый раз и доложил, что к нему засылают своих посланцев Ватикан, англичане и американцы, фюрер не запретил контактов. Вольф использовал это как «активное их узаконение», что таким же образом истолковал реакцию Гитлера и имперский министр иностранных дел. Вольф объяснил, что причиной, по которой он не информировал о встрече с Даллесом 8 марта, послужило то, что, установив этот контакт по собственной

³⁰⁸ Dulles A. The Secret Surrender. P. 173.

инициативе без официального одобрения Гитлера, он тем самым хотел дать фюреру возможность при неблагоприятном исходе остаться в стороне. «Мне было ясно, заявил Вольф, — что если я провалюсь, то вы от меня в интересах рейха должны будете отказаться». В заключение Вольф сообщил, что его затея увенчалась успехом. Он счастлив поведать Гитлеру, что с помощью Даллеса ему удалось проложить канал связи, ведущий прямо к американскому президенту и премьер-министру Великобритании, если, конечно, фюрер найдет нужным воспользоваться им.

Вольф умолчал, разумеется, о своих встречах с «военными советниками» в Асконе. Из беседы с Гиммлером и Кальтенбруннером он вынес твердое убеждение, что они, а следовательно, и Гитлер знают лишь о встрече в Цюрихе 8 марта. Гитлер очень внимательно наблюдал за Вольфом, ожидая, что тот опустит глаза под его пристальным взглядом. Но Вольф внешне держался спокойно, прямо глядя в глаза фюреру, по крайней мере так он обрисовал беседу некоторое время спустя.

— Хорошо, — отвечал Гитлер, — я согласен с вами и принимаю ваши объяснения. Вам фантастически повезло: если бы ваша затея провалилась, я бы действительно отказался от вас так же, как отказался от Гесса. От вас я ожидаю одного: вы должны держать в своих руках ситуацию на итальянском театре военных действий со всеми тамошними интригами и предательством. Вы это делали безупречно. Я рад, что вы добились успеха.

Затем фюрер спросил, как Вольф представляет себе условия капитуляции. Тот, если верить его более поздним заявлениям, будто бы ответил, что безоговорочная капитуляция неизбежна. Но, вероятно, существует возможность некоторого смягчения условий. Внезапно Гитлер прервал беседу, сказав, что хочет отдохнуть, и предложил Вольфу явиться в 17 часов. Судя по всему, он хотел обдумать ситуацию. Итак, как считал Вольф, он первый круг испытаний прошел. Его «обаяние и искренность» сработали и на этот раз, однако главное впереди. Вольф видел, что Гитлер пребывает в состоянии умственного и физического истощения, и понял, что ему просто повезло, так как в тот момент его объяснения как нельзя более отвечали бродившим в голове Гитлера навязчивым идеям. Кальтенбруннер отмалчивался.

Ожидая на следующий день приема, Вольф обратил внимание на то, что в бункере царила крайне напряженная атмосфера. Для всех, кроме Гитлера, было ясно, что чуда не произойдет и что советские войска будут в Берлине через несколько дней.

Начался воздушный налет. После отбоя появился Гитлер и предложил Вольфу прогуляться с ним по площадке, под которой располагался бункер. Здание рейхсканцелярии сильно пострадало, почти весь парк был разбомблен, но на площадке еще оставалась одна пригодная для прогулок дорожка. К ним присоединились Фегеляйн и Кальтенбруннер. Гитлер сказал, что обдумал предложение Вольфа в свете своего тотального плана. Основу его военно-политической стратегии, подчеркнул он, составляет расчет на неизбежность столкновения советских и англо-американских войск, на возможность объединения с западными союзниками для совместного продолжения войны против СССР.

— Отправляйтесь в Италию, — заключил Гитлер, — поддерживайте контакт с американцами и попытайтесь сторговаться с ними на наилучших условиях.

Теперь тактика Вольфа — выиграть время, посеять недоверие в лагере союзников — раскрылась во всей своей полноте. Двойная игра, которую вели нацистские эмиссары, стала очевидна и для англо-американского командования. Жизнь, таким образом, подтвердила правильность позиции Советского правительства. Придавая принципиальный характер возникшей проблеме, оно обращало внимание глав правительств США и Англии на то, что они совершают рискованный шаг во имя минутной выгоды, которая, какой бы она ни была, «бледнеет перед принципиальной выгодой по сохранению и укреплению доверия между союзниками».

ВАШИНГТОН МЕНЯЕТ ПОЗИЦИЮ

Вечером 18 апреля Вольф вылетел в Мюнхен, а оттуда па следующий день утром — в Северную Италию, в свой штаб в Фазано. 20 апреля его посетили Парилли и Циммер. Состоялся продолжительный разговор, в котором приняли участие также Дольман и Веннер.

Даллес между тем держал Вашингтон и Казерту в курсе последних событий. Пришло письмо от генерала Лемнитцера из Казерты, которое, как полагал Даллес, явно отражало мнение фельдмаршала Александера. Дело в том, что сразу же после доклада Доновану в Париже Даллес телеграфировал Лемнитцеру о «своих догадках» относительно того, чем вызван решительный протест Советского правительства. Зная по информации Донована о настроениях президента Г. Трумэна, сторонника «твердого курса» в отношении Советского Союза, Даллес, чтобы укрепить решимость штаба союзников и несколько припугнуть их, представил все в таком свете, что «Советы хотят занять Триест и Северную Италию, прежде чем союзники оккупируют этот район». Из этого Даллес делал вывод, который был сформулирован в телеграмме Лемнитцеру так: «Советское противодействие не должно останавливать нас». Ответ, пришедший из Казерты, не оставлял сомнений, что доводы Даллеса произвели должное впечатление на Александера.

Но в этот момент совершенно неожиданно для Даллеса на его имя поступило строго секретное распоряжение из Вашингтона. Оно гласило:

«Вашингтон, 20 апреля 1945 года.

1. Настоящим письмом КНШ (Комитет начальников штабов) призывает УСС немедленно прекратить все контакты с немецкими эмиссарами. Даллесу предписывается тотчас же порвать все связи.

2. Сообщаем также, что союзный штаб составил послание к Александеру, выразив в нем суждение, что немецкий главнокомандующий в Италии не намерен в настоящее время принять наши условия капитуляции. Учитывая это, а также трудности, возникшие в отношениях с русскими, американское и английское правительства решили: УСС должно порвать все контакты; КНШ поставит об этом в известность УСС, все дело следует считать прекращенным, русских проинформируют об этом Ачер и Дин (речь идет о военных представителях США и Англии в Москве. — *Авт.*)».

«И это все, что Вашингтон нашел нужным сообщить мне о причинах изменения своей прежней позиции», — с горечью сетовал 20 лет спустя Даллес в своих мемуарах³⁰⁹.

Президент Трумэн впоследствии прокомментировал причины появления этого распоряжения так: «По настоянию Черчилля, чтобы избежать дальнейших трений с русскими... главнокомандующему войсками союзников в Италии было предписано прервать переговоры... а УСС в Швейцарии прекратить контакты с немцами»³¹⁰.

Боязнь неблагоприятной реакции народов своих стран, которым правительства Великобритании и США пообещали полностью разгромить гитлеровскую Германию, крайняя заинтересованность в том, чтобы обеспечить себе помощь советских армий на Дальнем Востоке, сыграли свою роль. Имело значение и то обстоятельство, что на политику США в этот период определяющее влияние все еще оказывала, несмотря на антисоветские интриги деятелей типа А. Даллеса, линия Ф. Рузвельта, направленная на сохранение антигитлеровской коалиции, базировавшейся на единственно реалистическом подходе и понимании того факта, что только в союзе с СССР можно разгромить гитлеровскую Германию и эффективно противостоять ее стремлению к мировому господству.

Это было время, когда политические руководители США, и прежде всего Ф. Рузвельт и его ближайшее окружение, искренне считали, что тесный военный союз с СССР жизненно необходим. Сохранились документальные свидетельства такой их позиции. «Россия, —

³⁰⁹ Dulles A. The Secret Surrender. P. 163.

³¹⁰ Truman H. S. Years of Decision. New York, 1958. P. 200 201.

констатировалось в одном из докладов, представленном на имя Гарри Гопкинса, советника американского президента, — нужна нам не только как могущественный военный союзник для разгрома Германии; в конечном счете она понадобится нам в аналогичной ситуации и для разгрома Японии. И еще, она нужна будет нам как подлинный друг и деловой партнер в послевоенном мире». При этом реалистически мыслящие американские круги хорошо понимали, что отношения с Советским Союзом должны строиться на долговременной основе. «Если союзники победят, говорилось далее в этом докладе, — Россия будет одной из трех самых могущественных стран мира. Во имя будущего всеобщего мира мы должны быть подлинными друзьями и иметь возможность так направлять мировые события, чтобы обеспечить безопасность и процветание»³¹¹.

ДАЛЛЕС МАНЕВРИРУЕТ

Шеф американской стратегической разведки в Европе, однако, решил потянуть с выполнением приказа, чтобы выиграть время. Он телеграфировал в Вашингтон, что столкнулся с рядом практических трудностей, которые, по его мнению, не были приняты во внимание при составлении упомянутого выше распоряжения.

Одна из них — необходимость вызволить Уолли из штаб-квартиры СС и переправить его в Швейцарию, другая — определить, как вести себя с Парилли, который не является «немецким эмиссаром», а выступает в роли итальянского посредника. Барон вскоре должен был прибыть в Швейцарию, чтобы встретиться с Даллесом и проинформировать его о результатах поездки Вольфа, если последний действительно вернулся из Берлина. Затем Даллес ссылаясь на то, что не имеет возможности помешать приезду Парилли. Кроме того, вставала еще одна проблема: что сказать Вайбелю, который содействовал успеху сложной операции «Восход солнца»? По мнению Даллеса, он заслуживал того, чтобы его тактично проинформировали о новом распоряжении Вашингтона. Приводя все эти, как он считал, «веские аргументы», Даллес надеялся оттянуть время, чтобы узнать о результатах поездки Вольфа в Берлин. В ответ Вашингтон заявил, что понимает трудности УСС, но приказ есть приказ, и Даллес обязан его выполнить.

В это время Вайбелю позвонил Парилли и предупредил его, что Вольф, Веннер и высокопоставленный офицер из окружения Фитингофа подполковник Виктор фон Швайниц едут в Швейцарию с намерением подписать капитуляцию. Швайниц обладал неограниченными полномочиями действовать от имени Фитингофа. Вольф и Швайниц готовы отправиться в Казерту немедленно, чтобы заключить там соглашение о капитуляции всех немецких войск — вермахта и СС — в Северной Италии. Они предложили, не откладывая, провести встречу с Даллесом в Люцерне, чтобы оговорить детали их поездки в штаб-квартиру союзников.

Даллес радировал в Казерту фельдмаршалу Александеру и в Вашингтон, прося новых указаний. Александер отреагировал на сообщение Даллеса немедленно. Он телеграфировал, что союзный штаб настаивает на пересмотре решения союзного командования, с тем чтобы УСС хотя бы смогло установить, насколько серьезны намерения немцев и каковы их полномочия. Он надеялся, что Даллес сумеет задержать Вольфа, Швайница и Веннера в Швейцарии до тех пор, пока Вашингтон и Лондон не придут к окончательному решению.

Ответ же Вашингтона, по признанию Даллеса, был туманным. С одной стороны, УСС предлагалось избегать действий, которые могли быть истолкованы как продолжение операции «Восход солнца», с другой, если швейцарцы в переговорах с немцами будут действовать самостоятельно, рекомендовалось, не прибегая к посредничеству Даллеса, незамедлительно передавать в штаб информацию о ходе дела.

Вайбель и Гусман выехали на границу, чтобы встретить немецких парламентариев и доставить их в Люцерн. Даллес возлагал большие надежды на ловкость Вайбеля. Он считал,

³¹¹ Цит. по: Безыменский Л. А. Конец одной легенды. М., 1986. С. 22.

что теперь все будет зависеть от того, как Вайбель сумеет объяснить Вольфу позицию союзников. Если немцам прямо сказать, что Даллес не может с ними встретиться, и раскрыть им действительную причину, парламентарии могут покинуть Швейцарию. Тогда рухнули бы все планы Даллеса.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ПЕРЕГОВОРОВ

Беседу с Вольфом Вайбель начал с заявления о том, что возможны некоторые трудности: проволочки немцев и визит Вольфа к Гитлеру настроили Вашингтон и Лондон скептически. Однако Вайбель считает своим долгом дать Вольфу совет — немедленно поехать в Люцерн и там решить, что следует предпринять. Вольф согласился. Вечером Вайбель и Гусман доставили немецких эмиссаров в Люцерн и разместили их на надежно укрытой от посторонних глаз вилле Вайбеля на берегу озера.

Вскоре в Люцерне появились Даллес и Геверниц. Они устроились в отеле «Швейцерхоф». Хотя Даллесу и было запрещено встречаться с немцами, он все же решил быть к ним поближе. Вайбель взял на себя функции посредника.

24 апреля Даллес через Вайбеля сообщил Вольфу и Швайницу, что не сможет с ними встретиться, так как поездка Вольфа к Гитлеру создала у союзников впечатление, что дальнейшие переговоры бесперспективны. Даллес просил немецких эмиссаров вооружиться терпением. Они согласились ждать и передали Даллесу документ, подтверждающий полномочия Швайница, в котором говорилось:

«Командующему Юго-Западным фронтом и командующему группой армий „Ц“.

Ставка, 25 апреля 1945 года

Подполковник генерального штаба фон Швайниц уполномочен вести переговоры в пределах данных мною указаний и заключать соглашения от моего имени.

Фитингоф».

Теперь тактика Вольфа раскрылась во всей своей полноте. Она сводилась к тому, чтобы задержать наступление армий западных союзников, выиграть время для маневрирования и переброски немецких войск из Северной Италии на другие участки фронта, и прежде всего на советский фронт³¹², где, по существу, решались судьбы всего человечества и к которому были прикованы основные силы гитлеровцев. Одновременно он стремился побудить США к отказу от требования безоговорочной капитуляции, получить возможность отвлечь воинские части для проведения карательных операций против итальянского движения Сопротивления, боевая активность которого серьезно угрожала немецким позициям, и, наконец, посеять недоверие в лагере союзников.

«ТРЕТЬЯ СРОЧНОСТЬ»

Днем 25 апреля Вольф в сопровождении Гусмана и Геверница отбыл в Италию, а Даллес вернулся в Берн, откуда было удобнее всего руководить операцией. Швайниц, получивший полномочия действовать от имени Фитингофа, и доверенный Вольфа Веннер остались в Люцерне в качестве гостей Вайбеля. Поздно ночью Вольф пересек швейцарско-итальянскую границу и направился на командный пункт СС в Черноббио, на побережье пограничного озера Комо. Сразу же он связался по телефону со своим штабом в Фазано и со штабом СС в Милане, а затем сообщил Гусману, что вряд ли сможет выбраться из Черноббио из-за действий партизан. Он интересовался, как идут дела в Люцерне и нет ли

³¹² В связи с прекращением военных действий на итальянском фронте гитлеровское командование сняло три дивизии и перебросило их на советско-германский фронт.

вестей из Вашингтона. На этом связь с Вольфом оборвалась. Гусман, прождавший на границе всю ночь, не получил больше никаких сведений из Черноббио. Вашингтон, Лондон и Казерта также безмолвствовали.

Рано утром 27 апреля Даллеса в Берне разбудил телефонный звонок Геверница. Он сообщил, что Вольф, пробыв некоторое время в контролируемом партизанами районе озера Комо, снова вернулся в Швейцарию (в Лугано) в сопровождении Геверница и Вайбеля.

Возникли новые проблемы. Вольф изъявил готовность отправиться в Милан и сделать официальное заявление о капитуляции по контролируемому немцами радио. Геверниц и Вайбель были против этой затеи, ссылаясь на активизацию партизан на границе. Они сомневались, что Вольф сможет попасть в Милан, а если даже он туда и доберется, то радиостанция вряд ли все еще будет находиться в руках немцев. Геверниц считал, что заявление по радио не даст нужного эффекта. Без сотрудничества с Фитингофом не удастся склонить к капитуляции группу армий «Ц». Геверниц предложил Вольфу возвратиться через Швейцарию в Больцано, где теперь располагался штаб Фитингофа, и сделать последнюю попытку провести капитуляцию. Вольф согласился, и Вайбель взялся доставить его на своей машине.

Между тем накануне на имя Даллеса поступило сообщение с грифом «третья срочность» (термин, обозначавший, что послание следует передавать по линии связи в первую очередь). Все предыдущие приказы отменялись. Союзный штаб предписывал фельдмаршалу Александеру согласовать с немецкими эмиссарами их немедленное прибытие в Казерту для подписания капитуляции. При этом запрещалось проводить какие-либо совещания и обсуждения в Швейцарии. Тем самым руководители западных держав теперь пытались подчеркнуть, что переговоры с гитлеровскими эмиссарами не носили характера политического сговора. Цель их — добиться только военной и притом безоговорочной капитуляции немецко-фашистских войск в Италии. Энергичное вмешательство СССР, о котором говорилось выше, возымело свое действие. К тому же в условиях мощного штурма советскими войсками Берлина, начавшегося 16 апреля 1945 года, и быстрого развала третьего рейха сепаратная политическая сделка с гитлеровцами теряла смысл.

Даллес принял все меры к тому, чтобы перехватить Вольфа в пути и сообщить ему о новых распоряжениях. Он также позвонил Геверницу и предложил немедленно прибыть в Берн, чтобы оттуда лететь с немцами в Казерту.

Днем с Даллесом связался Вайбель. Оказывается, он получил сообщение Даллеса как раз в тот момент, когда они с Вольфом прибыли к австрийской границе. Генерал был обрадован таким поворотом событий, но все же решил ехать в Больцано, что не расходилось с мнением Даллеса. Он считал, что там он нужнее, чем в Казерте, где его легко может заменить Веннер. Встал вопрос о связи, которая теперь была особенно важна. Вольф посоветовал оставить Циммера в районе австрийско-швейцарской границы, а Уолли послать в Больцано прямо в штаб СС, где Вольф намеревался тайно устроить его, как в свое время в Милане. Из Больцано Уолли сможет наладить радиосвязь с Казертой, и таким образом союзный штаб получит прямую связь с Вольфом, а через него — с группой армий «Ц». Даллес телеграфировал об этих предложениях в Вашингтон и Казерту; были информированы также Швайниц и Веннер.

В этот же день в Аннеси приземлился американский самолет, присланный из штаба Александера. Даллес сообщил пилоту, что два немецких эмиссара и Геверниц вылетят на следующее утро, в субботу 28 апреля. Он передал Вайбелю официальное приглашение фельдмаршала Александера присутствовать на церемонии в Казерте.

Вечером в бернском представительстве УСС Даллес и Геверниц встретились со Швайницем и Веннером. Поскольку переговоры в Швейцарии были запрещены, а в задачу Даллеса входила лишь отправка немцев в Казерту, разговор большей частью касался подготовки к предстоящим беседам. Вскоре эмиссары направились в Казерту.

По просьбе фельдмаршала Александера Геверниц выполнял обязанности переводчика во время переговоров в Казерте 28 и 29 апреля 1945 года. Впоследствии он подробно описал

ход этих переговоров.

ПЕРЕГОВОРЫ В КАЗЕРТЕ

28 апреля самолет фельдмаршала Александера вылетел из Аннеси (Франция) и в 15 часов приземлился в аэропорту Казерты. На поле Геверница и его спутников ожидали генералы Лемнитцер и Эйри. Обе группы сдержанно раскланялись. Двое немцев поехали в одном автомобиле, а генералы союзников и Геверниц — в другом. Первая неофициальная беседа между генералами Лемнитцером и Эйри и немецкими эмиссарами прошла гладко. Эйри старался убедить немцев, что они находятся здесь только для того, чтобы подписать безоговорочную капитуляцию. После этого представители западных держав оставили немцев в лагере, а сами поехали на виллу генерала Эйри. Геверниц осведомился, нет ли в его комнатах микрофонов, и генерал заверил, что нет. «Я хочу быть уверенным в этом, — продолжал Геверниц, — так как должен сообщить вам весьма важные сведения». Он рассказал Эйри, что нарушил приказ союзного штаба и отправил Вольфа через Швейцарию и Австрию в Больцано. Его не убедил, хотя и удивил ответ генерала: «Не беспокойтесь об этом».

Официальная встреча с немецкими эмиссарами состоялась в 18 часов. Кроме генералов Лемнитцера и Эйри, на ней присутствовало еще несколько высокопоставленных офицеров союзных войск Средиземноморского театра военных действий. Представителя СССР не было. Генерал У. Морган, начальник штаба фельдмаршала Александера, показав объемистый документ, содержащий условия капитуляции, просил Геверница перевести его комментарии немцам. Он сообщил, что в 21 час начнется вторая, более важная встреча, а до этого немецкие эмиссары могут получить разъяснения по возникшим у них вопросам. Генерал также поставил их в известность, что на встрече будет и представитель советского командования. Немецкие эмиссары ушли и принялись за изучение документа. Во время поездки они еще питали кое-какие иллюзии относительно условий капитуляции. Полномочия, возложенные Фитингофом на Швайница, были сформулированы весьма туманно. Хотя Швайниц и мог подписывать документы от имени Фитингофа, его фактические права были ограничены двусмысленной фразой «в пределах данных мною указаний». Эти указания, переданные Швайницу устно, преследовали, в частности, цель уберечь капитулирующие войска от лагерей для военнопленных. Фитингоф рассчитывал добиться согласия союзников на демобилизацию войск, которыми он командовал в Северной Италии, и на скорейшую их отправку в Германию. Немецким эмиссарам было приказано настаивать еще на одной уступке — разрешить оставить офицерам личное оружие. На второй встрече присутствовал представитель советского командования генерал-майор А. П. Кисленко. Немецким эмиссарам была предоставлена возможность высказаться, и они выдвинули главное условие: демобилизация войск без интернирования в лагере для военнопленных. Относительно личного оружия они сказали, что, пока не закончится капитуляция, оно необходимо для сохранения дисциплины. Следующий пункт соглашения касался военных кораблей в портах. Швайниц дал справку, что эти суда находятся не в ведении командования группы армий «Ц», а подчиняются непосредственно военноморскому флоту. Поэтому он может гарантировать лишь капитуляцию самих портов, а не кораблей, стоящих в них. Затем немцы подняли вопрос о портах Триест и Пула. Они объяснили, что не уполномочены делать никаких заявлений на этот счет. Недавно Триест, Пула и вся территория реки Изонцо были изъяты из ведения немецкого командования в Италии и переданы под начало генерала Лера, немецкого командующего на Балканах. Английский адмирал, присутствовавший на встрече, был явно огорчен таким поворотом дела, означавшим крушение надежд на то, что британский флаг будет поднят в Пуле, а находящиеся там немецкие суда станут достоянием империи. Претензии немцев на право использования военного автотранспорта и ношение офицерами личного оружия до полного завершения капитуляции были признаны обоснованными. Что же касается их главной

просьбы о демобилизации войск и быстрой отправке их в Германию, то она была отклонена. Результаты переговоров повергли немцев в уныние. По их просьбе Геверниц проводил их в коттедж — они захотели еще раз обсудить условия капитуляции и, в частности, доклад, который собирались послать в штаб Больцано. Разговор затянулся за полночь. Было ясно, что Веннер, представитель СС, уже решился на капитуляцию и имел полномочия подписать ее. Однако Швайниц, представитель вермахта, никак не соглашался с интернированием. Снова ссылаясь он на устные указания своего командующего, запрещавшие ему принимать подобные условия капитуляции. Он продолжал настаивать, что хотел бы поставить в известность Фитингофа и узнать его мнение. Вместе с Геверницем немецкие эмиссары набросали текст телеграммы. Было 4 часа утра. На рассвете Геверниц поехал в канцелярию генерала Лемнитцера. Тот очень обрадовался, когда увидел текст телеграммы, и приказал немедленно отправить ее. Она была адресована в Берн, в представительство УСС, откуда ее должны были переслать с курьером Фитингофу в Больцано. Было ясно, что раньше, чем через два-три дня, ответа не будет. Рано утром состоялась еще одна неофициальная встреча Лемнитцера и Эйри с немецкими эмиссарами, на которой присутствовал и Геверниц. Ее открыл Эйри, заявивший, что у союзников нет времени ждать ответа от Фитингофа. Он настаивал, чтобы капитуляция была подписана в тот же день. Разговоры минувшей ночи принесли свои плоды: Швайниц решил подписать документы без согласия своего начальника. После этого началось обсуждение мероприятий, связанных с проведением капитуляции. Для обеспечения связи между военными штабами союзников и немцев эмиссарам были сообщены код и длина волны радиопередач. Капитуляция назначалась на 12 часов 2 мая. А было уже 29 апреля. Предполагалось, что эмиссарам потребуются приблизительно сутки, чтобы вернуться в свой штаб. Таким образом, в их распоряжении останется 48 часов, за это время они должны будут отдать приказ о капитуляции и разослать его войскам.

В 14 часов 29 апреля все было готово для церемонии подписания капитуляции. В летнем королевском дворце в торжественной обстановке состоялась третья и последняя официальная встреча между командованием союзников и немецкими эмиссарами. В зале присутствовало 11 высокопоставленных американских и английских генералов и адмиралов, представитель советского военного командования с переводчиком, три старших офицера союзников, а также небольшая группа журналистов и радиорепортеров западных союзников; им было предложено пока не давать никаких сообщений, поскольку капитуляция еще оставалась строжайшей тайной. Длинный полированный стол для переговоров находился в центре зала. С одной стороны генерал Морган, с другой — два немецких эмиссара. Генерал Морган открыл процедуру следующим вопросом: «Как я понимаю, вы готовы и уполномочены подписать соглашение о капитуляции. Не так ли?» Швайниц ответил утвердительно. Затем генерал обратился к Веннеру и повторил свой вопрос. Представитель СС воскликнул: «Так точно!» Генерал Морган продолжал: «Я уполномочен подписать это соглашение от имени главнокомандующего армией союзников, условия вступают в силу 2 мая в полдень по Гринвичу. Теперь прошу вас поставить свои подписи, после чего подпишусь и я». Швайниц ответил: «Позвольте мне, прежде чем поставить подпись, напомнить еще раз, что я превышаю предоставленные мне полномочия. Полагаю, что мой начальник генерал Фитингоф согласился бы со мной, но я не могу взять на себя всю ответственность». Всех охватила тревога. Возможно, это заявление сделает недействительной в глазах союзников подпись Швайница? Однако генерал Морган твердым голосом произнес: «Согласен». Оба немецких эмиссара подписали пять экземпляров соглашения, а вслед за ними и генерал Морган. В 14 часов 17 минут Морган закрыл церемонию. Соглашение было подписано.

29 апреля генерал Лемнитцер телеграфировал Даллесу в Берн текст условий капитуляции. Военное положение в Италии час от часу становилось все более сложным, и западные союзники решили не терять ни минуты. Немецкое командование в Больцано должно было подписать документ как можно скорее. Условия капитуляции были переданы

Уолли по радио в Больцано. Затем последовало сообщение, что капитуляция подписана немецкими эмиссарами и они с Геверницей возвращаются в Швейцарию. В резиденции Даллеса в Берне Швайниц и Веннер появились в полночь 29 апреля.

КАЛЬТЕНБРУННЕР ГОТОВИТ СЮРПРИЗ

До капитуляции оставалось мало времени. Медлить было нельзя. В час ночи немецкие эмиссары уехали в сопровождении Геверница на границу в Бухс. Около семи часов утра из Бухса позвонил Геверниц и сообщил, что эмиссары задержаны. Оказывается, по решению швейцарского правительства граница была закрыта. После личного вмешательства Даллеса было дано распоряжение пропустить Швайница и Веннера. Вольф прислал за ними из Больцано свою машину.

В это же время пришли неожиданные тревожные вести. Гаулейтер Тироля Гофер, присутствовавший на решающей встрече с Фитингофом 22 апреля и объявивший себя сторонником капитуляции, переметнулся на сторону Кальтенбруннера. Они информировали Кессельринга о самовольных действиях Вольфа и Фитингофа. Уверенные, что эмиссары собираются вернуться в Больцано через Австрию, Кальтенбруннер и Гофер приказали гестапо задержать их в Инсбруке по пути в Больцано. Поэтому Вольф предлагал им избрать более сложный маршрут — через перевал Резня, минуя Инсбрук. Эмиссары сумели избежать ловушек Гофера и поздно ночью доставили в Больцано соглашение о капитуляции.

Помощник Даллеса по австрийским делам, видевший несколько недель назад Хеттля, доложил своему шефу о попытках Кальтенбруннера помешать Вольфу и вырвать у него инициативу заключения мира с западными союзниками. Как заявил Хеттль, Кальтенбруннер намерен приехать на швейцарскую границу, чтобы обсудить вопрос о капитуляции Австрии. По поручению Кальтенбруннера Хеттль договорился по этому вопросу не только с генералом Фитингофом, но и с фельдмаршалом Кессельрингом, с командующими балканским и адриатическим фронтами генералами Гендулицем и Лером, с гаулейтером Тироля Гофером и другими гаулейтерами Австрии. При этом Хеттль ни словом не обмолвился о Вольфе. Создавалось впечатление, что он и Кальтенбруннер готовят какие-то новые сюрпризы. Сообщения Уолли, переданные им в первые сутки пребывания в Больцано, давали повод для новых тревог. Утром 30 апреля он радиовал, что американские бомбардировщики совершили налет на Больцано, бомбы упали в 50 метрах от здания, в котором разместился штаб Вольфа. Даллес тотчас же телеграфировал в Казерту, чтобы военно-воздушным силам приказали пропускать эту цель.

30 апреля, когда Швайниц и Веннер с подписанными документами о капитуляции ехали из Швейцарии по занесенным снегом дорогам Тирольских Альп, несколько других участников операции «Восход солнца» собрались в Больцано. Среди них находились Уолли, генералы Фитингоф и Вольф.

1 мая целый день не было никаких известий. Только вечером была получена радиограмма фельдмаршала Александера. Он желал знать, намерен ли Фитингоф обеспечить проведение капитуляции, предусматривающей прекращение огня на следующий день в 14 часов по местному времени. Поздно вечером Казерта получила ответную радиограмму, подписанную Вольфом. В ней сообщалось, что решение будет принято в течение часа.

Но рано утром 2 мая последовала ошеломляющая новость: Кессельринг сместил Фитингофа с поста командующего. Правда, генералы Герр и Лемено командующие 10-й и 15-й армиями, входившими в группу армий «Ц», генерал ВВС Поль и Вольф дали приказ соответствующим частям прекратить военные действия в 14 часов. Узнав об этом, Кессельринг распорядился об аресте всех капитулирующих генералов. Поэтому Вольф попросил Александера выслать десантные части союзников для защиты тех, кто должен проводить капитуляцию в районе Больцано.

Выходило, что тот самый Кессельринг, который полностью одобрил тайные действия Вольфа на первом этапе, когда дело касалось дипломатической игры, отвечавшей общим

планам разжигания разногласий между союзниками, отказался санкционировать капитуляцию. Ярый сторонник концепции о неизбежности вооруженного столкновения между участниками антигитлеровской коалиции, пока разгром Германии не стал еще абсолютно очевидным, отвергал всякую идею прекращения военных действий, хотя бы на Западе.

Между тем войска союзников захватили Верону и продвигались к Австрии и Триесту. Немецкие гарнизоны в Генуе, Милане и Венеции капитулировали.

За два часа до срока, назначенного для капитуляции, в штаб Александра поступило сообщение, посланное Вольфом через Уолли от имени Кессельринга: «Согласно полномочиям, данным мне верховным главнокомандующим, я принимаю как письменные, так и устные условия мирного договора».

Однако, как явствовало из последующих телеграмм, переданных из Казерты, возникло новое обстоятельство, мешавшее проведению капитуляции. Кессельринг продолжал торговаться: он снова потребовал, чтобы в течение 48 часов после прекращения военных действий об этом не сообщалось официально. Причины, побудившие его добиваться отсрочки, были теми же, по которым он некогда отклонил идею капитуляции, — он хотел выиграть время для эвакуации немецких армий, находившихся в Югославии и Австрии, чтобы они не попали в плен к югославским или советским войскам.

КЕССЕЛЬРИНГ ПРОТИВ КАПИТУЛЯЦИИ

Чтобы картина происшедшего в Больцано в последние 24 часа перед капитуляцией была более полной, необходимо вернуться к событиям, происшедшим за несколько дней до этого.

Еще 22 апреля на совещании в Рекоаро генерал Реттигер и немецкий посол Ран уговорили Фитингофа послать в Казерту Швайница в качестве эмиссара по делам капитуляции. Однако Фитингоф тогда настоял, чтобы кто-нибудь отправился к Кессельрингу и получил его одобрение. С этой миссией был послан Дольман.

Кроме того, на встречу в Рекоаро пришлось пригласить и гаулейтера Тироля Гофера, поскольку под его гражданским управлением находилась территория, на которую должны были отступить немцы, в частности район альпийского редута. Для выполнения приказа о капитуляции этого района требовалась поддержка Гофера. О существовании операции гаулейтеру уже рассказал Вольф, вполне ему доверявший и считавший, что тот искренне присоединился к плану капитуляции. Однако Гофер руководствовался собственными интересами и был занят главным образом поиском возможностей сохранить за собой положение полновластного хозяина Тироля. На встрече с Фитингофом 22 апреля Гофер старался оговорить несколько особых условий в соглашении о капитуляции, которые гарантировали бы политическую автономию Тироля, разумеется во главе с ним. Его требования были отклонены. Гофер уехал, как будто бы смирившись. Он обещал сохранить все в тайне и, более того, оказать помощь. В действительности ни одного из своих обещаний он не выполнил.

24 апреля Дольман, как было решено в Рекоаро, отправился в штаб Кессельринга под Мюнхеном. Он взял с собой доктора Ниссена, личного врача Кессельринга. Дольман считал, что Ниссен знает Кессельринга лучше, чем кто бы то ни было. По пути в Мюнхен Дольман и Ниссен остановились в Инсбруке и присутствовали на обеде у Гофера. Понимая, но какому поводу едет Дольман к Кессельрингу, Гофер воспользовался случаем и изложил ему новый план, созревший у него уже после встречи с Фитингофом.

Дело в том, что Гофер стал сомневаться, стоит ли оказывать поддержку затеваемой операции. Кальтенбрунпер и Хеттль находились в Инсбруке, и гаулейтер явно был с ними в сговоре. По словам Гофера, они также намеревались начать переговоры с союзниками о сепаратной капитуляции в Австрии. Гофер сказал, что Кальтенбруннер собирается встретиться с ними через несколько часов. Не хочет ли Дольман подождать и переговорить с

ним? Дольман забеспокоился: меньше всего он хотел видеть Кальтенбруннера в этот критический момент. Дольман отдавал себе отчет в том, что, если Кальтенбруннер и Гофер объединятся, они не остановятся ни перед чем, чтобы сорвать планы Вольфа даже в последнюю минуту. Он ответил, что опаздывает к Кессельрингу.

В апреле Дольман прибыл к Кессельрингу в Пуллах. В то время американские войска находились уже у Регенсбурга, примерно в 50 километрах севернее Мюнхена. В штабе Кессельринга Дольман узнал, что фельдмаршала вскоре должны назначить главнокомандующим всеми немецкими вооруженными силами в Южной Германии и Италии. Это означало, что Фитингоф, до сих пор подчинявшийся только Берлину, будет зависеть от Кессельринга. Если это случится, потребуется особое согласие Кессельринга на капитуляцию группы армий «Ц».

Кессельринг, как заметил Дольман, во время беседы был раздражен и настроен весьма саркастически. Фашистские главари в условиях углубляющегося кризиса «верхов» развернули скрытую борьбу за пост преемника Гитлера на случай его политической и физической смерти. Фельдмаршал получил приказ Берлина арестовать Геринга, если тот появится в Баварии. Многие нацистские деятели Южной Германии обращались к Кессельрингу, надеясь добиться его покровительства и получить совет. Однако он настаивал на продолжении борьбы. Позднее Кессельринг признал, что главной причиной этого было стремление способствовать усилению обороны от наступления русских.

Дольман проинформировал Кессельринга о ходе операции «Восход солнца», сообщил, что Вольф вместе со Швайницем и Веннером только что отправились в Швейцарию. Он, правда, ничего не сказал о поездке эмиссаров в Казерту для подписания безоговорочной капитуляции. По совету Ниссена Дольман опустил эту важную деталь, предполагая, что Кессельринг, хотя и догадывался об этом, будет рад, если его не станут обременять решением столь трудной задачи, особенно в момент, когда Фитингоф через несколько дней должен стать его подчиненным.

У Дольмана сложилось впечатление, что Кессельринг поддержит любое начинание, ведущее к прекращению военных действий, как только почувствует, что у него развязаны руки и на месте Гитлера окажутся генералы. Успокоенный Дольман уехал. Но события последующих дней показали, что он ошибся.

Вскоре после его отъезда Кессельринг позвонил Фитингофу и назначил ему встречу в Инсбруке. Она состоялась 27 апреля на полпути из Мюнхена в Больцано, в личном поместье гаулейтера Гофера. Кроме Фитингофа и Кессельринга на ней присутствовали Ран и Гофер.

Гофер помалкивал, явно выжидая, когда другие игроки раскроют свои карты. Кессельринг высказал намерение не соглашаться на капитуляцию и не заключать самостоятельно никаких договоров, пока фюрер у власти. Фитингофу и Рану не удалось поколебать его позиции. Ран сказал, что все они блуждают в потемках, ибо не знают результатов поездки Вольфа в Швейцарию и условий капитуляции, выдвинутых западными союзниками. Он предложил, чтобы Дольман немедленно поехал в Швейцарию, встретился там с Даллесом и узнал, на какой стадии находятся переговоры. Кессельринг хотя и согласился с этим предложением, но не изменил своего мнения. Решение вопроса снова откладывалось.

Кессельринг поспешно вернулся в Мюнхен. Гофер остался в Инсбруке, откуда, вероятно, доложил Кальтенбруннеру о происшедшем. Фитингоф и Ран задержались для короткой беседы в Мерано, городке Южного Тироля, севернее Больцано, где Ран учредил свой временный штаб после упразднения немецкого посольства на озере Гарда в республике Сало.

Генерал Реттигер находился в Больцано и по телефону поддерживал связь с Фитингофом. Его обеспокоило известие о неопределенном исходе разговора с Кессельрингом, и он поехал в Мерано для встречи с Раном и Фитингофом. Генерал считал, что Ран может оказаться полезным, чтобы убедить Фитингофа действовать самостоятельно; другого пути он не видел. Реттигер пригласил с собой Дольмана, так как знал, что Ран

собирается послать Дольмана в Швейцарию. Подробности об их встрече в Мерано и последовавших за ней событиях стали известны лишь после окончания войны из воспоминаний Фитингофа, Реттигера, Дольмана и Вольфа.

По свидетельству Дольмана, Фитингоф явно нервничал. Он продолжал твердить о «солдатской чести» и своей преданности фюреру. (Правда, это не помешало ему послать своего штабного офицера Штайпица с полномочиями на заключение соглашения о капитуляции в Италии.)

27 апреля из Вашингтона пришло сообщение, что запрет на переговоры снят, но что проводится совещание, которое может помешать немецким эмиссарам выполнить миссию в Казерте. Фитингоф, согласившийся послать эмиссара для подписания капитуляции, теперь намерен пойти на попятную. По окончании совещания в Мерано стало известно, что Вольф пересек австрийскую границу и направляется в Больцано. Это устраняло необходимость поездки Дольмана в Швейцарию. Вместо этого четверо: Фитингоф, Риттигер, Ран и Дольман выехали в Больцано, чтобы встретиться с Вольфом. О приезде Вольфа они проинформировали по телефону Гофера.

Вольф появился в Больцано в полночь 27 апреля. Совещание, на котором собрались с немецкой стороны все главные участники операции «Восход солнца», началось 28 апреля в 2 часа ночи. Вольф подробно доложил о встрече в Швейцарии, подчеркнул, что союзники согласны только на безоговорочную капитуляцию. Он настаивал на том, чтобы все воинские части, находившиеся на вверенной ему территории, были поставлены под его личный контроль. Это требование встретило отпор со стороны остальных и даже Фитингофа. Было решено не предпринимать дальнейших шагов, пока из Казерты не вернуться эмиссары с условиями капитуляции.

Наступило 28 апреля. Эмиссары прибыли в Казерту. Одновременно пришло известие, нагнавшее страх на всех немецких участников операции «Восход солнца». Гитлер назначил Кессельринга верховным главнокомандующим войсками на юге, куда входила и армия Фитингофа. «Это, — пишет Даллес, — чуть не погубило нашу затею»³¹³. Накануне Гофер сумел связаться с Кессельрингом и сообщить ему обо всем, что день назад он узнал от Вольфа, и, в частности, о том, что условием союзников является безоговорочная капитуляция.

30 апреля в Больцано был получен приказ Кессельринга, освобождавший Фитингофа и Реттигера от командования. Они должны были предстать перед военным судом армейской группы в горах у озера Карецца. Вместо Фитингофа назначался генерал Шульц, а вместо Реттигера — генерал-майор Венцель. Вольфа, формально не подчинившегося Кессельрингу, оставили в покое до особого расследования СС. Кессельринг предложил Кальтенбруннеру рассмотреть его деятельность как главного представителя СС и полиции в Италии. Вольф понял, что его выдал Гофер.

ПАУКИ В БАНКЕ

Фитингоф, от имени которого была подписана капитуляция, немедленно выполнил приказ. Казалось, что он даже обрадовался своему уходу со сцены и тому, что не надо больше принимать никаких решений. Реттигер, напротив, заявил, что останется до приезда Шульца и Венцеля, чтобы сдать им дела. В полдень появились Шульц и Венцель. Тогда же Вольф узнал, что Швайниц и Веннер с подписанным соглашением о капитуляции вернулись из Казерты и находятся на швейцарско-австрийской границе. Они благополучно прибыли в Больцано 1 мая после полуночи и на тайном совещании с Вольфом и Реттигером показали соглашение, назначавшее капитуляцию на 2 мая. Шульц и Венцель тем временем поставили Вольфа в известность, что не могут отдать приказ о прекращении огня без особого разрешения Кессельринга. Вольф понял, что нет никакой надежды изменить решение

³¹³ Dulles A. The Secret Surrender. P. 228.

Кессельринга.

Тем временем в Казерте фельдмаршал Александер, ожидая согласия немцев, настаивал на безоговорочной капитуляции. Вольф и Реттигер пытались договориться с другими гитлеровскими руководителями о прекращении огня без применения силы. На рассвете 1 мая они решились на крайнюю меру — арест Шульца и Венцеля. Это дало им возможность заставить генералов Герра и Лемельсена передать своим армиям (10-й и 15-й) приказ о прекращении огня. Около семи часов Реттигер с отрядом военной полиции окружил армейский штаб и взял под стражу Шульца и Венцеля. Реттигер принял на себя командование группой армий «Ц» и приказал начальнику службы связи генералу Кемпфу прекратить телефонную и телетайпную связь с Германией. После этого он вызвал Герра и Лемельсена и сообщил им о смещении Шульца и Венцеля и о своем намерении добиться капитуляции. Но оба прибывших генерала выразили протест против незаконного ареста своих начальников. Они заявили, что не будут присутствовать на совещании, назначенном на вечер.

Тогда Вольф решил применить новую тактику, чтобы склонить Шульца и Венцеля на свою сторону. Он предложил освободить их и вернуть им командование. Вольфу с большим трудом удалось уговорить Шульца и Венцеля. Они согласились при одном условии: план капитуляции должен одобрить Кессельринг. Затем Вольф пригласил Реттигера, и тот извинился перед Шульцем и Венцелем. Генералы «помирились». Связь со штабом Кессельринга была восстановлена. Лемельсену и Герру сообщили, что Шульц и Венцель освобождены. После этого они согласились участвовать в совещании, назначенном на 18 часов 1 мая. На нем присутствовали Вольф, Реттигер, Шульц, Венцель, Герр, Лемельсен, Поль и вице-адмирал Левиш, представлявший немецкий военно-морской флот, а также старшие штабные офицеры Молль, Дольман и другие.

Реттигер и Вольф заявили, что нельзя терять времени, ибо прекращение военных действий должно произойти через 20 часов. Герр и Лемельсен поддержали их, стараясь убедить Шульца, ставшего теперь главнокомандующим на итальянском театре военных действий, что немецкие войска находятся в затруднительном положении и почти не имеют в своем распоряжении тяжелой артиллерии. Ни Герр, ни Лемельсен не хотели ничего предпринимать без ведома Шульца, хотя настойчиво твердили, что боевые действия надо прекратить. Поль высказал ту же точку зрения, но Шульц настаивал на своем: он не станет действовать без разрешения Кессельринга.

Между тем в 20 часов Уолли получил запрос фельдмаршала Александера, желавшего знать, будет ли проводиться капитуляция и в какое время. Вольф радировал, что ответ последует через два часа. Вольф и Шульц пытались связаться с Кессельрингом, но это оказалось невозможным. Выяснилось, что тот уехал инспектировать войска в Тироле и вернется в штаб после полуночи. Шульц по-прежнему не хотел что-либо предпринимать без Кессельринга.

И тут наступил перелом. Генерал Герр, колебавшийся в начале совещания, повернулся к своему штабному офицеру и сказал: «Передайте 10-й армии приказ о прекращении огня завтра в 2 часа дня». Его примеру последовали и другие. Вольф вышел из комнаты, чтобы сообщить Александеру через Уолли, что капитуляция начнется прекращением огня частями, которые составляют ядро немецких вооруженных сил, но без согласия Шульца и Кессельринга.

Поздно вечером, когда было отправлено послание Александеру, по радио сообщили о смерти Гитлера. Вольф надеялся, что это известие вынудит Кессельринга и Шульца немедленно отдать приказ о капитуляции. Однако Кессельринг молчал, а Шульц продолжал упорствовать.

После полуночи из Берлина поступил приказ об аресте генерала фон Пауля, но майор Нойберг из штаба Поля отказался выполнить его. Затем пришло распоряжение о взятии под стражу Фитингофа, Реттигера, Швайница и других офицеров, причастных к заговору о капитуляции. И хотя Вольф в списке не фигурировал — он не находился под командованием

Кессельринга, — было очевидным, что такая же участь ждет и его. Вольф сделал знак своим единомышленникам, в том числе Герру и Лемельсену, последовать за ним. Он хорошо знал расположение туннелей убежища и вывел всю группу к запасному выходу. Им редко пользовались, и дверь не охранялась. Выйдя из убежища, Вольф тут же сказал офицерам, что собирается вернуться на свой командный пост в Пистойский дворец и предложил им также отправиться в свои штабы, где они смогут избежать ареста и откуда удобнее наблюдать за выполнением приказа о прекращении огня, данного ими своим войскам.

Когда Вольф и Дольман приехали на командный пункт, один из офицеров штаба сообщил, что танковая часть вермахта окружает дворец. Вольф распорядился, чтобы семь танков военной полиции заняли позицию в дворцовом парке. Кроме того, он приказал своей моторизованной охране укрепиться на подступах к зданию.

В это время Вольфу позвонил Кессельринг. Указав на то, что все войска итальянского фронта получили приказ о капитуляции, Кессельринг обвинил Вольфа и его помощников в военном мятеже. Вольф принялся убеждать Кессельринга дать согласие на капитуляцию.

Вольф в подробностях напомнил Кессельрингу об истории операции «Восход солнца», делая при этом особый упор на «возможность советизации Европы». «Наш план, говорил он, — не только военная капитуляция. Прекращение огня даст возможность англоамериканским войскам остановить продвижение русских на западе»³¹⁴. В этом состояла главная причина, заставившая Вольфа заторопиться. Прорыв советских войск к Берлину вынуждал его к этому.

Говоря о необходимости быстрого достижения соглашения о капитуляции немецко-фашистских войск на западе, в частности в Италии, подчеркивает Даллес, Вольф будто читал мысли союзников. При этом Даллес ссылаясь на генерала Кларка, который в 1950 году утверждал, что, прежде чем была проведена капитуляция, Александер приказал генералу Фрейбергу, командующему новозеландским моторизованным полком, как можно скорее продвинуться к Триесту, чтобы занять его раньше югославской Народно-освободительной армии. Туда направили также американскую 91-ю дивизию.

К концу затянувшегося разговора Кессельринг обещал сообщить через полчаса свое решение. В 4. 30 Вольфу позвонил Шульц и сказал, что Кессельринг согласился на капитуляцию и отменил приказ об аресте Фитингофа, Реттигера и других.

Планировавшееся на это время генеральное наступление союзников в последнюю минуту было отложено. Его решили не начинать до выяснения вопроса о капитуляции. 2 мая радисты перехватили сообщение, посланное из Больцано открытым текстом и предназначенное немецким войскам в Италии, в котором приказывалось прекратить огонь. 2 мая военные действия на итальянском фронте закончились. А спустя три дня сложили оружие и войска Кессельринга в Юго-Восточной Германии и Австрии (группа армий «Ц»), включая немецкие 1-ю и 19-ю армии.

8 мая 1945 года состоялось подписание Акта о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии., Главная цель, ради которой свободолюбивые народы и государства объединились в антифашистскую коалицию, была достигнута. Операция «Восход солнца» не смогла помешать этому, хотя она и наложила определенный негативный отпечаток на межсоюзнические отношения на завершающем этапе войны, способствовала оформлению политических тенденций, которые по воле влиятельных реакционных кругов Запада и вопреки здравому смыслу вылились затем в «холодную войну». Решающая причина провала «миссии Вольфа» — безнадежное военное положение фашистской Германии в результате ударов Советской Армии.

МНОГО ЛЕТ СПУСТЯ

Что же стало с главными участниками операции «Восход солнца»? Даллес вскоре после

³¹⁴ Цит. по: Dulles A. The Secret Surrender. P. 144.

окончания войны ушел с государственной службы и снова вернулся к делам юридической фирмы «Салливан энд Кромвелл». С началом войны в Корею в 1951 году он стал заместителем директора, а в 1953 году — директором ЦРУ. Провал вооруженного вторжения на Кубу в 1961 году, последовавший за скандальной историей шпионского полета Пауэрса, погубил Даллеса как директора ЦРУ и навсегда похоронил его политическую карьеру. В январе 1969 года он скончался в возрасте 75 лет. Геверниц в первые месяцы после оккупации Германии работал вместе в Даллесом в службе УСС в Берлине, а затем в 1946 году ушел в отставку и занялся бизнесом в Европе и Южной Америке. Вольф был интернирован в Италии, в 1945 году в Нюрнберге он выступал в качестве свидетеля на суде над военными преступниками. Вольф находился там в течение четырех лет, пока не закончился процесс. Рассматривался вопрос о его собственной причастности к преступлениям СС, однако при активной поддержке американских должностных лиц ему удалось избежать наказания. И только в 1964 году он был приговорен к 15 годам тюремного заключения за то, что был «постоянно связан с преступлениями и погряз в них». Однако Вольф был досрочно освобожден и до дня смерти (1984 год) проживал в ФРГ, отойдя от активной деятельности. Ран и Швайниц сделали после войны карьеру. Ран занял важный пост в западногерманском филиале американского концерна «Кока-кола». Дольман, Вернер и Циммер не без вмешательства американцев избежали суда и уехали: Дольман — в Милан, а затем в Мюнхен, где он приобщился к литературной деятельности, Вернер и Циммер в Латинскую Америку, где занялись бизнесом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ИСТОКИ ПРОСЧЕТОВ: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

Со страниц западной печати до сих пор не сходит тема о том, в какой степени в просчетах правителей третьего рейха в войне против СССР повинна гитлеровская разведка. Одни склонны считать, что секретные службы фашистской Германии к началу войны не располагали информацией, дающей сколько-нибудь полное представление о военной мощи Советского государства³¹⁵. Другие придерживаются мнения, что хотя для нацистской разведки оставалось тайной многое из того, что связано с производственными мощностями и резервами оборонной промышленности СССР, с новыми видами его военной техники (танков, самолетов, артиллерии и стрелкового оружия)³¹⁶, тем не менее ей удалось собрать определенное количество разрозненных сведений, на основании которых можно было бы вывести близкое к истине общее заключение о потенциальных возможностях социалистического государства, боеспособности его вооруженных сил, моральной стойкости и готовности советских людей к защите своей Родины. И дело тут, заключают они, не в недостатке сведений о противнике, а в их принципиально ложном истолковании, навязанном идеологией национализма и милитаризма. Сведений, по их мнению, было достаточно, чтобы при трезвом и реалистическом подходе, при всестороннем рассмотрении фактов и правильной трактовке явлений, исключавшей предвзятость и односторонность, прийти к выводу о губительности затеваемой Гитлером военной авантюры для самой Германии. Однако такой вывод не был сделан, и виновником всех неудач объявляется прежде всего немецкая разведка, не без оснований считавшаяся когда-то непревзойденной в искусстве военного

³¹⁵ Так, в одной из бесед с Шелленбергом Канарис утверждал, что у него имеются «безупречные документы», согласно которым «Москва, являющаяся крупным индустриальным центром, связана с Уралом, богатым сырьевыми ресурсами, всего лишь одноколейной железной дорогой» // Schellenberg IV. The Labyrinth. Memoirs. P. 191.

³¹⁶ «Когда мы вступали в Россию, — говорил Гитлер одному немецкому дипломату, — я ожидал, что против нас будет выставлено не более четырех тысяч танков, но их оказалось 12 тысяч» // Rann R. Ruheloses Leben. S. 190.

шпионажа. Сторонники этого взгляда до сих пор осыпают ее градом упреков за слепую веру в обусловленные политикой антикоммунизма ложные прогнозы, сыгравшие столь роковую роль в судьбе третьего рейха. Считают, что наряду с нацистской верхушкой, командованием вермахта, эсэсовскими главарями гитлеровская разведка повинна в том, что в результате неверного определения ею мощи Советской Армии, иллюзорной политической, экономической и военной оценки реального соотношения сил Германия была приведена на грань катастрофы.

В чем же состояли ошибки немецко-фашистской разведки в тайной войне против СССР? Ответ на этот вопрос, очевидно, в какой-то степени будет ближе к действительности, если посмотреть на вещи глазами самого противника. И в этом отношении что может быть убедительнее документов, извлеченных из секретных архивов, что может быть доказательнее дневниковых записей и свидетельств непосредственных участников событий тех лет?

НЕДООЦЕНКА СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ МОЩИ

Известно, что уже в 1945 году видные немецкие профессиональные стратеги всерьез занялись исследованием причин тяжких ошибок, допущенных ими накануне и в ходе войны³¹⁷.

Свой первый и главный просчет они видели в недооценке военной мощи Советского государства, оказавшегося способным в короткие сроки обеспечить Красную Армию такими крупными стратегическими резервами живой силы, которые явились для верховного командования вооруженных сил Германии полной неожиданностью. По свидетельству тогдашнего начальника германского генерального штаба сухопутных войск генерал-полковника Гальдера, вопреки ожиданиям вермахта на всех участках фронта он встречал активное противодействие, перед фронтом появлялись все новые и новые дивизии, о существовании которых не предполагали ни абвер, ни СД³¹⁸.

В ответственный, грозный для страны момент Государственный комитет обороны принял решение о срочном пополнении Красной Армии новыми силами. В соответствии с этим решением началось формирование в тылу десяти резервных армий в качестве стратегического резерва Ставки. А ведь именно этого не учитывал противник. Более того, немецкое командование, основываясь на прогнозах разведки, строило все свои расчеты, исходя из ошибочной предпосылки отсутствия советских резервов!

Западногерманский исследователь П. Карелл пишет: «Как обстояло дело с немецким шпионажем против России? Что знало немецкое руководство от секретной службы? Ответ в двух словах: очень мало!.. Нацистская разведка ничего не знала о военных тайнах русских...»³¹⁹ Иллюзорность идеи, лежавшей в основе гитлеровских планов агрессии, вывод о неспособности Советских Вооруженных Сил к противоборству были, по мнению немецких стратегов, результатом «чрезвычайно скудной» информации, а главное — ее поверхностной, тенденциозной оценки в органах разведки.

Отдел «Иностранные армии Востока», занимавшийся под руководством полковника Кинцеля анализом поступавших из различных источников разведывательных данных о численности и качественном составе личного состава Вооруженных Сил СССР, писал в одном из своих докладов в конце 1939 года: «Красная Армия в количественном отношении

³¹⁷ К опыту второй мировой войны повышенный интерес был проявлен также в США и Англии. Американцы и англичане хотели знать во всех подробностях, почему Германия проиграла войну. Они посадили бывших служащих вермахта в лагерь и велели им дать письменном виде военно-техническую оценку войны против СССР и ее разведывательного обеспечения.

³¹⁸ В середине июля 1941 года только на западном стратегическом направлении советское командование последовательно развернуло в трех эшелонах 74 новые дивизии.

³¹⁹ Carell P. Unternehmen Barbarossa. Frankfurt a. M., 1963. S. 122.

— мощная военная организация. Ставка делается на „массовую“ армию. Организация войск, их оснащение и средства управления ими — слабые. Принципы управления войсками — здоровые, командный состав слишком молод и неопытен... Боеспособность войск в обстановке тяжелых сражений вызывает сомнение». Какой же делался из этого вывод? «Массовая» армия русских не сможет противостоять армии, оснащенной современной техникой и имеющей более высокий по уровню командный состав. Такая оценка в полной мере соответствовала взглядам Гитлера, который не допускал и мысли о возможности серьезного сопротивления со стороны Красной Армии. «Россия в настоящее время, — заявлял он в своем выступлении перед руководителями вермахта 23 ноября 1939 года, опасности не представляет, а ее вооруженные силы имеют низкую боеспособность»³²⁰.

23 января 1941 года отдел «Иностранные армии» в «Инструктивном письме», основанном на анализе, проведенном данным отделом, повторил свой первоначальный вывод, высказав серьезное сомнение относительно способности Красной Армии вести войну на уровне современных требований.

Став на ошибочную точку зрения в оценке военного потенциала СССР и возможности разгрома его вооруженных сил в результате «быстротечной» кампании, правители фашистской Германии поставили перед своими секретными службами задачу — сосредоточить основные усилия на разведывательном обеспечении боевых операций немецких войск главным образом в рамках плана «Барбаросса». Практически речь шла о снабжении военного командования информацией о боевом составе и дислокации соединений Красной Армии на глубину планируемых операций, возможном подходе ее стратегических резервов, состоянии коммуникаций по обеспечению маневра советских войск. Эту задачу нацистские секретные службы решили только частично.

Один из руководителей абвера, генерал Пикенброк, в своих показаниях отмечал, что «ко дню нападения мы располагали подробными данными о Красной Армии в пограничной полосе». Немецкий генерал фон Бутляр считает, что органам гитлеровской разведки удалось сравнительно точно определить численность и боевой состав Красной Армии не только в пограничной полосе, но и на остальной территории СССР. «Если русская военная промышленность и транспорт были оценены значительно ниже их потенциальных

возможностей, то численность и боевой состав русской армии, — пишет он, — были определены сравнительно точно. Она имела 225 соединений и насчитывала до 4 миллионов человек. Около 40 соединений находились в азиатской части России... На западной границе могло быть примерно 145 соединений. При проверке данных в апреле 1941 года оказалось, что в европейской части России дислоцировалось свыше 170 стрелковых дивизий и около 40 мотомеханизированных бригад»³²¹.

Такого же мнения придерживался и бывший начальник главного разведывательного управления генерального штаба сухопутных сил генерал Типпельскирх, хотя он и оперировал несколько иными цифрами численности Красной Армии. По его данным, в составе Красной Армии было 187 дивизий и 36 мотомеханизированных бригад, то есть всего 223 соединения.

Итак, в оценке численности Красной Армии был допущен крупный просчет. Также неправильно было определено количество дивизий. В действительности только летом 1941 года Ставка Верховного Главнокомандования Красной Армии направила на фронт более 324 дивизий. «Перед началом войны, — отмечал в своем служебном дневнике генерал Гальдер, — мы насчитывали в Красной Армии примерно 200 дивизий. На 51-й день войны

³²⁰ Weltgeschichte der Gegenwart in Dokumenten. Мюнхен. 1953. Bd. 1. S. 379.

³²¹ Вторая мировая война 1939 — 1945. С. 153. Проверке точности этих данных придавалось настолько важное значение, что в апреле — мае 1941 года для разведки приграничного района направлялись наиболее квалифицированные агенты абвера.

мы вынуждены были установить, что их было 360»³²². Две недели спустя сам Гитлер признал в разговоре с Муссолини, что «впервые после начала войны немецкая военная разведка потерпела провал»³²³.

Разведка, как утверждали потом немецкие стратеги, непростительно подвела верховное командование вермахта и тем способствовала переоценке Гитлером эффекта стремительного роста военных возможностей самой Германии. А о том, что нацистской верхушке удалось немало добиться на пути усиления милитаризации страны, создания инструмента «сокрушительного удара», свидетельствовал уже тот факт, что общая численность вооруженных сил фашистской Германии за период с 1932 по 1939 год возросла с 104 218 до 3 754 104 человек, то есть увеличилась более чем в 35 раз. В период же интенсивной подготовки к войне с Советским Союзом, с 1940 по май 1941 года, она была доведена до 7, 5 миллиона человек, оснащенных новейшей военной техникой и вооружением и развернутых для вторжения на территорию СССР. Военное производство Германии развивалось быстрыми темпами: с 1934 по 1940 год его объем увеличился в 22 раза. К 1941 году на гитлеровскую Германию работала промышленность всей Европы; нейтральные страны поставляли ей военно-стратегическое сырье. «По мнению генерального штаба, — отмечал в своих мемуарах В. Шелленберг, — наше превосходство в живой силе, техническом оснащении и в искусстве управления войсками так велико, что массированную операцию можно будет завершить в течение десяти недель»³²⁴.

Определенное воздействие на решение Гитлера форсировать подготовку к нападению на Советский Союз оказал и такой фактор (не случайно отнесенный нацистской верхушкой к числу исключительно благоприятных для Германии), как прокатившаяся по СССР накануне войны волна арестов, серьезно захлестнувшая и Красную Армию. В результате репрессий, принявших чудовищные размеры, Советские Вооруженные Силы в 1937—1938 годах лишились более 40 тысяч командиров, политработников, военных инженеров, специалистов, в том числе наиболее опытных полководцев³²⁵. Гитлер говорил Кейтелю в период подготовки нападения на СССР: «Первоклассный состав высших советских военных кадров истреблен Сталиным».

За полтора месяца до развязывания агрессии против Советского Союза Гитлеру по его требованию был представлен доклад, составленный на основании донесений специально вызванного из Москвы полковника Кребса, заместителя военного атташе германского посольства в СССР, и других разведывательных данных, в котором отмечалось, что русский офицерский корпус существенно ослаблен не только количественно, но и качественно. «Он производит худшее впечатление, чем в 1933 году. России, пока она достигнет прежней высоты, — подчеркивалось в этом докладе, —потребуется 20 лет».³²⁶

Для нацистов не являлось секретом, что в результате массовых репрессий — физического уничтожения командных кадров армии и военно-морского флота — была произведена замена многих звеньев советской военной системы. Новые командные кадры

³²² Carell P. Unternehmen Barbarossa. S. 122.

³²³ Halder Diary. March 11. Wiesbaden, 1941. P. 298.

³²⁴ Schellenberg W. The Labyrinth. Memoirs. P. 192. По некоторым тайным перед нападением Германии на СССР Шелленберг, занимавший тогда пост начальника отдела контрразведки главного управления имперской безопасности, приезжал в Москву под видом представителя химической промышленности. Сотрудникам американского посольства он заявил: «Любое сопротивление советских войск будет просто сметено. Через три недели Москва, Ленинград и Украина будут в наших руках».

³²⁵ Жертвами произвола стали: три Маршала Советского Союза из пяти, 14 командармов 1-го и 2-го ранга из 16, 60 комкоров из 67, 136 комдивов из 199, 221 комбриг из 397.

³²⁶ Цит. по: Проэктор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели. С. 304.

явно уступали своим предшественникам в знаниях, а также тактическом и стратегическом опыте, для овладения которым в условиях начавшегося технического перевооружения Красной Армии им, естественно, требовалось немалое время.

Понимая, что Красная Армия обезглавлена и советскому военному командованию не так-то просто будет восполнить такой урон, особенно в качественном отношении, Гитлер решил не упускать момента. Тем более что закончившиеся в марте 1940 года военные действия между Финляндией и Советским Союзом, продолжавшиеся 105 дней, высветили в какой-то мере реальность. Эта война, как заключили специалисты из немецкой разведки, убеждала в невысокой боеспособности Красной Армии.

ПРОСЧЕТЫ В ОЦЕНКЕ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА СССР

Другой серьезный просчет в деятельности гитлеровских секретных служб, по мнению немецких генералов, был связан с тем, что, опять-таки полагаясь в разработке стратегических планов на оценки и прогнозы разведки, которая к тому времени прочно заняла свое место в качестве инструмента подготовки войны в наиболее выгодных условиях и практически была неразрывно связана с каждым отдельным актом фашистской агрессии, верховное командование вермахта проигнорировало потенциальные возможности советской промышленности и экономики страны в целом.

Обосновывая необходимость форсирования сроков развязывания агрессии против первой в мире страны социализма, Гитлер в разговоре с фельдмаршалом Кейтелем в августе 1940 года заявил: «Россия находится лишь в стадии создания своей военно-промышленной базы, но далеко еще не готова в этом отношении»³²⁷.

Но, как известно, в 1940 году в СССР продолжалась реформа в сфере военного производства. К началу третьей пятилетки основные военно-промышленные предприятия располагались на линии Ленинград — Москва — Тула — Брянск — Харьков — Днепропетровск. Сложившаяся к тому времени международная обстановка внушала необходимость иметь вторую военно-промышленную базу, недоступную для воздушных ударов агрессора как с запада, так и с востока. И такая база была создана в районах Поволжья, Урала, Сибири. К лету 1941 года там находилась уже почти пятая часть всех военных заводов страны. За три с половиной года капиталовложения в оборонные отрасли составили до одной трети всех капиталовложений в промышленность³²⁸. Абвер не сумел компетентно определять размеры военно-промышленного потенциала Советского Союза, в огромной степени недооценив значение новых промышленных центров, созданных в Сибири и на Урале. Более того, содержащееся в документах абвера указание, что Урал представляет собой последнюю промышленную область СССР, которую нацисты намерены были парализовать с помощью авиации, свидетельствовало о том, что они не располагали информацией и не брали в расчет то, чем обладала наша страна в Сибири и Средней Азии, а также возможность перебазирования в эти районы промышленных предприятий из западных областей. Любопытная запись на этот счет обнаружена в дневнике главы службы оценки военно-экономической информации генерала Томаса. «Если удастся в общем и целом

³²⁷ Полторак А. И. Нюрнбергский эпилог. М., 1969. С. 280. Правда, через год с небольшим Гитлер как верховный главнокомандующий вермахта вынужден был изменить это мнение и признать, что «он, возможно, вовсе не начал бы вторжение, если бы ему было заранее известно все то, с чем немцам пришлось столкнуться в России» ' *Cianos Diplomatic Papers*. London. 1948. P. 455. Это подтверждает и финский маршал Маннергейм, который в своих мемуарах пишет, что для Гитлера, как следовало из его заявления, сделанного в 1942 году, вооружение русских оказалось «величайшей неожиданностью».

³²⁸ Особое значение придавалось самолетостроению. В сентябре 1939 года Комитет обороны принял специальное постановление «О реконструкции существующих и строительстве новых авиационных заводов». Число их к началу войны увеличилось, однако репрессии, серьезно затронувшие и кадры конструкторов, весьма отрицательно сказались на разработке новых типов самолетов.

уничтожить индустрию Урала, — говорилось в ней, — то военная промышленность, оставшаяся в азиатской части, больше не будет иметь никакого значения»³²⁹. После занятия европейской части Советского Союза в его распоряжении, согласно подсчетам штаба генерала Томаса, в азиатской части России должно остаться лишь 2 процента промышленности, производящей вооружение, 4 процента танковой промышленности и 5 процентов промышленности боеприпасов и т. д. Но известно, что еще в годы первой пятилетки Советское правительство приступило к комплексному развитию экономики восточных районов страны. Здесь создавался второй угольно-металлургический центр и к середине 1941 года сложилась мощная металлургическая база. Росла добыча железной руды, выплавка чугуна, стали, расширялось производство проката черных металлов. На этой территории воздвигалась крупная топливно-энергетическая база, производились многие виды машиностроительной продукции, имевшие первостепенное военно-экономическое значение. Но все это прошло мимо внимания абвера и СД и не было учтено нацистской военно-политической и экономической стратегией.

С другой стороны, добытые и обобщенные абвером во второй половине 1941 года и в начале 1942 года сведения о военно-промышленном потенциале СССР, его сырьевых источниках, передислокации значительной части промышленных предприятий за Урал (к этому времени было эвакуировано более 1500 предприятий)³³⁰ и развертывании там на новой базе производства боевой техники и вооружения планирующие органы генерального штаба фашистской Германии сочли преувеличенными и неточными. Особенно критическим было отношение высшего генералитета к информации абвера об организации эвакуации из прифронтовой зоны в глубь страны важнейших предприятий промышленности и научно-исследовательских институтов, расположенных на территории Москвы и Московской области. Размах и четкость, которые были характерны для всей этой работы, проведенной в столь сжатые сроки, показались гитлеровцам просто фантастическими, и они отказывались поверить в это.

Итак, вопреки уверениям руководителей секретных служб третьего рейха, считавших, что им удастся дезорганизовать и ослабить тыл нашей страны, в нужный момент вывести из строя ключевые оборонные предприятия, советская военная экономика даже в условиях перемещения промышленности в восточные районы оказалась способной обеспечить снабжение фронта во все возрастающих размерах оружием и военной техникой, всем необходимым для ведения боевых действий. В своих прогнозах нацистская разведка не поднялась до уровня объективной оценки материальной основы СССР, которая в конечном счете и решила судьбу вооруженного конфликта. Военные возможности Советского Союза оценивались весьма низко. Тот факт, что советская экономика могла быть более мобильной и маневренной, способной быстро перестроиться на военный лад, оперативно реагировать на изменяющиеся условия, оказался вне ее понимания. Не было сделано правильного прогноза относительно эффективности возможного использования имевшихся в распоряжении СССР материальных ресурсов. С большим опозданием пришло к абверу и СД понимание и того существенного факта, что, уступая фашистской Германии в производстве важнейших видов промышленной продукции, Советский Союз обладал способностью с большей результативностью использовать каждую тонну металла и топлива, каждую единицу станочного оборудования. Было полностью проигнорировано и характерное для военной экономики СССР превосходство, обеспечиваемое высокой концентрацией промышленности, особенно оборонной, а также возможностью планомерной мобилизации сил и средств на решение главных задач момента. По танкам разведывательные данные оказались

³²⁹ Цит. по: Проэктор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели. С. 291.

³³⁰ Хотя, как известно, из районов страны, которые впоследствии были оккупированы, удалось эвакуировать далеко не все предприятия, часть из них из-за быстрого продвижения войск противника даже не успели взорвать.

заниженными в два с половиной раза, по самолетам почти в три раза; абверу не удалось получить своевременно информацию о высокоэффективном советском танке Т-34, появление которого оказалось полной неожиданностью для немцев.

Показательно, что после первых же неотразимых ударов Красной Армии по немецко-фашистским войскам гитлеровская пропаганда стала уверять, что Советский Союз искусно скрыл от всего мира свой оборонный потенциал, свою военную технику, свою промышленную базу на Урале и в Сибири. Многие западногерманские авторы и теперь снова и снова возвращаются к этой теме и настойчиво пытаются распространить мнение, что экономика гитлеровской Германии была недостаточно подготовленной к войне против СССР, хотя известно, что в 1939—1940 годах рейх наращивал свой военно-промышленный потенциал, равно как и военную мощь, куда быстрее, чем Советский Союз, и что это наращивание, как уже отмечалось, обеспечивалось промышленными ресурсами всей капиталистической Европы, в центре которой она занимала тогда важные экономические и стратегические позиции³³¹. «Сейчас ясно, — говорилось в одном из таких исследований, — что недостаточные темпы расширения военного производства, сохранившиеся якобы почти до 1941 года по существу неизменными, явились крупнейшей ошибкой, допущенной Германией, и именно той ошибкой, которая отняла у нее все шансы на победу». Но ведь у Гитлера были же, очевидно, основания к тому, чтобы заявить: «К счастью, мы настолько вооружились, что готовы ко всему... Я уверен, что наше нападение сметет их, подобно урагану»³³². Таким образом, все указывает на то, что военное производство фашистской Германии все эти годы непрерывно расширялось, а в 1943 году выпуск оружия и военного снаряжения, согласно официальным данным, почти в три раза превысил показатели 1941 года и достиг самого высокого за всю войну уровня.

Несмотря на усилия, предпринятые СД и абвером по развертыванию разведывательной сети, охватывающей территорию СССР и сопредельные ему страны, им не удалось обеспечить получение сведений, в которых нуждалось верховное командование вермахта.

Совершенно определенно говорил об этом просчете нацистской разведки генерал Гальдер. «Общая обстановка, заявлял он, — все очевиднее и яснее показывает, что колосс России... был нами недооценен»³³³.

Генерал Блюментрит, близко стоявший тогда к гитлеровскому генеральному штабу, сетовал на то, что при подготовке нападения на СССР было очень трудно составить сколько-нибудь четкое представление о Советской России и ее возможностях. «У нас, — писал он, было мало сведений относительно русских танков. Мы понятия не имели о том, сколько танков в месяц способна произвести русская промышленность»³³⁴.

«Германская разведка, — утверждал западногерманский военный историк Гёрлиц, — неправильно оценивала силы Советского Союза и возложила большие надежды на слабость русской армии. Полное неведение отмечалось со стороны Германии и в вопросе о производственной мощи советской индустрии»³³⁵. В таком же духе высказывался и бывший начальник штаба оперативного руководства верховного главнокомандования вермахта генерал-полковник Йодль. «Мы, — заявил он на допросе в Нюрнберге после разгрома фашистской Германии, — страдали постоянной недооценкой русских сил... В нашей

³³¹ Основным источником военно-стратегического сырья явилось ограбление оккупированных немецко-фашистскими войсками Австрии, Чехословакии, Польни. Франции и других.

³³² Дневник Бока. 1941. 1. II (А-22/9).

³³³ Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1971. Т. 3. Кн. 1. С. 264.

³³⁴ Роковые решения. М., 1958. С. 73 — 74.

³³⁵ Gцrlitz W. Der zweite Weltkrieg 1939 — 1945. Band 1. Stuttgart, 1951. S. 260 — 261.

разведке были крупные провалы... »

ИЛЛЮЗОРНОСТЬ РАСЧЕТОВ НА ПОДРЫВ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Наконец, как признали немецкие стратеги, была допущена также недооценка социально-психологических особенностей народов СССР, силы их патриотического духа и стойкости, морально-политического единства советского общества в целом. Расчеты нацистской разведки на то, что нападение Германии на нашу страну вызовет внутренние брожения, открытые выступления против Советской власти, национальную рознь между народами СССР, не оправдались. Разлада, о каком мечтали Гитлер и его сообщники, не произошло. «Во время войны наша страна не знала национальной розни. Общее лихо сблизило всех»³³⁶. В тяжелейших условиях, когда значительная часть территории нашей страны оказалась временно под пятой немецко-фашистских захватчиков, советские люди, перенося неслыханные лишения, вызванные войной, обнаруживали редкостное единение духа, строгий порядок во всем, выдержку и дисциплину³³⁷. Вынужден был признать это и наш противник. Известно, например, что один из нацистских главарей — Геббельс, возглавлявший в те годы министерство пропаганды рейха, заставлял всех работников своего ведомства смотреть приобретенный за границей советский фильм про оборону Ленинграда, чтобы на этом примере они могли научить берлинцев стойкости и самоотверженности.

Именно благодаря безграничной преданности Отчизне, исключительной выдержке, терпению и строжайшей дисциплине, ярко проявившимся как на фронте, так и в тылу, расстраивались планы агрессора, направленные на подрыв и ослабление нашей страны изнутри, своевременно срывались происки гитлеровской агентуры. Несмотря на огромные старания органов нацистской разведки и пропаганды, применяемые ими изощренные приемы, потерпели крах надежды гитлеровцев раскочевать устои многонационального Советского государства, разобщить народы Советского Союза, нанести удар по моральному состоянию советского общества. И в годы самых тяжелых испытаний советские люди были верны своей Родине, своему государству, о чем, в частности, свидетельствовали размах партизанского движения и стойкость советского сопротивления в приграничной зоне и районах окружений³³⁸.

Нацистские секретные службы оказались не в состоянии понять все это. В грозные дни войны в их обобщенных докладах, представляемых политическому и военному руководству рейха, дело рисовалось таким образом, будто Советская власть не имеет поддержки в народе, советские люди деморализованы и растеряны, что «русский колосс, покоящийся на глиняных ногах» может быть без особого труда опрокинут. Такое глубокое заблуждение, вытекавшее из расово-идеологических установок, порождало иллюзию неизбежности острых внутренних конфликтов в Советском Союзе, в результате которых, как были убеждены нацистские главари, страна после нескольких серьезных ударов распадется, «превратившись в группирование независимых государств». В итоге ослабнет ее сопротивление, и перед немецкими войсками откроется возможность беспрепятственного продвижения вплоть до Урала. «Гитлер и Гиммлер, а с ними и некоторые представители генералитета придерживались той точки зрения, — свидетельствовал В. Шелленберг, — что Советский

³³⁶ Горбачев М. С. Уроки войны и Победы. Доклад на торжественном собрании, посвященном 45-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. 8 мая 1990 года. М., 1990. С. 17.

³³⁷ Как известно, не принесли желаемых результатов и попытки гитлеровцев подорвать моральный дух наших людей путем интенсивных налетов немецкой авиации на советские города, и в частности на Москву, Ленинград, Киев, и их промышленные объекты.

³³⁸ Генерал Гальдер записал в своем служебном дневнике: «Следует отметить упорство отдельных русских соединений в бою. Были случаи, когда гарнизоны ДОТов взрывали себя вместе с ДОТами, не желая сдаваться в плен» // Военно-исторический журнал. 1959. № 7. С. 88 — 89.

Союз после эффективных военных ударов может оказаться разрушенным изнутри»³³⁹.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ НЕ СРАБОТАЛИ

Значит ли это, что в органах гитлеровской разведки не было людей, способных трезво оценивать положение дел? Разумеется, такие люди были. Взять, к примеру, руководителя абвера адмирала Канариса. Этому яркому реваншисту, много сделавшему для осуществления преступных целей милитаризма, постоянно стремившемуся к созданию единого Западного фронта против СССР, нельзя отказать в высоком профессионализме и известной политической проницательности. Такой вывод подтверждается многими фактами и мнениями. Западногерманский исследователь О. Рейле пишет, что, каким бы прекрасным специалистом ни был Канарис и какой бы большой урон ни нанесли органы абвера агентурным группам противника, главная цель не была достигнута. Канарис, человек, который обладал природным даром заглядывать далеко в будущее, еще до начала второй мировой войны говорил в кругу своих ближайших сотрудников, что, учитывая международное положение, надо сделать все во избежание европейской войны; для Германии эта война может означать лишь величайшее бедствие.

В сентябре 1939 года в доверительной беседе с Канарисом тесно сотрудничавший с ним начальник венгерской разведки генерал-полковник Хеннеи, с которым у адмирала за многие годы общения сложились близкие дружеские отношения, спросил его, как в связи с захватом Польши он оценивает обстановку в целом. Тот ответил: «Победа над Польшей — это только частичный успех. До завершения войны еще далеко; вместе с Англией и Францией в нее вступят Соединенные Штаты Америки, и может случиться так, что эта группировка держав одержит победу над Германией»³⁴⁰.

Во всяком случае, еще до нападения фашистской Германии на нашу страну Канарису удалось увидеть то, что оказалось недоступным для других нацистских деятелей его ранга, на основании чего он постепенно пришел к заключению, что у Германии нет ни достаточных сил, ни объективных условий для победы. «Чем напряженнее становилась обстановка в ожидании войны с Россией, — отмечает Шелленберг, — тем нервнее и рассеянее становился Канарис. В разговорах он беспорядочно затрагивал одну тему за другой, перескакивал с обсуждения вопроса об американской авиационной промышленности на политические события на Балканах»³⁴¹, неминуемо, в конце концов, приходя к проблеме о России.

В этой связи стоит упомянуть об одном примечательном эпизоде: близкие Канарису люди свидетельствовали, что адмирал после одной личной аудиенции у Гитлера был крайне озабочен тем, что «фюрер имел совершенно искаженное представление о Советской России», слепо верил в то, что после первых недель вооруженной схватки «русские пойдут на капитуляцию вследствие развала строя». Опираясь на известные ему данные, адмирал Канарис, имевший в то время определенное влияние на Гитлера, осторожно попытался обратить внимание фюрера на опасность отрицания высокой жизнеспособности советской системы и недооценки потенциальных возможностей СССР как будущего военного противника. При этом он довел также до сведения Гитлера аналогичное мнение представителей венгерских генштабистских кругов и, очевидно, чтобы придать больший вес своим словам, подчеркнул, что Венгрия, территория которой рассматривалась нацистами в качестве плацдарма для нападения на Советский Союз, используя общую с ним границу, ведет интенсивную разведку противостоящих сил и хорошо информирована о состоянии

³³⁹ Schellenberg W. The Labyrinth. Memoirs. P. 192.

³⁴⁰ Buchheit G. Der Deutsche Geheimdienst. Geschichte der Militärdienste. Abw. S. 80.

³⁴¹ SiheUenberg W. The Labyrinth. Memoire. P. 193.

военного потенциала и живучести экономики СССР. Гитлер — это было еще до ставших впоследствии обычными в таких случаях припадков бешенства, то есть, когда он был еще способен выслушивать советы и даже терпимо относиться к людям, высказывавшим противоположное мнение³⁴², — немедленно и решительно парировал предостережение главы своей военной разведки. Он заявил, что данные Канариса сильно преувеличены, что первый же «решающий удар», который он нанесет крупными силами, неминуемо приведет к краху Советского государства и, как подсказывает его интуиция, вся военная кампания на Востоке займет лишь несколько месяцев.

Среди определенной части ближайшего окружения адмирала Канариса, очевидно не без его старания, было распространено мнение, что проявлением необоснованного оптимизма, непростительным легкомыслием следует считать поведение военных, которые с помощью профессиональной аргументации убеждали Гитлера в мысли, что «русский поход можно завершить за несколько месяцев»³⁴³.

Известно также, что в начале августа 1940 года генерал Эрих Кестринг³⁴⁴, представитель старой милитаристской школы, один из рьяных сторонников нацистской программы захватнических войн, считавшийся «самым осведомленным во всей Германии специалистом по Советскому Союзу», военный атташе немецкого посольства в СССР с 1935 по 1941 год, предостерегал Гитлера от поспешных выводов. Он уверял его в том, что, если даже немецко-фашистским войскам и удастся захватить Москву, это нельзя рассматривать «как ключ к победе» и что взятие советской столицы далеко не решит всех проблем похода против СССР. О возможных тяжелых последствиях военной авантюры, затеваемой против СССР, фашистских правителей предупреждал и германский посол в Москве Шуленбург.

На Нюрнбергском процессе над главными нацистскими военными преступниками Риббентропу был предъявлен документ — меморандум посла Шуленбурга, советника посольства Хильгера и военного атташе Кестринга. В этом меморандуме они предостерегали правительство рейха от недооценки оборонной мощи Советского Союза, о серьезных опасностях, которые неизбежно нависнут над Германией, если она вдруг, не считаясь с колоссальным риском, решится напасть на СССР³⁴⁵. Предостережения эти, конечно, же были не беспочвенны. Продолжительное время находясь в Москве и опираясь в своей работе на помощь слаженно действовавшего аппарата, в составе которого было немало профессионалов-разведчиков, Шуленбург, Хильгер и Кестринг могли получить доказательства растущей обороноспособности и высоких моральных качеств народа, составить представление о боеспособности нашей армии и военно-морского флота, убедиться в возможности их быстрой мобилизации и даже в какой-то степени разгадать планы советского командования, связанные со стратегическим развертыванием сил. Тем

³⁴² Чем больше государственные деятели в разных частях света и собственные военачальники убеждали Гитлера в его исключительности, пишет по этому поводу уже упоминавшийся нами Г. Буххейт, тем нетерпимее становился диктатор к советчикам с собственным мнением.

³⁴³ В беседе с Шелленбергом Канарис, с неодобрением говоря о позиции высшего командования вермахта, сетовал на то, что, как ему стало известно, на его предостережения смотрят со все большим неудовольствием. Он вспомнил свою последнюю беседу с Кейтелем, который в ответ на высказанные Канарисом соображения дал ему решительный отпор: «Мой дорогой Канарис, может быть, в разведке вы что-нибудь и понимаете, но вы всего лишь моряк и не пытайтесь учить нас стратегическому и политическому планированию» // Schellenberg W. The Labyrinth. Memoirs. P. 198.

³⁴⁴ В 1944 году генерал Кестринг займет пост командующего так называемыми «добровольческими соединениями», как стали именоваться к тому времени бывшие «восточные части», для формирования которых была развернута широкая кампания среди советских военнопленных.

³⁴⁵ Считая, что война может обернуться катастрофой для Германии, Шуленбург специально предпринял поездку в Берлин, чтобы изложить свою точку зрения лично Гитлеру. 30 апреля 1941 года посол вернулся в Москву. Своим приближенным он сказал: «Жребий брошен. Война неизбежна».

более что выяснение именно этих вопросов составляло главную цель их пребывания в СССР. Но все такого рода предостережения были отмечены Гитлером как несостоятельные. Сообщения о новых пополнениях советских войск на центральном и северном участках фронта, получаемые по каналам службы СД из Стокгольма, также были проигнорированы.

В своих мемуарах Шелленберг пишет о том, что руководители рейха летом 1942 года пренебрегли информацией, изложенной в представленном им Гитлеру обстоятельном докладе о «действительном оборонном потенциале СССР и силе русской армии», несмотря на то, что доклад, как он утверждал, был «подкреплен до мельчайших деталей соответствующими документами»³⁴⁶. Ознакомившись с докладом, Гитлер вызвал Гимmlера. Подробности состоявшегося между фюрером и рейхсфюрером СС разговора неизвестны. Однако известно, что Гимmlер тотчас же приказал арестовать ответственных сотрудников, причастных к составлению доклада, обвинив их в пораженчестве. Только после того как в дело вмешался статс-секретарь Баке, пользовавшийся у нацистской верхушки авторитетом «крупного специалиста по России», рейхсфюрер предоставил Шелленбергу возможность лично объясниться по этому поводу. Беседа протекала сначала крайне бурно. Гимmlер обрушился с бранью в адрес авторов доклада, назвал специалистов из института Ваннзее «шпиками НКВД», упрекнул Шелленберга в том, что тот поддается влиянию безответственных сотрудников, позволяя увлечь себя пораженческими настроениями.

Разумеется, вряд ли можно считать достоверным все, что сообщает по этому поводу Шелленберг, ведь, описывая события минувших лет, он изо всех сил стремился выставить себя и свою роль в лучшем свете. Конечно же его попытка стать в позу некоего «идейного противника» Гитлера и Гимmlера выглядит беспомощно. Но пример этот сам по себе передает атмосферу, царившую тогда в правящей нацистской верхушке.

ТВОРЦЫ ПОЛИТИКИ И РАЗВЕДКА

Словом, Гитлер вопреки всякой логике упорно и решительно отвергал все сообщения разведки, если они не соответствовали созданной им концепции войны, не укладывались в рамки его схемы, а всякую предостерегающую информацию называл не иначе как «сказки Канариса». Представляемые Гитлеру многочисленные разведывательные донесения о действительном положении вещей не могли заставить его отказаться от навязчивой идеи. Такого положения, отмечают западные исследователи, не было во время первой мировой войны. Тогда немецкая разведывательная служба не приспособилась к тому, «что хотят слышать наверху», а исходила из признания объективного факта превосходства противника в живой силе и вооружении, и к ее мнению прислушивалось верховное командование армии. Гитлер же полностью игнорировал предостережения своей секретной службы. Он выбирал из общего потока разведывательной информации и ее оценок исключительно то, что соответствовало его собственным идеям.

Военно-стратегическая задача, которую ставил Гитлер перед вермахтом, казалась ему простой. Успехи, одержанные немецкими войсками на начальном этапе войны при сравнительно незначительных потерях в живой силе и технике, укрепили в нем иллюзию, что Германия способна одержать «молниеносную» победу над Советским Союзом. Как противника Красную Армию он всерьез не воспринимал, отзывался о ней с пренебрежением. Но это было не презрение могущественного врага к своему противнику, а недооценка его сил и возможностей. В итоге случилось то, что во все времена считалось самым пагубным и непоправимым в делах разведки: ее оценка добываемой информации, имевшей важное значение для принятия решений на государственном уровне, стала все больше утрачивать объективность, беспристрастность и точность.

Боясь вызвать гнев фюрера, который не выносил информации, противоречащей его «предначертаниям» и проводимой им политике, стремясь вовремя сказать «да», постоянно

³⁴⁶ Schellenberg W. The Labyrinth. Memoirs. P. 199.

испытывая соблазн не упустить случая всецело завладеть вниманием фюрера, заслужить его благосклонность и расположение, руководители абвера, СД и прочих служб «тотального шпионажа» в конце концов стали сообщать ему вопреки реальным фактам именно то, что он хотел слышать, что отвечало его представлениям, которые он, уверовавший в собственную исключительность, считал незыблемыми и непререкаемыми. В конце ноября 1941 года до сведения Гитлера было доведено как «абсолютно достоверное» агентурное донесение о речи, якобы произнесенной Маршалом Советского Союза С. К. Тимошенко в Государственном комитете обороны. Немецкий агент сообщал, что маршал находил возможной сдачу Москвы, с чем якобы «Ставка считалась еще с октября», требовал, чтобы контрнаступление советских войск проводилось не под Москвой, а у Ростова. Под Москвой же, по его мнению, советским войскам будто бы следовало выступить через пять-шесть месяцев. В препроводительной записке к этому сочиненному в угоду Гитлеру донесению подчеркивалось, что источник сведений гарантировал «достоверность и беспристрастность своих сведений»³⁴⁷. Словом, от начала до конца чистый вымысел, лишь бы подтвердить предвзятые идеи фюрера.

Американский исследователь Дж. Рэйнлаф, касаясь оценки состояния аналитической работы в секретных службах и политического вмешательства в дела разведки, указывает в качестве классического примера на конфликты, постоянно возникавшие в годы второй мировой войны между «творцами политики» и разведкой фашистской Германии. «Увлеченный своими идеями создания германской империи, — пишет Рэйнлаф, — Гитлер не хотел верить основанным на неопровержимых фактических данных донесениям разведки, которые свидетельствовали о неотвратимом поражении Германии.

Или вот что пишет по этому поводу Х. Фельфе, один из сотрудников нацистской службы безопасности, на которого мы уже ссылались: «Когда поступали тревожные сведения, руководство — Гиммлер, Риббентроп, Гитлер — просто не хотело им верить и не принимало их всерьез. Верило только тому, что вписывалось в его собственную заранее составленную картину. Информация, идущая вразрез с ней, отбрасывалась как фальшивая, как дезинформация врага»³⁴⁸.

Нацистские лидеры напрочь отметили неприятную для них разведывательную информацию. Известно, например, что, согласно установленному порядку, в службе перехвата и дешифровки помечались зеленым карандашом сводки, предназначенные для доклада Гитлеру. Риббентроп же первый, к кому затем попадали эти сводки, — знакомил с ними фюрера выборочно и старался по возможности не показывать то, что могло вызвать негативную реакцию. Но и доходившая до Гитлера «неприятная информация» не получала с его стороны должной оценки и не принималась во внимание. Нередко бывало так, что поперек страницы сводки перехвата, содержащей, к примеру, важные сведения о положении дел в сельском хозяйстве СССР, Гитлер мог начертать резолюцию: «Такого быть не может»³⁴⁹. И это рассматривалось всеми уже как установка.

Или такой факт, о котором сообщает известный американский исследователь Д. Кан в своем фундаментальном труде «Шпионы Гитлера». Сообщения и доклады службы экономической разведки обычно вызывали доброжелательное отношение при обсуждении их на рабочем оперативном уровне. Но это не было характерно для Гитлера. Когда содержание сообщений и докладов соответствовало духу его идей, он воспринимал их и даже преподносил потом в несколько раздутом виде. Но если они противоречили его взглядам, он отвергал их. Через несколько дней после того как генерал Томас предупредил Гитлера, что захват немецкими войсками основных промышленных районов европейской части СССР, возможно, не приведет к краху советской военной экономики, фюрер хвастливо заявлял, что

³⁴⁷ Безыменский Л. А. Укрощение «Тайфуна». С. 129.

³⁴⁸ Фельфе Х. Мемуары разведчика. С. 75.

³⁴⁹ Kahn D. Hitler's Spies. German Military Intelligence in World War II. P. 187.

«Россия утратила 75 процентов мощностей алюминиевого производства и 90 процентов нефтедобычи и окончательно теряет свою мощь». В последующих сообщениях и докладах службы экономической разведки количество неприятной для фюрера информации возросло настолько, что Кейтель отказывался доводить их до его сведения. Он возвратил один доклад с информацией о поставках Советскому Союзу по ленд-лизу с резолюцией: «Фюрер... не поверит... этим сведениям»³⁵⁰. В конце концов он приказал службе экономической разведки прекратить направление Гитлеру ее докладов.

Безапелляционным суждениям Гитлера, основанным на его интуиции, поддались и многие другие высшие представители немецкого генералитета, занятые воплощением агрессивных замыслов правящей верхушки. Исследовавший историю абвера с момента его возникновения немецкий военный писатель доктор Г. Буххейт, отмечая, что дублирование и соперничество секретных служб были причиной многих ошибочных решений³⁵¹, подчеркивал, что «тем не менее при оценке поступающей разведывательной информации они подлаживались к взглядам фюрера или даже выдавали его за свои» и тем самым лишали себя возможности реально влиять на происходящие события. Документы, которые мы теперь знаем, вполне это подтверждают.

Например, командующий группой армий «Центр» на советско-германском фронте «мастер блицкрига» генерал-фельдмаршал фон Ф. Бок перед началом битвы под Москвой располагал определенной суммой сведений, сообщенных ему разведкой, которые при беспристрастном подходе к их оценке могли послужить основанием для предположения, что советское командование подтягивает к Москве свежие силы. Однако такой вывод не был сделан. Предостережение посчитали преувеличенным, не заслуживающим внимания, даже несмотря на то, что сосредоточение и подход частей в различные районы перед фронтом генерал-полковника Гудериана, командовавшего 2-й танковой армией, фиксировала и собственная авиаразведка фон Бока, о чем можно было судить по ее докладам за конец ноября — начало декабря 1941 года³⁵². Произошло все это по причине того, что разведывательная информация не совпадала с общей установкой, исходившей от верховного командования вермахта, которое не допускало и мысли, что советское командование в состоянии формировать новые соединения; во всяком случае, так считал фюрер, и фон Бок предпочитал этому мнению любые иные соображения. Как и многие другие приспешники нацистского главаря, не решавшиеся возразить Гитлеру, сказать ему правду, поскольку всякий раз это вызывало у него приступ ярости, фон Бок оставил без внимания предупреждения разведки и продолжал придерживаться точки зрения, навязанной ему ставкой, будто речь может идти всего лишь о «переброске частей с более спокойных участков... для контратаки и подкрепления фронта». Даже 4 декабря, когда сосредоточение советских войск было в основном завершено, командование группы армий «Центр», продолжая подстраиваться к полученной установке, в успокоительных тонах сообщало в Берлин свою оценку положения: «В остальном боевые силы (противника. — Ф. С.) следует считать недостаточными для того, чтобы они могли перейти в крупное контрнаступление»³⁵³.

³⁵⁰ Ibid., P. 379.

³⁵¹ Развитие этого соперничества, считает американский исследователь М. Хандел, привело к быстрой деградации германской разведки, способствовало установлению отношений недоверия между различными ее органами. И неудивительно, что оппозиция Гитлеру возникла прежде всего в абвере, в военной разведке, высокопоставленные офицеры которого раньше всех увидели всю опасность нерационального стиля принятия решений Гитлером. Эта оппозиция, вероятно еще более ослабила желание Гитлера получать консультации со стороны органов разведки.

³⁵² Безыменский Л. А. Укрощение «Тайфуна». С. 196.

³⁵³ КТВ. Heeresgruppe Mitte. 1941. 4. XII.

Или, например, В. Шелленберг, по его собственному признанию, не решился довести до сведения Гитлера информацию, полученную от надежного и хорошо осведомленного источника о том, что Япония скептически оценивает перспективы военных операций немцев на Востоке, поскольку эта информация была явно неприемлема для фюрера и могла вызвать его неудовольствие. В этом обстоятельном агентурном донесении, основанном на точных сведениях о военном потенциале СССР, которыми якобы располагала японская разведка, содержалось предупреждение, что использование сибирских частей и других свежих пополнений на центральном участке германо-советского фронта вполне достаточно, чтобы не только остановить немецкое продвижение, но и серьезно потеснить гитлеровские войска. В нем обращалось внимание на то, что советские воинские части реорганизованы, все сильнее и шире разворачивается партизанская война, которая будет способна не только сковать значительную часть сил безопасности, но и постоянно нести угрозу растянутым коммуникациям немецких войск. Высказывалось предположение, что до зимы 1942/43 года следует, очевидно, ожидать завершения эвакуации советских оборонных предприятий и увеличения объема военного производства. В японских компетентных кругах считают, подчеркивалось в заключение донесения, что Германия выдохлась и вряд ли в состоянии нанести решающие удары до того момента, пока на Западе не будет приведена в действие военная машина англичан и американцев.

Словом, ни о каком противостоянии или выражении своего мнения, не совпадающего с уже сформировавшимся мнением фюрера, иногда даже по пустякам, не было и речи.

Неудивительно, что при такой общей ориентации верхушке фашистской Германии, окружившей себя услужливой кучкой льстецов, в том числе и в органах разведки, не дано было объективно оценить реальное соотношение сил, разглядеть и понять истоки прочности общественного и государственного строя, неодолимую силу патриотизма советских людей, как один поднявшихся на защиту своей Родины, растущую боевую мощь Советских Вооруженных Сил. Таким образом, главная загадка осталась неразгаданной. Выводы эти убедительны и неоспоримы.

«ШЕЛЛЕНБЕРГ СПЯТИЛ»

Но дело не только в обнаружившихся в ходе войны глубоких заблуждениях нацистов относительно военного, экономического и морально-политического потенциала нашей страны, обернувшихся провалом планов «великого германского рейха», что прежде всего ставится в вину абверу и СД. Заметим попутно, что просчеты гитлеровской разведки, игнорирование правящей верхушкой ее неоднократных предупреждений существенно сказались и на многих других сторонах внешнеполитической деятельности третьего рейха. Сошлемся на некоторые факты. Например, в годы второй мировой войны нацистам много забот доставляла недостаточно налаженная разведывательная работа в Соединенных Штатах Америки, которые стремились держаться в стороне от европейских дел. После вступления США в войну нацисты стали ощущать это настолько сильно, что данный период не без основания считается одним из самых мрачных в истории немецкой разведки³⁵⁴.

В начале 1942 года, когда, согласно директиве Гитлера, разведывательная деятельность против США должна была разворачиваться с нарастающей силой, перед абвером и СД встала задача установить, какими возможностями располагает Америка для ведения войны. Подгоняемые и подхлестываемые Гитлером, они должны были прежде всего срочно внести ясность в вопрос о военном и военно-промышленном потенциале США, который был известен нацистам лишь в самых общих чертах, а главное, без учета его полного

³⁵⁴ Дело в том, что, после того как американская контрразведка ФБР раскрыла на территории США важнейшие каналы нелегальной связи абвера и СД, там почти не осталось ненарушенных контактов. Многие ранее действовавшие агентурные радиоточки не выходили в эфир. Немалое количество завербованных или засланных в свое время агентов ожидало восстановления связи; после длительной паузы они либо «скисали», либо проявляли мало интереса к новым заданиям, либо вовсе отказывались их выполнять.

развертывания. Естественно, этого было явно недостаточно, чтобы накопленные сведения могли послужить основой практических действий, особенно связанных с подготовкой и осуществлением диверсионных актов в американской оборонной промышленности.

Работу по выявлению слабых, уязвимых сторон военно-экономического потенциала будущего противника, накоплению исходных данных для проведения разрушительных операций поручено было возглавить самому шефу внешнеполитической разведки Шелленбергу. Начался интенсивный сбор конкретного материала, и прежде всего о производственных возможностях американской оборонной промышленности. Этим занялись вплотную все зарубежные пункты СД, в первую очередь расположенные в Испании и Швеции, опираясь на вполне надежные и хорошо осведомленные источники. Был подключен к этому делу и широкий круг научных и правительственных учреждений и, прежде всего, отраслевые подразделения министерства иностранных дел. Для обработки и оценки поступивших материалов привлекли лучших специалистов страны. На первом этапе в центре внимания оказались две проблемы: состояние американских военно-воздушных сил и реальный тоннаж судов США. В результате анализа стало очевидным, что со вступлением Соединенных Штатов в войну Великобритания сможет в полном объеме использовать их военный потенциал и в порядке подготовки к вторжению на континент в результате десантной операции развернет мощное воздушное наступление на Германию. Обосновав это общее заключение, авторы доклада для наглядности привели в нем сравнительные данные о возможностях германской сталелитейной промышленности. Выходило, что с учетом всех используемых Германией ресурсов, имеющихся в Европе, этот показатель может составить максимум 62 миллиона тонн, не более. Что же касается объема производства истребителей и бомбардировщиков на 1943 год в самой Германии, то он был на 25 процентов ниже, чем, согласно подсчетам авторов доклада, должны были произвести американцы.

Через три месяца Шелленберг представил готовый доклад с приложением многих статистических таблиц и схем Гейдриху. Тот, дойдя до цифр, характеризующих, в соответствии с прогнозами авторов доклада, уровень производства стали в США (от 85 до 90 миллионов тонн, что почти в полтора раза превышало возможности Германии), изменился даже в лице — так поразили его эти цифры, — но тем не менее решился ознакомить с докладом рейхсфюрера СС Гимmlера, а затем и рейхсмаршала Геринга. Последний вскоре после этого вызвал Гейдриха и Шелленберга к себе на беседу, закончившуюся неожиданно быстро. Геринг пренебрежительно взглянул на Шелленберга, отдал ему доклад и сказал: «Все, что вы там написали — чепуха. Вам бы лучше проверить свои нервы». Гейдрих, еще некоторое время остававшийся у Геринга, пытался, как он рассказывал потом, вступить за Шелленберга, но безуспешно. На первой странице доклада рейхсмаршал начертил своим крупным почерком: «Шелленберг спятил».

Геринг, как потом выяснилось, обсуждал доклад и с Гитлером, который пришел сначала в сильное раздражение, но потом, видимо под влиянием рейхсмаршала, стал относиться к содержащимся в нем прогнозам насмешливо. Все же что-то фюрера насторожило, он даже назвал такую форму информации, исходившей от разведки, «общественно опасной» и распорядился ни в коем случае не знакомить с этим документом другие учреждения, а копию, остававшуюся в СД, изъять³⁵⁵. Сопоставляя многие факты, западные исследователи приходят к заключению, что «гитлеровская разведка потеряла веру в себя, поскольку к ее выводам никто не прислушивался»³⁵⁶.

³⁵⁵ В Нюрнбергской тюрьме в 1946 году где камера Шелленберга находилась напротив камеры Геринга, благодаря чему Шелленберг имел возможность при случае обменяться с ним несколькими словами, Геринг сказал как-то: «Тогда вы были вполне нормальным?».

³⁵⁶ Маклахлан Д. Тайны английской разведки (1939 —1945). М., 1971. С. 334. Развивая эту мысль, профессор Кент, возглавлявший в годы второй мировой войны отдел анализа и оценки информации в Управлении стратегических служб США, пишет: «Когда разведчики сознают, что бесполезно давать сведения, которые не соответствуют заранее сформулированным выводам начальства, их работа утрачивает смысл».

Восстанавливая нити давних фактов, можно привести еще один такой поразительный пример, сегодня уже подтвержденный в некоторых документальных источниках, мемуарах, исследованиях. Речь идет о прогнозах Гитлера относительно сроков возможного вступления в войну Соединенных Штатов³⁵⁷. В этих своих прогнозах Гитлер целиком и полностью полагался на данные военного атташе при немецком посольстве в Вашингтоне генерала фон Бегтихера. Но тот хотя с легкой руки фюрера и слыл человеком, который лучше, чем кто-либо другой, «ощущал живое развитие событий», в действительности, подстраиваясь под его настроение, не только искаженно толковал общую ситуацию в США (и в политическом и в военном отношениях), но и регулярно и настойчиво снабжал Гитлера своими поверхностными оценками производственных мощностей Америки, тем самым дезориентируя политическое и военное руководство. И поскольку сообщения Бегтихера вполне совпадали с собственной концепцией Гитлера, последний придавал им огромное значение. Осторожные косвенные и откровенные попытки Канариса убедить фюрера не принимать на веру односторонние оценки Бегтихера успеха не имели.

ПРОВАЛ РАСЧЕТОВ НА РАСПАД АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ

Серьезный просчет, по мнению немецких стратегов, был связан с оценкой возможности оформления антигитлеровской коалиции — уникального политического достижения второй мировой войны. Ни в Берлине, ни в ставке фюрера весть об этом не была воспринята всерьез, рассматривалась как чисто пропагандистская акция. Считалось, что в силу извечно существующих неустрашимых органических противоречий исключено какое-либо единение западных стран с СССР против Германии, что союз не может быть внутренне стабильным. Наоборот, рано или поздно рейх будет поддержан Западом в его «борьбе с большевизмом». Да и о какой, собственно, коалиции, рассуждала нацистская верхушка, может идти речь, если Советский Союз будет разбит в какие-то считанные недели, если Другой член провозглашенной коалиции — Англия обречена, а Соединенные Штаты Америки вряд ли захотят вмешиваться в европейские дела, ибо их накрепко свяжет Япония? Зная о неверии Гитлера в возможность создания долговременной и прочной антифашистской коалиции капиталистических государств с Советским Союзом, и абвер, и СД, и прочие секретные службы Германии не рисковали высказывать не совпадающие с точкой зрения фюрера мнения. Более того, в угоду Гитлеру они намеренно в своих сообщениях сгущали краски, желая представить эту коалицию как образование искусственное, мнимое, расплывчатое, а потому в лучшем случае временное, которое под воздействием внутренних противоречий «рано или поздно неминуемо распадется». Такая вытекавшая из установки Гитлера трактовка вопроса воспринималась секретными службами как «социальный заказ» со всеми вытекающими из этого последствиями. И чтобы иметь возможность постоянно питать фюрера соответствующей информацией для подкрепления его иллюзорной идеи о неизбежности раскола антигитлеровской коалиции в самое ближайшее время, абвер и СД сосредоточили все внимание на фиксировании конкретных разногласий и расхождений между союзниками, гипертрофически преувеличивая при этом их значение в смысле подрыва единства коалиции.

И надо сказать, что обострение на отдельных этапах войны антисоветских тенденций в курсах Англии и США было на руку нацистам, оно способствовало укреплению их во мнении, что при каком-то благоприятном стечении политических обстоятельств в будущем еще удастся поправить дела и даже извлечь крупный стратегический выигрыш. Они предпринимали шаги для того, чтобы всемерно использовать антисоветские элементы в политике США и Англии, чтобы играть на противоречиях между отдельными группами

³⁵⁷ Гитлер считал, что нет оснований ожидать вторжения США на Европейский материк раньше чем через полтора года. Это время казалось ему достаточным для нападения на Советский Союз, не подвергаясь опасностям войны на два фронта.

американского и английского капитала, попытаться найти компромисс с Западом.

Ситуацию, сложившуюся в результате оттягивания западными державами открытия второго фронта, Шелленберг, наделенный рейхсфюрером СС Гиммлером тайными полномочиями, счел подходящей для того, чтобы перейти к более активным действиям. Глава нацистской внешнеполитической разведки начал зондаж возможности заключения компромиссного мира с США и Англией, рассчитывая таким образом оградить фашистскую Германию от самого худшего: было очевидным, что ее военная система не была в состоянии выдержать войну на два фронта. Попытки такого рода особенно усилились на заключительном этапе войны, когда Гиммлер, Кальтенбруннер, Шелленберг, Вольф и другие деятели СС, СД и абвера, опираясь на установленные ими связи с отдельными англо-американскими представителями реакционных кругов, политический курс которых не отражал подлинных настроений общественности и правительств США и Англии, решили добиваться хотя бы более выгодных условий мира взамен на предложение продолжить борьбу на Востоке. Нацистские главари, как мы знаем, не оставляли этих попыток до самого последнего момента, будучи уверены, что им удастся, играя на своекорыстных политических расчетах западных союзников, убедить их пренебречь принципом безоговорочной капитуляции и пойти на сговор с ними ради получения возможности использовать сохранившийся военный потенциал Германии против Советского Союза. Однако надежды секретных служб, что им удастся противопоставить друг другу участников коалиции, вызвать ссору между ними и добиться развала коалиции еще в ходе войны, также провалились. Они безусловно просчитались и здесь. Нацизм оказался банкротом в понимании того обстоятельства, что главной целью всех участников коалиции оставался разгром германского фашизма, хотя социально-политический смысл будущей победы и ее последствий рассматривался Советским Союзом и западными державами по-разному.

Объединяющие тенденции внутри антигитлеровской коалиции стран, сплотившихся перед общей смертельной опасностью, скрепленные общим интересом — разбить фашистскую Германию, а затем Японию, были на том этапе войны сильнее разъединяющих тенденций. Несмотря на имевшие место нарушения Англией и США своих союзнических обязательств, попытки ведения сепаратных переговоров реакционных кругов с нацистской верхушкой, антигитлеровская коалиция выдержала все испытания, проложила путь к победе, стала наглядным примером плодотворного сотрудничества государств с различным общественным строем, имеющим огромное значение и в наши дни.